

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

2(80)'2020

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2020. – Вып. 2 (80). – 162 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2020. – Issue 2 (80). –
162 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(80)'2020

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

2(80)'2020

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

- Э. В. Будаев* Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
- М. Б. Ворошилова* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

- В. Н. Базылев* Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
- Ю. В. Богоявленская* Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
- Р. Гусман Тирадо* Университет Гранады, Гранада, Испания
- Е. В. Дзюба* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- С. В. Иванова* Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
- В. И. Карасик* Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
- Н. Н. Кошкарлова* Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
- Е. А. Нахимова* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- Н. Б. Руженцева* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- О. А. Солопова* Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
- Д. Вайс* Университет Цюриха, Швейцария
- А. де Лазари* Лодзинский университет, Польша
- И. Иньиго-Мора* Севильский университет, Испания
- Б. Ю. Норман* Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
- П. Серйо* Лозаннский университет, Швейцария
- Й. Сипко* Прешовский университет, Словакия
- П. Стейнер* Пенсильванский университет, США
- У Айхуа* Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Л. Цонева* Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
- Дж. Шарафутдинов* Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Ян Кэ* Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia
M. B. Voroshilova Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
R. Guzman Tirado University of Granada, Spain
E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia
V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
D. Weiss University of Zurich, Switzerland
A. de Lazari University of Łódź, Poland
I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain
B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
P. Seriot University of Lausanne, Switzerland
J. Sipko University of Prešov, Slovakia
P. Steiner University of Pennsylvania, USA
Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China
L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
G. Sharafutdinov Guangdong University of Foreign Studies, China
Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гаврилова М. В.	Экспликация концепта «государство» в торжественной политической речи.....	10
Карасик В. И.	Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции	25
Карлухина Т. П.	Прецедент и его роль в медиарепрезентации личности президента США Д. Трампа (на материале статей об импичменте).....	35

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алифанова О. Г.	Дискурс модельной личности Принцессы Уэльской в современном политическом контексте Великобритании	44
Амиров В. М. Смирнов И. В.	Особенности аргументации в публикациях деловых изданий (на примере материалов газеты «Коммерсант»)	51
Знак Ю. Э.	Актуализация концепта «война» в идиостиле У. Черчилля (на материале речей 1940 и 1949 гг.).....	57
Корниенко К. Б.	Лексические маркеры эпохи в личных делах 30—40-х гг. XX в.....	66
Кошкарлова Н. Н. Бойко Е. С.	Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации.....	77
Михневич О. И.	Диахронический анализ метафорического образа президента Грузии Э. Шеварднадзе.....	83
Мухаметдинова Т. Ю.	Лексика с диффузной семантикой в политических текстах немецких СМИ.....	95
Попова Т. Г. Кокорина К. А.	Вербально-речевой уровень языковой личности (на материале выступлений Д. Трампа)	105
Семенова Е. М. Налётова Н. И.	Политическая ценность архетипической метафоры (на примере анализа современного американского медиадискурса).....	111

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Асташова О. И.	Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа	120
Гридина Т. А. Талашманов С. С.	Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия	134
Лашко Ю. В. Король Е. В.	Когнитивный анализ личности хоккейного арбитра в лингвистическом аспекте (на примерах русского и английского языков)	144

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Абрамкина Е. Е.	Автороведческая экспертиза документных текстов: моделирование жанра как основа выделения идентификационных признаков	151
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	159	

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	8
--	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Gavrilova M. V.	Explication of the Concept of “STATE” in Ceremonial Political Speeches.....	10
Karasik V. I.	Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions	25
Karpukhina T. P.	Precedent and its Role in Media Representation of the US President Personality (based on the articles about D. Trump impeachment).....	35

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Alifanova O. G.	Discourse of Princess of Wales as a Role Model in the Modern British Political Context.....	44
Amirov V. M. Smirnov I. V.	Argumentation in Business Publications (based on the materials published in the “Kommersant”)	51
Znak Yu. E.	Actualization of the “War” Concept in W. Churchill’s Idiostyle (based on his 1940 and 1949 speeches)	57
Kornienko K. B.	Lexical Markers of the Epoch in Personnel Files of the 1930s-1940s	66
Koshkarova N. N. Boiko E. S.	Fake, I Know You: Linguistic Tools to Distinguish Mendacious Information	77
Mikhnevich O. I.	Diachronic Analysis of the Metaphorical Image of the President of Georgia E. Shevardnadze	83
Mukhametdinova T. Yu.	Lexical Units with Diffuse Semantics in Political Texts of German Media	95
Popova T. G. Kokorina K. A.	The Verbal Communication Level of a Linguistic Personality (Based on Public Speeches of D. Trump)	105
Semenova E. M. Naletova N. I.	Political Value of Archetypical Metaphor (in the Context of Modern US Media Discourse Analysis).....	111

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Astashova O. I.	Constructing Regional Identity in the Media Discourse: Experience of a Comparative Analysis	120
Gridina T. A. Talashmanov S. S.	The Metalinguistic Meme: Linguoocreative Mechanisms of Generation and Perception.....	134
Lashko Yu. V. Korol' E. V.	Cognitive Analysis of the Personality of an Ice Hockey Referee: A Linguistic Study (by the materials of Russian and English languages)	144

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Abramkina E. E.	Authorship Examination of Official Texts: Genre Modeling as a Basis for Determination of Identifying Features.....	151
Manuscripts Requirements.....		159

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зару-

бежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, выбранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42
ББК Ш1141.12-55+Ш141.12-51
DOI 10.26170/pl20-02-01

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

М. В. Гаврилова

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0001-9100-7694

 E-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

Экспликация концепта «государство» в торжественной политической речи

АННОТАЦИЯ. Государство как основной элемент политической системы является предметом детального изучения в гуманитарных и социальных науках. Актуальность лингвокогнитивного изучения процессов дискурсивного конструирования концепта «государство» обусловлена его значимостью в концептуальной системе русского политического дискурса, а также его социальной ценностью.

Цель нашего исследования — выявление лингвистических способов экспликации концепта «государство» и изучение динамических тенденций его репрезентации в торжественной политической речи. В качестве материала исследования используются инаугурационные речи российских президентов.

Анализ лексикографических данных XX — начала XXI в. позволил выявить устойчивые компоненты значения слова, вербализующего концепт в русском языке: 1) государство — это политическая форма организации общества; 2) государство выполняет охранительную функцию. Мы определили, что концепт разворачивается при помощи восьми тематических категорий, описывающих государство: цель государственной деятельности, состояние государства в настоящее время, качества, присущие государству, источник развития государства, взаимоотношения государства и общества, фундамент государства, задачи в области государственного управления, деятельность государственного аппарата.

В ходе изучения особенностей экспликации концепта «государство» в инаугурационных речах российских президентов мы установили его прототипическую структуру: 1) граждане образуют государство, которым руководит его глава; 2) президент обязан защищать и беречь государство; 3) Россия — демократическое государство. Концепт «государство» является динамическим образованием, которое постоянно преобразуется в соответствии с политическими задачами нового президента и/или нового срока исполнения должностных обязанностей и потребностями общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство; концепты; политическая лингвистика; политический дискурс; инаугурационные речи; русский язык; политическая риторика; политические речи; российские президенты; языковая личность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; 191119, Россия, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13, к. 1505; e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаврилова, М. В. Экспликация концепта «государство» в торжественной политической речи / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 10-24. — DOI 10.26170/pl20-02-01.

Государство как основной элемент политической системы является предметом пристального изучения в гуманитарных и социальных науках. Прояснением политического понятия «государство», осмыслением сущности, происхождения и предназначения государства занимались философы начиная с античных времен. Достаточно вспомнить «Политику» Аристотеля, теорию совершенного государства Платона, теорию общественного договора Ж. Ж. Русо, «Левиафана» Т. Гоббса, учение о государстве И. Канта, «Философию права» Г. В. Ф. Гегеля, работу «Государство и революция» В. И. Ленина и др. В настоящее время интерес историков, философов, политологов к изучению концепта «государство» обусловлен историей развития российской

государственности в постсоветский период, особенностями строительства нового государства, а также поиском идеологических оснований единства современного общества. Филологи исследуют, как происходит дискурсивное конструирование представлений о государстве в разных типах дискурса на материале различных языков [Алесенкова 2019; Евтушенко 2011; Зеленяева 2013; Русское слово в русском мире — 2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян 2006; Соловьева 2010 и др.].

Актуальность лингвокогнитивного изучения процессов (пере)осмысления концепта «государство» обусловлена его значимостью в концептуальной системе русского политического дискурса, а также его социальной цен-

ностью. По верному наблюдению М. В. Ильина, «придавая понятиям большую рациональность и отчетливость, мы делаем столь же рациональной и полезной для нас формируемую концептами реальность» [Ильин 1997: 202].

Цель нашего исследования — выявление лингвистических способов экспликации концепта «государство» и изучение динамических тенденций его репрезентации в торжественной политической речи.

Процедура лингвокогнитивного анализа концепта «государство» состоит из трех этапов. Первый этап включает рассмотрение этимологического значения слова, репрезентирующего концепт; описание семантического развития слова по данным толковых словарей русского языка и обнаружение особенностей употребления слова *государство* в русском политическом дискурсе. Далее мы выявляем и анализируем лингвистические способы экспликации концепта в инаугурационных речах российских президентов. В частности, определяем, с помощью каких лексических единиц вербализуется концепт; выясняем, какие слова избраны в качестве атрибутов слова *государство*, каковы особенности метафорического осмысления концепта; рассматриваем синтаксические функции, в которых выступает слово. На третьем этапе мы сравниваем особенности экспликации концепта в выступлениях российских президентов и реконструируем систему политических представлений президентов о государстве.

В качестве материала исследования используются инаугурационные речи российских президентов, поскольку, во-первых, инаугурация — это коммуникативное событие, отражающее определенные социальные взаимоотношения и коллективные ценности; во-вторых, торжественная политическая речь, произносимая на церемонии вступления в должность президента России, представляет собой идеологический текст, предлагающий обществу идеальный проект дела и формирующий общественные представления о стране, народе, власти и государстве.

Отметим, что данная статья является продолжением предпринятого нами в 2007 г. лингвокогнитивного анализа способов репрезентации концепта «государство» в русском политическом дискурсе XX—XXI вв. [Гаврилова 2007]. Данное исследование проведено на ином текстовом материале с применением дополнительных лингвистических методик изучения политического текста.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Начнем лингвокогнитивный анализ кон-

цепта «государство» с описания этимологического значения слова. Как считает А. В. Семёнов, слово *государство*, происходящее от древнерусского слова *государьство* и имеющее значение ‘акт правления’, было известно в русском языке с XV в., однако получило широкое распространение в разговорной речи только в XVII в. В письменных источниках слово *государство* впервые встречается в «Уложении» 1649 г.

Происхождение его аналогично происхождению слова *господинь* от существительного *господь*, восходящего к общеславянскому корню *gospodarь* и сложению индоевропейских основ *gost* (гость) и *potis* (могущий).

Существуют предположения, что слово *государство*, так же как и слово *государь*, образовано от основы *суд-*, тогда *государь* — верховный судья, а государство — полновластный способ управления, обладающий правом суда [Семёнов 2003].

Существует иная точка зрения, уточняющая этимологическое значение слова. В русском языке слово *государство* связывается с семой ‘обладание’. Государство, являясь концептом русской ментальности, восходит к значению ‘хозяйство под государем’: «*государство* по первоначальному смыслу слова — не область, а сама эта власть, власть государя над всем, что попадает в орбиту его державства <...> государь как хозяин всего, что лично ему принадлежит, все шире распространяет свое господство на разные земли, и смысл накоплений московского княжеского дома заключался как раз в подобном собирании разных земель и волостей в том самом простом, хозяйственном, чисто практическом значении слова *государство*, которое оно имело до конца XVI в.» [Колесов 2000: 284]. Примечательно, что в западноевропейских языках слово *государство* восходит к правовому понятию «статус», означавшему состояние и упорядоченность.

Таким образом, при различных толкованиях этимологического значения исследователи сходятся во мнении, что слово *государство* древнерусского происхождения и восходит к слову *государь*.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА ГОСУДАРСТВО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В XX И XXI ВВ.

Важно учитывать, что на протяжении XX и XXI вв. в России функционировало несколько различных форм политической организации общества. Под влиянием социально-политических переустройств меняется толкование слова *государство*, что нашло отражение в словарных дефинициях, пред-

ставленных в исторической последовательности следующим образом. В конце XIX в. слово означало 'царство, империя, королевство, земля, страна под управлением государя' [Даль 1994: 955].

В первые революционные десятилетия XX в. государство понималось как 'организация классового господства, имеющая своим назначением охрану экономических и политических интересов господствующего класса и подавление враждебных классов' [Толковый словарь русского языка 1996: 610]. В неосновном значении слово означало 'страна, управляемая своим самостоятельным правительством'. Особо значимыми для революционного дискурса являлись такие признаки государства, как классовый характер, господство и насилие. Показателен иллюстративный материал словарной статьи: «Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-нибудь класса» (В. И. Ленин).

В советский период толкование слова как политической организации общества отражало классовый состав общества и содержало идеологические компоненты значения, поскольку признавалось главенство правительства и его органов, с помощью которого господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка, руководит основными сферами общественной жизни и подавляет классовые противоречия, а также страна с такой политической организацией [Словарь русского языка 1981: 339].

В начале 2000-х гг. слово *государство* является многозначным и означает 1. 'политическая форма организации общества, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры'; 2. 'страна с определенной формой политической организации' [Современный толковый словарь русского языка 2004: 138].

Добавим, что словари фиксируют актуализацию в языковом сознании слов *государство*, *госсектор* (как противоположность частному), *государственный*, *государственность* и вместе с тем уход в пассивный лексический запас таких слов, как *госпредприятие*, *госприёмка*, *Госснаб*, *госторговля*, *госцена*, возвращается в актив *государственник* в значении 'сторонник сильной государственной власти, сохранения единого государства' [Толковый словарь русского языка конца XX века 2000: 178–179].

Все эти наблюдения позволяют сделать вывод, что в русском языке XX и XXI вв. слово *государство* является многозначным. Как правило, толковые словари фиксируют два

значения слова, при этом и основное, и неосновное значение слова отражает идеологические установки правящего класса/правящей элиты, например, в неосновном значении обнаруживается семантический сдвиг от актуализации семы 'суверенность' (страна, управляемая своим самостоятельным правительством) к деактуализации идеологических наслоений 'страна с определенной формой политической организации'.

Лексикографические данные XX — начала XXI в. позволяют выявить устойчивые компоненты значения слова, вербализующего концепт в русском языке: 1) государство — это политическая форма организации общества; 2) государство выполняет охранительную функцию.

Рассмотрев толкование слова в различных типах словарей, мы пришли к выводу, что в семантической структуре *государства* выделяются следующие переменные: 1) государственный аппарат, 2) властные отношения между государством и обществом, 3) действия государства по реализации своих функций, 4) право, закрепляющее определенную систему норм, санкционированных государством, 5) определенная территория, на которую распространяется юрисдикция данного государства [Советский энциклопедический словарь 1983: 329].

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА ГОСУДАРСТВО В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Государство употреблялось в советском политическом дискурсе в следующих значениях, зафиксированных в «Толковом словаре языка Совдепии»: «1. Политическая форма организации общества. 2. Система органов управления, правительство страны. 3. Страна» [Мокиенко, Никитина 1998: 133–134]. Слово указывало на идеологическую борьбу между социалистическими и капиталистическими странами и в сочетаниях с определениями *социалистическое общенародное* эксплицировало противостояние *буржуазному* государству. Наше государство как *государство трудящихся* использовалось в контекстах, формирующих положительную коннотацию слова.

Добавим, что слово участвовало в агитационной деятельности, направленной на граждан внутри страны. Так, Эр. Хан-Пира, рассмотрев соотношение лексических значений слов *государство* и *страна*, *родина*, *отечество*, *отчизна* в толковых словарях русского языка, изданных в советский период, пришел к выводу о сознательном употреблении слов *государство* и *родина* в качестве абсолютных синонимов в советском политическом дискурсе, используемом как

средство идеологического воздействия на граждан страны [Хан-Пира 2004].

Отметим, что на протяжении XX в. словарная статья, отражающая особенности языкового сознания в определенный исторический период, закрепляла в основном значении слова *государство* семантические признаки, востребованные в политической деятельности: 'борьба за власть и ее удержание'. В качестве примера рассмотрим сему 'охрана', закрепляющую в общественном сознании то, что, с точки зрения правящей политической элиты, следует беречь и защищать: охрана экономических и политических интересов господствующего класса (20—30-е гг. XX в.) — охрана существующего порядка (80-е г. XX в.) — охрана экономической и социальной структуры (2000-е г.). Приведем еще один пример. В XXI в. из толкования слова *государство* исчезает сема 'подавление', связанная с классовым делением общества в марксистской идеологии. Ср.: *подавление враждебных классов* (20—30-е гг. XX в.) — *подавление классовых противоречий* (80-е г. XX в.).

Обратимся к рассмотрению метафоры как способу представления знаний о мире, в частности отражающему процесс постижения государственного устройства страны в различные исторические периоды.

Преимущественно в советском политическом дискурсе слово осмыслялось при помощи метафорической модели «государство — механизм / инструмент». Можно предположить, что частотность данной модели может быть связана с классовой теорией происхождения государства (К. Маркс, В. И. Ленин), в которой государство трактовалось метафорически как орудие политической власти в руках господствующих классов. Отметим, что понимание государства посредством механистической метафоры способствовало внедрению в общественное сознание представления о том, что действия в отношении государства могут быть направлены только на улучшение его функционирования, но не на изменение его устройства.

Расширение тематики и увеличение частотности употребления метафорических моделей, описывающих государство, наблюдается в политическом дискурсе перестройки. В период коренных изменений в политической и социально-экономической жизни страны государство уподоблялось строению / зданию; машине / механизму; организму; лицу (выкидыш, ночной сторож, тренер); сверхъестественному существу (монстр, дракон, цербер), животному (медведь, шакал) и др. [Баранов, Караулов 1994:

102]. Обращает на себя внимание использование метафор агрессивного содержания, что, вероятно, связано с отрицательной оценкой деятельности советского государства.

В начале XXI в. сопоставление механизмов метафорической репрезентации концепта «государство» в русско-, англо- и франкоязычных медиа, которые являются основным каналом распространения политической информации, показало, что государство осмысляется при помощи метафоры персонализации, деятельности человека, артефакта, природного явления и ориентационных метафор. При этом в современных публицистических текстах на русском языке частотны метафорические модели «государство — это механизм» и «государство — это строение», а также используется национально-специфическая модель «государство — это изделие из ткани» [Зеленяева 2013]. Заметим, что данные три модели предполагают различную степень активности субъекта по отношению к политической реальности, а также различные концептуальные векторы осмысления государства, что может свидетельствовать о продолжающемся образом постижении политического понятия.

Наши наблюдения показали, что существительное *государство* как ключевое слово русского политического дискурса на протяжении XX в. сочеталось с определениями, фиксировавшими идеологические установки правящей элиты: государство диктатуры пролетариата — социалистическое общенародное государство — правовое государство — современное / эффективное государство.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ГОСУДАРСТВО» В ИНАУГАЦИОННЫХ РЕЧАХ РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

Государство наряду с властью, Россией и народом является одним из базовых концептов русского политического дискурса. Толкование концепта в русской ментальности таково: «Государство — суверенно свободная держава, земля, страна (определенная часть территории / пространства) под властью государя-самодержца, правомочного носителя этой власти, а не вождя по духу, не руководителя по делу, не светоча по мысли» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014: 173]. Рассмотрим языковые способы экспликации концепта «государство» в инаугурационных речах российских президентов.

Можно согласиться с О. И. Воробьевой, которая предполагает, что «понятийное поле концепта „государство“ представлено прежде всего терминологической системой, кото-

рая включает номинации законодательных структур, парламентариев, законы, распоряжения, исполнительные органы, конституцию, типологию государственных режимов, идеологию властных структур, политическую символику» [Воробьева 2008: 59].

Наши наблюдения показывают, что в инаугурационных речах вербальными репрезентантами концепта «государство» являются следующие слова: *Россия, Российская Федерация, страна, государство, власть, Родина, РСФСР, Отечество, держава, государственность, народные депутаты, Верховный Совет, Совет Министров РСФСР, первый вице-президент России Александр Владимирович Руцкой, правительство, Виктор Степанович Черномырдин, президент, Конституция, Владимир Владимирович Путин, Борис Николаевич Ельцин, Дмитрий Анатольевич Медведев, государственная власть, муниципальная власть*.

Необходимым этапом изучения концепта «государство» является установление наличия и особенностей использования вторичной номинации в анализируемых текстах. Мы выяснили, что президенты преимущественно употребляют метафорические выражения для обозначения государства. Кроме того, В. В. Путин метонимически замещает государство при помощи слова *Кремль*, являющегося символом Российского государства и государственности: *Здесь в Кремле — сосредоточие нашей национальной памяти. Здесь в стенах Кремля веками вершилась история нашей страны* [Путин 2000].

Наши наблюдения показали, что Д. А. Медведев метафорически представляет государство в образе человека, у которого есть *сегодня и необходимые ресурсы, и четкое понимание своих национальных интересов*, который должен быть *справедливым и заботливым по отношению к гражданам* и должен обеспечить безопасность граждан [Медведев 2008]. Как видно из приведенных примеров, государство имплицитно наделяется такими характеристиками, как *зрелость, сила и ответственность*.

Этическое измерение в образное представление государства как человека привносит В. В. Путин, когда говорит о достоинстве Российского государства [Путин 2000].

Б. Н. Ельцин сопоставляет государство с некой материальной сущностью, с объектом, который *народ <...> поставил над собой* [Ельцин 1991].

Отметим, что стратегия развития государства представлена метафорически. Б. Н. Ельцин призывает к возрождению государства, в то время как В. В. Путин ставит задачу по-

строения демократического государства. Иными словами, деятельность первого президента России направлена на восстановление и возобновление политической формы организации общества. Отметим, что концептуализация действительности в понятиях нового и новизны предполагает осуществление кардинальных мер и радикальных реформ, что и было характерно для политической жизни 1990-х гг. В. В. Путин, используя метафору строительства, ориентируется на сооружение, воздвижение, т. е. то, что предполагает постепенные структурные преобразования. Добавим, что осмысление стратегии реформирования государства при помощи метафоры строительства подразумевает активность действующего субъекта, поэтапность осуществления задач и максимальную свободу в принятии решений.

Таким образом, основным способом вторичной номинации государства в выступлениях российских президентов является метафора. При этом государство образно (пере)осмысляется при помощи концептуально разнонаправленных метафорических моделей: «государство — это человек», «государство — это здание» и «государство — материальный объект».

Анализируя особенности экспликации концепта «государство», следует выяснить, что относится к государству. Для этого рассмотрим особенности сочетаемости прилагательного *государственный*: «*государственный интерес*», «*государственный суверенитет*», «*государственная власть*» [Ельцин 1991]; «*высший государственный пост страны*» [Ельцин 1996]; «*высший государственный пост*», «*государственные интересы*» [Путин 2000]; «*государственная деятельность*» [Медведев 2008]; «*государственная власть*» [Путин 2018]. Иными словами, государство обладает суверенитетом и властью, имеет интересы и посты, а также осуществляет деятельность. Слово-сочетания *государственный интерес, государственная власть* и *государственный пост* формируют межтекстовые связи инаугурационных речей.

Мы обратили внимание на то, что *государственный интерес* проясняет понимание президентами обязанностей и предназначения государства. Например, Б. Н. Ельцин использует сочетание в отрицательном контексте, описывая нежелательные действия государства: *Веками государственный интерес, как правило, ставился выше человека, его нужд и устремлений* [Ельцин 1991]. В. В. Путин употребляет словосочетание в положительном контексте, обещая: *в своих действиях буду руководствоваться*

исключительно государственными интересами [Путин 2000].

Рассмотрим сочетательные возможности слова *государство* в инаугурационных речах. Новый этап развития российской государственности нашел отражение в приписывании российскими президентами определенных признаков слову *государство*. Согласованные определения представлены в таблице.

В первой инаугурационной речи Б. Н. Ельцин наделяет политическое понятие «государство» следующими признаками: *процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое, наше, суверенное*. Лексикографические данные советского периода показывают, что прилагательные *миролюбивый, суверенный, демократический* являлись устойчивыми атрибутами *государства* в советском политическом дискурсе. В начале 90-х гг. слово *государство* расширяет свои сочетательные возможности, употребляется с определениями *процветающий* и *правовой*.

Отметим, что словосочетания, описывающие признаки государства, находятся в сильной позиции текста, в конце речи, в кульминационном ее завершении. Признаки относятся к плану будущего времени и указывают на желаемое состояние государства.

В 1996 г. Б. Н. Ельцин не употребляет слово *государство* в телеобращении, а на официальном приеме упоминание о государстве включено не во внутривнутриполитическую тематику, а направлено на дипломатический корпус, когда президент обращается к «*странам Содружества*», «*государствам и народам мира*» и «*Содружеству Независимых Государств*».

В первом инаугурационном выступлении В. В. Путина в роли атрибутивного компонента сочетаний существительного *государство* выступают определения *демократический, современный, российский, великий, мощный, наш, могучий*. Словарь сочетаемости фиксирует словосочетания *демократическое государство* и *могучее государство*

в качестве устойчивых выражений советского политического дискурса. В. В. Путин расширяет сочетательные возможности слова *государство*, употребляя его с определениями *современный, российский, великий, мощный*. Подчеркнем, что выбор и актуализация в общественном сознании новых признаков слова *государство*, развитие сигнификата приводит к семантическому развитию слова. Новое государство характеризуется такими признаками, как 'отвечающий требованиям своего времени', 'выдающийся', 'обладающий большими силами' и 'основанный на принципах демократии'. Именно эти признаки являются значимыми для В. В. Путина в 2000 г. в экспликации концепта «государство».

Отметим, что признаки, приписываемые государству В. В. Путиным, относятся к различным временным планам: характеризуют страну в настоящем, указывают на ее развитие в будущем («*Россия становится по-настоящему современным, демократическим государством*») и фиксируют результаты, достигнутые в прошлом («*делал его великим, мощным, могучим*»).

Отметим, что *государство* и *государственный* выступают в сильной текстовой позиции. Согласованные определения со словом *государство* расположены в основной части выступления.

Необходимость наделения слова *государство* атрибутами, а также их наибольшая частотность (семь определений) в инаугурационных речах может соотноситься с политическими реформами в сфере государственного управления. Напомним, что именно в 2000 г. была проведена реформа федеральных округов, учрежден Государственный совет в качестве нового элемента исполнительной власти, были приняты законодательные акты, изменившие символику России, была проведена реформа Совета Федерации. Эти изменения нашли свое отражение в метафоре *вертикаль власти*.

Таблица

Согласованные определения слова *государство*

Б. Н. Ельцин, 1991	«наше, процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое и суверенное»
Б. Н. Ельцин, 1996	—
В. В. Путин, 2000	«по-настоящему современное, демократическое государство», «демократическое государство», «Российское государство», «великое, мощное, могучее», «наше»
В. В. Путин, 2004	«с другими государствами», «государство российское»
Д. А. Медведев, 2008	«наше государство», «справедливым и заботливым по отношению к гражданам»
В. В. Путин, 2012	«дееспособное и развивающееся государство»
В. В. Путин, 2018	«сильное, дееспособное, демократическое государство», «со всеми государствами»

Во второй инаугурационной речи В. В. Путина, прозвучавшей в 2004 г., количество определений к слову *государство* снижается: используются два определения. При этом местоимение *другой* («с другими государствами») лишь указывает на признак, а словосочетание *государство российское* представляет собой инверсию, целью которой служит эмфатическое выделение признака. Кроме того, словосочетание может являться аллюзией на важные исторические труды, а именно на «Историю государства Российского» Карамзина и/или «Государство российское» М. В. Ломоносова.

Д. А. Медведев, описывая государство, употребляет прилагательные *заботливый* и *справедливый*, что дает основание предположить, что в системе политических представлений президента государство должно действовать беспристрастно, в соответствии с истиной, а также быть предусмотрительным и оказывать помощь гражданам. Указанные признаки относятся к плану будущего времени и могут рассматриваться как идеальные признаки государства.

В инаугурационной речи, произнесенной в 2012 г., В. В. Путин характеризует государство при помощи определений *дееспособный* и *развивающийся*. Указанные признаки расположены в основной части выступления и относятся к настоящему времени. Отметим, что слово *дееспособный* имеет стилистические пометы и толкуется как «1. книж. Способный к деятельности. 2. юрид. Имеющий право совершать действия юридического характера и несущий ответственность за свои поступки» [Современный толковый словарь русского языка 2004: 152]. Полагаем, что использование книжной лексики оправданно в торжественных ситуациях политического общения. Кроме того, возможно, на выбор данного признака повлияли профессиональные знания политика. Напомним, что у В. В. Путина высшее юридическое образование.

Причастие *развивающийся* обозначает признак предмета по действию: «постепенно совершенствуясь, сделать сильнее, обширнее и т. п.». Выбор формы действительного причастия настоящего времени указывает на процессуальный характер протекания действия, а также на то, что признак создает сам предмет, т. е. государство сейчас самостоятельно развивается. И в семантике слов («совершение действия», «совершенствование»), и в морфологических характеристиках (глагольная форма с признаками прилагательного) актуализируется сема «действие» в описании признаков государства.

В инаугурационной речи, произнесенной В. В. Путиным в 2018 г., слово *государство*

согласуется с определениями *сильный*, *дееспособный*, *демократический* и *весь*. Данные признаки расположены в основной части выступления. Определительное местоимение *весь*, означающее «каждый в совокупности с другими» и обозначающее обобщенный признак предмета, используется для оглашения приоритетов президента во внешней политике: *Мы выступаем за равноправное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами в интересах мира и стабильности на нашей планете* [Путин 2018].

Определение *сильный* используется в неосновном значении «обладающий значительной мощностью» и наряду с другими признаками государства описывает основные условия для развития страны: *в гармоничном единстве свободного гражданина, ответственного гражданского общества и сильного, дееспособного, демократического государства вижу прочную основу для развития России* [Путин 2018].

Примечательно, что в инаугурационных речах некоторые прилагательные, описывающие государство, сочетаются с наречиями, обозначающими меру и степень проявления признака. Лексическое значение наречий актуализирует семантику необходимости и подлинности проявления определенных признаков. Так, В. В. Путин, используя наречие *по-настоящему*, т. е. «так, как нужно; так, как полагается; должным образом», усиливает семантику желательных признаков государства быть современным и демократическим [Путин 2000]. По мнению Д. А. Медведева, государство *действительно* (на самом деле, доподлинно) должно быть справедливым и заботливым.

Изучив сочетательные возможности слова *государство* с согласованными определениями, мы пришли к следующему выводу. Президенты наделяют государство различными атрибутами, что может свидетельствовать о поиске новых сигнификативных признаков концепта в условиях становления и развития постсоветского государства, а также отражать задачи нового политического курса президента и/или изменения системы политических представлений лидера о государстве.

Произнесение В. В. Путиным нескольких инаугурационных речей позволило выделить устойчиво воспроизводимые словосочетания с существительным *государство* в его выступлениях.

Российское государство. В. В. Путин использует данное словосочетание на инаугурации в 2000 и 2004 гг. На наш взгляд, употребление прилагательного *российский*

призвано подчеркнуть историческую преемственность дореволюционной и новой России. Актуализация данного признака осуществляется при помощи риторических средств. Так, в стенограмме первой инаугурационной речи прилагательное пишется с заглавной буквы, а во второй речи оратор усиливает смысловую нагрузку прилагательного, расположив его после имени существительного.

Демократическое государство. Данное словосочетание звучит в инаугурационной речи в 2000 и 2018 гг. Президенту важно подчеркнуть, что государство основано на принципах демократии. Словосочетание используется в нейтральном контексте и актуализирует в общественном сознании принцип народо-властия, что характерно для инаугурационной речи, произносимой на церемонии вступления в должность президента, избранного в результате всенародного голосования.

Дееспособное государство употребляется в инаугурационной речи в 2012 и 2018 гг. Не исключено, что в условиях ослабления роли международного права президенту важно подчеркнуть законность самостоятельных действий государства и необходимость ответственности за них.

Мощное / сильное государство. Президент использует прилагательные с семами 'сила', 'мощь' и 'влияние' в выступлении в 2000 и 2008 гг. По мнению В. В. Путина, государству надлежит обладать большими средствами, возможностями и значительной мощью для осуществления действий и для выполнения своего предназначения.

Нам представляется, что повторяющиеся в выступлениях В. В. Путина признаки государства (*российский, демократический, дееспособный, сильный/мощный*) устанавливают интертекстуальные связи инаугурационных речей, участвуют в развертывании содержания концепта и формируют в общественном сознании устойчивые характеристики постсоветского государства.

Мы выяснили, что все российские президенты употребляют словосочетание *наше государство*. Отметим, что помимо узального значения 'принадлежащий нам, характерный для нас', местоимение приобретает дополнительные контекстуальные оттенки значения, которые относятся к временному плану высказывания и акцентируют внимание аудитории на определенном этапе развития государства: не советское, а новое российское государство в речах Б. Н. Ельцина; Российская Федерация в исторической перспективе в выступлениях В. В. Путина; Россия сегодня в речи Д. А. Медведева.

Говоря о соотнесении признаков госу-

дарства с определенным временным планом, отметим, что для описания характеристик государства в прошлом лидеры преимущественно используют определения с семантикой величия и силы: *великое, мощное, могучее, Российское государство*. По мнению президентов, в постсоветский период Россия является *современным, демократическим, нашим, дееспособным, развивающимся* государством. Идеальные признаки государства в будущем имеют множественные семантические векторы: *процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое, суверенное, справедливое, заботливое, сильное*.

Обращает на себя внимание использование прилагательных с семой 'мощь' как для прославления прошлого государства, так и для представления искомым признаков государства в будущем. Существенно, что требование к государственной власти быть сильной, т. е. обладать большими силами и возможностями для осуществления действий, звучало в программах политических партий начала XX и XXI вв. [Гаврилова 2007: 127].

Следующим этапом анализа сочетательных возможностей слова *государство* является выявление и описание контекстуальных синонимов, поскольку одним из речевых средств выражения ценностных предпочтений оратора является использование контекстуальной синонимии, демонстрирующей смысловую близость слов в индивидуальном словоупотреблении политика.

Мы выяснили, что контекстуальная синонимия в описании признаков государства использована в трех инаугурационных речах: в 1991 г., в 2000 г. и в 2018 г.

Так, Б. Н. Ельцин образует новый синонимический ряд, состоящий из 5 определенных: *процветающее = демократическое = миролюбивое = правовое = суверенное* государство. Отметим, что, с одной стороны, чрезмерность в нанизывании атрибутов можно рассматривать как одно из проявлений индивидуального речевого стиля политика (повышенная эмоциональность выступлений Б. Н. Ельцина), а с другой — словесная избыточность может свидетельствовать об обеспокоенности президента устройством нового государства.

Употребление синонимов в выступлении В. В. Путина, произнесенном в 2000 г., демонстрирует близость или тождество следующих лексем: *современное = демократическое* государство, *великое = мощное = могучее* государство.

В инаугурационной речи, прозвучавшей в 2018 г., расширяются сочетательные возможности слова *государство* и возникают

новые сближающиеся взаимоотношения слов: *сильное* = *дееспособное* = *демократическое* государство.

Таким образом, рассмотренные синонимические связи, кроме самоценной значимости и характеристичности, отражают актуализацию и изменения семантики слова *государство* в речах глав государства.

Далее мы рассмотрим порядок следования определений в цепи контекстуальных синонимов. Известно, что наиболее значимая информация, как правило, располагается в конце цепочки однородных членов. По этому поводу Р. Блакар писал: «Даже последовательность в остальном равноправных между собой элементов, в частности при перечислении, оказывает воздействие на создаваемое впечатление <...> что при внимательном изучении описание представляется нейтральным, то, изменив порядок следования характеристик, можно изменить производимое впечатление. Еще существеннее, быть может, то, что порядок при перечислении влияет на запоминание» [Блакар 1987: 108].

Расположение определений в ряду контекстуальных синонимов в выступлении Б. Н. Ельцина позволяет предположить, что наиболее значимыми для политика являются такие признаки государства, как *процветающее* и *суверенное*. Иными словами, новому государству требуется успешное развитие, самостоятельность и независимость.

В инаугурационной речи В. В. Путина, произнесенной в 2000 г., в цепочке однородных определений актуализируются признаки со значением 'выдающийся по значению и влиянию' (*великий*) и 'обладающий властью и влиянием' (*могучий*). Вероятно, что имплицитно выраженная характеристика — *влиятельное государство* — семантически умножается значениями прилагательных.

В 2018 г. В. В. Путин выделяет такие признаки государства, как *сильный* и *демократический*, располагая их на границах линии однородных определений. Наши наблюдения показывают, что прилагательное *сильный*, помимо узуального значения, наделяется личностными смыслами в выступлениях президента.

Рассмотрение порядка следования определительных слов позволяет уточнить систему политических ценностей президентов. Мы выяснили, что представления об идеологически важных характеристиках государства изменяются с каждым новым сроком исполнения должности преимущественно в зависимости от экстралингвистических факторов.

Изучая сочетательные возможности,

нужно также рассмотреть несогласованные определения со словом *государство*. Мы определили, что преимущественно слово используется в роли зависимого компонента в следующих сочетаниях: «*граждане государства*», «*государства мира*» [Ельцин 1996]; «*главы государств Содружества*», «*Содружество Независимых Государств*», «*процветание государств*» [Ельцин 1996]; «*глава государства*», «*история нашего государства*» [Путин 2000]; «*глава государства*» [Путин 2004]; «*источник силы государства*» [Медведев 2008]; «*историческая перспектива государства*» [Путин 2012]; «*глава государства*» [Путин 2018].

Как видно из приведенных примеров, в большинстве случаев словосочетания имеют значение принадлежности, и один пример обозначает носителя признака. Реконструируем представленные в них утверждения: *У российского государства есть граждане, глава, история, сила и перспектива. Государство может процветать. В мире есть государства. Содружество состоит из государств.*

Следующим этапом анализа является сравнительное описание признаков государства, представленных в инаугурационных речах и в Конституции Российской Федерации. С этой целью мы выявили и описали определенные признаки, приписываемые государству политиками в соотношении с текстом принятой в 1993 г. Конституции страны. Напомним, что новая форма государственности закреплена в первой главе «Основы конституционного строя», где в трех статьях представлены атрибуты государства. Во-первых, в статье 1, п. 1. написано, что «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Во-вторых, в ст. 7 п. 1 указано, что «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В-третьих, в ст. 14 п. 1 говорится о том, что «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция 2003: 4—5]. Таким образом, в Конституции представлены следующие признаки государства: демократическое, федеративное, правовое, социальное и светское.

Рассмотрим, какие из выявленных атрибутов актуализируются в инаугурационных речах российских президентов.

Правовое государство. Данное словосочетание как один из идеальных признаков

государства использует Б. Н. Ельцин в первой инаугурационной речи в 1991 г., т. е. еще до принятия новой Конституции. Отметим, что именно в 1980—1990-х гг. в русском политическом дискурсе преимущественно распространяется прилагательное *правовой*, а в следующее десятилетие словосочетание *правовое государство* фиксируется как устойчивое выражение [Толковый словарь русского языка конца XX века 2000: 490].

Добавим, что и в системе политических представлений Д. А. Медведева важным является юридическое понятие «право»: *Особое внимание придаю фундаментальной роли права, на котором основывается и наше государство, и наше гражданское общество. Мы обязаны добиться истинного уважения к закону, преодолеть правовой нигилизм, который серьезно мешает современному развитию* [Медведев 2008].

Напомним, что словосочетание *правовое государство*, ставшее политическим маркером русского политического дискурса 1990-х гг., является заимствованным политическим термином, обозначающим политическую организацию общества, основанную на верховенстве права и закона.

Социальное государство. Известно, что в политической науке существуют различные концепции сущности социального государства. Кроме того, с 1970—1980-х гг. политологи и политики говорят о кризисе идей социального государства, в том числе в связи с явлением социального иждивенчества. С начала 2000-х гг. обсуждается новая концепция государства, а именно «общества участия», призванная заменить социальное государство. Таким образом, в настоящее время содержание политического понятия находится в процессе переосмысления.

Добавим, что в русском политическом дискурсе словосочетание *социальное государство* является заимствованным политическим понятием, и в выступлениях различных российских политических сил наблюдается его различное семантическое наполнение в зависимости от их идеологических воззрений.

Подчеркнем, что в инаугурационных речах российских президентов словосочетание *социальное государство* не употребляется. Однако в каждой речи наличествуют тематические отрезки о важности свободного развития человека и улучшении его благосостояния. Например, В. В. Путин утверждает: *Новое качество жизни, благополучие, безопасность, здоровье человека — вот что сегодня главное, вот что в центре нашей политики. Наш ориентир — это Россия для людей, страна возможностей для самореа-*

лизации каждого человека [Путин 2018].

Примечательно, что понятие «социальное государство» может толковаться как государство, являющееся опорой и оказывающее помощь гражданам, что было свойственно советскому государству. Так, во второй инаугурационной речи Б. Н. Ельцин, учитывая общественные настроения, в частности усиление патерналистских ожиданий, говорит о социальном государстве, основной функцией которого является государственная помощь нуждающимся: *«итоги выборов ясно показали, кому нужна первоочередная поддержка», «значительно усилены разделы по социальной защите населения»* [Ельцин 1996]. Показателен выбор слов (*поддержка, защита*) в описании функций государства.

Демократическое государство. Наши наблюдения показали, что политическая приемственность суждений о государстве прослеживается в сочетании слова с прилагательным *демократический*. Это самый частотный (ключевой) признак государства (4 словоупотребления): словосочетание было использовано Б. Н. Ельциным в первой инаугурационной речи, и В. В. Путин дважды употреблял сочетание в выступлении в 2000 г. и единожды в 2018 г. Президентам важно уточнить, что форма устройства нового Российского государства основана на демократии, представляющей собой политический строй, образованный с признанием принципа народовластия и наделением граждан широким кругом прав и свобод.

Мы выяснили, что в инаугурационном выступлении Б. Н. Ельцина прилагательное *демократический* имеет положительное контекстуальное значение и трактуется как «социальные изменения в обществе», «активное участие людей в жизни общества». В инаугурационных речах В. В. Путина это прилагательное употребляется без эмоционально-экспрессивной оценки и означает «участие граждан в выборах». В понимании сути демократии Б. Н. Ельцин делает акцент на личной инициативе граждан, В. В. Путин заявляет об ответственности демократического государства перед обществом.

Показательно, что российские президенты не используют в инаугурационных речах прилагательные *социальный, федеративный и светский*, тем самым не актуализируют в общественном сознании вопросы о форме государственного устройства и о наличии/отсутствии государственной религии. Однако качества социального государства могут быть выражены имплицитно.

Отметим, что политические понятия новейшей российской истории «правовое государство», «социальное государство»,

«гражданское общество» и некоторые другие являются заимствованиями из англо-американской политической культуры. Однако если в западной политической культуре данные словосочетания стали символами, то в русском политическом дискурсе они сводятся к понятию, а «сведение символа к понятию есть снятие национальной специфики словесного знака» [Колесов 2002: 55].

Далее рассмотрим синтаксическую структуру предложений, в которых функционирует слово *государство*. Известно, что синтаксическая функция, тесно связанная с семантической, показывает, как распределяются участники коммуникативного события в прагматической ситуации.

Мы выявили только три предложения, где слово *государство* выполняет функцию производителя действия, т. е. агента, осуществляющего контроль над ситуацией, или того, по чьей инициативе действие разворачивается: «*государство сильно благополучием своих граждан*» [Ельцин 1991]; «*государство было действительно справедливым и заботливым по отношению к гражданам*», «*роли права, на котором основывается и наше государство*» [Медведев 2008]. Отметим, что информативная ценность данных утверждений о государстве ослаблена, поскольку они располагаются в придаточной части сложного предложения.

Мы определили, что *государство* в большинстве случаев выступает в роли второстепенного члена предложения, а именно дополнения, отвечает на вопросы косвенных падежей и зависит от другого второстепенного члена, как правило, выраженного именем существительным, и при этом обозначает принадлежность. Иными словами, в синтаксической структуре предложения слово преимущественно выступает в пассивной семантической роли.

Процедура проведения лингвокогнитивного анализа включает определение роли и места концепта в концептуальной структуре политической речи. Статистический анализ показал, что в первых инаугурационных речах, т. е. когда президент впервые вступает в должность, слово *государство* входит в число частотных, наиболее информативных слов выступления и участвует в формировании концептуального ядра речи. Обратимся к примерам. Частотные слова инаугурационной речи, произнесенной Б. Н. Ельциным в 1991 г., образуют семантический каркас: Россия, государство — народ, (со)граждане, человек — жизнь — прошлое — мы, свой, все, наш, этот. Подчеркнем, что слово *государство* участвует в предложениях, формулирующих новые идеологические ориентиры

постсоветской России: «*государственная власть ответственна перед народом*»; «*государство сильно благополучием своих граждан*»; «*народ ответственен перед государством, которое поставил над собой*»; «*в основе возрождения нашего государства духовное раскрепощение человека, подлинная свобода совести и полный отказ от любого идеологического диктата*»; «*честные и цивилизованные отношения с государствами мира*» [Ельцин 1991].

Ключевые слова инаугурационной речи, произнесенной В. В. Путиным в 2000 г., можно представить в виде концептуальной модели: Россия, страна, государство — граждане, народ — власть — история — я, мы, вы, наш, все, свой — сегодня — быть. Президент обращает внимание на особенности восприятия обществом действий руководителя: «*Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, за все, что происходит в стране*» [Путин 2000].

Наиболее часто повторяющиеся слова в инаугурационном выступлении Д. А. Медведева можно объединить в идеологически нагруженные группы: Россия, страна, государство — граждане, люди — жизнь, развитие — я — наш — быть.

Приведенные примеры показывают, что устойчивыми элементами концептуальной структуры являются представление России и как страны, и как государства, а также репрезентация взаимодействия государства и общества.

Показательно, что в тех случаях, когда *государство* не является ключевым словом и не входит в концептуальное ядро инаугурационной речи, экспликация концепта осуществляется имплицитно через контекстуальные условия организации коммуникативного события. Символы государства (флаг, герб, гимн), место проведения торжественной церемонии (Кремль), особый экземпляр Конституции, присутствующие на сцене руководители ветвей государственной власти и т. п. способствуют репрезентации концепта «государство», формируя положительный контекст его восприятия.

В целях изучения особенностей развертывания концепта в тематической структуре выступления мы определили фрагменты текста, в которых дискурсивно конструируется государство, и затем установили их семантическое содержание.

Мы выяснили, что российские президенты используют 8 тематических категорий, описывая государство:

1) цель государственной деятельности

(Смысл и содержание государственной деятельности — уважать и охранять права и свободы человека [Медведев 2008]);

2) состояние государства в настоящее время (*Государство отстояло свою территориальную целостность. У государства есть ресурсы, опыт, понимание приоритетов развития и интеллектуальный потенциал народа* [Путин 2004]);

3) качества государства (см. раздел о сочетательных возможностях слова *государство* выше);

4) источник развития государства (*духовное раскрепощение человека, подлинная свобода совести и полный отказ от любого идеологического диктата, а также свобода предприятий и территорий, инициатива и предпримчивость граждан* [Ельцин 1991]);

5) взаимоотношения государства и общества (*Народ избирает власть. Власть работает в интересах народа, защищает гражданина и служит обществу* [Путин 2000]);

6) фундамент государства (*Государство основывается на праве* [Медведев 2008]);

7) задачи в области государственного управления (*Новое качество жизни, благополучие, безопасность, здоровье человека; поддержка традиционных семейных ценностей, материнства и детства; обновление городов и сёл, развитие регионов; прорывы в науке и технологиях; расширение пространство свободы для всех, кто стремится к обновлению* [Путин 2018]);

8) (деятельность) государственного аппарата (*В деятельности президента есть промахи, есть ошибки в работе правительства. Но в настоящий момент у президента есть программа действий, которая уже реализуется. Нужно создать сильное правительство, обновив его состав и структуру. Правительство должно состоять из профессионалов, инициативных людей, новых лиц, которые могут состоять в той или иной партии, но должны забыть о своей партийной принадлежности* [Ельцин 1996]).

Наибольшее тематическое разнообразие наблюдается в первой инаугурационной речи Б. Н. Ельцина и в выступлении Д. А. Медведева, где представления о государстве дискурсивно (вос)производятся при помощи семи категорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе изучения особенностей экспликации концепта «государство» в инаугурационных речах российских президентов мы установили его прототипическую структуру: 1) граждане образуют государство, которым руководит его глава; 2) президент обязан

защищать и беречь государство; 3) Россия — демократическое государство.

В понятийной структуре концепта наблюдается семантическое развитие от неосновного значения ‘страна с определенной формой политического устройства общества’ к основному значению ‘политическая форма организации общества’.

Президенты с каждым новым сроком исполнения должности, т. е. в каждой новой инаугурационной речи, актуализируют различные переменные в семантической структуре концепта «государство»: определенная территория, на которую распространяется юрисдикция данного государства (1991 г.) — (новые) властные отношения между государством и обществом, государственный аппарат (президент и новое правительство) и действия государства по реализации своих функций (помощь нуждающимся, реформирование экономики — 1996 г.) — властные отношения между государством и обществом (2000 г.) — право, закрепляющее определенную систему норм, санкционированных государством (2008 г.) — действия государства по реализации своих функций (2012 г.) — властные отношения между государством и обществом, действия государства по реализации своих функций (2018 г.).

При вторичной номинации государства с помощью метафорических значений актуализируется охранительная функция государства, а именно обязанность государства защищать граждан.

В инаугурационных выступлениях российских президентов сочетательные возможности слова *государство* расширяются, что приводит к возникновению его новых (со)значений. Отметим, что сигнификативные значения концепта у российских президентов различны. Примечательно, что Б. Н. Ельцин наделяет государство идеальными признаками, относящимися к плану будущего времени, что можно объяснить начальным периодом становления нового государства, когда важно воодушевить аудиторию, определив желаемый образ будущего страны. Признаки государства, используемые В. В. Путиным, описывают преимущественно настоящее состояние государства, а также признаки, характеризующие успехи государственного развития в прошлом. Д. А. Медведев представляет искомые атрибуты государства, т. е. речь идет о признаках государства в будущем.

Для Б. Н. Ельцина идеальные признаки государства таковы: *процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое, суверенное*. Д. А. Медведев считает, что государство должно быть *справедливым и за-*

ботливый. В. В. Путин утверждает, что Россия будет *сильным* государством.

Использованные в речах В. В. Путина, такие признаки постсоветского государства, как *российский, демократический, дееспособный, сильный / мощный*, приобретают устойчивый характер в текстовом пространстве торжественной речи.

В первой инаугурационной речи, с которой выступает каждый российский президент, концепт «государство» входит в ядро концептуальной структуры речи. При этом экспликация концепта преимущественно осуществляется в основной части торжественной речи.

Наиболее полно концепт «государство» тематически разворачивается в первой речи Б. Н. Ельцина и в выступлении Д. А. Медведева. Добавим, что эти президенты наделяют государство активной ролью в синтаксической структуре предложения.

Сопоставительный анализ торжественных политических речей позволил установить динамические тенденции в экспликации концепта «государство». С течением времени наблюдается уменьшение количества вербальных репрезентантов концепта «государство», сокращение денотативного компонента значения концепта и увеличение сигнификативных признаков концепта. Иными словами, наблюдается явление лексической эластичности в дискурсивном конструировании концепта «государство». В этой связи можно предположить, что в русском политическом дискурсе продолжается процесс (пере)осмысления и политического понятия, и концепта «государство».

Анализ инаугурационных речей показал, что концепт «государство» является динамическим образованием, которое постоянно преобразуется в соответствии с политическими задачами нового президента и/или нового срока исполнения должности и потребностями общества.

ИСТОЧНИКИ

1. Ельцин, Б. Н. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России / Б. Н. Ельцин. — Текст : непосредственный // Российская газета. — Москва, 1991. — 11 июля. — С. 1—2.
2. Ельцин, Б. Н. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России / Б. Н. Ельцин. — Текст : непосредственный // Российская газета. — Москва, 1996. — 11 июля. — С. 1.
3. Медведев, Д. А. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России / Д. А. Медведев. — 2008. — 7 мая. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1> (дата обращения: 25.03.2020). — Текст : электронный.
4. Путин, В. В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России / В. В. Путин. — 2000. — 7 мая. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24104> (дата обращения: 25.03.2020). — Текст : электронный.
5. Путин, В. В. Обращение к гражданам страны при вступлении в должность Президента России / В. В. Путин. — 2004. —

7 мая. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22452> (дата обращения: 25.03.2020). — Текст : электронный.

6. Путин, В. В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России / В. В. Путин. — 2012. — 7 мая. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15224> (дата обращения: 25.03.2020). — Текст : электронный.

7. Путин, В. В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России / В. В. Путин. — 2018. — 7 мая. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57416> (дата обращения: 25.03.2020). — Текст : электронный.

8. Конституция Российской Федерации. — Москва : ТК Велби : Проспект, 2003. — 32 с. — Текст : непосредственный.

ЛИТЕРАТУРА

9. Алесенкова, В. Н. Опыт когнитивного анализа сценических образов на примере концепта «Государство» / В. Н. Алесенкова. — Текст : непосредственный // ИКОНИ / ICONI. — 2019. — № 2. — С. 29—35.
10. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Редакция АСМ : Помовский и партнеры, 1994. — 330 с. — Текст : непосредственный.
11. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использования в социальном контексте) / Р. М. Блакар — Текст : непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Москва, 1987. — С. 88—121.
12. Воробьева, О. И. Политическая лингвистика. Современный язык политики / О. И. Воробьева. — Москва : ИКАР, 2008. — 295 с. — Текст : непосредственный.
13. Гаврилова, М. В. Смысловая модернизация русского политического дискурса (на примере экспликации концепта «государство») / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политические исследования. — 2007. — № 3. — С. 125—133.
14. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 / В. И. Даль. — Москва : Прогресс : Универс, 1994. — 912 с. — Текст : непосредственный.
15. Евтушенко, О. В. Этапы эволюции концепта «государство» при его воплощении художественной речью / О. В. Евтушенко. — Текст : непосредственный // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — 2011. — № 2. — С. 13—19.
16. Зеленева, А. А. Метафорическая репрезентация концепта «государство» в современном медиадискурсе (на материале русского, английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зеленева А. А. — Москва, 2013. — 24 с. — Текст : непосредственный.
17. Ильин, М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. — Москва : РОССПЭН, 1997. — 432 с. — Текст : непосредственный.
18. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове: мир человека / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. — 326 с. — Текст : непосредственный.
19. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Юна, 2002. — 448 с. — Текст : непосредственный.
20. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1 / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. — 592 с. — Текст : непосредственный.
21. Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. — 700 с. — Текст : непосредственный.
22. Русское слово в русском мире — 2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян. — Москва : Азбуковник, 2006. — 448 с. — Текст : непосредственный.
23. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. — Москва : ЮНБЕС, 2003. — URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/t/gosudarstvo> (дата обращения: 25.03.2020). — Текст : электронный.
24. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз ; под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1981. — 698 с. — Текст : непосредственный.

25. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — Москва : Сов. энциклопедия, 1983. — 1600 с. — Текст : непосредственный.

26. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 960 с. — Текст : непосредственный.

27. Соловьева, Ю. А. Изучение концептуальных метафор в англоязычном политологическом дискурсе / Ю. А. Соловьева. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 587. — С. 90–102.

28. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : ТЕРРА, 1996. — 824 с. — Текст : непосредственный.

29. Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 2000. — 700 с. — Текст : непосредственный.

30. Хан-Пири, Э. Лукавая синонимика / Э. Хан-Пири. — Текст : электронный // Знамя. — 2004. — № 1. — URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1338> (дата обращения: 25.03.2020).

M. V. Gavrilova

Saint Petersburg State University of Cinema and Television, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9100-7694

 E-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

Explication of the Concept of “STATE” in Ceremonial Political Speeches

ABSTRACT. *The state as the main element of a political system is investigated in the humanities and social sciences in detail. The urgency of the linguocognitive study of the processes of discursive construction of the concept of “state” consists in its significance in the conceptual system of the Russian political discourse, as well as in its social value.*

The aim of this article is to identify the linguistic means of explication of the concept of “state” and to study the dynamic trends of its representation in Russian ceremonial political speeches. The sample includes Russian Presidential Inaugural Addresses by B. Yeltsin, D. Medvedev and V. Putin.

The analysis of lexicographic data of the 20th – early 21st centuries makes it possible to identify the stable components of the meaning of the word which verbalizes the concept in the Russian Language: 1) the state is a political form of organization of society; 2) the state performs a protective function. The author has found that the concept is formed with the help of eight thematic categories describing the state: the governance goal, the current state of governance, the inherent qualities of the state, the sources of development of the state, the relationships between the state and the people; the foundations of the state; the tasks in the area of governance, and the activity of government departments and agencies.

Having studied the peculiarities of explication of the concept of “state” in inaugural addresses of the Russian Presidents, the author has worked out its prototypical structure: 1) the citizens form the state governed by its head; 2) the president ought to protect and preserve the state; 3) Russia is a democratic state. The concept of “state” is a dynamic entity which is constantly changing in accordance with the political goals of the new president and/or a new term of their office and the needs of the society.

KEYWORDS: *state; concepts; political linguistics; political discourse; inaugural addresses; Russian language; political rhetoric; political speeches; Russian Presidents; linguistic personality.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Drama and Cinema Studies, Saint Petersburg State University of Film and Television, Saint Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Gavrilova, M. V. Explication of the Concept of “STATE” in Ceremonial Political Speeches / M. V. Gavrilova // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 10-24. — DOI 10.26170/pl20-02-01.*

MATERIALS

1. Eltsin, B. Speech at the inauguration ceremony as President of Russia // Russian gazette. — Moscow, 1991. — The 11 of July 1991. — P. 1–2. [N.Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii / B.N. El'cin. — Tekst neposredstvennyj // Rossijskajagazeta. — Moskva, 1991. 11 ijulja 1991. — S. 1–2]. — (In Rus.)

2. Eltsin, B. Speech at the inauguration ceremony as President of Russia // Russian gazette. — Moscow, 1996. — The 11 of July 1996. — P. 1. [Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii/ B.N. El'cin. — Tekst neposredstvennyj // Rossijskaja gazeta. — Moskva, 1996. 11 ijulja 1996. — S. 1.] — (In Rus.)

3. Medvedev, D. Speech at the inauguration ceremony as President of Russia // President of Russia [07.05.2008]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1> (date of access: 25.03.2020). [Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii. 07.05.2008. / D. A. Medvedev. — URL: (data obrashhenija 25.03.2020).— Tekst: jelektronnyj]. — (In Rus.)

4. Putin, V. Speech at the Inauguration Ceremony // President of Russia [07.05.2000]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24104> (date of access: 25.03.2020). [Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii. 07.05.2000. / V. V. Putin. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24104> (data obrashhenija 25.03.

2020). — Tekst: jelektronnyj]. — (In Rus.)

5. Putin, V. Address to the Nation at the Presidential Inauguration Ceremony // President of Russia [07.05.2004]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22452> (date of access: 25.03.2020). [Obrashhenie k grazhdanam strany pri vstuplenii v dolzhnost' Prezidenta Rossii. 07.05.2004./ V. V. Putin. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22452> (data obrashhenija 25.03.2020). — Tekst: jelektronnyj]. — (In Rus.)

6. Putin, V. Speech at the Inauguration Ceremony // President of Russia [07.05.2012]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15224> (date of access: 25.03.2020). [Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii. 07.05.2012./ V. V. Putin. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15224> (data obrashhenija 25.03.2020). — Tekst: jelektronnyj]. — (In Rus.)

7. Putin, V. Speech at the inauguration ceremony as President of Russia // President of Russia [07.05.2018]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57416> (date of access: 25.03.2020). [Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii. 07.05.2018. / V. V. Putin. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57416> (data obrashhenija 25.03.2020). — Tekst: jelektronnyj]. — (In Rus.)

8. Constitution of Russian Federation. — Moscow : Velbi, «Prospekt», 2003. — 32 p. [Konstitucija Rossijskoj Federacii. — M.: TK Velbi, Iz-vo «Prospekt», 2003. — 32 s.]. — (In Rus.)

REFERENCES

9. Alesenkova, V. N. The experience of cognitive analysis of stage images on the example of the concept of "State" / V. N. Alesenkova. — Text : unmediated // ICONI / ICONI. 2019. — No. 2. — P. 29—35. [Opyt kognitivnogo analiza scenicheskikh obrazov na primere koncepta «Gosudarstvo» / V. N. Alesenkova. — Tekst: neposredstvennyj // IKONI / ICONI. 2019. — № 2. — S. 29—35]. — (In Rus.)
10. Baranov, A. N. Dictionary of Russian Political Metaphors / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. — Moscow : ASM Editorial Board, Pomovsky and Partners, 1994. — 330 p. — Text : unmediated. [Slovar' russkikh politicheskikh metafor / A. N. Baranov, Ju. N. Karaulov. — M.: Redakcija ASM, «Pomovskij i partnery», 1994. — 330 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
11. Blakar, R.M. Language as an instrument of social power (theoretical and empirical study of language and its use in a social context / R. M. Blakar — Text : unmediated // Language and modeling of social interaction. — Moscow, 1987. — P. 88—121. [Jazyk kak instrument social'noj vlasti (teoretiko-jempiricheskoe issledovanie jazyka i ego ispol'zovanija v social'nom kontekste / R. M. Blakar — Tekst: neposredstvennyj // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija. — M., 1987. — S. 88-121]. — (In Rus.)
12. Vorob'eva, O. I. Political Linguistics. The current language of politics / O. I. Vorobyova. — Moscow : IKAR Publishing House, 2008. — 295 p. — Text : unmediated. [Politicheskaja lingvistika. Sovremennij jazyk politiki / O. I. Vorob'eva . — M.: Izdatel'stvo IKAR, 2008. — 295 s.]. — (In Rus.)
13. Gavrilova, M. V. The semantic modernization of Russian political discourse (on the example of the explication of the concept of "state") / M. V. Gavrilova. — Text : unmediated // Political studies. — 2007. — No. 3. — P. 125—133. [Smyslovaja modernizacija russkogo politicheskogo diskursa (na primere jeksplikacii koncepta «gosudarstvo») / M. V. Gavrilova. — Tekst: neposredstvennyj // Politicheskie issledovanija, 2007. — № 3. — S. 125-133]. — (In Rus.)
14. Dal, V. I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 Vol. Vol. 3. — Moscow : Publishing House "Progress", "Universe", 1994. 921 p. — Text : unmediated. [Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. V 4 t. T.1. / V. I. Dal'. — M.: A/O Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Univers», 1994. — 912 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
15. Evtushenko, O. V. Stages of evolution of the concept of "state" in its embodiment by literary speech / O. V. Evtushenko. — Text : unmediated // Vestnik MGOU. Series "Russian Philology". 2011. — No. 2. — P. 13—19. [Jetapy jevoljucii koncepta «gosudarstvo» pri ego voploshhenii hudozhestvennoj rech'ju / O. V. Evtushenko. — Tekst: neposredstvennyj // Vestnik MGOU. Serija «Russkaja filologija». 2011. — № 2. — C. 13-19.] — (In Rus.)
16. Zelenjaeva, A. A. Metaphorical representation of the concept of "state" in a current media discourse (based on Russian, English and French languages) : Ph.D. thesis abstract / A. A. Zelenjaeva. — Moscow, 2013. — 24 p. — Text : unmediated [Metaforicheskaja reprezentacija koncepta «gosudarstvo» v sovremennom mediadiskurse (na materiale russkogo, anglijskogo i francuzskogo jazykov): avto-ref. dis... kand. filol. nauk / A. A. Zelenjaeva — M., 2013. — 24 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
17. Ilyin, M. V. Words and meanings: Experience in exploring key political concepts. — Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1997. — 432 p. [Slova i smysly. Opyt opisaniya ključevykh politicheskikh ponjatij / M. V. Il'in. — M.: «ROSSPJeN», 1997. — 432 s. — Tekst: neposredstvennyj] — (In Rus.)
18. Kolesov, V. V. Ancient Russia: heritage in the word: World of Man / V. V. Kolesov. — SPb. : Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 2000. — 326 p. — Text : unmediated. [Drevnjaja Rus': nasledie v slove: Mir cheloveka / V. V. Kolesov. — SPb.: Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta. 2000. — 326 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
19. Kolesov, V. V. Philosophy of the Russian word / V. V. Kolesov. — SPb. : Yuna, 2002. — 448 p. — Text : unmediated. [Filosofija russkogo slova / V. V. Kolesov. — SPb.: Juna. 2002. — 448 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
20. Kolesov, V. V. Dictionary of Russian mentality. In 2 vol. Vol. 1. — St.Peterburg : Zlatoust, 2014. — 592 p. — Text : unmediated. [Slovar' russkoj mental'nosti. V 2-h t. T.1 / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Haritonov — S-Peterburg: Zlatoust, 2014. — 592 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
21. Mokienko, V. M. The Explanatory dictionary of the language of sovdeprii. — St. Petersburg : Folio Press, 1998. 704 p. — Text : unmediated. [Tolkovij slovar' jazyka Sovdeprii / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. — Sankt-Peterburg: Folio-press, 1998. — 700 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
22. Russian word in the Russian world — 2005: State and statehood in the linguistic consciousness of Russians. — Moscow : Azbukovnik, 2006. — 448 p. — Text : unmediated. [Russkoe slovo v russkom mire — 2005: Gosudarstvo i gosudarstvennost' v jazykovom soznanii rossijan. M.: Azbukovnik, 2006. — 448 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
23. Semenov, A. V. The Etymological Dictionary of the Russian Language / A. V. Semenov — Moscow : Publishing House "UNVES". 2003. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/g/state> (date of access: 03.25.2020). — Text : electronic. [Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka / A. V. Semenov — M.: Izdatel'stvo «JuNVES». 2003. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/g/gosudarstvo> (data obrashhenija 25.03.2020). — Tekst: jelektronnyj]. — (In Rus.)
24. The Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / ed. by A. P. Evgenieva. Vol. 3. 2nd ed. — Moscow : Russian language, 1983. 750 p. — Text : unmediated. [Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. T.1. / An SSSR, In-t rus. jaz; pod red. A.P. Evgen'evoj. — M.: Russkij jazyk, 1981. — 698 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
25. The Soviet Encyclopedic Dictionary / Ed. A. M. Prokhorov. — Moscow : Sov. Encyclopedia, 1983 . — 1600 p. — Text : unmediated. [Sovetskij jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. A.M. Prohorov. — M.: Sov. Jenciklopedija, 1983. — 1600 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
26. The Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : Norint, 2004. — 960 p. — Text : unmediated. [Sovremennij tolkovij slovar' russkogo jazyka / Gl. red. S.A. Kuznecov. — SPb. : «Norint», 2004. — 960 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
27. Solovyova, Yu. A. The study of conceptual metaphors in the English-language political science discourse / Yu. A. Solovieva — Text : unmediated // Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 2010. — No. 587. — P. 90—102. [Izuchenie konceptual'nykh metafor v anglojazychnom politologicheskom diskurse / Ju. A. Solov'eva — Tekst: neposredstvennyj // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. — № 587. — S. 90—102]. — (In Rus.)
28. The Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vol., vol. 1 / Ed. by D. N. Ushakov. — Moscow : TERRA, 1996. — 824 p. — Text : unmediated. [Tolkovij slovar' russkogo jazyka: V 4 t. T.1. Pod red. prof. D.N. Ushakova. — M.: TERRA, 1996. — 824 s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)
29. The Explanatory dictionary of the Russian language of the late twentieth century: Language changes / Ed. by G. N. Sklyarevskaya. — St. Petersburg : Folio Press, 2000. 700 p. — Text : unmediated. [Tolkovij slovar' russkogo jazyka konca XX veka: Jazykovye izmenenija. Pod red. G.N. Skljarevskoj. — SPb.: Folio-Press, 2000. — 700 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
30. Khan-Pira, E. Sly synonyms / E. Khan-Pira // Banner. — 2004. — No. 1. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1338> (date of access 25.03.2020). — Text : electronic. [Han-Pira Je. Lukavaja sinonimika / Je. Han-Pira // Znamja, 2004. № 1. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1338>] (data obrashhenija 25.03.2020). — Tekst: jelektronnyj]. — (In Rus.)

В. И. КарасикГосударственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8306-5317 **E-mail:** vkarasik@yandex.ru.**Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции**

АННОТАЦИЯ. Рассматривается отражение мировой эпидемии в медийном дискурсе. Информацию в интернете о коронавирусе можно разбить на следующие группы сведений: 1) определение заболевания, его история и характеристики; 2) деятельность властей по борьбе с эпидемией; 3) прогнозы специалистов по развитию заболевания; 4) комментарии пользователей интернета об этом вирусе. Установлено несколько основных видов реакций на апокалиптическую угрозу нынешнего дня: 1) распространение информации о положении дел, 2) эмоциональный отклик на новости, 3) попытки найти рациональные или иррациональные объяснения случившемуся, 4) советы и рекомендации, 5) сведение информации к комическому абсурду и 6) откровенный троллинг интернет-сообщества ради сомнительного самоутверждения. Реакция активной части публики на информацию о коронавирусе в значительной степени эмоциональна, объяснения происходящего носят как рациональный, так и мистический характер, обвинения в адрес власти сводятся к обличению ее некомпетентности и политически маркированы, в публичном анонимном дискурсе высока доля сарказма и черного юмора. Исследование демонстрирует, что сетевой дискурс и блоги стали существенным компонентом медийной коммуникации, изменилось понимание достоверности распространяемых сведений в сфере массовой информации: если раньше напечатанные в газете или озвученные по радио или телевидению сведения многими воспринимались как достоверные, то в эпоху постмодерна фейки и факты заняли почти равные позиции в потоке новостей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; социальные сети; Интернет; интернет-дискурс; эпидемии; комментарий; интернет-комментарии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина; 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6; e-mail: vkarasik@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Карасик, В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 25-34. — DOI 10.26170/pl20-02-02.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Эпидемии с древних времен считаются одним из самых ужасных испытаний, выпадающих человечеству. В Апокалипсисе (6 глава Откровения Иоанна) названы четыре бедствия, аллегорически обозначенные в виде всадников на белом, рыжем, черном и зелено-ватом-бледном конях, трактуемые обычно как чума, война, голод и смерть. Успехи современной медицины свели на нет многие инфекционные болезни, такие как чума или оспа, от которых вымирали царства. Но неизбежно возникают новые биологические опасности, одной из которых стал коронавирус, внезапно появившийся в Китае в конце 2019 г. Эта болезнь, внешне похожая на грипп, характеризуется высокой степенью инфекционности и летальности, против нее пока не созданы надежные лекарства, хотя сразу же начались работы по изучению этого вируса. Был введен беспрецедентно жесткий карантин на всей территории Китая, но вирус вырвался за пределы страны и возник-

ла вероятность угрозы планетарного масштаба. В эпоху высокой мобильности населения вероятность такого бедствия стала важнейшей темой обсуждений на повседневном и официальном уровнях. Эта тема стала политически значимой [Чудинов 2012].

Освещение этой эпидемии в средствах массовой информации позволяет выявить ценности, с одной стороны, определяющие картину мира наших современников, с другой — показывающие столкновения разных точек зрения.

Аксиологические характеристики медийного дискурса неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [Буряковская 2014; Добросклонская 2008; Ефанов 2018; Желтухина 2014; Запрягаева, Шишлянникова 2015; Кожемякин 2010; Коньков 1997; Костомаров 1994; Фролова 2016; Чернышова 2009]. Эти свойства вытекают из триединой функции массовой информации — воздействие, информирование и развлече-

ние — и сводятся к формированию общественного мнения по актуальным вопросам современности, фокусировке внимания на важных аспектах предъявляемой информации и эмоциональной заряженности диалога журналиста с адресатом. При этом постулируется независимость средств массовой информации, и хотя общим местом является то, что степень такой независимости относительна, в демократическом обществе принято подчеркивать возможные несовпадения официальных позиций власти и прессы.

Широкое внедрение социальных сетей в современную коммуникативную практику привело к тому, что значительные массы населения подключились к комментированию циркулирующей информации, размывая границу между публичным и приватным общением. Сетевой дискурс и блоги стали существенным компонентом медийной коммуникации [Гермашева 2011; Горошко 2012; Горшкова 2013; Корконосенко 2012; Лутовинова 2009; Потсар 2007]. Изменилось наше понимание достоверности распространяемых сведений в сфере массовой информации: если раньше напечатанные в газете или озвученные по радио или телевидению сведения многими воспринимались как достоверные, то в эпоху постмодерна фейки и факты заняли почти равные позиции в массе новостей [Бородина 2016; Брагина 1999; Пром 2018; Слышкин 2007]. Определенная степень непрофессионализма приобрела характер подлинной подачи информации.

Информацию в интернете о коронавирусе можно разбить на следующие группы сведений: 1) определение заболевания, его история и характеристики; 2) деятельность властей по борьбе с эпидемией; 3) прогнозы специалистов по развитию заболевания; 4) отклики и комментарии пользователей интернета об этом вирусе.

Приведем размещенные в сети Интернет сведения о данном коронавирусе.

Коронавирус у людей

Новый вид вируса 2019-ncov был зафиксирован в декабре прошлого года в Китае в городе Ухань и адаптировался для передачи между людьми. По мнению ученых, коронавирус опасен тем, что вызывает быстрое развитие пневмонии.

Коронавирус — это целое семейство вирусов, которое включает более 30 видов. Виды объединены в 2 подсемейства. Они могут заражать не только человека, но и животных — кошек, собак, птиц, свиней и крупный рогатый скот.

Вирус был открыт в 1960 году и получил свое название из-за ворсинок на своей оболочке, стремящихся в различные сто-

роны и напоминающих корону. Известно, что коронавирусы могут вызывать целый ряд заболеваний — от обычной простуды до тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС или «атипичной пневмонии») (Комсомольская правда. www.kp.ru).

Приведенный текст представляет собой сумму основных сведений о сути заболевания (вирусная инфекция, точное название, место возникновения, особенности протекания болезни, энциклопедическая информация для неспециалистов).

Эта информация уточняется на начало марта 2020 г. в британской информационной службе BBC следующим образом:

Число смертей от коронавируса в мире превысило 3 тысячи, после того как Китай сообщил еще о 42 жителях страны, скончавшихся от этой болезни. Более 90 % всех смертельных случаев приходятся на китайскую провинцию Хубэй (там расположен город Ухань). Также смертельные случаи зарегистрированы еще в 10 других странах.

Более 50 человек скончались в Иране, более 30 человек — в Италии. Смертельные случаи составляют 2—5 % от числа заболевших. Для сравнения — число смертельных случаев от гриппа составляет обычно около 0,1 % от числа зараженных. Однако доля смертельных случаев от тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) и коронавируса ближневосточного респираторного синдрома (MERS) была значительно выше, чем от коронавируса Covid-19.

Всего в мире зарегистрировано почти 90 тысяч случаев заболевания коронавирусом. Сейчас инфекция распространяется быстрее за пределами Китая, чем в самом Китае. У большинства зараженных болезнь протекает в относительно легкой форме (BBC. www.bbc.com/russian/news).

Эти сведения свидетельствуют о серьезной опасности, которую данный вирус представляет для человечества. Приведенная статистика показывает, что болезнь приобретает характер пандемии, т. е. эпидемии планетарного масштаба. На сегодняшний день вакцины против этого заболевания еще нет. Обратим внимание на фокусирование внимания на данных о том, что этот коронавирус характеризуется высокой летальностью по сравнению с обычным гриппом, но вместе с тем отмечается, что доля смертельных случаев от подобных заболеваний раньше была значительно выше и большинство зараженных переносят эту болезнь относительно легко.

Эта взвешенная информация уточняется следующим образом:

However, infectious disease specialists at Imperial College London estimate about two thirds of cases originating in mainland China remain undetected worldwide (BBC). — Тем не менее, специалисты по инфекционным заболеваниям в лондонском Империиал-колледже полагают, что около трети зараженных на материковом Китае пока не выявлены по всему миру.

Обнаружены новые пути распространения вируса:

27 февраля в США зафиксирован первый случай COVID-19 «неустановленного происхождения». Речь идет о мужчине, который не выезжал в охваченные вирусом регионы мира и не контактировал ни с кем на территории США, у кого он был бы диагностирован. В данном случае речь идет о том, что COVID-19 начал «независимое» распространение на территории США (Российская газета. <https://rg.ru/2020/03/03>).

Для анализа деятельности властей по борьбе с эпидемией приведу данные, размещенные на сайте главного китайского информационного агентства «Синьхуа»:

Си Цзиньпин подчеркнул необходимость продвижения научных исследований по COVID-19

Пекин, 2 марта (Синьхуа). Председатель КНР Си Цзиньпин в понедельник подчеркнул необходимость скоординированного продвижения научных исследований относительно вызванной коронавирусом нового типа пневмонии (COVID-19), чтобы предоставить поддержку для победы в борьбе с эпидемией.

Такое заявление сделал Си Цзиньпин, являющийся также генеральным секретарем ЦК КПК и председателем Центрального военного совета, в ходе посещения Военно-медицинской академии Китая и медицинского института при университете Цинхуа в Пекине.

Во время своего визита Си Цзиньпин ознакомился с ходом работы в области исследований и применения вакцин, антител, лекарств и экспресс-тестов.

Приведенный текст показывает, что борьба с эпидемией в Китае рассматривается как важнейшая политическая задача, которая находится под контролем лидера страны. Руководство КНР предпринимает все необходимые меры по сдерживанию эпидемии (введен строгий карантин, осуществляются проверки населения, срочно строятся больницы) и разработке вакцины для прививок, экспресс-тестов и лекарств. Приоритетными являются научные исследования, которые интенсивно ведутся в медицинских научных центрах.

Заслуживает внимания следующая информация, размещенная на сайте «Синьхуа»:

Члены КПК в центральных и государственных органах делают денежные пожертвования на борьбу с коронавирусом нового типа.

В последние несколько дней члены Коммунистической партии Китая из центральных и государственных органов активно делали денежные пожертвования, чтобы помочь стране в борьбе с новой коронавирусной пневмонией (COVID-19), следуя призывам партийных организаций о пожертвованиях.

Партийные и государственные руководители взяли на себя ведущую роль в пожертвовании денег, демонстрируя свою заботу о медицинских работниках, низовых кадровых работниках, сотрудниках полиции, общественных работниках в микрорайонах, и других людях, которые работают на переднем крае борьбы с COVID-19.

Борьба с коронавирусом потребовала существенного напряжения всей экономики страны. Члены Коммунистической партии Китая, находящиеся на высоких государственных должностях, демонстрируют, как показано в приведенном тексте, свою готовность внести конкретный вклад в экономическую поддержку тех, кто находится на переднем крае борьбы с эпидемией — медицинских работников, сотрудников полиции и добровольцев. Отметим, что в организационном и экономическом отношении такие пожертвования вряд ли значимы для осуществления масштабных мер государственной борьбы с этим инфекционным заболеванием. Понятно, что Китай, совершивший гигантский технологический скачок в последние десятилетия, найдет средства для решения этих проблем. Но важен человеческий момент выражения солидарности власти с народом. Вспомним, что во время Великой Отечественной войны в нашей стране были подобные факты, когда колхозники на заработанные деньги посылали на фронт танки, а менее обеспеченные граждане страны отправляли бойцам теплую одежду.

В борьбе с коронавирусом используют все доступные средства массовой информации:

В бой с коронавирусом в Китае идет пропаганда: на улицах городов развешены красные растяжки с лозунгами, призывающими народ бороться с распространением вируса. Причем встречаются как устрашающие лозунги («Те, кто температурит и скрывает это, — классовые враги, скрывающиеся среди народа»), так и почти юмористические вроде «Оставайтесь до-

ма. У вас есть друзья: кондиционер, телевизор и беспроводной интернет». Доходит и до перегибов на местах: например, в одной из деревень провинции Аньхой полиция разгромила помещение для игры в маджонг и сломала все автоматы, чтобы жители не собирались вместе (www.kommersant.ru).

Приведенная информация свидетельствует о понимании борьбы с эпидемией как важной политической задачи, решение которой направлено на консолидацию общества.

Обратимся к опубликованным в СМИ прогнозам специалистов относительно перспектив борьбы с коронавирусом.

Эти прогнозы носят как оптимистический, так и пессимистический характер:

Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт вакцин и сывороток Федерального медико-биологического агентства России намерен создать вакцину от нового типа коронавируса в третьем квартале 2020 года. Об этом сообщает РИА «Новости». По словам специалистов, в четвертом квартале они уже планируют начать доклинические исследования на мышах. В НИИ утверждают, что исследования займут несколько месяцев. При этом появление вакцины в качестве зарегистрированного лекарственного препарата ожидается в середине 2021 года (www.gazeta.ru).

Заявление о намерении вызывает очень сдержанный оптимизм, но осторожность специалистов основана на понимании реальных сроков проведения таких исследований.

В редакционной статье газеты «New York Times» под названием «Here Comes the Coronavirus Pandemic» — «Вот он, коронавирус пандемический» сказано следующее:

A global pandemic is all but certain, but there are many unknowns: Will the virus itself prove to be less contagious or far less deadly than is currently feared? Will it show a tendency to recede in warmer weather the way that seasonal flu does? Can a vaccine be made quickly available? — Нет сомнений в глобальной пандемии, но остается много неизвестного: Окажется ли этот вирус менее заразным и менее смертоносным, чем то, чего мы опасаемся? Проявится ли у него тенденция к затуханию в теплую погоду, как это бывает с сезонным гриппом? Будет ли скоро доступной вакцина?

To wage the best fight against any pandemic, the country needs more than vaccines and medical supplies. It needs reliable diagnostics, advanced disease monitoring systems and sensible drug development. One of the most reliable ways to develop those things is through federal research and development. It's discon-

certing that for every fiscal year of his presidency so far, Mr. Trump has called for deep cuts to the Centers for Disease Control and Prevention and the National Institutes of Health. — Чтобы успешно вести борьбу с любой пандемией, стране нужно нечто большее, чем вакцины и запасы лекарств. Нужна надежная диагностика, современные системы мониторинга заболеваний и разумное развитие фармакологии. Один из самых надежных способов достижения этого — исследовательские программы на федеральном уровне. Прискорбно, что перед каждым фискальным годом своего президентства господин Трамп призывал к существенным сокращениям финансирования Центров контроля и предупреждения заболеваний и Национальных институтов здоровья (www.nytimes.com/opinion).

Авторы, обобщив наблюдения и выводы американских эпидемиологов и медиков, приходят к выводу о неподготовленности страны к нашествию глобального вируса, не первого и не последнего. Они признают, что, возможно, страхи преувеличены и с наступлением весны и лета ситуация нормализуется и ученые создадут вакцину. Но требуется иной, более масштабный подход к ведению большой войны с пандемией. В конце статьи высказана серьезная критика в адрес президента Дональда Трампа, который не выделяет нужных средств для деятельности соответствующих служб. И становится понятно, что тема коронавирусной пандемии — это один из аргументов в политическом противоборстве Демократической и Республиканской партий в преддверии президентских выборов в США.

Отношение к коронавирусной эпидемии на бытовом уровне свидетельствует о том, что наши современники фаталистически оценивают перспективы борьбы с этой болезнью:

Пациентка первой московской инфекционной больницы рассказала журналистам, что персонал не носил маски, потому что не верил в коронавирус: «Мы не верим в этот коронавирус, все мы под Богом ходим» (www.gazeta.ru).

Действительно, марлевые маски требуют частой смены и в большей мере нужны для того, чтобы не заразить окружающих. Но высказывание медсестры в инфекционной больнице, в которую был доставлен человек с положительной реакцией на коронавирус, показывает, что мы недалеко ушли от жителей средневековых городов, которые во время больших эпидемий устраивали шествия с молитвами, надеясь только на помощь свыше.

Реакции наших современников — участников сетевых сообществ — дают возможность выделить несколько основных позиций в оценке коронавируса.

Выделяются комментарии, авторы которых утверждают, что эта эпидемия — предвестие конца света:

Все переболеют. Многие умрут. Маски скупают глупцы, думают спастись. Коронавирус имеет библейское начало. Скоро весь мир будет пылать. Мор, землетрясения, глады — это только начало. Хаос, вот что нужно диаволу, чтобы явить антихриста. Мы живем в последние времена (www.zen.NN).

Подобные апокалиптические настроения регулярно прослеживаются в интернет-дискурсе в связи с очередной кометой, предсказаниями Нострадамуса или Ванги, определенными датами или эпидемиями.

Следующая позиция является конспирологической — вирус был разработан как биологическое оружие против Китая, а также остального мира:

Интересно, приложило ли США свою руку к появлению вируса, это очень в их стиле. Если вирус искусственного происхождения, то его разработка должна была занять несколько лет, и выпустили бы его только тогда, когда была готова вакцина. Но вот только смертность у вируса относительно не высокая, что совершенно не соответствует парадигме сокращения населения Земли до 1 золотого миллиарда. Но так же это может быть только пробой... Или может быть цель не сокращение населения, а ослабление экономики мира, ослабление определенных стран, на слабых же проще влиять... (https://zen.yandex.ru/archofuniverse).

А что если Трамп осуществляет свою затею вернуть все производство из Китая в США? Если это его рук дело, то тогда он просто гений. Ибо тогда амеровские товары будут в США делаться опять, причем он убивает соперника в виде Китая, и делает США богаче (http://thebigone.com).

Конспирологические объяснения по своей природе архетипичны: должен быть могучий враг, «иначе играть не интересно».

Высказана и абсурдная точка зрения — вирус был намеренно распространен в Китае собственным правительством для того, чтобы обрушить всю мировую экономику, поскольку она в значительной мере зависит от экономики Китая:

20 млрд за 2 дня, или как Китай обвел мир вокруг пальца

Так произошло, что практически половина акций компаний Китая принадлежала

иностранным инвесторам, и, соответственно, все деньги шли им. Это не могло устраивать китайское правительство. Дальше идет череда «совпадений», хотя так это назвать однозначно нельзя. В Ухане появляется некий коронавирус, юань падает, в городе нет даже элементарно масок. Каким-то случайным образом никто не делал ничего, чтобы поддержать курс и поставить в город маски. Ситуация ухудшалась с каждым днем и европейские инвесторы решили продать свои акции до того, как они обесценятся окончательно. Чуть ли не в ту же секунду все эти акции скупил китайское правительство (zen.yandex.ru/id).

Подобная информация представляет собой откровенный троллинг и свидетельствует об отсутствии у автора этого сообщения этических принципов, и прежде всего естественного человеческого сострадания к жертвам эпидемии.

Следует отметить, что ряду недостойных комментариев по поводу информации о вирусе из Китая противопоставлены голоса тех, кто осуждает таких комментаторов:

Вирус, с которым всеми силами борется сейчас Поднебесная, не сплотил весь мир вокруг одной беды, а только наоборот, дал выход человеческому яду и беспределу СМИ. Сколько частных историй, где китайцев стали притеснять по одному только национальному признаку! Мне стыдно за работников аэропортов, что не стесняются брезгливых высказываний в сторону пассажиров из Китая, думая, что они не понимают. Мне стыдно за кафе в разных углах планеты, отказавшиеся обслуживать китайцев. И в целом стыдно за тех, кто тыкает пальцем в людей, только потому, что они другой национальности (https://zen.yandex.ru/marygoesround).

Отметим, что преобладают голоса тех, кто старается рационально объяснить происходящее, не преуменьшая опасность эпидемии, но и не нагнетая страха:

В мире каждый год происходят эпидемии разных вирусных заболеваний. Россия — не самая благоприятная страна для эпидемий (даже в крупных городах у нас нет такой скученности, как в азиатских мегаполисах, да и холодно).

Надо ли бояться вируса?

Нет. Бояться вообще ничего не стоит, лучше сохранять спокойствие и не пытаться срочно куда-то броситься, что-то сделать и этим нанести себе и детям пользу.

А что делать?

Рекомендации нормальных врачей относительно нового вируса крайне скучны и

банальны: чаще мыть руки, хорошо питаться, достаточно спать, гулять на свежем воздухе.

Никаких препаратов, которые профилактируют любые заражения, нет и быть не может. А***л, оц****м, любые -фероны и даже т***лю (последний с доказанной эффективностью от гриппа) не нужны. Много витамина С тоже пить не нужно. Вообще ничего не нужно начинать пить и есть, если ранее вы это не пили и не ели по рекомендации врача.

При любом заболевании, будь то ОРВИ или грипп, стоит брать больничный и спокойно лечиться дома. Не только чтобы не заражать других (слабый аргумент), но в первую очередь ради себя.

Но на таких рекомендациях не сделаешь ни много просмотров и кликов, ни кассу в аптеке. Поэтому и неинтересно (<https://zen.yandex.ru/motherdragon>).

В приведенном тексте блогер стоит на позициях здравого смысла. Обратим внимание на то, что названия популярных лексиконств зашифрованы, хотя читатели сразу поймут, что речь идет об арбидоле и других медикаментах (открытое их название может быть расценено представителями фармакологических фирм как диффамация — намеренное причинение ущерба путем распространения негативной информации).

Блогер из США выражает более пессимистическое понимание проблемы:

We live at a time when it seems like much of the world has gone nuts. Most people believe whatever they feel like believing, and most people do whatever they feel like doing. Here in the United States, it appears that this outbreak is far more extensive than we are being told. As the U.S. starts to finally ramp up testing, it is inevitable that a lot more existing cases will be found. This is not a drill. This is an exceedingly dangerous virus that is killing people all over the planet, and we need to prepare for a scenario in which this crisis could extend for many months or even for several years (www.zero.hedge.com). — Мы живем во времена, когда кажется, что многие в этом мире свихнулись. Большинство людей верит в то, во что хочется верить, и большинство делает то, что им заблагорассудится делать. Здесь, в США, как оказалось, эта вспышка эпидемии более велика, чем нам говорили. По мере того, как в стране наконец-то разворачивается тестирование зараженных, неизбежно, что будет обнаружено много заболевших. Это не тренировка. Это чрезвычайно опасный вирус, который убивает людей по всей планете, и мы должны быть готовы к сценарию, в кото-

ром этот кризис растянется на много месяцев или даже несколько лет.

Если предыдущий текст был вызван желанием успокоить людей, то данный комментарий направлен на то, чтобы люди приготовились к долговременному пребыванию в неблагоприятной и опасной ситуации.

Весьма репрезентативны позиции комментаторов, которые обсуждают выработку должной реакции на информацию о вирусе:

Лидер фракции ЛДПР в Госдуме Владимир Жириновский предложил временно ввести в РФ смертную казнь за распространение ложной информации о ситуации с коронавирусом. По его словам, передает РИА «Новости», такие жесткие меры необходимы, чтобы пресекать возможную панику. Жириновский напомнил о ситуации 1941 года, когда немцы наступали на Москву. «Разрешили московской милиции паникеров расстреливать. Прекратилась паника. Человек сто расстреляли — и тишина», — указал лидер ЛДПР. Он считает, что и сейчас это поможет остановить «панические настроения» из-за коронавируса (www.rosbalt.ru).

Заметим, что это мнение выражает известный политик.

Активно ведется критическое обсуждение недобросовестных попыток получить выгоду из сложившейся ситуации:

Если перевести число умерших к числу переболевших, то получится 7 %. А если взять число умерших к числу заболевших, то получится — 3,4 %. Много ли это? Я думаю, что да, если сравнивать с другими респираторными заболеваниями. Но это значительно меньше, чем 40 %, как я думала вначале, когда увидела диаграмму канала iz.ru. Вот для чего популярный канал так делает? Еще и сопровождает репортаж апокалиптической мелодией, нагнетает. Я все понимаю, паника населения поднимает рейтинг канала, увеличивает аудиторию. Но меня не покидает ощущение, что все каналы решили посоревноваться, кто же снимет самый пугающий репортаж про Коронавирус, и в ход идут «грязные» приемы (https://zen.yandex.ru/media/anna_karenina).

В блогах предпринимаются попытки рационально объяснить сложившуюся ситуацию:

Вирусы, болезнетворные бактерии — миллиарды — в воздухе вокруг нас. Заболевание случается, только если ослаблен иммунитет, и то не у всех. Известно процентное количество людей, которые вообще не заболевают тем или другим. Примерно 10-15 % не поддающихся (Живой журнал, <https://v-29.livejournal.com/301818.html>).

Наряду с этими позициями имеет место выражение стоического отношения к этой болезни:

С возможным наступлением пандемии (коронавируса) и неопределённостью, переходящей в лёгкую панику, подумалось:

Есть ли смысл писать завещание, если его некому будет читать и исполнять? Как лучше провести возможный «остаток жизни» — в тревоге, в сибаритстве, в меланхолии, в безудержности, в молитвах, в рытье бункера, в размышлениях о смысле бессмысленной жизни, в радостных воспоминаниях о том, что всё же удалось пови́дать и сделать в этой жизни? (fb. NN).

В комментариях прослеживается критическое отношение к представителям власти, реакция которых оказалась неадекватной постигшей нас беде, а также к нашим современникам, строившим планы поехать во время отпуска за границу:

Рано или поздно это все равно случилось бы. У туристов же с осени уплачено, они ни перед чем не останавливаются, бабло пропадет. Лучше сдохнуть, но ехать. Хотя он то вылечится, а вот старики в его окружении... (((В общем, решают проблему с пенсиями во всем мире. И ведь как удачно все это началось, как только решили, что слишком много пожилых на планете развелось, так и вирус вдруг вылез в мир (https://zen.yandex.ru).

Заключительный комментарий соответствует конспирологической версии отношения к эпидемии: некоторые полагают, что этот вирус специально выращен сторонниками мальтузианской теории, согласно которой планете грозит перенаселение. Известно, что коронавирус наиболее опасен пожилым и ослабленным людям.

Обращает на себя внимание позиция, которая сводится к стёбу и возможности посмеяться над вирусом, над нашими легковерными современниками и над многими «полезными советами», циркулирующими в социальных сетях:

Чтобы не принести вирус в дом воткните в порог две булавки крестом. На поверхности металла вирус проживет 12 часов, если он молодой, и всего пять минут, если уже совсем старенький. ... Вирус погибает в открытом огне, от удара палкой, от радиации, в кислоте или от старости. Долго спите, ешьте пюрешку с курочкой, гуляйте в парке, пейте коньяк. ... Овнам и стрельцам не нужно позволять незнакомцам чихать и кашлять в свои полости, девам лизать перила, скорпионам доедать за кошкой, близнецам стоит воздержаться от скоропалительных сноше-

ний с бездыханными азиатами в метро. При контакте с зараженным резко оттолкните его от себя двумя руками, крикните: «Чур-чур, не моя зараза, ни моих родных, ни моих знакомых!»

Пейте больше теплой водки (https://exler.ru).

Получил распространение и чёрный юмор:

Друг из Китая сказал, что лучше не брать коронавирус Covid-19, так как в сентябре выйдет новая версия Covid-20 (https://humor.rin.ru).

Во времена больших потрясений люди пытаются спастись по-разному: одни ищут практические пути для того, чтобы выжить и помочь близким, другие цепенеют или впадают в панику, у третьих проявляется нервный срыв в виде истерического смеха, четвертые хотят выявить и наказать виноватых.

Приведенные комментарии дают возможность выделить несколько основных видов реакций на апокалиптическую угрозу нынешнего дня: это распространение информации о положении дел, эмоциональный отклик на новости, попытки найти рациональные или иррациональные объяснения случившемуся, советы и рекомендации, сведение информации к комическому абсурду и откровенный троллинг интернет-сообщества ради сомнительного самоутверждения.

Резюмирую.

Мировая эпидемия способствует поляризации как здоровых и больных людей, так и человечности и бесчеловечности. Новости о коронавирусе и отклики на них в медийном дискурсе и социальных сетях свидетельствуют о том, что критичность восприятия информации во времена потрясений резко понижается. В массиве официальной информации об эпидемии преобладает рациональное изложение фактов, дополненное целесообразными рекомендациями о поведении в сложившихся обстоятельствах и иллюстрирующее решимость власти держать ситуацию под контролем. Реакция активной части публики на эту информацию в значительной степени эмоциональна, объяснения происходящего носят как рациональный, так и мистический характер, обвинения в адрес власти сводятся к обличению ее некомпетентности и политически маркированы, в публичном анонимном дискурсе высока доля сарказма и черного юмора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородина, С. Н. Прагматический механизм реализации слухов в современном английском, французском и русском медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бородина С. Н. — Москва, 2016. — 28 с. — Текст : непосредственный.

2. Брагина, Н. Г. Имплицитная информация и стереотипы дискурса / Н. Г. Брагина. — Текст : непосредственный // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 43—57.
3. Буряковская, В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков) : моногр. / В. А. Буряковская. — Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. — 228 с. — Текст : непосредственный.
4. Гермашева, Т. М. Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гермашева Т. М. — Нальчик, 2011. — 21 с. — Текст : непосредственный.
5. Горошко, Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры / Е. И. Горошко. — Текст : непосредственный // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : коллектив. моногр. / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — С. 9—52.
6. Горшкова, Е. И. Блог как вид интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горшкова Е. И. — Санкт-Петербург, 2013. — 22 с. — Текст : непосредственный.
7. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : учеб. пособие для вузов / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 264 с. — Текст : непосредственный.
8. Ефанов, А. А. Социально-психологические последствия медиадействия : моногр. / А. А. Ефанов. — Оренбург : ИПК ОГУ, 2018. — 219 с. — Текст : непосредственный.
9. Желтухина, М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата : учеб. пособие / М. Р. Желтухина. — Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. — 91 с. — Текст : непосредственный.
10. Запрягаева, М. Я. Способы создания пейоративной оценки в языке «вражды» (на материале новой лексики масс-медиа) / М. Я. Запрягаева, А. М. Шишляникова // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа : сб. статей / под ред. Л. Р. Дускаевой ; отв. ред. Н. С. Цветова. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. — С. 219—223.
11. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякина. — Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 2 (73). — Вып. 11. — С. 13—21.
12. Коньков, В. И. Бульварная пресса как тип речевого поведения / В. И. Коньков. — Текст : непосредственный // Ло-

гос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса) : сб. науч. тр. / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. — Санкт-Петербург : Бриг-Экспо, 1997. — С. 38—44.

13. Корконосенко, С. Г. Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций? / С. Г. Корконосенко. — Текст : непосредственный // Ученые записки Забайкальского государственного педагогического университета. Серия: Филология, история, востоковедение. — 2012. — № 2 (43). — С. 234—239.
14. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — Москва : Педагогика-Пресс, 1994. — 248 с. — Текст : непосредственный.
15. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. — Волгоград : Перемена, 2009. — 477 с. — Текст : непосредственный.
16. Потсар, А. Н. Интернет как среда речевой коммуникации / А. Н. Потсар. — Текст : непосредственный // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект / под ред. В. И. Конькова. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — С. 254—261.
17. Пром, Н. А. Объективность-субъективность: амбивалентность концепта «медиафакт» / Н. А. Пром. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 10 (133). — С. 89—95.
18. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт «страшное» в смеховой картине мира / Г. Г. Слышкин. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Изд-во «Индрик», 2007. — С. 454—464.
19. Тошович, Б. Интернет-стилистика : моногр. / Б. Тошович. — Москва : Флинта : Наука, 2015. — 238 с. — Текст : непосредственный.
20. Фролова, О. Е. О манипулятивных приемах в СМИ / О. Е. Фролова. — Текст : непосредственный // Учимся говорить по-русски. Речь электронных СМИ в контексте медиастилистики : коллектив. моногр. / под ред. Е. Л. Вартановой. — Москва : Фак. журн. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. — С. 139—150.
21. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России : моногр. / Т. В. Чернышова. — Изд. 3-е, перераб. — Москва : Изд-во ЛКИ (УРСС), 2009. — 296 с. — Текст : непосредственный.
22. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53—59.

V. I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8306-5317

 E-mail: vkarasik@yandex.ru.

Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions

ABSTRACT. *The paper deals with the world epidemic reflection in mass media discourse. The information about coronavirus may be grouped under the following titles: 1) disease definition, its history and characteristics, 2) activities of the authorities to fight the epidemic, 3) prognoses of specialists concerning its development, 4) commentaries of internet users about it. Typical reactions to apocalyptic threat of today make up the following groups: 1) dissemination of information about the situation, 2) emotional response to the news, 3) tentative efforts to find rational or irrational explanation of the facts, 4) advice and recommendations, 5) reduction of information to comical absurdity, 6) insolent trolling the internet community for questionable self-affirmation. The reaction of the active network audience to the coronavirus news is often very emotional, explanations are both rational and mystical, authorities are blamed for their incompetence and corruption and they are politically charged; public anonymous discourse has a high degree of sarcasm and grim humor. The study shows that the social networking discourse and blogs have become an important component of media communication, and the attitude to the credibility of the news disseminated by mass media has changed: if the news published in a paper or transmitted over the radio or television were accepted by many people as true a few decades ago, now, in the postmodern era, fakes and facts occupy almost equal positions in news streams.*

KEYWORDS: *media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; social networking sites; Internet; Internet discourse; epidemics; commentary; Internet commentaries.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Karasik Vladimir Il'ich, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow.*

FOR CITATION: *Karasik, V. I. Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions / V. I. Karasik // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 25-34. — DOI 10.26170/pl20-02-02.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Scientific Project № 19-012-00609 A «Modern Russian Axiosphere: Semantic and Pragmatic Transformation of the Russian Cultural Code».*

REFERENCES

- Borodina, S. N. Pragmatic Mechanism for the Implementation of Rumors in Modern English, French and Russian Media Discourse : resume of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Borodina S. N. — Moscow, 2016. — 28 p. — Text : unmediated. [Pragmaticheskiy mekhanizm realizatsii slukhov v sovremennom angliyskom, frantsuzskom i russkom mediadiskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Borodina S. N. — Moskva, 2016. — 28 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Bragina, N. G. Implicit Information and Stereotypes of Discourse / N. G. Bragina. — Text : unmediated // *Implicit in Language and Speech* / resp. ed. E. G. Borisova, Yu. S. Martemyanov. — Moscow : Languages of Russian Culture, 1999. — P. 43—57. [Implitsitnaya informatsiya i stereotipy diskursa / N. G. Bragina. — Tekst : neposredstvennyy // Implitsitnost' v yazyke i rechi / otv. red. E. G. Borisova, Yu. S. Martemyanov. — Moskva : Yazyki russkoy kultury, 1999. — S. 43—57]. — (In Rus.)
- Buryakovskaya, V. A. Communicative Characteristics of Mass Culture in Media Discourse (based on Russian and English languages) : monograph / V. A. Buryakovskaya. — Volgograd : Publishing House of VGSPU "Change", 2014. — 228 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye kharakteristiki massovoy kultury v mediynom diskurse (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) : monogr. / V. A. Buryakovskaya. — Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014. — 228 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Germasheva, T. M. The Linguistic Personality of the Subject of Blog Discourse: Linguo-cognitive Aspect : resume of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Germasheva T. M. — Nalchik, 2011. — 21 p. — Text : unmediated. [Yazykovaya lichnost' sub'ekta blog-diskursa: lingvokognitivnyy aspekt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Germasheva T. M. — Nal'chik, 2011. — 21 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Goroshko, E. I. Modern Internet Communication: Structure and Basic Parameters / E. I. Goroshko. — Text : unmediated // *Internet Communication as a New Speech Formation: collective monograph / scientific ed. T. N. Kolokoltseva, O. V. Lutovinova.* — Moscow : Flinta : Nauka, 2012. — P. 9—52. [Sovremennaya internet-kommunikatsiya: struktura i osnovnye parametry / E. I. Goroshko. — Tekst : neposredstvennyy // Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya : kollektiv. monogr. / nauch. red. T. N. Kolokoltseva, O. V. Lutovinova. — Moskva : Flinta : Nauka, 2012. — S. 9—52]. — (In Rus.)
- Gorshkova, E. I. Blog as a Form of Internet Communication : resume of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Gorshkova E. I. — St. Petersburg, 2013. — 22 p. — Text : unmediated. [Blog kak vid internet-kommunikatsii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Gorshkova E. I. — Sankt-Peterburg, 2013. — 22 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Dobrosklonskaya, T. G. Medialinguistics: a Systematic Approach to the Study of the Language of the Media : teaching aid for universities / T. G. Dobrosklonskaya. — Moscow : Flinta : Nauka, 2008. — 264 p. — Text : unmediated. [Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI : ucheb. posobie dlya vuzov / T. G. Dobrosklonskaya. — Moskva : Flinta : Nauka, 2008. — 264 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Efanov, A. A. Socio-psychological Consequences of Media Exposure : monograph / A. A. Efanov. — Orenburg : IPK OGU, 2018. — 219 p. — Text : unmediated. [Sotsial'no-psikhologicheskie posledstviya mediavozdeystviya : monogr. / A. A. Efanov. — Orenburg : IPK OGU, 2018. — 219 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Zheltukhina, M. R. The Impact of Media Discourse on the Recipient: teaching aid / M. R. Zheltukhin. — Volgograd : Publishing House of VGSPU "Change", 2014. — 91 p. — Text : unmediated. [Vozdeystvie mediadiskursa na adresata : ucheb. posobie / M. R. Zheltukhina. — Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014. — 91 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Zapryagaeva, M. Ya. Methods of Creating A Peiorative Assessment in the Language of "Hostility" (based on the new mass media vocabulary) / M. Ya. Zapryagaeva, A. M. Shishlyannikova // *Medialinguistics. Vol. 4. Professional Voice Communication in Mass Media: collection of articles* / Ed. L. R. Duskayeva ; open ed. N. S. Tsvetova. — St. Petersburg : St. Petersburg State University, Institute of Higher school journal and mass Communications, 2015. — S. 219—223. [Sposoby sozdaniya peyorativnoy otsenki v yazyke «vrazhdy» (na materiale novoy leksiki massmedia) / M. Ya. Zapryagaeva, A. M. Shishlyannikova // Medialingvistika. Vyp. 4. Professional'naya rechevaya kommunikatsiya v massmedia : sb. statey / pod red. L. R. Duskaevoy ; otv. red. N. S. Tsvetova. — Sankt-Peterburg : S.-Peterb. gos. un-t, in-t «Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikatsiy», 2015. — S. 219—223]. — (In Rus.)
- Kozhemyakin, E. A. Mass Communication and Media Discourse: Towards the Research Methodology / E. A. Kozhemyakin. — Text : unmediated // *Scientific Reports of Belgorod State University. Series : Humanities.* — 2010. — No. 2 (73). — Vol. 11. — P. 13—21. [Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya / E. A. Kozhemyakina. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. — 2010. — № 2 (73). — Vyp. 11. — S. 13—21]. — (In Rus.)
- Kon'kov, V. I. The Tabloid Press as a Type of Speech Behavior / V. I. Kon'kov. — Text : unmediated // *Logos, Society, Sign (to study the problems of the phenomenology of discourse) : collection of science works / resp. ed. B. Ya. Misonzhnikov.* — St. Petersburg : Brig-Expo, 1997. — P. 38—44. [Bul'varnaya pressa kak tip rechevogo povedeniya / V. I. Kon'kov. — Tekst : neposredstvennyy // Logos, obshchestvo, znak (k issledovaniyu problemy fenomenologii diskursa) : sb. nauch. tr. / otv. red. B. Ya. Misonzhnikov. — Sankt-Peterburg : Brig-Ekspo, 1997. — S. 38—44]. — (In Rus.)
- Korkonosenko, S. G. Journalism of Online Media: a Change in Research Paradigms or a Continuation of Traditions? / S. G. Korkonosenko. — Text : unmediated // *Scientific Notes of the Trans-Baikal State Pedagogical University. Series: Philology, History, Oriental Studies.* — 2012. — No. 2 (43). — P. 234—239. [Zhurnalistika setevykh SMI: smena issledovatel'skikh paradigmat ili prodolzhenie traditsiy? / S. G. Korkonosenko. — Tekst : neposredstvennyy // Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie. — 2012. — № 2 (43). — S. 234—239]. — (In Rus.)
- Kostomarov, V. G. Language Taste of the Era. From Observations of the Speech Practice of the Media / V. G. Kostomarov. — Moscow : Pedagogy-Press, 1994. — 248 p. — Text : unmediated. [Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniya nad rechevoy praktikoy mass-media / V. G. Kostomarov. — Moskva : Pedagogika-Press, 1994. — 248 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Lutovinova, O. V. Linguocultural Characteristics of Virtual Discourse / O. V. Lutovinova. — Volgograd : Change, 2009. — 477 p. — Text : unmediated. [Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa / O. V. Lutovinova. — Volgograd : Peremena, 2009. — 477 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Potsar, A. N. Internet as a Medium of Verbal Communication / A. N. Potsar. — Text : unmediated // *Russian Speech in the*

Media: Stylistic Aspect / ed. V. I. Kon'kova. — St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg. University, 2007. — S. 254—261. [Internet kak sreda rechevoy kommunikatsii / A. N. Potsar. — Tekst : neposredstvennyy // Russkaya rech' v sredstvakh massovoy informatsii: stilisticheskiy aspekt / pod red. V. I. Kon'kova. — Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. — S. 254—261]. — (In Rus.)

17. Prom, N. A. Objectivity-subjectivity: the Ambivalence of the Concept of “Media fact” / N. A. Prom. — Text : unmediated // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. — 2018. — No. 10 (133). — S. 89—95. [Ob"ektivnost'-sub"ektivnost': ambivalentnost' kontsepta «mediafakt» / N. A. Prom. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2018. — № 10 (133). — S. 89—95]. — (In Rus.)

18. Slyshkin, G. G. The Linguistic-cultural Concept “Terrible” in the Laughable Picture of the World / G. G. Slyshkin. — Text : unmediated // Logical Analysis of the language. Linguistic Mechanisms of Comicism / resp. ed. N. D. Arutyunova. — Moscow : Indrik Publishing House, 2007. — P. 454—464. [Lingvokul'turnyy kontsept «strashnoe» v smekhovoy kartine mira / G. G. Slyshkin. — Tekst : neposredstvennyy // Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma / otv. red. N. D. Arutyunova. — Moskva : Izd-vo «Indrik», 2007. — S. 454—464]. — (In Rus.)

19. Toshovich, B. Internet-style : monograph. / B. Toshovich. — Moscow : Flinta : Science, 2015. — 238 p. — Text : unmediated. [Internet-stilistika : monogr. / B. Toshovich. — Moskva : Flinta :

Nauka, 2015. — 238 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Frolova, O. E. On Manipulative Techniques in the Media / O. E. Frolova. — Text : unmediated // Learning to Speak Russian. Electronic Media Speech in the Context of Media Stylistics : collective. monograph / ed. E. L. Vartanova. — Moscow : Fac. of Journalism of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 2016. — S. 139—150. [O manipulyativnykh priemakh v SMI / O. E. Frolova. — Tekst : neposredstvennyy // Uchimsya govorit' po-russki. Rech' elektronnykh SMI v kontekste mediastilistiki : kolektiv. monogr. / pod red. E. L. Vartanovoy. — Moskva : Fak. zhurn. MGU im. M. V. Lomonosova, 2016. — S. 139—150]. — (In Rus.)

21. Chernyshova, T. V. Media Texts in the Mental-linguistic Space of Modern Russia : monograph / T.V. Chernyshova. — Ed. 3rd, rev. — Moscow : Publishing House of LCI (URSS), 2009. — 296 p. — Text : unmediated. [Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoy Rossii : monogr. / T. V. Chernyshova. — Izd. 3-e, pererab. — Moskva : Izd-vo LKI (URSS), 2009. — 296 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Chudinov, A. P. Discursive Characteristics of Political Communication / A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2012. — No. 2 (40). [Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii / A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 2 (40). — S. 53—59]. — (In Rus.)

Т. П. Карпухина

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8872-3507 **E-mail:** tkarpukhina1@mail.ru.

Прецедент и его роль в медиарепрезентации личности президента США Д. Трампа (на материале статей об импичменте)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению роли прецедентного феномена в репрезентации личности действующего президента США в американском политическом медиадискурсе. Материалом анализа послужили две аналитических статьи, публикация которых совпала с началом кампании подготовки процедуры импичмента президента, инициированной Демократической партией США. Освещая информационное событие — импичмент Д. Трампа, медиатексты апеллируют к прецедентной ситуации Уотергейта, приведшей к отставке президента Никсона в 1974 году. При этом статьи различаются в расстановке акцентов, в концентрации внимания на обличении Д. Трампа в первой статье и критике Г. Зондланда, его обвинителя, во второй. В первой статье уподобление импичмента Трампа прецедентной ситуации Уотергейта основывается на нерелевантных, периферийных признаках, что делает уподобление недостоверным. Во второй статье вычлняются существенные, дифференциальные признаки Уотергейтского скандала, которым, как показано, ситуация с импичментом Трампа также не соответствует. Статьи демонстрируют реализацию противоположенных дискурсивных стратегий — на значительное, эксплицитное понижение объекта оценивания (Д. Трампа) в одном случае и на его имплицитное повышение в другом. Это свидетельствует о неоднозначности медиарепрезентации личности Д. Трампа в анализируемых статьях, явной пейорации в одном случае и неявной мелiorации в другом, несмотря на референцию к прецеденту, трактуемому однозначно негативно в американской лингвокультуре. Анализ показывает, что определяющую роль в характеристике личности или события играет не прецедент, а контекст его употребления, предопределенный позицией автора статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; импичмент; прецедентные феномены; медиарепрезентации; политический дискурс; лингвоперсоналогия; американские президенты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Карпухина Тамара Петровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; e-mail: tkarpukhina1@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Карпухина, Т. П. Прецедент и его роль в медиарепрезентации личности президента США Д. Трампа (на материале статей об импичменте) / Т. П. Карпухина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 35-43. — DOI 10.26170/pl20-02-03.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из эффективных приемов речевого воздействия, активно осваиваемых современными средствами массовой информации, является использование категории прецедентности, отсылающей к значимым экстралингвистическим явлениям, получившим языковое выражение, образ которых закреплен в общественном сознании.

Категория прецедентности, впервые исследованная Ю. Н. Карауловым на материале текста, получила дальнейшую разработку в трудах таких ученых, как В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Г. Г. Слышкин, А. Е. Супрун, О. А. Ворожцова, Ю. А. Гунько, Е. А. Нахимова, Ю. Е. Прохоров, С. Л. Кушнерук, Е. В. Милосердова, Л. В. Лаенко, Н. В. Петрова, С. Н. Долевец, А. А. Евтюгина и др.

Категория прецедентности рассматривалась в рамках разных научных дисциплин и теорий: лингвокультурологии [Слышкин 2000;

Банникова 2004; Саблукова 2014]; когнитивной лингвистики [Красных и др. 1997]; межкультурной коммуникации [Иванова, Чанышева 2014]; ономастики [Нахимова 2011]; в теории и практике исследования дискурса: политического [Гудков 2003; Вацковская 2008; Солопова, Чудинов, Шлемова 2017]; юмористического [Проскурина 2004]; поэтического [Веденева 2008]; в теории языковой личности [Караулов 2003; Горюва И. Г., Горюва Н. Н. 2015]; в теории прецедентных миров [Балашова 2008; Сидорова 2012].

Рассматриваемые с позиций лингвосомиотики и психологии восприятия, прецедентные феномены предстают как «готовые знаки, которые хранятся в памяти человека в виде инвариантов восприятия и при необходимости вербализуются в той или иной ситуации» [Сметанина 2002: 114].

В. В. Красных указывает на наличие в структуре прецедентного феномена двух зон: ядерной (центра) и периферийной, ко-

торые различаются по частотности использования в коммуникации компонентов инвариантов восприятия; именно ядерные, дифференциальные, центральные компоненты, а не периферийные атрибуты первыми «всплывают» при восприятии [Красных 2003: 218].

Вместе с тем полагаем важным отметить, что сохранение в культурно-исторической памяти не только ядерных, но и периферийных признаков означает, что при обращении к прецеденту может происходить отсылка к разным по значимости признакам, находящаяся в зависимости от намерения говорящего и контекста применения прецедента в качестве характеристики определенного объекта, доказательства правомерности такой референции и т. п.

В зависимости от степени их известности и широты охвата аудитории, которым они хорошо знакомы, выделяются социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены [Красных и др. 1997: 63; Красных 2003: 173].

В зависимости от уровневой иерархии прецедентные феномены подразделяются на прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации [Красных и др. 1997; Красных 1998].

Наименьшей единицей в предложенной иерархии являются прецедентные имена, представляющие собой имена собственные: антропонимы, топонимы, астрономы, названия произведений, клички животных и проч. [Нахимова 2011].

Термин «прецедентное высказывание» относится к словосочетанию, фразе, которые возникают в результате «текстовой редукции», свертывающей исходный прецедентный текст [Костомаров, Бурвикова 1994: 75]. Такого рода высказывания могут сопровождаться маркерами прецедентности, как графическими (например, кавычки), так и словесными (комментарий, указание на автора, прецедентную ситуацию, имя собственное, текст-источник [Рагимова, 2008: 46]).

Прецедентная ситуация — это «эталонная» ситуация, знание которой входит в когнитивную базу; языковым выражением, означающим прецедентной ситуации может быть прецедентное высказывание или прецедентное имя [Красных 1998: 52].

Прецедентные тексты включают в себя литературные произведения, библейские тексты, мифы, предания, произведения устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т. п.), публицистические, историко-философские произведения и проч. [Караулов 2003: 220].

Необходимо отметить, что сфера кате-

гории прецедентности существенно расширилась в последние годы [Петрова 2010; Лобан 2016], о чем свидетельствует появление терминологических понятий «прецедентная текстовая реминисценция» (трансформированная цитата) [Супрун 1995], «прецедентный жанр» [Проскурина 2004], «прецедентный мир» [Красных 1998; Слышкин 2000; Балашова 2008; Сидорова 2012], «прецедентное поле» [Нахимова 2009].

Отличительные признаки прецедентных феноменов

Облигаторными признаками прецедентных феноменов являются такие важнейшие характеристики, как:

- значимость в познавательном и эмоциональном отношении;
- сверхличностный характер, проявляющийся в том, что они хорошо известны и предшественникам, и современникам языковой личности;
- возобновляемость, что подразумевает неоднократное обращение к указанным феноменам в дискурсе [Караулов 2003: 216].

Прецедентным феноменам присущи также другие, связанные с предыдущими, отличительные признаки.

Важнейшим признаком является культурно-историческая обусловленность общеизвестности прецедентных феноменов: их знание «есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 2003: 216].

Отличительным признаком прецедентного феномена является наличие в нем оценочного компонента, который может указывать на разную аксиологическую модальность, как положительную, так и отрицательную.

Обращение к прецедентным феноменам отличает «обязательная эмоциональная нагруженность такого рода отсылок, а значит, наличие в этой номинации дополнительного экспрессивного оттенка» [Караулов 2003: 222]. Не вызывающее эмоционального отклика явление или событие вряд ли сохранилось бы в памяти людей в качестве прецедентного.

Экспрессивность наиболее заметно проявляется в гиперболизации, когда происходит «акцентирование только одного свойства», освобождение «от всех живых черт и признаков» объекта, сжатых «в одну гипертрофированную особенность» прецедентного феномена [Караулов 2003: 222, 223, 225].

Рассуждая о прецедентных именах,

Ю. Н. Караулов подметил наличие в них общей тенденции к метафоричности, что сближает их «с обычными образными средствами — тропами» [Караулов 2003: 225]. Это означает, что использование прецедентных имен в речи, и не только художественной, способствует повышению ее образности, усиливающей воздействие на адресата.

ИССЛЕДОВАНИЕ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Прецедентный феномен как инструмент воздействия на аудиторию СМИ

Сказанное означает, что при номинации объекта посредством референции к прецеденту актуализируется не только денотативно-сигнификативный, но и коннотативный компонент семантики языковых единиц, которые его обозначают. Эмоционально-оценочная и экспрессивная нагруженность номинации содействуют усилению образности и выразительности образа, создаваемого с помощью апелляции к прецедентному феномену. Это качество прецедентного феномена делает его весьма удобным инструментом воздействия на аудиторию средств массовой информации.

При этом обращение к прецеденту в медиадискурсе может преследовать разные цели, допуская вариабельную, личностную трактовку актуального события, опирающуюся на разные признаки прецедента, как дифференциальные, ядерные, так и нерелевантные, периферийные. Ссылаясь на какой-либо прецедент, автор медиатекста рассчитывает на то, что задаваемая им эмоциональная оценка описываемого явления и усиленная экспрессивность найдут нужный, ожидаемый отклик у читателя. Таким образом, о нейтральности и объективности информации, подача которой осуществляется с помощью прецедентности, говорить не приходится.

Автору медиатекста, политику или журналисту, использующему прецедент, последний представляется удобным и «экономным» средством воздействия на аудиторию тем, что, как ему представляется, обосновывать, доказывать какой-то факт или суждение нет необходимости, достаточно всего лишь указать на собственно сам прецедент. Это речевое воздействие может носить и манипулятивный характер.

Выступая в качестве инструмента манипуляции [Смирнова 2008], прецедент, реализуя интенцию создания мнения, включается в манипулятивные коммуникативные стратегии, позволяющие внушить читательской аудитории определенное, предвзятое мнение об информационном событии или личности.

Прецедентный феномен и его роль в медиарепрезентации личности Д. Трампа в статье “Trump impeachment Hearings Today will Echo through the Ages”

Все вышеизложенное проявилось в американских СМИ последних месяцев, в которых освещалась инициированная демократами процедура импичмента действующего президента США, не одобренная в итоге сенатом 5 февраля 2020 г. Прежде всего, неудивительно, что кампания по объявлению импичмента президенту обращалась к истории США, в которой подобные прецеденты имели место. При этом отсылки к прецедентам так или иначе маркировались упоминанием личных имен, дат, событий, ситуаций и т. п.

Так, аналитик CNN Стивен Коллинсон, который явно симпатизирует демократам, с пафосом напоминает читателю о том, что импичмент как таковой, впервые учрежденный в Филадельфии 250 лет назад, является подтверждением и проверкой демократических норм самоуправления: *<...> the impeachment process is also a reaffirmation and test of the democratic codes of self-government first set in Philadelphia nearly two-and-a-half centuries ago* [Collinson 2019: <https://www.cnn.com/2019/02/05/politics/trump-impeachment-philadelphia>].

Особый акцент в статье ставится на проводимой ее автором параллели между действиями Дональда Трампа как президента и универсально-прецедентной ситуацией, получившей название «Watergate» («Уотергейт»), которая относится к республиканцу Ричарду Никсону, с чьего ведома в предвыборном штабе демократов была установлена прослушивающая аппаратура.

В статье сам факт возможного импичмента Трампа весьма эмоционально и с большой долей преувеличения характеризуется как национальная трагедия: *The fact that there is an impeachment process at all <...> is in itself something of a national tragedy.*

Гипербола и метафора задают общую тональность, преувеличивая серьезность и драматичность (*gravity and drama*) слушаний по импичменту, тяжесть их последствий, которые якобы оставят неизгладимую печать в истории, отзовутся далеко за пределами Вашингтона (*will imprint themselves on history and reverberate far from Washington*) и веками будут отдаваться эхом (*will echo through the ages*). Субъективная оценка здесь явно берет верх над фактами и объективным взглядом на процедуру импичмента.

В первых предложениях статьи говорится о расследовании действий Трампа в отношении Украины, что и вызвало процедуру импичмента, но конкретных фактов «преступлений» (“crimes”) Трампа не приводится.

При этом вновь используется высокоэкс-прессивный, гиперболизированный, метафорический язык, обладающий значительным потенциалом речевого воздействия, пугающий читателя предсказаниями раскола и гражданской войны (*this process [of impeachment] will reflect and intensify the ideological civil war that is tearing a national unity; will scar America for years to come*).

Резко отрицательную оценку получает и личность Трампа, в коррумпированности которого автор не сомневается (*the President is so corrupt*), и его правление, описываемое эпитетом «необузданное, буйное» (*a riotous presidency*), по образному выражению автора статьи, «перевернувшее, потрясшее Америку» (*a presidency that has rocked America*).

Особо подчеркнем, что все негативные характеристики и обличения по ходу статьи перемежаются отсылками к прецедентному феномену — уотергейтскому событию. И завершающая фраза статьи, принадлежащая Клэр Финкельштейн, специалисту по этике и праву Пенсильванского университета, также увязывает действия президента США с Уотергейтом, уравнивая Трампа и Никсона: *Once the public hearings begin the public will focus on the actual charges. That is what happened with Nixon in the Watergate hearings*.

Однако при этом ни в одном контексте, где приводилась отсылка к прецедентному феномену, связь между сложившейся ситуацией и ситуацией прецедентной не улавливается. Основания для импичмента никоим образом не коррелируют. Из статьи неясно, каким образом личность Трампа и его деятельность как президента соотносятся с важнейшими, дифференциальными признаками Уотергейтского скандала. Уподобление актуальной ситуации прецедентной основывается на нерелевантных свойствах, а именно на негативной характеристике действующего президента. Это означает, что статья нацелена не на отражение реальной действительности, а на ее дискурсивное конструирование [Кубрякова, Демьянков 2007; Федосеева 2016; Кузнецова 2018], для чего применяется манипулятивная, аксиологически заряженная дискурсивная стратегия медиаре-презентации личности президента США, направленная на его пейорацию. Иными словами, обращение к прецеденту реализует не информативную, а моделирующую, прагматически ориентированную функцию создания нужного медиаобраза, дискредитирующего действующего президента как политического деятеля. Дискредитация опирается на аксиологическую составляющую представлений американцев об импичменте.

В массовом сознании американских граждан сформирован негативный образ президентов, прошедших процедуру импичмента или избежавших ее с огромными репутационными потерями. Конкретные детали, по всей видимости, известны не всем членам американского общества. Этим и пользуется автор статьи, который, обличая Трампа, выдвигает на первый план общепринятую отрицательную оценку прецедентного феномена импичмента, оставляя за скобками факты и детали, которые могут поставить под сомнение сходство между событиями, актуальным и прецедентным. Общее негативное отношение еще более интенсифицируется за счет использования ресурсов языка: ярких, во многом строящихся на гиперболе, изобразительно-выразительных средств, обладающих отрицательной коннотацией.

Прецедентный феномен и его роль в медиаре-презентации личности Д. Трампа в статье “In an Echo of Watergate and John Dean, an Adviser Points to Trump”

Обратимся к статье Питера Бейкера, также апеллирующей к прецеденту, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» [Baker 2019: <https://www.nytimes.com/2019/07/11/us/politics/trump-impeachment-echo-watergate.html>].

Любопытно, что авторы анализируемых медиатекстов прибегают к метафорической номинации, непосредственно связывающей слушания по импичменту Трампа со звучанием эха (*echo*). Напомним свойственную прецедентным феноменам тенденцию к метафоричности, образности используемых номинаций. Это свойство, однако, проявляет себя по-разному в рассмотренном материале.

Автор первой статьи, явно выступающий на стороне демократов, использует глагол, утверждая, что импичмент, по его мнению, будет, как эхо, отзываться и через столетия (*will echo through the ages*).

Автор второй публикации, неявно, но симпатизирующий республиканцам, использует одноименное существительное, связывая эффект отзвука с Гордоном Зондландом, некогда доверенным лицом Трампа, спонсировавшим его президентскую кампанию и назначенным послом США в Евросоюзе. Зондланд, свидетельствовавший против Трампа, сравнивается с Джоном Дином, бывшим советником Белого дома по национальной безопасности, который также давал показания против действующего тогда президента США Ричарда Никсона, вынужденного после этого уйти в отставку.

Анализируемые публикации, касающиеся импичмента Трампа, интересны не только совпадением в выборе метафоры эха, в ре-

ференции к прецедентной ситуации Уотергейта, но и расхождением в тональности статьи, в ее формальной и содержательной сторонах. Статьи являются ярким свидетельством того, что отсылка к одному и тому же прецедентному феномену при характеристике некоего события может отличаться разной степенью объективности/субъективности, эмоциональности/рациональности, исходить из разных оценок этого события, опираться на разные по значимости признаки прецедента, различаться в языковом выражении, а также служить разным целям.

Анализируемые медиатексты можно сопоставить в свете дихотомии «эмоциональная/рациональная публицистика» [Колесниченко 2008: 8]. Первая статья, изобилующая высокоэкспрессивной, негативно окрашенной лексикой, характеризующей личность и деятельность Дональда Трампа, относится к так называемой эмоциональной публицистике, отличающейся субъективностью описания, когда важны не логика и факты, а эмоциональное воздействие на аудиторию. Вторая статья, апеллирующая к прецеденту, который всегда эмоционально-экспрессивно заряжен, также не может по определению быть нейтральной в своей оценке. Вместе с тем эта публикация основывается все же в большей степени на фактах, что позволяет отнести ее к рациональной публицистике. Если в основу первой статьи заложена интенция мнения, продвигаемого с помощью манипуляции, то во второй статье можно усмотреть — пусть и в достаточно ограниченной степени — интенцию поиска истины, направленную на аргументирование позиции.

Рассмотрим вторую статью более подробно. Заметим, что уже в первом абзаце импичмент, в отличие от первой статьи, характеризуется не как трагедия, а как драматическое событие (*the President Trump impeachment drama*), а значит, его оценка заметно смягчается.

Но исподволь, имплицитно задается негативная оценка Гордона Зондланда, приводятся детали прецедентной ситуации 1973 г., которые полностью дезавуируют его как свидетеля. В отличие от Джона Дина, не единожды встречавшегося с Никсоном по поводу прослушивания и приведшего множество деталей этих встреч, Зондланд вспомнил лишь один краткий, ничего не значащий разговор с Трампом: *While Mr. Dean described many meetings about the Watergate cover-up, Mr. Sondland could recall the details of one conversation in which Mr. Trump made his wishes clear and even then the words uttered by the president were somewhat elliptical.*

В завершающих абзацах статьи вновь упоминается прецедентная ситуация с Уотергейтом, приводятся национально-культурные прецедентные имена, связанные с тем давним событием: Джилла Уайн-Бэнкса, прокурора, Джеба Мэгрудера, высокопоставленного чиновника администрации Никсона, уже упомянутого Джона Дина и др. Говорится о вынесенных приговорах в ходе судебного разбирательства и о наказаниях, которые были вынесены соучастникам преступления.

Но, главное, подчеркивается, что свидетели того события не хотят иметь ничего общего с Зондландом, который, как они считают, не смог привести доказательств (*could not remember many specific moments*). Джон Дин в итоге даже заявил, что сравнение Зондланда с ним неуместно, что есть предел такому сравнению (*there was indeed a limit to the comparison*).

Таким образом, сами участники Уотергейтского расследования признают, что сравнение Трампа с Никсоном, Зондланда с Дином, Уотергейта (прослушивания оппонентов) с Украиной (предположения об обмене военной помощи на компромат на семью Байденов) не имеет под собой никаких оснований.

Иными словами, из статьи следует, что апелляция к Уотергейту в качестве прецедентного феномена как обоснование импичмента, выдвинутого и продвигаемого Демократической партией США, опирается не на дифференциальные, существенные признаки прецедента, а исключительно на поверхностные, малозначимые, нерелевантные свойства.

Важно также отметить следующее обстоятельство. Во второй анализируемой статье, по сути, дискредитировавшей личность и показания главного свидетеля от Демократической партии, инициировавших процедуру импичмента, тем самым косвенно реализуется имплицитно повышающая, мелиоративная дискурсивная стратегия медиарепрезентации президента США Д. Трампа.

ВЫВОДЫ

Итак, рассмотрение статей об импичменте президента на предмет выявления в них прецедентного феномена и установления его роли в массмедийной репрезентации личности президента США Д. Трампа позволило сделать следующие выводы.

Анализ выявил как сходство, так и различие рассматриваемых медиатекстов. Сходство проявилось в апелляции к одному и тому же негативно оцениваемому прецеденту Уотергейта, связанному с импичмен-

том, грозившим президенту Никсону в 1973 г. Различие представляется более значительным. Оно касается как содержательной, так и формальной стороны освещения информационного события — процедуры импичмента президента США Д. Трампа. Прежде всего различие отмечается в ангажированности автора, выступающего, явно или неявно, на стороне демократов/республиканцев, озвучивающего соответствующую точку зрения эксплицитно или выражающего ее имплицитно. Анализируемые статьи разнятся в отношении исходной позиции в подаче и интерпретации информации: интенции укоренения мнения посредством манипулирования / интенции поисков истины и ее аргументирования; субъективности/объективности изложения; эмоциональности/рациональности языкового выражения; медиадискурсивном симулякриванном конструировании политической реальности / ее отражении, приближающем к истине.

Руководствуясь изначально разными исходными принципами, авторы статей, апеллируя к Уотергейтскому прецеденту, опирались, соответственно, на разные его характеристики. В первой статье уподобление ситуации импичменту Трампа основывается на нерелевантных свойствах, что делает уподобление недостоверным. Во второй статье вычлняются существенные, дифференциальные признаки Уотергейтского скандала, которым, как явствует из газетной публикации, ситуация с импичментом Трампа также не соответствует. Все вышесказанное обусловило реализацию противонаправленных дискурсивных стратегий — на значительное, эксплицитно выраженное, понижение объекта оценивания в одном случае и на некоторое повышение, имплицитно присутствующее, в другом. Это свидетельствует об аксиологической неоднозначности медиарепрезентации личности Трампа в анализируемых статьях, пейоративной в одном случае и мелиоративной в другом, несмотря на референцию к одному и тому же прецеденту, однозначно трактуемому крайне негативно с аксиологических позиций. Как показывает анализ, прецедент играет значительную, но не определяющую роль в характеристике личности и события, в которое она вовлечена. Гораздо большее значение имеет контекст, содержащий отсылку к прецеденту, предопределенный позицией автора статьи.

ИСТОЧНИКИ

1. Collinson Stephen. Trump impeachment hearings today will echo through the ages. — URL: <https://edition.cnn.com/2019/11/13/politics/trump-impeachment-hearingtoday/index.html> (date of access: 29.11. 2019). — Text : electronic.
2. Baker Peter. In an echo of Watergate and John Dean, an adviser points to Trump. — URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/20/us/politics/watergate-john-dean-sondland-trump.html> (date of access: 29.11. 2019). — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

3. Балашова, Л. В. Метафора и языковая картина мира носителя слэнга (на материале прецедентного мира «Детство») / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. — 2008. — № 2. — С. 4—9.
4. Банникова, С. В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов) : дис. ... канд. филол. наук / Банникова С. В. — Тамбов, 2004. — 182 с. — Текст : непосредственный.
5. Вацковская, И. С. Прецедентное имя в политическом дискурсе / И. С. Вацковская. — Текст : непосредственный // Studia Linguistica XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. — Санкт-Петербург : Политехника-сервис, 2008. — С. 338—342.
6. Веденева, Ю. В. Функционирование прецедентных феноменов в англоязычном поэтическом дискурсе (на материале названий стихотворений для детей) / Ю. В. Веденева. — Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. — Тамбов : Грамота, 2008. — № 8 (15). — Ч. 1. — С. 37—38.
7. Горовая, И. Г. Роль прецедентных феноменов в формировании вторичной языковой личности / И. Г. Горовая, Н. Н. Горовая. — Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015. — № 11 (186). — С. 65—70.
8. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — Москва : Изд-во МГУ, 2003. — С. 141—161.
9. Иванова, С. В. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации / С. В. Иванова, З. 3. Чанышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 39—47.
10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 3-е, стер. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 264 с. — Текст : непосредственный.
11. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. — 1994. — № 1. — С. 73—76.
12. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация : моногр. / В. В. Красных. — Москва : Диалог : МГУ, 1998. — 352 с. — Текст : непосредственный.
13. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 379 с. — Текст : непосредственный.
14. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 1997. — № 3. — С. 62—72.
15. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е. С. Кубрякова, В. 3. Демьянков. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 8—16.
16. Кузнецова, Н. В. Отражение и конструирование репрезентации действительности в медиадискурсе (на материале статей о В. Путине во французских СМИ) / Н. В. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты : межвуз. сб. науч. тр. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2018. — Вып. 41. — С. 130—135.
17. Лобан, Т. В. Прецедентный феномен как объект исследования / Т. В. Лобан. — Текст : непосредственный // Весник МДПУ імя І.П. Шамякіна. Філалагічныя навукі. — 2016. — № 2 (48). — С. 117—123.
18. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Е. А. Нахимова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 313 с. — URL: os.x-pdf.ru/20pedagogika/324370-1-e-nahimova-precedentnie-onimi-sovremennoy-rossiyskoy-massovoy-k.php (дата обращения: 29.01.2020). — Текст : электронный.

19. Нахимова, Е. А. Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27). — С. 85—90.

20. Петрова, Н. В. Эволюция понятия «прецедентный текст» / Н. В. Петрова. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Филологические науки. — 2010. — № 2 (10). — С. 176—182.

21. Проскурина, А. А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Проскурина А. А. — Самара, 2004. — 203 с. — Текст : непосредственный.

22. Рагимова, Ф. С. Канонический способ актуализации прецедентного высказывания / Ф. С. Рагимова. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2008. — № 1. — С. 45—50.

23. Саблукова, В. А. Суггестивные механизмы использования национально-прецедентных феноменов в дискурсе конфликта (на материале реалий русской лингвокультуры в англоязычных СМИ) / В. А. Саблукова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 16 (345). — С. 124—127. — (Филология. Искусствоведение ; вып. 91).

24. Сидорова, В. В. Прецедентный мир Дж. Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ / В. В. Сидорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3 (41). — С. 170—178.

25. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — Москва : Академия, 2000. — 125 с. — Текст : непосредственный.

26. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) : науч. издание / С. И. Сметанина. — Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 383 с. — Текст : непосредственный.

27. Смирнова, У. В. Прецедентные феномены как инструмент манипуляции / У. В. Смирнова. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. — 2008. — № 2. — С. 131—136.

28. Солопова, О. А. Прецедентные высказывания в президентском дискурсе: переводческий аспект (на материале английского и китайского языков) / О. А. Солопова, А. П. Чудинов, Е. Д. Шлемова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 2 (62). — С. 47—54.

29. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6. — С. 17—29.

30. Федосеева, Е. В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Федосеева Е. В. — Красноярск, 2016. — 23 с. — Текст : непосредственный.

31. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие / А. В. Колесниченко. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 180 с. — Текст : непосредственный.

T. P. Karpukhina

Pacific National University, Khabarovsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8872-3507

 E-mail: tkarpukhina1@mail.ru.

Precedent and its Role in Media Representation of the US President Personality (based on the articles about D. Trump impeachment)

ABSTRACT. *The article investigates the role of precedent in mass media representation of the personality of Donald Trump. Analysis is based on the study of two articles issued in November, 2019, just after the hearings which started the process of impeachment initiated by the Democratic Party against the US President. While covering the breaking news event – impeachment of Donald Trump – media texts appeal to the Watergate precedent that forced Richard Nixon to resign the presidency in 1974. Nevertheless, the articles differ in placing emphasis: the first article focuses on denouncing D. Trump, and the second one runs down his accuser G. Sondland. The first article uses irrelevant, insignificant features as a basis for comparison of the Watergate precedent and Trump impeachment, which makes the association unreliable. The second article singles out the essential, differential features of the precedent and actually proves that Trump impeachment has nothing to do with the Watergate scandal, for these events and their characteristics are absolutely different. The articles demonstrate the realization of opposite media discourse strategies: one of them is explicitly aimed at a clearly negative, pejorative evaluation of the President's personality, whereas the other is suggestive of an implicitly positive, ameliorative attitude to him. It means that the reference to the same negatively connoted precedent does not necessarily lead to an equally negative mass media representation of the President's personality. The study shows that it is not the precedent but the context of its usage, created by the author of a political article, that plays the decisive role in characterizing an event or a personality in mass media discourse.*

KEYWORDS: *media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; impeachment; precedent phenomena; media representations; political discourse; linguopersonology; US presidents.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Karpukhina Tamara Petrovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of English Philology and Intercultural Communication, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.*

FOR CITATION: *Karpukhina, T. P. Precedent and its Role in Media Representation of the US President Personality (based on the articles about D. Trump impeachment) / T. P. Karpukhina // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 35-43. — DOI 10.26170/pl20-02-03.*

MATERIALS

1. Collinson Stephen. Trump impeachment hearings today will echo through the ages. — URL: <https://edition.cnn.com/2019/11/13/politics/trump-impeachment-hearingtoday/index.html> (date of access: 29.11.2019). — Text : electronic.

2. Baker Peter. In an echo of Watergate and John Dean, an adviser points to Trump. — URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/20/us/politics/watergate-john-dean-sondland-trump.html> (date of access: 29.11.2019). — Text : electronic.

REFERENCES

3. Balashova L. V. Metaphor and a linguistic world picture of a slang-speaker (based on the precedential world “Childhood”) // Bulletin of Irkutsk Linguistic University. Philology. 2008. № 2. P. 4—9. [Metafora i jazykovaja kartina mira nositelja sljenga (na materiale precedentnogo mira «Detstvo») // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija Filologija. 2008. № 2. S. 4—9]. — (In Rus.)

4. Bannikova S. V. Precedent as a linguo-cultural phenomenon (based on the material of English and Russian texts): Diss. ... Candidate of Sc. (Philology). Tambov, 2004. 182 p. [Precedentnost' kak lingvokul'turnyj fenomen (na materiale anglijskih i russkih tekstov): dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2004. 182 s.]. — (In Rus.)
5. Vackovskaja I. S. Precedent name in political discourse // *Studia Linguistica XVII. Language and Text in the Problematic Sphere of the Humanities*. St. Petersburg: Politehnika-servis, 2008. P. 338-342. [Precedentnoe imja v politicheskom diskurse // *Studia Linguistica XVII. Jazyk i tekst v problemnom pole gumanitarnykh nauk*. SPb.: Politehnika-servis, 2008. S. 338–342.]. — (In Rus.)
6. Vedeneva Ju. V. Functioning of precedent phenomena in English poetic discourse (based on the material of the titles of the poems for children // *Almanac of Contemporary Science and Education*. Tambov : Gramota, 2008. № 8(15): in two parts. Part 1. P. 37–38. [Funkcionirovanie precedentnykh fenomenov v anglojazychnom pojeticheskom diskurse (na materiale nazvanij stihotvorenij dlja detej) // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. Tambov: Gramota. 2008. № 8 (15): v 2 ch. Ch. 1. S. 37-38.]. — (In Rus.)
7. Gorovaja I. G., Gorovaja N. N. The role of precedent phenomena in acquiring a new linguistic personality // *Bulletin of Orenburg State University*. 2015. № 11 (186). P. 65-70. [Rol' precedentnykh fenomenov v formirovanii vtorichnoj jazykovoj lichnosti // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 11 (186). S. 65-70.]. — (In Rus.)
8. Gudkov D. B. Precedent phenomena in texts of political discourse // *Mass-media Language as an Object of Interdisciplinary Research*. — Moscow: MGU Publishers, 2003. P. 141-161. [Precedentnye fenomeny v tekstah politicheskogo diskursa // *Jazyk SMI kak objekt mezhdisciplinarnogo issledovanija: uchebnoe posobie*. — M.: Izd-vo MGU, 2003. S. 141-161.]. — (In Rus.)
9. Ivanova S. V., Chanyshva Z. Z. National cultural precedents in political communication // *Political Linguistics*. 2014. № 4 (50). P. 39-47. [Nacional'no-kul'turnye precedenty v politicheskoy kommunikacii // *Politicheskaja lingvistika*. 2014. № 4 (50). S. 39-47.]. — (In Rus.)
10. Karaulov Ju. N. The Russian Language and a Linguo-personality. 3rd ed., stereotyped. — Moscow: Editorial URSS, 2003. 264 p. [Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. Izd. 3-e, stereotip. M.: Editorial URSS, 2003. 264 s.]. — (In Rus.)
11. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. That's how texts become precedents // *The Russian Language Abroad*. 1994. № 1. P. 73-76. [Kak teksty stanovjatsja precedentnymi // *Russkij jazyk za rubezhom*. 1994. № 1. S. 73-76.]. — (In Rus.)
12. Krasnyh V. V. Virtual reality or real virtuality?: Man. Consciousness. Communication: monograph. — Moscow : Dialogue : MGU Publishers, 1998. 352 p. [Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'?: Chelovek. Soznanie. Kommunikacija: monografija. M.: Dialog: MGU, 1998. 352 s.]. — (In Rus.)
13. Krasnyh V. V. "Us" among "Others": Myth or Reality? Moscow: Gnozis, 2003. 379 p. [«Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 379 s.]. — (In Rus.)
14. Krasnyh V. V. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication / V. V. Krasnyh, D.B. Gudkov, I. V. Zaharenko, D. V. Bagaeva // *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*. 1997. № 3. P. 62—72. [Kognitivnaja baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i v kommunikacii // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 9. Filologija. 1997. № 3. S. 62—72.]. — (In Rus.)
15. Kubrjakova E. S., Demjankov V. Z. On the problem of mental representations // *Problems of Cognitive Linguistics*. 2007. № 4. P. 8-16. [K probleme mental'nykh reprezentacij // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2007. № 4. S. 8-16.]. — (In Rus.)
16. Kuznecova N. V. Reflection and construction of reality representation in media discourse (based on the material of articles about V. Putin in French mass-media) // *Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects: Collected Articles*. Issue 41. Tver: Tver. State University, 2018. P. 130—135. [Otrazhenie i konstruirovanie reprezentaciidejstvitel'nosti v mediadiskurse (na materiale statej o V. Putine vofrancuzskih SMI) // *Inostrannye jazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 41*. Tver': Tver. gos. un- t, 2018. S. 130—135.]. — (In Rus.)
17. Loban T. V. Precedent phenomenon as an object of investigation // *Bulletin of Mozyr State Pedagogical University (Byelorussia). Philological Sciences*. 2016. № 2 (48). P. 117—123. [Precedentnyj fenomen kak objekt issledovanija // *VesnikMDPU imja I.P. Shamjakina. Filalagichnyja navuki*. 2016. № 2 (48). S. 117-123.]. — (In Rus.)
18. Nahimova E. A. Precedent names in contemporary Russian mass communication: theory and methodology of cognitive-discourse research: monograph. — Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2011. 313 p. [Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskojmassovoj kommunikacii: teorija i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovanija: monografija. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2011. 313 s.]. — URL: os.x-pdf.ru/20pedagogika/324370-1-e-nahimova-precidentnie-onimi-sovremennoj-rossijskoj-massovoy-k.php. (date of access: 29.01. 2020). — (In Rus.)
19. Nahimova E.A. Precedent field of "Monarchs" in the discourse of contemporary Russian mass-media // *Political Linguistics*. 2009. № 1 (27). P. 85—90. [Precedentnoe pole «Monarhi» v diskurse sovremennykh rossijskih SMI // *Politicheskaja lingvistika*. 2009. № 1 (27). S. 85-90.]. — (In Rus.)
20. Petrova N. V. Evolution of the term "precedential text" // *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Philological Sciences*. 2010. № 2(10). P. 176—182. [Jevoljucija ponjatija precedentnyj tekst // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Filologicheskie nauki. 2010. №2 (10). S. 176—182.]. — (In Rus.)
21. Proskurina A. A. Precedent texts in English humorous discourse: diss. ... Candidate of Sc. (Philology). — Samara, 2004. 203 p. [Precedentnye teksty v anglojazychnom jumoristicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2004. 203 s.]. — (In Rus.)
22. Ragimova F. S. Canonical means of actualization of a precedent utterance // *Bulletin of Kemerovo State University*. 2008. № 1. P. 45—50. [Kanonicheskiy sposob aktualizacii precedentnogo vyskazyvanija // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 1. S. 45—50.]. — (In Rus.)
23. Sablukova V. A. Suggestive mechanisms of national precedent phenomena in conflict discourse (on the material of units from Russian linguoculture in English media // *Bulletin of Cheljabinsk State University*. 2014. № 16 (345). *Philology. Art Criticism*. Issue 91. P. 124—127. [Suggestivnye mehanizmy ispol'zovanija nacional'no-precidentnykh fenomenov v diskurse konflikta (na materiale realij russkoj lingvokul'tury v anglojazychnykh SMI // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 16 (345). *Filologija. Iskusstvovedenie*. Vyp. 91. S. 124—127.]. — (In Rus.)
24. Sidorova V. V. Precedent world of J.R. Tolkien in political discourse of American and Russian mass-media // *Political Linguistics*. 2012. № 3 (41). P. 170—178. [Precedentnyj mir Dzh. R. Tolkina v politicheskom diskurse amerikanskih i rossijskih SMI // *Politicheskaja lingvistika*. 2012. №3 (41). S. 170—178.]. — (In Rus.)
25. Slyshkin G. G. From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. — Moscow : Akademia, 2000. 125 p. [Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnykh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Akademia, 2000. 125 s.]. — (In Rus.)
26. Smetanina S. I. Media-text in the system of culture (dynamic processes in language and style of journalism at the end of XXth century). — St. Petersburg: V. A. Mikhaylov Publishing House, 2002. 383 p. [Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie processy v jazyke i stile zhurnalistiki konca HH veka): nauchnoe izdanie. SPb. : Izd-vo Mihajlova V.A., 2002. 383 s.]. — (In Rus.)
27. Smirnova U. V. Precedent phenomena as an instrument of manipulation // *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Philology*. 2008. № 2. P. 131—136. [Precedentnye fenomeny kak instrument manipuljacii // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Serija Filologija. 2008. № 2. S. 131—136.]. — (In Rus.)
28. Solopova O. A., Chudinov A. P., Shlemova Ye. D. Intertexts in presidential discourse: translation perspective (on the material of English and Chinese) // *Political Linguistics*. 2017. № 2 (62). P. 47—54. [Precedentnye vyskazyvanija v prezidentском diskurse: perevodcheskiy aspekt (na materiale anglijskogo i

kitajskogo jazykov) // Politicheskaja lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 47–54]. — (In Rus.)

29. Suprun A. E. Text reminiscences as a linguistic phenomenon // Issues of General Linguistics. 1995. № 6. P. 17–29. [Tekstovye reminiscencii kak jazykovoe javlenie // Voprosy jazykoznanija. 1995. № 6. S. 17–29]. — (In Rus.)

30. Fedoseeva E. V. Cognitive mechanisms of discourse reality construction in media discourse: Abstract of diss. thesis ... Candidate of Sc. (Philology). — Krasnoyarsk, 2016. 23 p. [Kognitivnye mehanizmy diskursivnogo konstruirovaniya dejstvitel'nosti v mediadiskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / E.V. Fedoseeva. Krasnojarsk, 2016. 23 s.]. — (In Rus.)

31. Kolesnichenko A. V. Journalistic practice: practical manual. Moscow: Moscow University Publishing House, 2008. 180 p. [Prakticheskaja zhurnalistika: uchebnoe posobie. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2008. 180 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42:811.111'38
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55
DOI 10.26170/pl20-02-04

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

О. Г. Алифанова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: —

✉ *E-mail*: alefanova@yahoo.com.

Дискурс модельной личности Принцессы Уэльской в современном политическом контексте Великобритании

АННОТАЦИЯ. Предметом рассмотрения в данной статье являются параметры дискурса модельной личности Принцессы Уэльской. Необходимость выделения данных параметров позволяет определить, какой хотят видеть британцы не только Принцессу Уэльскую, но и будущую королеву. Соответствие или несоответствие этим параметрам, в свою очередь, влияет на настоящее и будущее всей британской монархии. Методология дискурсивного анализа позволила выявить в текстах, полученных методом сплошной выборки, основные категории, описывающие внешние и внутренние факторы, формирующие дискурсивную модель Принцессы Уэльской. Наиболее частотные категории в ранжированном порядке представлены в тексте статьи. Каждая категория сопровождается примерами и их анализом. Выводы, полученные в результате анализа представленных категорий, позволяют заключить, что для современных британцев Принцесса Уэльская — это заботливая, любящая мать, подающая пример в воспитании своих детей — будущих монархов социально ответственными гражданами и относящаяся так же и к своему народу. Другим немаловажным требованием, выдвигаемым британцами к будущей королеве, является ее активная социальная позиция, проявляющаяся не только в спонсировании и организации различных фондов помощи, но и в прямом участии в решении социальных проблем. Британцы не хотят видеть принцессу, замкнувшуюся в кругу своей семьи и двора и наслаждающуюся роскошью и благами монархии. Помимо этого, британцы хотят видеть в своей принцессе определенные черты характера, такие как ум, проницательность, теплоту, храбрость, естественность, грациозность, доброту, скромность, щедрость, дисциплинированность и многое другое. Также она должна представлять собой «икону стиля», формируя визуальный образ своей страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; принцесса; параметры дискурса; британская монархия; типология дискурса; политический дискурс; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Алифанова Ольга Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: alefanova@yahoo.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алифанова, О. Г. Дискурс модельной личности Принцессы Уэльской в современном политическом контексте Великобритании / О. Г. Алифанова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 44–50. — DOI 10.26170/pl20-02-04.

Изучение лингвистического феномена дискурса привело исследователей к необходимости его типологизации. Этот процесс в науке до сих пор не завершен: определяются новые типы, уточняются или расширяются уже имеющиеся.

Дискурс модельной личности как отдельный тип известен в науке уже давно. Об этом свидетельствуют исследования ряда ученых, теоретически и практически его обосновавших [Нерознак 1996; Карасик 2007; Чабаненко 2007; Болотнов 2015; Островская 2015; Лаппо 2018 и др.]. Необходимость в выделении данного типа дискурса очевидна. Понимание того, как должна выглядеть и из каких компонентов состоять модельная личность в политике, образовании, искусстве и прочих сферах, дает представление об идеалах, господствующих в обществе той или иной культуры и тех ценностях

и целях, к которым оно стремится. Как следствие, это служит еще одним ключом к пониманию культуры и менталитета социума.

Так, например, знание того, какой модельной личностью для британцев является премьер-министр, представитель парламента и другие важные персоны политического истеблишмента, помогает понять, какие личности займут эти места, какие требования к ним будут предъявляться электоратом, как долго они смогут занимать свои посты и как это отразится на мировой политике. Политический дискурс Великобритании представляет интерес для исследователей еще и потому, что эта страна демонстрирует одну из давно сложившихся форм политического устройства, ставшую образцом при формировании многих современных государств. Также Великобритания, как мировая держава, уже не одно столетие оказывает значи-

тельное влияние на расстановку политических сил на карте мира.

Особенное место в политической системе Великобритании занимает монархия. Несмотря на то, что это не единственная страна, частично сохранившая данную форму правления, монархия Великобритании существенно отличается от монархий других стран и привлекает особенное внимание мирового сообщества. Одним из доказательств этого является то, что любые, порой незначительные изменения или рядовые события жизни членов британской монаршей семьи становятся предметом обсуждения ведущих медийных изданий и интернет-ресурсов.

Несмотря на то, что британская история уже давно отделила свою монархию от политической деятельности и не позволяет ни под каким предлогом вмешиваться Короне в дела Парламента, королевский двор прямо или косвенно всё же влияет на политические и экономические дела своей страны, а значит, и всего мира.

Одной из ключевых фигур британской монархии является принцесса Уэльская, жена принца Уэльского. Титул принцессы носят многие члены королевской семьи, но именно жена наследного принца находилась и находится всегда под пристальным вниманием как самого двора, так и всей страны.

Причины такого внимания обоснованны. Именно она станет после воцарения своего мужа королевой, хоть и с формальной приставкой «консорт», упоминаемой разве только в протоколах. На деле же она будет пользоваться всеми привилегиями королевы. Именно она будет «лицом» государства, зеркалом, отражающим его красоту и величие, хранительницей всех монарших и культурных традиций страны, а значит, и самого государства.

С момента взросления и получения Чарльзом титула принца Уэльского — первого и главного наследника трона, вопрос выбора супруги перестает быть его сугубо частным делом. Этим вопросом занимается не только двор и приближенные принца, но и вся страна. Именно она выражает через массмедийный дискурс свое отношение к выбранной персоне.

На сегодняшний день в связи с изменением массмедийного пространства, расширением его сферы за счет вовлечения в него любого рядового жителя обсуждение данного вопроса приобретает масштабный характер. Свидетельством тому служит нескончаемый поток информации о вероятной будущей принцессе Уэльской Кейт (Кэтрин) Миддлтон.

Рассматривая дискурс последних двух принцесс в истории Великобритании, пред-

ставляется возможным выявить и описать фрагменты дискурса модельной личности Принцессы Уэльской.

Формирование современного дискурса модельной личности принцессы Уэльской началось в период брака принца Чарльза с принцессой Дианой, или леди Ди, как с уважением неформально называл ее народ Великобритании. Диана, не завоевав любовь и уважение своего мужа и его семьи, сделала всё, чтобы эту любовь и уважение ей подарил ее народ. В ее действиях и словах не было продуманной стратегии. Что бы она ни говорила и как бы ни поступала, даже совершая откровенные ошибки, народ всегда вставал на ее сторону, демонстрируя тем самым, что принцесса оправдывает ожидания жителей страны.

Проанализировав тексты, содержащие высказывания как самой принцессы Дианы, так и комментарии влиятельных и простых британцев о ее жизни во дворце, можно выделить основные категории, отражающие ее основные направления деятельности. Эти категории и станут теми ключевыми позициями, по которым выстраивается анализируемый тип дискурса.

Рассмотрим первую, наиболее частотную категорию, встречающуюся в описаниях деятельности принцессы Дианы — «ПРИНЦЕССА-МАТЬ»:

1) *Historically, other royals would have left their offspring with a nanny, but the prince's parents brought him with them for a tour of Australia and New Zealand. Indeed, following Harry's birth, on September 15, 1984, Diana would often try to reschedule her duties to give herself the longest time with her sons* [Elton URL];

2) *Princess Diana wanted her children to have as normal a life as possible even though they were royalty. She wanted them to be exposed to the outside world and the less fortunate. She frequently took them to hospitals to see people in need* [Spence URL];

3) *I want my boys to have an understanding of people's emotions, their insecurities, people's distress, and their hopes and dreams* [Spencer URL].

Как приведенные высказывания, так и масса других, выявленных в ходе анализа исследуемого дискурса, свидетельствуют, что народ с большим одобрением высказывался о Диане как о матери, которая ценила каждую минуту, проведенную с детьми, не упускала возможности воспитывать их, подавая пример добра, заботы к людям, которые особенно остро в этом нуждались. Многочисленные фотографии также свидетельствуют, что Диана регулярно выступала для своих детей партнером по играм, веселому времяпрепровождению, познавательным про-

гулкам и многому другому. Это была настоящая мать, отдававшая своим детям всё, что у нее было, и стремившаяся воспитать их достойными представителями не только двора, но и общества.

Следующей категорией согласно частотности употребления является «ОТНОШЕНИЕ К НАРОДУ», формирующаяся на основании высказываний народа о своем отношении к принцессе. Анализ данных высказываний помогает понять, какой вклад сделала принцесса в формирование британской нации того периода.

1) *People who never cared much about the monarchy have been deeply impressed by the princes' thoughtfulness, humor, openness and concern for others. Polls put their approval rating at close to 80 percent, far ahead of their father's* [Russel URL];

2) *Her sudden death was shocking, but for many millions what they had lost was not so much a real person as a beloved character in a story* [Freedland URL];

3) *We felt she represented something we British were becoming in general — more open about our emotions, more liberal, perhaps even kinder* [Marr URL].

Приведенные примеры, как и остальные принадлежащие этой категории, свидетельствуют о положительном влиянии принцессы Дианы на народ Британии, о любви, внимании, открытости, искренности к людям. Всё это было чуждо монархии, которая держала себя на большом расстоянии от народа, сохраняя отчужденность. Диана уничтожила эту дистанцию, завоевав народный титул «People Princess», став действительно народной принцессой.

Еще одна значимая категория, выделяемая в дискурсе принцессы Дианы — «БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ», в которую вошли не только упоминания о пожертвованиях, организации различных фондов, но и участие принцессы в социальной помощи нуждающимся. При жизни Диана неоднократно говорила: *Anywhere I see suffering, that is where I want to be, doing what I can* [Charitable work URL]. Принцесса Диана настолько активно действовала в этом направлении, что завоевала еще один народный титул — «A Devoted Princess».

1) *In April 1987, Princess Diana opened the UK's first purpose built HIV/Aids unit that exclusively cared for patients infected with the virus, at London Middlesex Hospital. In front of the world's media, Princess Diana shook the hand of a man suffering with the illness. She did so without gloves, publicly challenging the notion that HIV/Aids was passed from person to person by touch. She showed in a single gesture that this*

was a condition needing compassion and understanding, not fear and ignorance [How Princess Diana changed attitudes to Aids URL];

2) *After 1996, Diana continued to work as either Patron or President for Centrepoin, the English National Ballet, Leprosy Mission, the National Aids Trust, Hospital for Sick Children, Great Ormond Street and the Royal Marsden Hospital. In the year before she died, Diana tirelessly campaigned to ban the manufacture and use of landmines* [Charitable Work URL];

3) *She regularly visited hospitals, schools, and fundraising galas and even took trips to Angola, India, and Pakistan, touching the lives of many wherever she went* [Sisavat URL].

Данные высказывания подтверждают активное и регулярное участие принцессы Уэльской не только в благотворительных кампаниях, но и в защите, как она сама отмечала, «тех, кто страдает», будь то ВИЧ-инфицированные пациенты, от которых отвернулось общество, боявшееся любого контакта с ними или детей с тяжелыми и неизлечимыми заболеваниями, или ее известное противостояние производителям противопехотных мин, которые убивают и калечат мирное население долгие годы после войн. Трудно назвать ту проблемную отрасль, где Диана не выступала активным борцом за страждущих. Всё это не могло остаться незамеченным не только самими британцами, но и мировым сообществом.

После смерти Дианы ее сыновья, будучи приобщены своей матерью к благотворительной деятельности, взяли за нее более активно. Многие издания опубликовали снимок принца Гарри, который, как бы продолжая путь своей матери не только в метафорическом смысле, но и в буквальном, шел в экипировке по минному полю. Сыновья продолжают курировать все основанные умершей принцессой Уэльской фонды и направления благотворительности, не только отдавая дань памяти своей маме, но и демонстрируя общественности, что теперь монархия Британии «там, где страдают другие».

В качестве следующей значимой категории в дискурсе модельной личности принцессы Дианы можно указать «ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА». Эта категория дает ясное представление, какой по характеру и модели поведения хотят видеть британцы свою принцессу. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

1) *Nothing brings me more happiness than trying to help the most vulnerable people in society. It is a goal and an essential part of my life — a kind of destiny. Whoever is in distress can call on me. I will come running wherever they are* [Spencer URL];

2) *Princess Diana has a compelling sense of herself as a spiritual being who is **the searcher** and the seeker of truth. That said, Diana's life is devoted to investigations into the unknown, and finding the answers to the mysteries of life. Monumental as it is, Spencer is well-equipped to handle her mission. She enjoys a **fine mind**, and is **an analytical thinker**, capable of great concentration and theoretical insight. Princess Diana enjoys research, and putting the pieces of an intellectual puzzle together, and once she has enough pieces in place, Diana is capable of **highly creative** insight and practical solutions to problems* [Princess Diana. Personality profile URL];

3) *Diana had many fine traits that were evident both in public and in private: warmth, sweetness, affection, femininity, naturalness, grace, sensitivity, reserve, humility, wit, instinctive sympathy, thoughtfulness, generosity, kindness, courtesy, resilience, exuberance, energy, self-discipline, courage. "The nice side of her was fresh and unspoiled and almost childlike," said Nicholas Haslam. "Her nature was spontaneous"* [Smith URL].

В данных высказываниях отражены основные черты принцессы, выделяемые британцами как существенные для данного типа личности. Прежде всего это доброта, открытость и доступность, сочетающаяся при этом с умением отгораживаться и никого не допускать в личное пространство. Мягкость, тактичность, умение глубоко размышлять, мужество, отвага, теплота, отзывчивость, энергичность и многие другие черты, увиденные в Диане, вошли в создаваемый британцами эталон принцессы Уэльской. Стоит отметить, что народ не идеализировал Диану, видя в ней и отрицательные черты, но от этого принцесса только выигрывала, приобретая образ земной, «своей», понимающей человеческие слабости будущей королевы.

Следующая согласно частотности категория, реализованная в данном типе дискурса, — «СТИЛЬ». Красота и стиль важны как для монаршего двора, так и для самого народа. Как уже отмечалось, красота для британцев является следствием величия, а любой представитель монархии, выполняя роль «визитной карточки» своей страны для всего мира, своим внешним видом может вызывать либо восхищение, либо сочувствие.

1) *Princess Diana is a true a fashion icon. Her sense of style became so emulated and loved around the world that we're still celebrating her outfits two decades after her death* [Truman URL];

2) *Though her legacy extends far beyond fashion, Princess Diana is arguably the greatest style icon of the 20th century* [Algoo URL];

3) *Diana, Princess of Wales's style was inextricably linked with her public persona: a royal icon, whom designers like Versace and Catherine Walker couldn't wait to dress. From the velvet Victor Edelstein gown she wore as John Travolta twirled her around a White House dinner dance, to the daring off-the-shoulder cocktail dress that cemented her status as a fashion power player — not to mention a certain fairytale wedding dress [Princess Diana's Iconic Fashion Moments — the clothes that made a princess URL].*

Несмотря на то, что данная категория вследствие своей очевидности не нуждается в многочисленных подтверждающих примерах, всё же стоит обратить внимание, что «иконкой стиля» принцессе Диане считали как ведущие издания фешен-индустрии, так и рядовые британцы. Конечно, не вызывает сомнения, что при финансовых возможностях, которыми обладала Диана, не составляло труда создать образ стильной и красивой леди, однако никто до нее — ни многочисленные принцессы, ни сама королева — не преуспели в этом.

Стоит отметить, что сама Диана не стремилась получить статус первой красавицы Британии и снисходительно относилась к собственному имиджу, создававшемуся СМИ, предпочитая марки более дешевой одежды и ломая стереотипы, надевая одни и те же наряды несколько раз.

В данном исследовании отражены лишь некоторые, наиболее частотные категории, формирующие дискурс модельной личности принцессы Уэльской, выявленные в ходе анализа политического дискурса Британии. Именно они дают понимание того, какой должна быть принцесса, по мнению британцев, налогоплательщиков, которые и содержат свою монархию.

Неудивительно, что вероятная следующая принцесса Уэльская, Кейт Миддлтон, уже сейчас оценивается с позиции этих когда-то сформированных Дианой категорий. В современном дискурсе достаточно частотны сравнения Дианы и ее невестки. Приведем некоторые примеры:

1) *Though they never met, Princess Diana and Catherine, the Duchess of Cambridge, have more in common than simply marrying into the Windsor family. Like her late mother-in-law before her, Kate has influential taste, setting the tone for stately dressing worldwide* [Adamiyatt URL];

2) *Middleton and Princess Diana share a lot in common, from their overall looks to how they handle themselves in public* [Carpenter URL];

3) *Despite never having the opportunity to meet Prince William's mother, Kate has em-*

braced her legacy and has a similar way when interacting with the public" [Llewelyn URL].

Несмотря на то, что, как неоднократно заявляла Кейт Миддлтон, она ни в чем не копирует свою свекровь и не стремится к этому, так как всецело подчиняется своему мужу, будущему королю, поддерживает его во всем и соблюдает монаршие протоколы, британцы видят сходство с Дианой не только в ее стиле и образах. Связано это с тем, что интуитивно британцы сопоставляют двух представителей монаршей семьи и примеряют на Кейт, как на будущую принцессу Уэльскую, созданный ими и Дианой дискурс модельной личности. Это и заботливая мать, воспитывающая своих детей и помогающая другим, и активная участница благотворительных фондов, и защитница тех, кто в этом нуждается, и та же икона стиля.

Свидетельством этому служит тот факт, что еще одна принцесса, Меган Маркл, пусть и не претендующая на титул принцессы Уэльской, была тепло встречена народом как жена любимого принца Гарри, но впоследствии, так и не совпав ни по одной категории с модельной личностью принцессы, испытала хоть не отторжение, но безразличие и холодность народа. Ответом послужил жесткий выпад против Короны в виде Мегзита, с самыми горькими последствиями которого столкнулись его же организаторы.

Таким образом, рассмотренные в этой статье основные параметры дискурса модельной личности принцессы Уэльской позволяют заключить, что для современных британцев это прежде всего заботливая, любящая мать, подающая пример в воспитании своих детей — будущих монархов социально ответственными гражданами. Именно такого отношения, как к своим детям, британцы ожидают и к себе как к народу. Также немаловажным параметром, соответствия которому требуют британцы от будущей королевы, является ее активная социальная позиция, проявляющаяся не только в спонсировании и организации различных фондов помощи, но и в прямом участии в решении социальных проблем. Британцы не хотят видеть принцессу, замкнувшуюся в кругу своей семьи и двора и наслаждающуюся роскошью и благами монархии. Кроме того, для британцев важно, чтобы их принцесса демонстрировала определенные черты характера, такие как ум, проницательность, теплоту, храбрость, естественность, грациозность, доброту, скромность, щедрость, дисциплинированность и многое другое. Также, конечно, она должна являться «иконкой стиля», формируя визуальный образ страны, которую представляет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнов, А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования : дис. ... д-ра филол. наук / Болотнов А. В. — Томск, 2015. — 405 с. — Текст : непосредственный.
2. Карасик, В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж : ВГУ, 2007. — Вып. 7. — С. 43—57.
3. Лаппо, М. А. Самоидентификационный дискурс элитарной языковой личности : дис. ... канд. филол. наук / Лаппо М. А. — Новосибирск, 2018. — 36 с. — Текст : непосредственный.
4. Черозняк, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Черозняк. — Текст : непосредственный // Сборник научных трудов МГЛУ. — Москва, 1996. — Вып. 426 : Язык. Поэтика. Перевод. — С. 73—86.
5. Островская, Т. А. Дискурс элиты / Т. А. Островская. — Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. — Екатеринбург : УрПАН, 2015. — С. 58—65.
6. Чабаненко, М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности : дис. ... канд. филол. наук / Чабаненко М. Г. — Кемерово, 2007. — 22 с. — Текст : непосредственный.
7. Adamiyatt, R. 46 Times Kate Middleton Dressed Like Princess Diana / R. Adamiyatt. — URL: <https://www.townandcountrymag.com/society/tradition/g25577889/kate-middleton-princess-diana-dressed-alike/> (date of access: 22.01.2020). — Text : electronic.
8. Algoo, J. A Timeline of Princess Diana's Best Looks / J. Algoo. — URL: <https://www.harpersbazaar.com/fashion/street-style/g10330122/princess-diana-fashion-style/> (date of access: 26.01.2020). — Text : electronic.
9. Carpenter, P. The 1 Thing Kate Middleton Refuses To Do Like Princess Diana / P. Carpenter. — URL: <https://www.cheatsheet.com/entertainment/the-1-thing-kate-middleton-refuses-to-do-like-princess-diana.html/> (date of access: 02.02.2020). — Text : electronic.
10. Charitable Work. — URL: <https://dianaslegacy.co.uk/charitable-work/> (date of access: 26.01.2020). — Text : electronic.
11. Elton, M. What was Princess Diana Like as a Mother / M. Elton. — URL: <https://www.historyextra.com/period/20th-century/princess-diana-mother-parenting/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic.
12. Freedland, J. Mourning Diana: A Moment of Madness? / J. Freedland. — URL: <https://www.theguardian.com/uk/2007/aug/13/britishidentity> (date of access: 28.03.2020). — Text : electronic.
13. How Princess Diana changed attitudes to Aids / URL: <https://www.bbc.com/news/av/magazine-39490507/how-princess-diana-changed-attitudes-to-aids> (date of access: 21.04.2020). — Text : electronic.
14. Llewelyn, A. Kate Middleton: How Duchess emulates Princess Diana revealed / A. Llewelyn. — URL: <https://www.Express.co.uk/news/royal/1239243/kate-middleton-princess-diana-queen-elizabeth-ii-royal-family-news-spt> (date of access: 12.02.2020). — Text : electronic.
15. Marr, A. What has become of Princess Diana's Britain? / A. Marr. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/women/life/has-become-dianas-britain/> (date of access: 24.02.2020). — Text : electronic.
16. Princess Diana's Iconic Fashion Moments — the clothes that made a princess. — URL: <https://www.elle.com/uk/fashion/celebritystyle/articles/g10737/princess-diana-fashion-moments/> (date of access: 24.02.2020). — Text : electronic.
17. Princess Diana. Personality profile. — URL: <https://www.celebrities-galore.com/celebrities/princess-diana/home/> (date of access: 24.02.2020). — Text : electronic.
18. Russel, J. Diana Saved the Queen / J. Russel. — URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/25/opinion/Sunday/princess-diana> (date of access: 18.03.2020). — Text : electronic.
19. Sisavat, M. 7 Causes That Were Near and Dear to Princess Diana's Heart / M. Sisavat. — URL: <https://www.popsugar.com/celebrity/Princess-Diana-Charity-Work-43607263> (date of access: 19.02.2020). — Text : electronic.

20. Smith, S. B. Diana in Search of Herself. Portrait of a Troubled Princess / S. B. Smith. — URL: <http://movies2.nytimes.com/books/first/s/smith-diana.html> (date of access: 19.01.2020). — Text : electronic.

21. Spence, A. How Princess Diana was the Ideal Mother to her Children / A. Spence. — URL: <https://www.cheatsheet.com/entertainment/princess-diana-was-the-ideal-mother>. (date of access: 11.01.2020). — Text : electronic.

22. Spencer, D. Princess Diana Quotes / D. Spencer. — URL: https://www.brainyquote.com/quotes/princess_diana_200389 (date of access: 27.01.2020). — Text : electronic.

23. Spencer, D. Princess Diana. Personality Profile / D. Spencer. — URL: <http://https://www.celebrities-galore.com/celebrities/princess-diana/home/> (date of access: 28.01.2020). — Text : electronic.

24. Truman, I. Princess Diana's Best Style Moments of All Time / I. Truman. — URL: <https://www.marieclaire.com.au/princess-diana-style-file> (date of access: 28.01.2020). — Text : electronic.

O. G. Alifanova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: alifanova@yahoo.com.

Discourse of Princess of Wales as a Role Model in the Modern British Political Context

ABSTRACT. *The article focuses on the discourse parameters of Princess of Wales as a role model in the modern British political context. These parameters, if revealed, would help understand what kind of image of the person of Princess of Wales and the future Queen is shared by the British people today. Compliance or disagreement with these parameters, in their turn, may influence the present and the future of the British monarchy. The methodology of discourse analysis allowed the author to identify the main categories which describe the external and internal factors forming the discourse model of Princess of Wales in the texts collected by the method of continuous sampling. The most frequent categories are presented in the article in a ranking list. Each category is accompanied by examples and their analysis. The conclusions based on the results of analysis of the categories show that the British people expect Princess of Wales to be a loving and caring mother, who gives a good example by bringing up her children – future monarchs as socially responsible citizens, and who demonstrates the same attitude to her people, too. Another important requirement to the personality of the future Queen is her active social position, which does not only manifest itself in sponsoring and organizing different funds but also in direct participation in solving social problems. The British people would not like their princess to be preoccupied with her family and the Court and to enjoy the luxury and the benefits of the monarchy. Besides, they expect their princess to have such personality traits as wit, insight, warmth, courage, naturalness, grace, kindness, modesty, generosity, self-discipline, etc. She is also expected to be a “style icon” forming the visual image of her country.*

KEYWORDS: *media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; princess; discourse parameters; British monarchy; typology of discourse; political discourse; English language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Alifanova Olga Georgievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology and Methods of Teaching English, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Alifanova, O. G. Discourse of Princess of Wales as a Role Model in the Modern British Political Context / O. G. Alifanova // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 44-50. — DOI 10.26170/pl20-02-04.*

REFERENCES

1. Bolotnov, A. V. Idiostyle of the Information and Media Linguistic Personality: Communicative-cognitive Aspects of Research : thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Bolotnov A. V. — Tomsk, 2015. — 405 p. — Text : unmediated. [Idiostil' informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti: kommunikativno-kognitivnye aspekty issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk / Bolotnov A. V. — Tomsk, 2015. — 405 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Karasik, V. I. Discursive Personology / V. I. Karasik. — Text : unmediated // Language, Communication and Social Environment. — Voronezh : Voronezh State University, 2007. — Issue 7. — P. 43—57. [Diskursivnaya personologiya / V. I. Karasik. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. — Voronezh : VGU, 2007. — Vyp. 7. — S. 43—57]. — (In Rus.)

3. Lappo, M. A. Self-identification Discourse of an Elitist Linguistic Personality : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Lappo M. A. — Novosibirsk, 2018. — 36 p. — Text : unmediated. [Samoidentifikatsionnyy diskurs elitarnoy yazykovoy lichnosti : dis. ... kand. filol. nauk / Lappo M. A. — Novosibirsk, 2018. — 36 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Neroznak, V. P. Linguistic Personology: to Determining the Status of Discipline / V. P. Neroznak. — Text : unmediated //

Collection of Scientific Works of MSLU. — Moscow, 1996. — Vol. 426: Language. Poetics. Transfer. — P. 73—86. [Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny / V. P. Neroznak. — Tekst : neposredstvennyy // Sbornik nauchnykh trudov MGLU. — Moskva, 1996. — Vyp. 426 : Yazyk. Poetika. Perevod. — S. 73—86]. — (In Rus.)

5. Ostrovskaya, T. A. Discourse of the Elite / T. A. Ostrovskaya. — Text : unmediated // Discourse-Pi. — Ekaterinburg : UrRAN, 2015. — P. 58—65. [Diskurs elity / T. A. Ostrovskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Diskurs-Pi. — Ekaterinburg : UrRAN, 2015. — S. 58—65]. — (In Rus.)

6. Chabanenko, M. G. Youth Discourse as the Implementation of a Typical and Individual Linguistic Personality : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Chabanenko M. G. — Kemerovo, 2007. — 22 p. — Text : unmediated. [Molodezhnyy diskurs kak realizatsiya tipovoy i individual'noy yazykovoy lichnosti : dis. ... kand. filol. nauk / Chabanenko M. G. — Kemerovo, 2007. — 22 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Adamiyatt, R. 46 Times Kate Middleton Dressed Like Princess Diana / R. Adamiyatt. — URL: <https://www.townandcountrymag.com/society/tradition/g25577889/kate-middleton-princess-diana-dressed-alike/> (date of access: 22.01.2020). — Text : electronic.

8. Algoo, J. A Timeline of Princess Diana's Best Looks / J. Algoo. — URL: <https://www.harpersbazaar.com/fashion/>

streetstyle/g10330122/princess-diana-fashion-style/ (date of access: 26.01.2020). — Text : electronic.

9. Carpenter, P. The 1 Thing Kate Middleton Refuses To Do Like Princess Diana / P. Carpenter. — URL: <https://www.cheatsheet.com/entertainment/the-1-thing-kate-middleton-refuses-to-do-like-princess-diana.html/> (date of access: 02.02.2020). — Text : electronic.

10. Charitable Work. — URL: <https://dianaslegacy.co.uk/charitable-work/> (date of access: 26.01.2020). — Text : electronic.

11. Elton, M. What was Princess Diana Like as a Mother / M. Elton. — URL: <https://www.historyextra.com/period/20th-century/princess-diana-mother-parenting> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic.

12. Freedland, J. Mourning Diana: A Moment of Madness? / J. Freedland. — URL: <https://www.theguardian.com/uk/2007/aug/13/britishidentity> (date of access: 28.03.2020). — Text : electronic.

13. How Princess Diana changed attitudes to Aids / URL: <https://www.bbc.com/news/av/magazine-39490507/how-princess-diana-changed-attitudes-to-aids> (date of access: 21.04.2020). — Text : electronic.

14. Llewelyn, A. Kate Middleton: How Duchess emulates Princess Diana revealed / A. Llewelyn. — URL: <https://www.Express.co.uk/news/royal/1239243/kate-middleton-princess-diana-queen-elizabeth-ii-royal-family-news-spt> (date of access: 12.02.2020). — Text : electronic.

15. Marr, A. What has become of Princess Diana's Britain? / A. Marr. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/women/life/has-become-dianas-britain> (date of access: 24.02.2020). — Text : electronic.

16. Princess Diana's Iconic Fashion Moments — the clothes that made a princess. — URL: <https://www.elle.com/uk/fashion/>

celebritystyle/articles/g10737/princess-diana-fashion-moments/ (date of access: 24.02.2020). — Text : electronic.

17. Princess Diana. Personality profile. — URL: <https://www.celebrities-galore.com/celebrities/princess-diana/home/> (date of access: 24.02.2020). — Text : electronic.

18. Russel, J. Diana Saved the Queen / J. Russel. — URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/25/opinion/Sunday/princess-diana> (date of access: 18.03.2020). — Text : electronic.

19. Sisavat, M. 7 Causes That Were Near and Dear to Princess Diana's Heart / M. Sisavat. — URL: <https://www.popsugar.com/celebrity/Princess-Diana-Charity-Work-43607263> (date of access: 19.02.2020). — Text : electronic.

20. Smith, S. B. Diana in Search of Herself. Portrait of a Troubled Princess / S. B. Smith. — URL: <http://movies2.nytimes.com/books/first/s/smith-diana.html> (date of access: 19.01.2020). — Text : electronic.

21. Spence, A. How Princess Diana was the Ideal Mother to her Children / A. Spence. — URL: <https://www.cheatsheet.com/entertainment/princess-diana-was-the-ideal-mother>. (date of access: 11.01.2020). — Text : electronic.

22. Spencer, D. Princess Diana Quotes / D. Spencer. — URL: https://www.brainyquote.com/quotes/princess_diana_200389 (date of access: 27.01.2020). — Text : electronic.

23. Spencer, D. Princess Diana. Personality Profile / D. Spencer. — URL: <http://https://www.celebrities-galore.com/celebrities/princess-diana/home/> (date of access: 28.01.2020). — Text : electronic.

24. Truman, I. Princess Diana's Best Style Moments of All Time / I. Truman. — URL: <https://www.marieclaire.com.au/princess-diana-style-file> (date of access: 28.01.2020). — Text : electronic.

В. М. Амиров

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3371-2939

И. В. Смирнов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: —

 E-mail: vestnik-va@mail.ru; smirnov.guit@mail.ru.

Особенности аргументации в публикациях деловых изданий (на примере материалов газеты «Коммерсант»)

АННОТАЦИЯ. В статье на значительной теоретической и эмпирической базе выделены и проанализированы особые методы аргументации, используемые в публикациях российских деловых изданий. Определена логика использования такой аргументации, ее эффективность для репрезентации проблематики, рассматриваемой бизнес-СМИ. Установлена взаимосвязь представляемых особенностей с профессиональными стандартами, принятыми в деловых изданиях для обеспечения объективности, точности передачи информации, полноты и глубины анализа, баланса присутствующих в материалах мнений.

В качестве иллюстраций к анализу и выводам приведены материалы, опубликованные в газете «Коммерсант», являющейся флагманом российской бизнес-журналистики, за период с октября 2019 по март 2020 года (всего более 100 публикаций). Материалы посвящены различным проблемам развития экономики России и Уральского федерального округа, выполнены в различных жанрах и с помощью разных композиционных приемов. Основным методом исследования стал контент-анализ — метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах. Определены следующие типы «особой» аргументации, присущей публикациям бизнес-журналистики: экспертный аргумент, аргумент анонимного источника, аргументирование с помощью статистических данных, аргументация с помощью аналогий, аргументация с помощью инфографики, применение «аргументирующих» приемов авторского синтаксиса, использование бэкграундов, аргументация авторитетом издания.

Выделение особенностей аргументации в материалах деловых СМИ позволяет увидеть тенденции развития средств массовой информации, отнесенных к деловому сегменту, дальнейшее формирование в этом развитии профессиональных стандартов бизнес-журналистики. Результаты, полученные в исследовании, могут быть полезны как практикующим экономическим журналистам, так и студентам факультетов журналистики и филологических факультетов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; аргументация; бизнес; экономический дискурс; русский язык; рыночная экономика; финансовая система.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: vestnik-va@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Смирнов Илья Владимирович, студент, кафедра периодической печати и сетевых изданий, департамент «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: smirnov.guit@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Амиров, В. М. Особенности аргументации в публикациях деловых изданий (на примере материалов газеты «Коммерсант») / В. М. Амиров, И. В. Смирнов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 51-56. — DOI 10.26170/pl20-02-05.

Развитие системы деловых СМИ является одним из маркеров зрелости экономики страны, поскольку только динамично развивающаяся экономика нуждается в своевременном получении качественной информации во всех бизнес-сегментах. При этом вполне логично, что периоды бурного роста количества изданий, предназначенных бизнес-среде, совпадают с периодами роста и позитивных трансформаций самой среды.

«Несмотря на сложные процессы в экономической сфере, происходящие в России,

роль деловых изданий на российском медиарынке значительно выросла, так как именно деловые издания способны предоставить качественный анализ состояния экономики государства и отдельных регионов, определить перспективы и тенденции развития отраслей и предложить варианты бизнес-решений, которые могут быть полезными и востребованными коммерческим сектором», — констатирует А. В. Ларина [Ларина 2016].

При этом нужно понимать, что целевой аудиторией бизнес-изданий являются не

только предприниматели, но и политики, испытывающие необходимость «быть в курсе макроэкономических событий и основных рыночных трендов» [Амиров, Белоусов 2013].

Однако основными потребителями бизнес-информации являются все-таки представители деловых кругов всех уровней. Говоря о роли бизнес-СМИ, А. Грабельников указывает на то, что «здесь публикуется экономическая и финансовая информация для принятия самостоятельных управленческих решений со стороны читателя — промышленника, банкира, финансиста, коммерсанта, — которому для этого необходимы точность, всесторонность, оперативность газетной продукции» [Грабельников 1999]. На строгой фактологичности деловых СМИ как видовом признаке акцентирует внимание и В. Н. Тищенко, подчеркивающий, что важной особенностью публикаций деловых изданий является их документальность: «Документальность проявляется в строгом следовании фактам, использовании документальных источников, статистических цифровых данных, свидетельств очевидцев, хорошо осведомленных лиц...» [Тищенко 2014]. Ряд авторов связывает доверие аудитории к публикациям деловых СМИ с высоким уровнем их аналитичности: «Работа над любой сложной темой, требующей времени и значительных трудозатрат, вне зависимости от результата... начинается с предварительного анализа» [Амиров 2013].

Документальность и аналитичность бизнес-изданий вряд ли могли бы быть гарантированы без четкой системы аргументации, также характерной для деловой журналистики. На это, в частности, указывает А. А. Тертычный, который полагает, что «ядром качественной журналистики выступает аналитика, публицистика, предполагающие доказательную интерпретацию свершающихся в обществе событий, процессов, ситуаций» [Тертычный 2016].

Аргументация в бизнес-журналистике имеет ряд особенностей, на которые указывают исследователи. В частности, В. В. Моторин пишет о том повышенном внимании, которое «деловые издания уделяют доводам, апеллирующим к фактам (непосредственное наблюдение, индуктивное умозаключение, примеры, иллюстрации)» [Моторин URL]. А. А. Тертычный обращает внимание на распространенность в публикациях деловых изданий обращений к экспертным оценкам: «На экспертную оценку полагаются, чаще всего, в случаях, когда ошибка может повлечь для людей серьезные негативные последствия. Подобная практика существует, скажем, в деловых изданиях» [Тертычный

2016].

На этом же аспекте фиксирует внимание А. В. Ларина, которая связывает тенденции роста обращений бизнес-журналистики к экспертным оценкам с развитием интернет-технологий: «В борьбе за аудиторию под влиянием сетевых технологий деловые издания начали теснее общаться с экспертами в различных сферах экономики и бизнеса, организовывая „круглые столы“, конференции, семинары, лекции и др. Такая активность стала позитивным трендом в качественной деловой журналистике, позволила редакциям наладить близкие контакты с бизнес-сообществом и, тем самым, предоставлять объективную и оперативную картину экономической действительности читателям» [Ларина 2016].

Однако, несмотря на наличие ряда научных публикаций, посвященных вопросам аргументации в деловых изданиях, степень изученности отличий этой аргументации от той, которая более характерна для общественно-политических СМИ, остается невысокой.

Обращаясь к этой теме, отметим, что в той или иной степени деловой контент предоставляют все типы СМИ, даже если они формально и не позиционируются в качестве бизнес-изданий. А. Грабельников отмечает, что интересной для читателя информацией могут быть биржевые сводки, котировки и даже реклама, которая присутствует в СМИ любого сегмента [Грабельников 1999]. К бизнес-информации относятся также сообщения об открытии или закрытии новых производств, появлении торговых центров или сообщения о ярмарках рабочих мест — материалы такого рода также присутствуют практически в любой газете.

Но в России сложилась и система средств массовой информации, которые адресно и непрерывно работают в деловом сегменте, т. е. изданий, предназначенных для деловых людей и представляющих им «актуальную информацию, необходимую для развития бизнеса и формирования положительного имиджа деловой сферы» [Гуревич 1999]. К таковым можно, безусловно, отнести газету «Коммерсант», публикации которой мы проанализируем.

Систему аргументации, реализованную в газете «Коммерсант», выходящей с сентября 1992 г., можно считать типичной для деловых газет и журналов. Изданию присущи четкие профессиональные стандарты, касающиеся стиля подачи информации и тщательной проверки фактов. Одной из основных задач аналитического материала делового издания является предоставление читателям убедительных доводов, подтвер-

ждающих главный тезис публикации. Условны эти доводы могут быть классифицированы по нескольким признакам.

Экспертный аргумент вместо авторского

Авторы редко дают собственные оценки, предпочитая ссылаться на мнения специалистов. Наличие у «Коммерсанта» большой экспертной базы позволяет им раскрывать темы с разных точек зрения. Если материал затрагивает какую-либо конфликтную ситуацию, издание предоставляет позицию всех участников инцидента, не поддерживая чью-либо сторону и обеспечивая баланс мнений.

Так, в материале «С Москвой разговор короткий» («Коммерсантъ», № 4 от 14.01.2020) рассматривается вопрос, устарел ли стандарт связи 4G.

Автор публикации использует экспертные оценки для того, чтобы наиболее объективно отобразить сложившуюся на рынке мобильного интернета ситуацию. Приводится мнение руководителя департамента информационных технологий Москвы Александра Горбатко, считающего, что внедрение 5G в ближайшие годы будет необходимо. Представители «МТС», «МегаФона», «Вымпелкома» и «Tele2» также дали комментарий «Коммерсанту». Компании не ожидают дефицита емкости 4G даже после 2022 г.

В данной публикации автор не делает собственных выводов, а транслирует мнения экспертов. Так, по мнению руководителя агентства «Content Review» Сергея Половникова и руководителя практики по работе с компаниями сектора технологий, медиа и телекоммуникаций КППМГ Еркожа Акылбека, начало эксплуатации сетей 5G к 2022 г. будет полезно не операторам и пользователям, а властям Москвы.

Использование аргумента анонимного источника

Часто журналисты ссылаются на анонимные источники как из различных частных компаний, так и правительственных структур. Они предоставляют журналистам важную непубличную информацию. Помимо комментариев, в распоряжении «Коммерсанта» часто оказываются документы, не находящиеся в общем доступе.

В публикации «Модернизация с разворотом» («Коммерсантъ», № 2 от 10.01.2020) речь идет о том, что «Сообщество потребителей энергии» посчитало проект модернизации Красноярской ТЭЦ-3 стоимостью 22,96 млрд руб. слишком дорогим и обратилось к правительству с целью пересмотра расценок. Во время создания материала ав-

тор не смог получить комментарии вице-преьера Дмитрия Козака, представителей Сибирской генерирующей компании и Минэнерго. Однако в статье в качестве аргументов несколько раз приводятся служебные данные, находящиеся в распоряжении «Коммерсанта»: «*Дмитрий Козак просьбу поддержал, поручив Минэкономики до 20 декабря согласовать позиции, следует из поручения вице-преьера от 9 декабря (есть у „Ъ“)*», «*Согласно технико-ценовому аудиту проекта модернизации (ТЦА, (есть у „Ъ“), его проводило ООО „ЭФ-ТЭК“)*...».

Мы не обнаружили ни одного материала, в котором автор ссылался бы на публикации других СМИ. Вместе с тем журналисты в качестве источника информации могут представить публикации самого «Коммерсанта».

Аргументирование с помощью статистических данных

В качестве аргументов часто используются статистические данные, результаты опросов, голосований, которые предоставляют крупнейшие российские и зарубежные исследовательские центры, а также государственные организации, такие как Росстат, министерство финансов и т. д.

Так, статистика бюджетов домохозяйств легла в основу материала «Богатые Росстата тоже небогаты» («Коммерсантъ», № 194 от 23.10.2019). Результаты исследования показывают, как оценивают свое благосостояние респонденты во 2 квартале 2016, 2017, 2018 и 2019 годов. В публикации отмечаются наиболее примечательные результаты опроса: «*Отдельный интерес представляют данные о распределении финансовых ресурсов и потребления граждан по децильным группам, где первые 10 % — наименее, а последние 10 % — наиболее обеспечены*». Автор делает ряд выводов о том, как распределяются ресурсы среди населения, каков процент всех расходов на потребление среди богатых и бедных и как изменилась ситуация в стране за 4 года.

Сами результаты опроса представлены в публикации в виде графика распределения домохозяйств по оценке своего финансового положения.

Аргументация с помощью аналогий

Автор может сравнить ситуацию, о которой говорится в тексте, с аналогичной, складывавшейся ранее. Подобное сопоставление позволяет спрогнозировать, как теоретически могут развиваться события.

В публикации «Бюджет испытал приступ дефицита» («Коммерсантъ», № 229 от 12.12.

2019) представлен анализ информации, предоставленной министерством финансов. По данным ведомства, за 11 месяцев 2019 г. федеральный бюджет был исполнен с профицитом в 3,1 % ВВП, что ниже, чем за 10 месяцев, где профицит составлял 3,5 % ВВП. Автор объясняет причины снижения профицита и делает предположение о возможности реализации параметров бюджета к концу года. Для подтверждения своих доводов он использует сравнение показателей расходов бюджетных средств прошлого и нынешнего годов: *«В прошлом году в декабре было потрачено вдвое больше, чем в среднем расходовалось в предыдущие месяцы — 2,7 трлн руб. В этом году, для того чтобы выполнить обновленный план, бюджетополучателям надо освоить еще больше — 3,5 трлн руб.»*

Аргументация с помощью инфографики

Для того чтобы структурировать данные, приводимые в большом масштабе, авторы составляют таблицы, диаграммы, графики и т. д. Это облегчает восприятие информации. Сами цифровые показатели являются аргументами, подтверждающими основные тезисы публикаций.

В статье «Укрощение выкупа» («Коммерсантъ», № 2 от 10.01.2020), которая посвящена просьбе инвесторов изменить для компаний механизм рыночного выкупа ценных бумаг, представлена таблица «Крупнейших программ выкупа собственных акций в 2019 году». Она наглядно отображает ажиотаж на рынке, из-за которого компании обратились к финансовой власти.

Закономерно, что в публикации присутствуют мнения экспертов как со стороны власти (например, ЦБ), так и бизнеса (УК «Спутник — Управление капиталом», «ЛУКОЙЛ»). Наиболее важные цитаты в газете помещены в отдельную рамку и напечатаны крупным шрифтом. Таким образом, автор акцентирует внимание на самых значимых для понимания темы словах экспертов.

Статья «Вагоны сбиваются в стаи» («Коммерсантъ», № 2 от 10.01.2020, стр. 7) посвящена усилению на рынке оперирования грузовыми вагонами компаний «Модум-Транс» и «Атлант». Для освещения общей картины на рынке в публикации присутствует таблица «Топ-30 крупнейших железнодорожных операторов РФ по итогам девяти месяцев 2019 года».

Применение приемов авторского синтаксиса

Журналисты используют различные стилистические приемы, которые выполня-

ют роль психологических аргументов. В публикациях нередко можно обнаружить метафоры, перифразы, инверсию, сравнение и т. д.

Материал «Пенсии держатся на хорошем слове» («Коммерсантъ», № 240 от 27.12.2019) посвящен тому, что пенсионная система России оказалась неэффективной. Рассказывая о проблемах на рынке НПФ, автор обыгрывает в тексте названия частных пенсионных организаций: *«„Доверие“ граждан давно покинуло индустрию», «„Согласия“ среди НПФ тоже нет», «„Благосостояния“, судя по прошлогодним результатам частных фондов, большинству их клиентов также не видать»*. Автор наглядно демонстрирует те трудности, которые сейчас присутствуют на рынке частного пенсионного страхования.

Часто используется ирония, которую нередко можно обнаружить в заголовках. Так, к ней стали чаще прибегать при создании публикаций, отражающих результаты пандемии коронавируса: *«Ничего личного, только вирус», «Новый триллер Карантино»* и т. д. Ироничный заголовок способен не только привлечь внимание читателя, но и облегчить восприятие публикации.

Использование бэкграундов

Бэкграундная информация играет важную роль в большом количестве публикаций газеты. Одна из основных задач автора — объяснить, что привело к тем переменам, о которых говорится в тексте. Для этого в публикации может содержаться бэкграундная информация, благодаря которой достаточно просто отметить важнейшие для понимания ситуации события. В «Гуд пай, май френд, гуд пай» («Коммерсантъ», № 2 от 10.01.2020) рассказывается о том, что конец 2019 г. оказался успешным для рынка коллективных инвестиций. Бэкграунд, в котором сообщается о том, что начало года было не самое удачное для рынка, подчеркивает важность и неожиданность данных изменений: *«Начало 2019 года не предвещало успеха. В первые месяцы оттоки из фондов преобладали, с января по апрель инвесторы вывели почти 5 млрд руб. Но в конце весны произошел перелом, который перерос в массовые привлечения в осенне-зимний период»*. В лиде автор, ссылаясь на экспертные мнения, отмечает, что 2020 год может оказаться еще более удачным.

Наглядно перемены отражены в графике изменения предпочтения инвесторов и в диаграмме, показывающей лидеров по привлечению средств в розничные паевые инвестиционные фонды.

Далее автор делает ряд предположений о том, что способствовало такому чрезвычайному успеху. Их он подкрепляет мнением самих участников рынка. Комментарий «Коммерсанту» дали представители «Сбербанк Управление активами», «Райффайзен Капитала», «ВТБ Капитал Инвестиции» и «Альфа-Капитала».

В публикации «Посылки отправляют в бюджет» («Коммерсантъ», № 232 от 17.12.2019) автор делает сноску, в которой говорится о предшествующих материалу событиях. В ней речь идет о том, что премьер российского правительства Дмитрий Медведев поручил проработать вопрос снижения беспроцентного порога. Наличие ретроспекции необходимо для того, чтобы читатель понял, откуда взялись опасения Национальной ассоциации дистанционной торговли (НАДТ) о росте расходов бюджета из-за резкого снижения беспроцентного лимита для посылок из иностранных интернет-магазинов.

В публикации автор ссылается на содержание письма НАДТ Дмитрию Медведеву, которое отсутствует в открытом доступе: «...говорится в письме НАДТ (объединяет eВаu, службы экспресс-доставки и небольшие интернет-магазины) Дмитрию Медведеву от 13 декабря (копия есть у „Ъ“». Традиционно приводятся комментарии экспертов, например, представителя Минфина и президента АКИТ Артема Соколова.

Аргументация авторитетом издания

Нередко прогнозы «Коммерсанта» оказываются точными, что и отмечается в публикациях газеты. Это повышает доверие читателей к мнению издания. Рассказывая об антирекордах кампаний по переводу пенсионных накоплений в публикации «Пенсионеры устали мигрировать» («Коммерсантъ», № 224 от 05.12.2019), автор отмечает, что одно из предсказаний издания оказалось точным: «Кампания по переводу пенсионных накоплений между фондами, как и прогнозировал „Ъ“, оказалась крайне пассивной...». Кроме того, отдельно вынесено примечание об изменениях в пенсионном страховании, что помогает читателю понять, что стало причиной столь низких показателей.

Дальнейший анализ основывается на статистике ПФР, не находящейся в общем доступе: «Такой объем заявлений, поданных гражданами лично за три недели, согласно

имеющейся у „Ъ“ статистике ПФР за несколько лет, является аномальным». Также «Коммерсантъ» запросил у ряда НПФ данные, публикация которых усилила аргументацию.

Помимо собственного анализа, автор приводит слова гендиректора консалтинговой компании «Пенсионный партнер» Сергея Околеснова. Наличие экспертной оценки является одним из обязательных пунктов при формировании статьи, так как мнение вовлеченного в сферу человека повышает весомость представленных ранее доводов.

Приведенные примеры показывают различные подходы к аргументации в газете «Коммерсантъ». Мы видим, как авторы комбинируют все вышеперечисленные типы аргументации в своих публикациях. Серьезная аналитика с убедительной аргументацией остается главным преимуществом бизнес-изданий. Этим они привлекают аудиторию, которой необходим подробный анализ мировых экономических новостей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров, В. М. Деловая журналистика: социальный компонент в бизнес-публикации / В. М. Амиров, А. А. Белоусов. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2013. — № 3 (116). — С. 6.
2. Амиров, В. М. Стандарты и особенности анализа информации в работе бизнес-СМИ / В. М. Амиров. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standarty-i-osobennosti-analiza-informatsii-v-rabote-biznes-smi/viewer> (дата обращения: 14.03.2020). — Текст : электронный.
3. Грабельников, А. Виды деловой прессы России / А. Грабельников. — Текст : непосредственный // Деловая пресса России: настоящее и будущее. — 1999. — С. 30—48.
4. Гуревич, В. Делать сугубо деловое издание сегодня очень рискованно / В. Гуревич. — URL: www.nqk.ru/biblio/delov-pressa/l-qrevish/html (дата обращения: 23.03.2020). — Текст : электронный.
5. Ларина, А. В. Особенности современного состояния деловой прессы: деловые издания в интернете / А. В. Ларина. — Текст : электронный // Гуманитарные научные исследования. — 2016. — № 1. — URL: <http://human.snauka.ru/2016/01/13164> (дата обращения: 16.03.2020).
6. Моторин, В. В. Проблемы изучения аргументации в текстах деловых СМИ / В. В. Моторин. — URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/09/motorinvladi_mir.doc.pdf (дата обращения: 14.03.2020). — Текст : электронный.
7. Тertychnyy, A. A. Модели аргументации в современных медиатекстах / А. А. Тertychnyy. — URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/modeli-argumentatsii-v-sovremennykh-mediatekstakh/> (дата обращения: 14.03.2020). — Текст : электронный.
8. Тищенко, В. Н. Деловая журналистика: типология и видовые признаки / В. Н. Тищенко. — URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/delovaya-jurnalistika-tipologiya-i-vidovye-priznaki.pdf> (дата обращения: 23.03.2020). — Текст : электронный.

V. M. Amirov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3371-2939

I. V. Smirnov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: vestnik-va@mail.ru; smirnov.guit@mail.ru.

Argumentation in Business Publications (based on the materials published in the “Kommersant”)

ABSTRACT. *The article highlights and analyzes special methods of argumentation used in Russian business publications on a significant theoretical and empirical basis. The study reveals the logic of such argumentation and its effectiveness for representing the issues covered by business media. The article establishes the interrelationship between the features presented and the professional standards used in business publications to ensure objectivity, accuracy of information transmission, completeness and depth of analysis, and balance of opinions presented in the materials.*

The analysis and the conclusions are illustrated by the materials published in the newspaper “Kommersant”, the flagship of Russian business journalism, over the period from October 2019 to March 2020, with a total of more than 100 publications. The materials are devoted to various issues of economic development in Russia and the Ural Federal district, and are written in various genres and employ different composition techniques. Content analysis has become the main method of research. It is a method of qualitative and quantitative analysis of the content of certain documents in order to identify or measure various facts and trends reflected in these documents. The following types of “special” argumentation peculiar to business journalism publications have been discovered: expert argumentation, anonymous source argumentation, statistical data argumentation, analogy argumentation, infographics argumentation, “argumentative” methods of authored syntax, background argumentation, and authoritative argumentation.

Identification of the typical features of argumentation in the materials of business media allows the researcher to see the tendencies in the development of mass media related to the business segment, and to observe the further formation of professional standards of business journalism in this development. The results obtained from this study can be useful for both practicing business journalists and students of journalism and philological departments.

KEYWORDS: *media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; argumentation; business; business discourse; Russian language; market economy; financial system.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Amirov Valeriy Mikhaylovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Periodicals and Online Publications, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Smirnov Il’ya Vladimirovich, Undergraduate Student, Department of Periodicals and Online Publications, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Amirov, V. M. Argumentation in Business Publications (based on the materials published in the “Kommersant”) / V. M. Amirov, I. V. Smirnov // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 51-56. — DOI 10.26170/pl20-02-05.*

REFERENCES

1. Amirov, V. M. Business Journalism: A Social Component in Business Publication / V. M. Amirov, A. A. Belousov. — Text : unmediated // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of Education, Science and Culture. — 2013. — No. 3 (116). — P. 6. [Delovaya zhurnalistika: sotsial’nyy komponent v biznes-publikatsii / V. M. Amirov, A. A. Belousov. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul’tury. — 2013. — № 3 (116). — S. 6]. — (In Rus.)
2. Amirov, V. M. Standards and Features of Information Analysis in the Work of Business Media / V. M. Amirov. [Standarty i osobennosti analiza informatsii v rabote biznes-SMI / V. M. Amirov]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standarty-i-osobennosti-analiza-informatsii-v-rabote-biznes-smi/viewer> (date of access: 14.03.2020). — Text : electronic.
3. Grabel’nikov, A. Types of Business Press in Russia / A. Grabel’nikov. — Text : unmediated // Business Press of Russia: Present and Future. — 1999. — P. 30–48. [Vidy delovoy pressy Rossii / A. Grabel’nikov. — Tekst : neposredstvennyy // Delovaya pressa Rossii: nastoyashchee i budushchee. — 1999. — S. 30–48]. — (In Rus.)
4. Gurevich, V. To Make a Purely Business Publication Today is Very Risky / V. Gurevich. [Delat’ sugubo delovoe izdanie segodnya ochen’ riskovanno / V. Gurevich]. — URL: www.nqk.ru/biblio/delov-pressa/l-qrevish/html (date of access: 23.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
5. Larina, A. V. Features of the Current State of the Business Press: Business Publications on the Internet / A. V. Larina. — Text : electronic // Humanitarian Research. — 2016. — No. 1. [Osobennosti sovremennoy sostoyaniya delovoy pressy: delovye izdaniya v internete / A. V. Larina. — Tekst : elektronnyy // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. — 2016. — № 1]. — URL: <http://human.snauka.ru/2016/01/13164> (date of access: 16.03.2020). — (In Rus.)
6. Motorin, V. V. Problems of the Study of Argumentation in the Texts of Business Media / V. V. Motorin. [Problemy izucheniya argumentatsii v tekstakh delovyykh SMI / V. V. Motorin]. — URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/09/motorinvladimir.doc.pdf (date of access: 14.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
7. Tertychnyy, A. A. Models of Argumentation in Modern Media Texts / A. A. Tertychnyy. [Modeli argumentatsii v sovremennykh mediatekstakh / A. A. Tertychnyy]. — URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/modeli-argumentatsii-v-sovremennykh-mediatekstakh/> (date of access: 14.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
8. Tishchenko, V. N. Business Journalism: Typology and Specific Characteristics / V. N. Tishchenko. [Delovaya zhurnalistika: tipologiya i vidovye priznaki / V. N. Tishchenko]. — URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/delovaya-jurnalistika-tipologiya-i-vidov-e-priznaki.pdf> (date of access: 23.03.2020). — Text : electronic.

Ю. Э. Знак

Московский гос. ин-т международных отношений (университет) Мин-ва иностранных дел РФ, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1873-2889

 E-mail: levi-julia@yandex.ru.

Актуализация концепта «война» в идиостиле У. Черчилля (на материале речей 1940 и 1949 гг.)

АННОТАЦИЯ. Интерес к наследию политиков различных эпох в немалой степени связан с тем, что анализ глубинных текстопорождающих доминант и констант текстов того или иного политического деятеля прошлых веков позволяет выделить специфические черты дискурса, присущие определенным политическим режимам, историческим периодам, конкретному мироустройству. Изучение прошлого учит настоящее не повторять его ошибок в будущем. В статье представлен анализ наиболее частотных языковых средств, систематизированы доминанты и специфические признаки идиостиля У. Черчилля.

Материал исследования — две широко известные речи Уинстона Черчилля, относящиеся к 1940 и 1949 гг. Основной метод исследования — семантический, когнитивный и риторический анализ текста. Содержание концепта «война» рассматривается на основе «полевой модели» и с опорой на дефиниции толковых словарей английского языка, описываются его ядро и периферия. Детальный анализ показал, что У. Черчилль активно использует риторические тропы и фигуры, особенно метафору.

У. Черчилль ярко демонстрирует черты элитарной языковой личности, он свободно владеет кодифицированными языковыми, этическими, коммуникативно-прагматическими и риторическими нормами литературного языка, целесообразно и творчески использует возможности функциональных стилей, речевых жанров, специфических свойств устной и письменной форм речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идиостиль; концепты; война; национальная картина мира; языковая картина мира; концептуальная картина мира; языковая личность; лингвоперсонология; политические деятели; политическая риторика; политический дискурс; политические речи; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Знак Юлия Эдуардовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 6, МГИМО (университет) МИД РФ; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76, к. 3105; e-mail: levi-julia@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Знак, Ю. Э. Актуализация концепта «война» в идиостиле У. Черчилля (на материале речей 1940 и 1949 гг.) / Ю. Э. Знак // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 57-65. — DOI 10.26170/pl20-02-06.

1. ВВЕДЕНИЕ

Значительная часть исследований современного национального политического дискурса посвящена идиостилям, а также идиолектам ведущих политических лидеров как прошлого, так и современности.

Языковая личность политика попадает в сферу интересов современной российской лингвополитической персонологии, пограничной области языкознания, оформившейся на стыке политической лингвистики и лингвистической персонологии. Предметом тщательного анализа становятся стилистические особенности текстов, присущие политическому дискурсу последних десятилетий: как неудачные метафорические образы, лексико-грамматические ошибки политиков, так и, напротив, экспрессивность, яркие кричащие образы, которые свидетельствуют о кардинальном обновлении содержания и формы коммуникативной деятельности, стремлении к индивидуальному («фирменному») стилю [Чудинов 2001: 17]. Языковеды также обращаются к «речевым портретам»

ведущих политиков разных исторических эпох в сопоставлении с политическими портретами современных российских политических лидеров [Седых 2012 и др.], стремятся охарактеризовать роль идиостиля в формировании восприятия харизматического политика, обращаются к особенностям речи конкретных политических лидеров, анализируют приемы воздействующей речи [Седых 2012, 2016; Гаврилова 2012; Знак 2016: 20—25].

Большой интерес к наследию политиков различных эпох обусловлен целым рядом факторов, но в немалой степени он связан с тем, что анализ «глубинных текстопорождающих доминант и констант текстов» того или иного политического деятеля позволяет выделить специфические черты дискурса, присущие определенным политическим режимам, историческим периодам, конкретному мироустройству. Таким образом, можно выделить пропагандистский, милитаристский, партийный дискурс, терроризма, нового многополярного мира и т. п. [Будаев, Чудинов

2006: 24], отечественные ученые вслед за западными коллегами применяют термины «президентская риторика» и «президентский дискурс».

2. ДИСКУССИЯ О ТЕРМИНЕ «ИДИОСТИЛЬ»

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» идиостиль определяется как совокупность всех языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи индивида, при этом термин «идиолект» рассматривается как один из возможных его синонимов.

Эти понятия часто употребляются синонимично, но они скорее являются близкими друг другу понятиями, чем тождественными. В. П. Григорьев утверждал, что всякий идиостиль как факт современной литературы является в то же время идиолектом [цит. по: Абраменко, Григорьев 2017: 8]. Ю. В. Борисенко считает, что идиолект и идиостиль соотносятся между собой как соответственно поверхностная и глубинные структуры [Там же].

Разработка понятия «идиостиль» осуществляется в разных направлениях. Некоторые исследователи выделяют три основных подхода к его изучению: семантико-стилистический (В. В. Виноградов, Л. С. Захидов и др.), в рамках которого идиостиль рассматривается как система индивидуального подбора и использования экспрессивных средств языка, свойственных конкретному периоду развития художественной литературы; лингвопоэтический (В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева и др.), приверженцы которого занимаются анализом форм организации языкового материала, в основном лексических, и выявляют общие закономерности в словоупотреблении авторов; коммуникативно-деятельностный (Ю. Н. Караулов, Н. С. Болотнова и др.), представители которого исследуют идиостиль с точки зрения того, как конкретная языковая личность — автор — взаимодействует с читателем, направляет его по определенному пути, обозначенному коммуникативной стратегией текста, его коммуникативным жанром и интенцией создателя.

В рамках нашего исследования мы будем опираться на концепцию идиостиля, предложенную Т. А. Чернышевой, которая считает, что идиостиль можно представить как иерархическую структуру, «цепочку зависимостей» на основе идиолектных особенностей. Среди определяющих основных характеристик идиостиля Т. А. Чернышева выделяет следующие: 1) отбор языковых средств индивидом и частотность их использования; 2) речетекстовые характеристики отдельной

языковой личности, формирующиеся под воздействием всей экстралингвистической основы — как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой; 3) связь ментальных феноменов и способов их вербализации; 4) определяющие специфические признаки индивидуального стиля как существующего в рамках того или иного дискурса; 5) хронологическая последовательность текстов; 6) естественная тенденция существования нескольких стилей в одном тексте — конкретное преломление различных стилей в одном тексте, часто связанное с пересечением дискурсов в рамках текста.

Кроме того, Т. А. Чернышева предлагает описывать явление идиостиля при помощи осевой модели, где ось X — отбор и частота использования языковых средств; ось Y — доминантно-функциональная структура идиостиля, мотивация их использования на основании систематизации доминант и их функциональных полей, попытка поиска глубинных связей, определяющих конструирование идиостиля; ось Z — специфические признаки идиостиля, соотносится с понятием дискурса; именно здесь происходит «отклонение» от самой общей нормы первых двух координат и можно выделить индивидуальные особенности идиостиля [Чернышева 2010: 30—33].

3. МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы рассмотрим наиболее частотные языковые средства, попытаемся систематизировать доминанты и специфические признаки идиостиля У. Черчилля на материале избранных речей 1940 и 1949 гг. при помощи осевой модели Т. А. Чернышевой, а также проанализируем вопрос актуализации концепта «война» с опорой на «полевую» модель.

В последнее время особое значение придается изучению национальных картин мира (НКМ), что обусловлено происходящими в мире геополитическими процессами. Процесс глобализации укрепил интерес к национальным культурам, к чертам, которые в своей совокупности образуют мировоззрение, представление о мире, объединяющее членов того или иного лингвокультурного сообщества и выделяющее его среди других [Шурыгина 2014: 85]. Национальная картина мира, с одной стороны, некоторая абстракция, а с другой — когнитивно-психологическая реальность, обнаруживающаяся в мыслительной, познавательной деятельности народа, в его поведении — физическом и вербальном. НКМ отображает исторический опыт отдельно взятого народа, реализующийся в самобытности и национально-

культурном своеобразии мироощущения народа. В результате НКМ определяется как часть национального мировоззрения, представляющая целостный, систематизированный взгляд на мир представителей определенной национальной общности в диахронии. Как следует из определения, НКМ находит свое отражение в языковой картине мира (ЯКМ), как совокупности представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка [Попова, Стернин 2002: 3–4]. Как справедливо отмечает Н. Н. Болдырев, реализация антропоцентрической природы языка в его интерпретирующей функции в полной мере представлена в ЯКМ, в ее структуре и специфике передачи языкового опыта взаимодействия человека с окружающим миром и освоения знаний о нем в процессе познавательной деятельности [Болдырев 2015: 8].

Однако З. Д. Попова и И. А. Стернин напоминают о том, что ЯКМ — ограниченная и к тому же «наивная» картина мира, она не передает полностью ту картину мира, которая есть в национальном сознании, поскольку язык называет и категоризирует далеко не все, что есть в сознании народа, использующего язык [Попова, Стернин 2007: 39].

Более того, они подчеркивают, что ЯКМ не равна когнитивной, последняя неизмеримо шире, поскольку названо, «оязыковано» далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации. Поэтому судить о когнитивной картине мира по языковой картине мира можно лишь в ограниченном масштабе, постоянно имея в виду, что в языке названо только то, что имело или имеет сейчас для народа коммуникативную значимость — об этом народ говорит или говорил [Попова, Стернин 2007: 39].

В то же время связь сознания с окружающим миром и концептами, характеризующими само это сознание, устанавливается только через процессы концептуализации, категоризации и репрезентации, значительная роль в которых отводится именно языку [Болдырев 2019: 23]. Языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу и лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет [Попова, Стернин 2007: 40].

Следует отметить, что картина мира представляет собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка. Традиционно в отечественном и зарубежном языкознании принято считать, что язык выполняет две основные

функции — познавательную (когнитивную) и коммуникативную (общения). Н. Н. Болдырев также справедливо утверждает, что дополнительные функции языка, которые выделяют ученые (эмотивно-экспрессивная, фатическая, метаязыковая, воздействия и др.), связаны с языковой интерпретацией и реинтерпретацией мира и знаний о мире, которая, в свою очередь, дает основание говорить о том, что язык выполняет не две, а три главные функции: когнитивную, коммуникативную и интерпретирующую. Языковые выражения приобретают конкретное значение и смысл только в рамках определенной концептуальной системы, т. е. являются результатом интерпретирующей деятельности человека [Болдырев 2019: 40]. Таким образом, под концептом мы понимаем «единицу осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2019: 48].

Познание мира всегда предполагает его членение на конкретные объекты, события, выделение различных характеристик, свойств, закономерностей. Концепты и есть те единицы знания, в которых осознаются и репрезентируются результаты познания «с целью последующей их передачи в языковой форме или дальнейшего накопления» [Болдырев 2019: 62].

4. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВОЙНА»

Для репрезентации содержания концепта «война» нам необходимо проанализировать дефиниции, закрепленные в словарях. В толковых словарях английского языка основное имя данного концепта — *war* — объясняется таким образом: 1. *Fighting between two or more countries that involves the use of armed forces and usually continues for a long time*; 2. *Fighting between opposing groups within one country*; 3. *Particular period of fighting between countries or groups of people*; 4. *A struggle for a particular purpose*; 5. *Economics: A situation in which countries, organizations, or businesses compete with each other to gain economic power or control*; 6. *Often humorous a situation in which two people or groups fight, argue, or are extremely unpleasant to each other*. В качестве родового признака присутствует идея вооруженной борьбы, понятийный компонент может быть представлен в виде следующего набора признаков: 1) вооруженное столкновение между противоборствующими сторонами внутри страны; 2) противостояние; 3) борьба с чем-либо; 4) конкурентная борьба; 5) неприязнь.

В своем анализе мы будем опираться на «полевую модель» концепта, к ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта [Попова, Стернин 2002: 24]. **Ядро** концепта «война» составляют такие понятия, как 1) вооруженная борьба / вести борьбу — «You ask, what is our Policy? I say it is to wage war by land, sea, and air. War with all our might and with all the strength God has given us, to wage war against a monstrous tyranny never surpassed in the dark and lamentable catalogue of human crime...»; 2) победа как оппозиция «войны» — «You ask, what is our aim? I can answer in one word. It is victory... Victory at all costs — victory in spite of all terrors — victory, however long and hard the road may be, for without victory there is no survival»; 3) враг как чудовищная тирания — «a monstrous tyranny»; 4) терпение — «in spite of all terrors» [Speeches 2010: 94].

Ближняя периферия концепта — более абстрактные слои, отражающие некий этап осмысления бытийных признаков и относящиеся к рефлексивному слою сознания, выражена такими понятиями, как 1) противостояние — «We have before us many, many months of struggle»; 2) сплоченное сопротивление — «Come then, let us go forward together with our united strength» [Speeches 2010: 94].

Дальняя периферия возникает на основе индивидуального знания, коннотаций и ассоциаций. Представлена такими понятиями, как 1) кровь, тяжелый труд, слезы и пот — «I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat»; 2) страдания — «We have before us many, many months of suffering»; 3) преступление против человечности — «human crime»; 4) отсутствие спасения — «no survival for the British Empire»; 5) просьба о помощи ко всем — «to claim the aid of all» и др. [Speeches 2010: 94].

Рассмотрим примеры ядра, ближней и дальней периферии концепта «война» более поздней речи У. Черчилля, произнесенной им в 1949 г. **Ядро концепта:** 1) третья мировая война — «(avoid) a third world struggle»; 2) гражданская война в США — «the Civil war in the United States»; 3) вооруженный конфликт — «armed conflict»; 4) враг, соперник — вооруженные дивизии советских коммунистов, 14 человек в Кремле, правительство, которое стремится к империалистической экспансии: «the Russian Communist armoured divisions», «these fourteen men in the Kremlin», «a Government pursuing Imperialist expansion, as no Czar or Kaiser had ever done»;

4) сохранение мира как оппозиция «войны», война не неизбежна — «peace may yet be preserved», «war is not inevitable». **Ближняя периферия:** 1) холодная война — «Cold War»; 2) война нервов — «War of nerves»; 3) атака коммунистов и заговор — «(under) Communist attack and intrigue»; 4) поглощение — «the absorption (of China and India)»; 5) тирания и любые другие противоправные действия — «tyranny and wrong-doing in any form». **Дальняя периферия:** 1) нечто ужасное, более устрашающее, чем Гитлер — «Something quite as wicked but in some ways more formidable than Hitler»; 2) служители коммунистического культа — «a church of Communist adepts»; 3) безбожная религия и коммунистическая доктрина полного подчинения личности государству — «anti-God religion and their Communist doctrine of the entire subjugation of the individual to the State»; 4) отсутствие враждебности к русским — «We have no hostility to the Russian people...»

Данный анализ позволяет проиллюстрировать тезис о том, что концепт является ментальным отражением меняющейся действительности, его содержание может изменяться в процессе функционирования: с одной стороны, с течением времени отдельные его признаки трансформируются, с другой — в структуру концепта могут включаться новые признаки. Становится очевидно, насколько существенно у Черчилля трансформировалось содержание концепта «война» под влиянием разных исторических событий: в ядре меняются определенные компоненты (враг и оппозиция), что, в свою очередь, приводит к существенным преобразованиям в ближней и дальней периферии.

Ядро концепта «война» НКМ британцев находит свое отражение в ЯКМ У. Черчилля. В этой связи отметим, что главное отличие ЯКМ заключается именно в том, что она передает не столько сам мир, сколько то, как видит и понимает объекты и явления, структуру мира сам человек, выделяя конкретные аспекты и характеристики, т. е. «то, как... конструирует окружающий мир человек в своем сознании» [Болдырев 2015: 8].

Как отмечает В. В. Абраменко, совокупность различных концептов создает индивидуально-авторскую концептосферу. Она же, в свою очередь, создает индивидуально-авторскую картину мира, которая, по мнению различных исследователей, является отражением (но неполным) реального мира в языке. То есть индивидуально-авторская концептосфера по сути является идиостилем автора [Абраменко 2017: 19].

Обратимся к анализу наиболее частотных языковых средств, характерных для речи У. Черчилля 1940 г. по оси X.

Инфинитивы цели и в функции определения: *the mission to form a new administration; a resolution to record its approval and declare its confidence; resolve of the nation to prosecute the war; I now invite the House... to record its approval of the steps taken and to declare its confidence; the business to be considered; any lack of ceremony with which it has been necessary to act; I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat; It is to wage war; I feel entitled to claim.*

Коммуникативная модальность предложений: 1) **повествовательные (утвердительные):** *I hope to complete the appointment; I may be pardoned if I do not address, I trust that, when Parliament meets again; I would say to the House; I can say: It is to wage war; I can answer; I take up my task; I feel sure, I would say to the House, I can say;* 2) **вопросительные** (вопросно-ответные конструкции): *You ask, what is our policy? ... That is our policy. You ask, what is our aim? I can answer in one word: It is victory;* 3) **побудительные:** *Let that be realized; Come then, let us go forward together with our united strength.*

Лексически выражаемая модальность (модальные глаголы): *this should be conceived, should include, this should be done in one single day, the House should be summoned to meet today, it must be remembered, we have to be prepared in the Mediterranean, have to be made here at home.*

Глаголы. Времена

1. **Исъявительное наклонение: Present Simple:** *I now invite; we are in the preliminary phase...; we are in action; the air battle is continuous; who are affected; It is victory; there is no survival. Present Perfect: I have completed the most important part of this task; a War Cabinet has been formed; the three party Leaders have agreed to serve; the three Fighting Services have been filled; many preparations, such as have been indicated, those who have joined this government;*

2. **Повелительное наклонение:** *Let that be realized; Come then, let us go forward together with our united strength.*

Повторы: *We have before us an ordeal of the most grievous kind; we have before us many, many; It is to wage war, by sea, land and air, with all our might and with all the strength that God can give us; to wage war against a monstrous tyranny...; It is victory, victory at all costs, victory in spite of all terror, victory, however long and hard the road may be; for without victory there is no survival; no*

survival for the British Empire, no survival for all that the British Empire has stood for, no survival for the urge and impulse of the ages; I feel sure, I feel entitled to claim.

Метафора: *survival for the urge and impulse of the ages.*

Выделим наиболее частотные языковые средства, характерные для речи У. Черчилля 1949 г. по оси X.

Инфинитивы: *the failure to enforce; created institutions ... to translate the advances; the first country to be industrialized; to be guided by balance and proportion; the opportunity to share; we find ourselves unable to avert; we shall all be to blame; not allowed to succeed; I hope to overcome; I am proud to have been; no nation would ever be so wicked as to use... these under-water vessels to sink merchantmen at sea; the human biped was able to travel; began to think; very difficult to prevent; strong enough to adjust.*

Коммуникативная модальность предложений: 1) **повествовательные (утвердительные):** *It is certain that Europe would have been communized...; it is certain that mankind would not agree to starve equally, and there might be some very sharp disagreements about how the last crust was to be shared; the problems of victory may be even more baffling than those of defeat; we may well ask; I should take part; I could feel; I was so glad; (омпущательные): I must not conceal; I do not think myself; it may not be our nerve or the structure of our civilization which will break;* 2) **вопросительные** (вопросно-ответные конструкции): *"How could a submarine, it was asked, provide for the safety of the crews of the merchant ships it sank?" And the question is asked "Are we winning the cold war?"* 3) **побудительные:** *Let us make sure our nerves are strong and are fortified by the deepest convictions of our hearts. Do not underrate the strength of Britain... Do not suppose that half a century from now you will not see seventy or eighty millions of Britons spread about the world and united in defence of our traditions... Let us then move forward together in discharge of our mission and our duty, fearing God and nothing else.*

Лексически выражаемая модальность (модальные глаголы): *I should take part in the discussions; we saw no reason why men and women should not shape their own home life; can we hope to solve; they cannot afford; we must also look to Asia; I must not conceal from you the truth; the revival and union of Europe cannot be achieved; I could feel at once their friendship; that is not a question that can be answered; before a settlement should be achieved; we must not despair; we must per-*

severe ... we **must** make sure; ...the utmost vigilance **should be** practiced; I do not think myself that violent ... action **should be** taken now; we **need not** abandon hope; if we **are to** bring the broad masses of the people.

Глаголы. Времена

1. **Изъявительное наклонение:** I was so glad that in the first instance you **asked** me to talk...; the outstanding feature of the Twentieth Century **has been** the enormous expansion; Britain the Nineteenth Century **ended** amid the glories of the Victorian era, and we **entered** upon the dawn of the Twentieth in high hope for our country; the latter and larger part of the Nineteenth Century **had been** the period of liberal advance; we **saluted** the Age of Democracy all the free nations **are being welded** together as they never **have been before and never could be**, but for the harsh external pressure to which they **are being subjected**; science presently **placed**; here then we **have** these two novel and potent weapons; The United Nations Organization which **has been erected**; the questions which we **are debating** here; the passionate convictions which so many hundreds of millions **share** together of the principles of freedom and justice; the flame of Christian ethics **is** still our highest guide; today **there is** a very different climate of opinion; I **am** in cordial accord with much that is being done; we **are** now confronted with something quite as wicked but in some ways more formidable than Hitler; war **is** not inevitable; **do not** suppose that half a century from now you **will** not see...; united we **stand** secure.

2. **Повелительное наклонение:** Let us make sure our nerves are strong and are fortified by the deepest convictions of our hearts. Do not underrate the strength of Britain...Do not suppose that half a century from now you will not see seventy or eighty millions of Britons spread about the world and united in defence of our traditions ... Let us then move forward together in discharge of our mission and our duty, fearing God and nothing else.

3. **Сослагательное наклонение:** It is certain that mankind **would not agree** to starve equally, and there **might be** some very sharp disagreements about how the last crust was to be shared; **It is certain** that Europe **would have been communized** and London under bombardment some time ago **but for** the deterrent of the Atomic Bomb in the hands of the United States.

4. **Условное наклонение:** **If we are to bring** the broad masses of the people in every land to the table of abundance, it can only be by the tireless improvement of all our means of technical production **If**, with all the resources of modern science, **we find ourselves unable to**

avert world famine, we shall all be to blame, but a peculiar responsibility would rest upon the scientists. **If we persevere steadfastly together**, and allow no appeasement of tyranny and wrong-doing in any form, it may not be our nerve or the structure of our civilization which will break, and peace may yet be preserved...

Повторы: We have no hostility to the Russian people and no desire to deny; We seek nothing from Russia but goodwill and fair play.

Метафоры: disagreements about how **the last crust was to be shared**; **national rivalries would fade in without being cramped** by the growing complexity of the State; which was to be their **servant and the protector of their rights**; the first half of the Twentieth Century, **fanned by the crimson wings of war**; he **nursed the illusion**; **Britannia had ruled the waves**; the **crumbling Empire of the Hapsburgs** demanding her 'place in the sun'; **high hopes and spacious opportunities**; war, **stripped of every pretention of glamour or romance**; the **English speaking world gloriously but narrowly emerged, bleeding and breathless**; **this unity is our present salvation**; **this Twentieth Century of storm and change**; the **machinery of propaganda may pack their minds with falsehood and deny them truth**; the **soul of man thus held in trance or frozen in a long night can be awakened by a spark coming from God**; **philosophy and history walk hand in hand**; **logic, like science, must be the servant and not the master of man**; **human beings and human societies are not structures that are built or machines that are forged, they are plants that grow and must be tended as such**; **life is a test and this world a place of trial**; **the flame of Christian ethics is still our highest guide**; **lies at the root of their ... policy**; **a church of Communist adepts**; **the Russians everywhere would be received as brothers in the human family**.

Проанализируем обе речи по оси Y, которая представляет собой доминантно-функциональную структуру идиостиля, на основании систематизации доминант и их функциональных полей.

В более ранней речи преобладают инфинитивы в функции обстоятельства цели и определения, так как Черчилль в своем выступлении формулирует конкретные задачи и характеризует сложившуюся военную ситуацию. В речи 1949 г. автор отдает предпочтение инфинитивам в функции определения, так как речь имеет более описательный, философский характер.

Модальность, как разные виды субъективного отношения к событию, в частности «уверенность / неуверенность, «возмож-

ность», «реальность / нереальность события», «желательность», необходимость и т. п., в ранней и более поздней речах четко выражена, т. е. позиция автора недвусмысленна, о чем свидетельствуют соответствующие конструкции и модальные глаголы типа *I trust, I can answer, I feel sure, I should take part; I must not conceal; I could feel; I do not think myself; I was so glad.*

Абсолютное большинство модальных глаголов в первой речи (*should, have to, must*) свидетельствуют о беспрецедентной по своей важности поставленной задаче, о необходимости ее выполнить. Во второй речи большая вариативность модальных глаголов очевидна и оправдана с точки зрения простой логики, так как автор рассуждает в разных контекстах о различных исторических событиях.

Выбор в пользу изъявительного наклонения глаголов и времен плана настоящего в первой речи представляется также очевидным, поскольку Черчилль уверенно оценивает реальность событий, сложившуюся на тот момент ситуацию. В более поздней речи, где автор неоднократно делает экскурс в историю, рассуждает о проблемах настоящего и будущего, можно встретить времена плана прошлого, настоящего, немногочисленные примеры продолженного времени. Что характерно, будущее автор передает преимущественно через модальные глаголы и через призму своего видения развития событий. Следует отметить, что в поздней речи Черчилль прибегает также к сослагательному и условному наклонениям, так как размышляет о будущем в контексте вероятного развития событий.

Как в первой, так и во второй речи в соответствии с целью высказывания Черчилль использует повествовательные (утвердительные) предложения, но также вопросительные и побудительные. Вопросно-ответные конструкции, которые характерны для вопросительных предложений, способствуют установлению контакта с аудиторией. Побудительные предложения, безусловно, оправданы с той точки зрения того, что в них содержится призыв к действию — сопротивлению врагу.

Представляют большой интерес стилистические приемы Черчилля, к которым мы относим повторы и метафоры и которые, на наш взгляд, можно рассматривать как примеры воздействующей речи. При помощи повторов Черчилль заостряет внимание на принципиальных для него аспектах, составляющих стратегии, в то время как метафоры — важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата.

5. ВЫВОДЫ

Анализируя ось Z — специфические признаки идиостиля, что соотносится с понятием дискурса (именно здесь происходит «отклонение» от самой общей нормы первых двух координат), можно констатировать, что идиостиль У. Черчилля уникален в том смысле, что он представляет собой сочетание нескольких дискурсов — литературно-публицистического, риторического и политического. Кроме того, яркой отличительной особенностью идиостиля Черчилля являются его метафоры. Как известно, помимо собственно номинации, человек использует и другие механизмы формирования смысла и репрезентации своего опыта познания мира в языке, к числу которых относятся концептуальная и языковая метафоры. Последние чаще используются для вторичной концептуализации и вторичной репрезентации знаний о мире. Метафора не ограничивается лишь сферой языка, сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны [Lakoff, Johnson 1980: 6]. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Метафора не столько средство описания действительности, сколько устойчивый способ ее осмысления, когнитивный механизм.

Отметим также, что используемые У. Черчиллем грамматические, лексические и стилистические приемы указывают на его принадлежность к категории *элитарной языковой личности* (ЭЯЛ). ЭЯЛ свободно владеют кодифицированными языковыми, этическими, коммуникативно-прагматическими и риторическими нормами литературного языка, целесообразно и творчески используют возможности функциональных стилей, речевых жанров, специфических свойств устной и письменной форм речи. Главная составляющая в психологическом портрете ЭЯЛ — это абсолютная степень свободы, характерная для данного типа личностей и реализуемая ими в плане своего интеллектуального и духовного развития.

У. Черчилль в своих речах оперирует мыслительными единицами различной степени сложности: наряду с концептом «война», можно выделить такие ключевые концепты, как «человек», «правительство», «дружба», «свобода» и многие другие, которые и представляют его уникальную концептосферу, формируют его идиостиль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменко, В. В. Идиостиль Джорджа Р. Р. Мартина: лексико-стилистический анализ (на материале произведения «A Game of Thrones») / Абраменко В. В. ; Сибирский фед. ун-т. — Красноярск, 2017. — URL: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/65830/abramenko.pdf?sequence>. — Текст : электронный.

2. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1. — С. 5–12.
3. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — 2-е изд. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2019. — 490 с. — Текст : непосредственный.
4. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2006. — 252 с.
5. Будаев, Э. В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте / Э. В. Будаев. — Текст : электронный // Аналитика культурологии. — 2007. — № 3 (9). — С. 28–32. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-metafora-v-lingvokulturologicheskom-aspekte>.
6. Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков : учебное пособие / В. В. Гуревич. — 10-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2019. — 168 с.
7. Знак (Леви), Ю. Э. К вопросу о речевом воздействии: политический дискурс / Ю. Э. Знак (Леви). — Текст : непосредственный // Человеческий капитал. — 2016. — № 1 (85). — С. 20–25.
8. Идиостиль (индивидуальный стиль) / Н. Фатева. — Текст : электронный // Энциклопедия Кругосвет. — URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html.
9. Идиостиль, индивидуальный стиль, идиолект / М. П. Которова. — Текст : электронный // Стилистический энциклопедический словарь. — URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/articles/22/idiostil-individualnyj-stil.htm>.
10. Курьянович, А. В. Элитарная языковая личность: опыт моделирования (на материале русского эпистолярного XX—XXI вв.) / А. В. Курьянович. — Текст : непосредственный // Вестник науки Сибири. — 2014. — № 3 (13). — С. 100–110.
11. Михальская, А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике : учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / А. К. Михальская. — Москва : Academia, 1996. — Текст : непосредственный.
12. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика : моногр. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ: «Восток- Запад», 2007. — Текст : непосредственный.
13. Попова, З. Д. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. — С. 8–50. — Текст : непосредственный.
14. Седых, А. П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В. В. Путина и А. Меркель) / А. П. Седых. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 57–67.
15. Седых, А. П. К вопросу об идиополитическом стиле В. В. Путина / А. П. Седых. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 55. — С. 35–41.
16. Сиротинина, О. Б. Речевая культура / О. Б. Сиротинина. — Текст : непосредственный // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — Москва : Флинта [и др.], 2003. — С. 343–347.
17. Чернышева, Т. А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения / Т. А. Чернышева. — Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 30–33.
18. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.
19. Шурыгина, Е. Н. Понятие «картина мира» в лингвокультурологическом освещении / Е. Н. Шурыгина. — Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — № 3. — Т. I.
20. 1946–1963: Elder Statesman // International Churchill Society : siet. — URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman>. — Text : electronic.
21. International Churchill Society. — URL: <https://winstonchurchill.org/resources/>. — Text : electronic.
22. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago ; London : University Of Chicago Pr., 1980. — Text : unmediated.
23. Longman dictionary of English Language and culture. — Longman Group UK Limited, 1992. — Text : unmediated.
24. Macmillan English dictionary for advanced learners. — Macmillan Publishers Limited, 2002. — Text : unmediated.
25. Speeches that changed the world / ed. by Mark Hawkins-Dady. — Quercus Publishing Plc, 2010. — Text: unmediated.

Yu. E. Znak

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1873-2889

 E-mail: levi-julia@yandex.ru.

Actualization of the “War” Concept in W. Churchill’s Idiostyle (based on his 1940 and 1949 speeches)

ABSTRACT. *The interest in the legacy of politicians of different epochs is largely determined by the fact that the analysis of deep text-generating dominants and texts constants of past centuries politicians highlights the specific features of the discourse inherent in certain political regimes, historical periods and a particular world order. Studying the past teaches the present not to repeat its mistakes in the future. The article gives an insight into the most frequent linguistic features and systematizes the dominants and specific characteristics of W. Churchill’s idiostyle.*

The material of the study includes two well-known 1940 and 1949 speeches by Winston Churchill. The main research method is semantic, cognitive and rhetorical text analysis. The article explores the content of the “war” concept, which is considered on the basis of the “field model” using English-English dictionary definitions, and describes its core and periphery. The detailed analysis shows that W. Churchill makes an active use of rhetoric tropes and figures of speech, especially metaphors.

W. Churchill saliently demonstrates the features of an elitist linguistic personality, he is proficient in codified language, ethical, communicative-pragmatic and rhetorical norms of standard language; he pragmatically and creatively uses the possibilities of functional styles, speech genres, and specific features of oral and written forms of speech.

KEYWORDS: *idiostyle; concepts; war; national worldview; linguistic worldview; conceptual worldview; linguistic personality; linguopersonology; political figures; political rhetoric; political discourse; political speeches; English language.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Znak Yuliya Eduardovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of English No 6, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Znak, Yu. E. Actualization of the “War” Concept in W. Churchill’s Idiostyle (based on his 1940 and 1949 speeches) / Yu. E. Znak // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 57-65. — DOI 10.26170/pl20-02-06.*

REFERENCES

1. Abramenko, V. V. Idiostyle of George R. R. Martin: Lexical-stylistic Analysis (based on the work "A Game of Thrones") / Abramenko V. V.; Siberian Fed. Univ. — Krasnoyarsk, 2017. [Idiostil' Dzhordzha R. R. Martina: leksiko-stilisticheskiy analiz (na materiale proizvedeniya «A Game of Thrones») / Abramenko V. V.; Sibirskiy fed. un-t. — Krasnoyarsk, 2017]. — URL: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/65830/abramenko.pdf> sequence. — Text : electronic. — (In Rus.)
2. Boldyrev, N. N. Anthropocentric Essence of Language in its Functions, Units and Categories / N. N. Boldyrev. — Text : unmediated // Questions of Cognitive Linguistics. — 2015. — No. 1. — P. 5—12. [Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinitsakh i kategoriakh / N. N. Boldyrev. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2015. — № 1. — S. 5—12]. — (In Rus.)
3. Boldyrev, N. N. Language and System of Knowledge. Cognitive Theory of Language / N. N. Boldyrev. — 2nd ed. — Moscow : Yask Publishing House, 2019. — 490 p. — Text : unmediated. [Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka / N. N. Boldyrev. — 2-e izd. — Moskva : Izdatel'skiy Dom YaSK, 2019. — 490 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Budaev, E. V. Foreign Political Linguistics : teaching aid / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2006. — 252 p. [Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2006. — 252 s.]. — (In Rus.)
5. Budaev, E. V. Political Metaphor in the Linguoculturological Aspect / E. V. Budaev. — Text : electronic // Analytics of Cultural Studies. — 2007. — No. 3 (9). — P. 28—32. [Politicheskaya metafora v lingvokulturologicheskom aspekte / E. V. Budaev. — Tekst : elektronnyy // Analitika kul'turologii. — 2007. — № 3 (9). — S. 28—32]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-metafora-v-lingvokulturologicheskom-aspekte>. — (In Rus.)
6. Gurevich, V. V. Theoretical Grammar of the English Language. Comparative Typology of English and Russian Languages : a training manual / V. V. Gurevich. — 10th ed. — Moscow : Flinta, 2019. — 168 p. [Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka. Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov : uchebnoe posobie / V. V. Gurevich. — 10-e izd., ster. — Moskva : Flinta, 2019. — 168 s.]. — (In Rus.)
7. Znak (Levi), Yu. E. On the Question of Speech Exposure: Political Discourse / Yu. E. Znak (Levy). — Text : unmediated // Human Capital. — 2016. — No. 1 (85). — P. 20—25. [K voprosu o rechevom vozdeystvii: politicheskii diskurs / Yu. E. Znak (Levi). — Tekst : neposredstvennyy // Chelovecheskiy kapital. — 2016. — № 1 (85). — S. 20—25]. — (In Rus.)
8. Idiostyle (Individual Style) / N. Fateeva. — Text : electronic // Encyclopedia of Krugosvet. [Idiostil' (individual'nyy stil') / N. Fateeva. — Tekst : elektronnyy // Entsiklopediya Krugosvet]. — URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html. — (In Rus.)
9. Idiostyle, Individual Style, Idiolect / M. P. Kotyurova. — Text : electronic // Stylistic Encyclopedic Dictionary. [Idiostil', individual'nyy stil', idiolekt / M. P. Kotyurova. — Tekst : elektronnyy // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar']. — URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/articles/22/idiostil-individualnyj-stil.htm>. — (In Rus.)
10. Kur'yanovich, A. V. Elitist Linguistic Personality: Modeling Experience (based on the Russian epistolary of the XX—XXI centuries) / A. V. Kur'yanovich. — Text : unmediated // Bulletin of the Science of Siberia. — 2014. — No. 3 (13). — P. 100—110. [Elitarnaya yazykovaya lichnost': opyt modelirovaniya (na materiale russkogo epistolyariya XX—XXI vv.) / A. V. Kur'yanovich. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik nauki Sibiri. — 2014. — № 3 (13). — S. 100—110]. — (In Rus.)
11. Mikhail'skaya, A. K. Ruskyy Socrates: Lectures on Comparative Historical Rhetoric : teaching aid for students of humanities / A. K. Mikhail'skaya. — Moscow : Academia, 1996. — Text : unmediated. [Russkiy Sokrat: lektzii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike : ucheb. posobie dlya studentov gumanitarnykh fakul'tetov / A. K. Mikhail'skaya. — Moskva : Academia, 1996. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Popova, Z. D. Cognitive Linguistics : Monograph / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Moscow : AST: "East-West", 2007. — Text : unmediated. [Kognitivnaya lingvistika : monogr. / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Moskva : AST: «Vostok- Zapad», 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Popova, Z. D. Language and National Consciousness. Questions of Theory and Methodology / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh : Publishing house of Voronezh. University, 2002. — P. 8—50. — Text : unmediated. [Yazyk i natsional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 2002. — S. 8—50. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Sedykh, A. P. Ideological Elements of the Phraseology of a Political Leader (based on the discourse of V. V. Putin and A. Merkel) / A. P. Sedykh. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2012. — No. 1. — P. 57—67. [Ideologicheskie elementy frazeologii politicheskogo rukovoditelya (na materiale diskursa V. V. Putina i A. Merkel') / A. P. Sedykh. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 1. — S. 57—67]. — (In Rus.)
15. Sedykh, A. P. On the Question of the Idiopolitical Style of V. V. Putin / A. P. Sedykh. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 55. — P. 35—41. [K voprosu ob idiopoliticheskom stile V. V. Putina / A. P. Sedykh. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 55. — S. 35—41]. — (In Rus.)
16. Sirotnina, O. B. Speech Culture / O. B. Sirotnina. — Text : unmediated // Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / ed. M. N. Kozhina. — Moscow : Flinta [et al.], 2003. — P. 343—347. [Rechevaya kul'tura / O. B. Sirotnina. — Tekst : neposredstvennyy // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — Moskva : Flinta [i dr.], 2003. — S. 343—347]. — (In Rus.)
17. Chernysheva, T. A. Idiostyle: Linguistic Contours of the Study / T. A. Chernysheva. — Text : unmediated // Bulletin of the Cherepovets State University. — 2010. — No. 1. — P. 30—33. [Idiostil': lingvisticheskie kontury izucheniya / T. A. Chernysheva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 1. — S. 30—33]. — (In Rus.)
18. Chudinov, A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000) : monograph / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg, 2001. — 238 p. — Text : unmediated. [Rossiya v metaforycheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2001. — 238 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Shurygina, E. N. The Concept of "Picture of the World" in Linguoculturological Coverage / E. N. Shurygina. — Text : unmediated // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. — 2014. — No. 3. — Vol. I. [Ponyatie «kartina mira» v lingvokulturologicheskom osveshchenii / E. N. Shurygina. — Tekst : neposredstvennyy // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. — 2014. — № 3. — T. I]. — (In Rus.)
20. 1946—1963: Elder Statesman // International Churchill Society : site. — URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman>. — Text : electronic.
21. International Churchill Society. — URL: <https://winstonchurchill.org/resources/>. — Text : electronic.
22. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago ; London : University Of Chicago Pr., 1980. — Text : unmediated.
23. Longman dictionary of English Language and culture. — Longman Group UK Limited, 1992. — Text : unmediated.
24. Macmillan English dictionary for advanced learners. — Macmillan Publishers Limited, 2002. — Text : unmediated.
25. Speeches that changed the world / ed. by Mark Hawkins-Dady. — Quercus Publishing Plc, 2010. — Text : unmediated.

К. Б. Корниенко

Северный гос. медицинский ун-т Мин-ва здравоохранения РФ, г. Архангельск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6714-3466

 E-mail: selvi-ch@mail.ru.

Лексические маркеры эпохи в личных делах 30—40-х гг. XX в.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу исторически и идеологически маркированной лексики, извлеченной из документов личных дел студентов Архангельского государственного медицинского вуза периода 30—40-х гг. XX в. Предметом функционального анализа является функционирование лексических маркеров эпохи в официально-деловом дискурсе. Цель работы — классифицировать лексику по семантическому и тематическому критериям. Наиболее релевантными методами признается дискурсивный и семантико-стилистический анализ. В круг анализа включено 150 личных дел студентов из архива 30—40-х гг. XX в.

Личное дело рассматривается как гипержанр, включающий ядерные (обязательные) и периферийные (вариативные) жанры. В результате исследования лексические маркеры эпохи, извлеченные сплошной выборкой, разделены на три семантические группы: историзмы, политемы и идеологемы. В каждой из групп выделены наиболее типичные подгруппы. Идеологемы делятся на идеологемы-статусы, идеологемы-дескрипторы, идеологемы-онимы. К историзмам автор относит не только устаревшие нарицательные и собственные номинации, но и так называемые стилистические историзмы (утраченные графические обозначения, вышедшие из узуса метафоры и др.). Семантический анализ подтверждает отсутствие жестких границ между группами ключевых слов эпохи. В качестве иллюстрации в статье сделан семантико-стилистический и дискурсивный анализ трех ключевых идеологем: «Сталин», «комсомол», «товарищ». Сделаны наблюдения за двойственным функционированием антропонима «Сталин» в зависимости от рамок коммуникативной ситуации (прямая или косвенная коммуникация). Сделаны выводы о специфике функционирования идеологем и политем, которая заключается в использовании данных языковых средств как инструментов манипуляции, «жанрового переформатирования» в рамках официально-делового дискурса и как сигналов знания дискурсивного узуса. Специфика лексических маркеров эпохи свидетельствует о том, что рассматриваемый материал важен для реконструкции исторической реальности эпохи новояза. Результаты работы можно использовать для сопоставительных исследований в рамках исторической стилистики, политической лингвистики и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гипержанр; лексические маркеры; идеологемы; советская идеология; политический дискурс; советская эпоха; русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Корниенко Кристина Борисовна, заведующий Службой воспитательной и психолого-социальной работы, Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации; 163000, Россия, г. Архангельск, пр-т Троицкий, 51; e-mail: selvi-ch@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Корниенко, К. Б. Лексические маркеры эпохи в личных делах 30—40-х гг. XX в. / К. Б. Корниенко // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 66-76. — DOI 10.26170/pl20-02-07.

Актуальность изучения эпохи, социальной ситуации и динамики через язык, лингвистическое портретирование времени и личностей (см., напр., работы А. В. Голубева, Ю. Д. Дешериева, Р. И. Зекрист, Е. А. Нахимовой и др.) влечет за собой акцентировку внимания филологов на экстралингвистических фактах социальной природы. Исторические границы — 30—40-е гг. XX в. — связаны с идеологической, политической, социальной спецификой жизни Советского государства. Это значимый с точки зрения развития государственности, экономики, культуры период истории России, оказавший непосредственное влияние на ее становление как сильной индустриальной державы, играющей одну из ведущих ролей на международной внешнеполитической и экономической арене, и предопределивший этот процесс. А. В. Голубев и В. А. Невежин считают, что в период 20—40-х гг. в своих позициях успеш-

но укрепляется советский режим и принимаются «ценности модернизации в ее „социалистическом“ варианте большинством советского общества» [Голубев 2016: 19].

Интересные языковые факты, извлеченные из исследуемых нами личных дел, презентуют как портрет эпохи, так и портрет советского человека. Исторический контекст эпохи 30—40-х годов, характеризующихся количественными и качественными изменениями во всех сферах жизни советского общества, является важным в изучении истории языка, что обуславливает необходимость введения в научный оборот новых документальных материалов — в нашем случае это личные дела студентов Архангельского медицинского университета.

Социальная ситуация любой эпохи изучается через язык, в том числе путем описания языковых личностей как создателей и свидетелей социального контекста. Для

анализа и моделирования речевой деятельности той или иной личности берутся, как правило, эго-документы. Наиболее очевидной «связкой» языка и жизни общества является лексика. В результате сосредоточения внимания филологов на экстралингвистических фактах социальной природы выделились такие единицы лингвистического анализа, как *слова эпохи*, *политемы* и *идеологемы*.

Работы, посвященные ключевым словам, можно разделить на две основные группы: (а) исследуются хронологически не маркированные единицы (концепты, культуремы и пр.), (б) исследуются хронологически привязанные единицы («слова года», ключевые неологизмы и пр.). Во втором случае можно говорить о так называемых «словах эпохи».

В фокусе нашего исследования — функционирование лексических маркеров эпохи в официальном дискурсе 30—40-х гг. XX в. В изучаемый период лексические маркеры были направлены прежде всего на подкрепление дихотомии *свой* — *чужой* путем особых средств ведения культурно-просветительской и идеологической работы, например, ценностными установками, научными теориями, общественными идеалами, обязательно их содержащими.

Лексические маркеры эпохи объединяют ключевые слова «исторической эпохи» (какого-либо периода социальной жизни, имеющего формальные хронологические, идеологические, политические границы), политемы и идеологемы.

В научных дискуссиях встречаются различные определения идеологемы; в целом они могут быть соотнесены с двумя направлениями — функционально-коммуникативным и лингвокогнитивным.

В рамках первого направления узкий (лексикологический) подход рассматривает идеологему как «некоторое закрепленное в языковой форме идеологическое содержание» [Купина 1997: 134], как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2015: 183]. Идеологема считается лексико-фразеологической единицей, «в значение которой входит идеологический компонент» [Чудинов 2007: 92]. Идеологема «является вербальным репрезентатором общественно-политических идей. Она непосредственно связана с замыслом адресанта, который, как правило, выступает проводником определенной идеологии, и служит для оказания воздействия на адресата» [Кузина 2018: 111].

Ряд исследователей анализируют идеологему как ментальную единицу, «в состав

которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием» [Нахимова 2011: 153]. Такой аспект анализа выводит нас на когнитивный уровень. В рамках данного лингвокогнитивного направления идеологема рассматривается прежде всего как ментальный концепт, закрепленный в сознании реципиента и влияющий на формирование его образа мира. Идеологема является многоуровневым концептом, «в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

Широкий (семиотический) подход рассматривает идеологему как феномен, концепт, связанный с определенной идеологией и объективируемый единицами разного языкового уровня (от букв, алфавита до высказываний, словосочетаний, законченного высказывания). Идеологема может иметь вербальную природу, см.: «...минимальный отрезок <...> текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку, или к воображаемому своду мировоззренческих норм или фундаментальных идейных установок» [Гусейнов 2003: 26]. Также идеологему определяют как «основную авторскую идею, имеющую политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст», объективируемую вербальными средствами; как ментально-стилистический феномен, «вербальное воплощение идеологических, политических, социальных установок, которые должен усвоить адресат» [Клушина 2008: 38]. Толкование идеологемы может выходить за границы вербального: «...минимальные значащие единицы, знак или устойчивая совокупность знаков», также «несловесные формы представления идеологии: традиционные символы, изобразительные и архитектурно-скульптурные комплексы, а также символы музыкальные» [Гусейнов 2003: 6].

К группе идеологической лексики примыкает лексическая группа политем (в ряде случаев группы пересекаются). Изучению политем посвящен ряд научных исследований, определяющих политему как единицу политического языка, содержащую в своей семантической структуре политический компонент значения [Воробьева 2000; Резникова 2005].

Текстовым материалом исследования послужили личные дела (далее — ЛД) студентов Архангельского государственного медицинского института 30—40-х гг. XX в. ЛД представляет интерес как источник для исторических и лингвистических исследований, так как фиксирует информацию о человеке и основных событиях его личной (профессиональной, социальной) жизни, не искажая факты в зеркале художественной или публицистической интерпретации. В лингвистическом аспекте ЛД представляет собой гипержанр, объединяющий ряд устойчивых и вариативных субжанров.

Задачи нашего исследования: 1) извлечь из текстов документов ЛД лексические маркеры эпохи, 2) классифицировать выделенные лексические единицы по семантическому критерию, 3) проанализировать функционирование этих слов и устойчивых сочетаний в контексте официального дискурса ЛД.

Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени ЛД как способ языкового портретирования эпохи не являлось предметом филологического анализа.

В ходе исследования применялся дефиниционно-компонентный анализ, используемый для выделения и классификации идеологем, политем, историзмов, а также дискурсивный и семантико-стилистический анализ, который позволил установить семантику лексических маркеров, особенности их функционирования в деловом дискурсе. Поскольку для анализа требуется привлечение экстралингвистических данных, демонстрирующих историко-культурные особенности эпохи, наиболее релевантным для анализа является лингвокультурологический подход.

Анализ ЛД требует использования терминологического аппарата (метаязыка) документоведения и архивного дела. ЛД относится к источникам личного происхождения и определяется как совокупность документов, содержащих необходимые сведения о человеке, его трудовом стаже [Кузнецова 1999: 134]. Под ЛД мы понимаем гипержанр, объединяющий ряд документов, предметом констатации и/или описания в которых является одно лицо; текст личного дела содержит полный цикл информации об активном социальном периоде жизни человека, официальном взаимодействии с организацией (в широком понимании термина) — от поступления на работу или учебу до отчисления, увольнения, ухода.

В круг исследования было включено 150 ЛД. Нами составлена жанровая модель ЛД, включающая ядерные субжанры («Анкета для вновь поступающих», «Опросный лист», «Справка о происхождении», «Опись ли-

стов», «Автобиография», «Заявление о поступлении», «Личная карточка», «Характеристика» и др.) и вариативные субжанры («Заявление», «Объяснительная», «Письмо», «Справка», «Рапорт», «Сообщение», «Служебная записка», «Приказ» и др.).

Для анализа лексического материала в экстралингвистическом фокусе были обозначены основные характеристики 30—40-х гг. XX в. Революционные события 1917 г. сформировали модель нового общества и новую общественную систему ценностей. Централизованное управление государством, сращение государственной и партийной власти требовали серьезной и постоянной поддержки населения. Ценность индивидуального значительно снизилась, уступив коллективному, а «бытовое поведение стало трактоваться как производственное и политическое» [Костина 2009: 37], что предопределило необходимость самоидентификации в обществе. Переориентация ценностных ориентиров на коллективное определила необходимость самоидентификации в обществе, а также укрепления дихотомии *свой* — *чужой*.

Дихотомия *свой* — *чужой* в изучаемый период выстраивалась на основе социальной идентичности и оказывала влияние на все сферы жизни общества, характеризовалась процессами «исключения чуждых культурных элементов», «телеологической ориентированностью», «направленностью культуры и идеологии как ее составляющей на легитимацию власти» и др. [Ионин 1996: 181].

Мифологическое сознание общества диктовало строгое разграничение *своих* и *чужих* на основе таких перцептивных признаков, как социальное происхождение, социальное положение. Таким образом, основным субъектом социального пространства являлось крестьянство и пролетариат либо граждане, относящиеся по происхождению к данным классам. В связи с нашим исследованием отметим, что именно поэтому в личные дела стандартно включалась справка о социальном происхождении субъекта.

В большинстве документов, входящих в ЛД, зафиксированы лексемы, подкрепляющие данную дихотомию. Их можно интерпретировать как лексические маркеры эпохи. Отметим, что системный характер анализируемой лексики деловой переписки подтверждается выделением в ее составе тематических групп, которые отражают социальные характеристики эпохи. Так, тематическая классификация лексики деловых писем оформляется в следующих группах:

1) тематическая группа «человек»: *бедняк, колхозник, крестьянин, середняк, рабочий,*

служащий, батраки, счетовод, бондарь, гражданин (гр.) и др.;

2) тематическая группа «организация»: *Наркомздрав РСФСР, воен. сан. управления, управделами, ВКП/б, ВЛКСМ, колхоз им. Буденного*;

3) тематическая группа «идеологические действия»: *комсомольский привет, классовая бдительность, избирательные права*;

4) тематическая группа «студенчество»: *экзаменационные карточки; студенческий бюджет, студком; приемочная комиссия, приемные испытания, устные испытания, секретарь по студенческим делам, предгруппком, студенческое удостоверение, рабфак, отметки* и др.

С другой позиции мы выделили три основные группы, в каждой из которых обозначили семантические подгруппы.

1. Политемы

Политемы — это «слова, в семантической структуре которых содержится политический компонент значения» [Воробьева 2000: 5].

В корпусе проанализированных ЛД встречаются следующие основные подгруппы политем:

1) политемы, обозначающие субъекты взаимоотношений власти и общества: *трудящиеся, народ, гражданин*;

2) политемы, обозначающие названия учреждений и организаций, структурное содержание органов власти, номенклатурные наименования: *ячейка ВКП/б, партийная ячейка, хуторского с/совета, Мед. Сан. Труд., Наркомздрав, Управделами, Правление, член ВЛКСМ, курсы секретарей с/совета, парт.прикрепленный, воен. сан. управление, Рабфак, Обком РОКК, Нач. Подг. сан. обор., Пролиткульт*.

Некоторые политемы приобретают положительные или отрицательные коннотации, переводящие их в разряд идеологем. Например, политема *партия* (ячейка ВКП/б, секретарь ПАРТ'ячейки ВКП/б и др.) употребляется в деловом дискурсе ЛД с актуализацией семы положительной оценки: *воспитанного партией при правильном руководстве* и т. п. [ГААО. Ф. 98. Оп.10-45. Д. 1. Л. 6—7; ГААО. Ф. 98. Оп.10-45. Д. 3. Л. 20].

2. Идеологемы

Идеологический дискурс изучаемых ЛД в целом может восприниматься как аспект функционирования идеологии, однако идеологема присуща и полиидеологическому дискурсу. В корпусе изучаемых ЛД можно выделить следующие группы идеологем:

1) идеологемы-онимы: *Сталин, Ленин, Раппопорт, колхоз им. Буденного*;

2) идеологемы-статусы, определяющие социальное происхождение или положение: *рабочий, соцпроисхождение, соцположение, рабочий-большевик, крестьянин-бедняк, крестьянин-середняк, кулак, батрак, б/партийный, дочь рабочего, колхозник, крестьянин, служащий, дочь рабочего, белогвардеец*;

3) идеологемы-дескрипторы, описывающие действия субъекта в рамках дихотомии *свой — чужой*: *избирательных прав не лишалась, общественная работа по линии профсоюза, работал на общественных советских должностях, анти религиозный, классовая бдительность, военная и оборонная работа*.

Подчеркнем, что все типовые документы ЛД содержали информацию о социальном статусе, происхождении, классовой принадлежности. Мы фиксируем частотное употребление слов и словосочетаний с положительной окраской (*крестьянин, крестьянин середняк, бедняк, батрак, крестьянская семья*) и пейоративной окраской (*кулак, белогвардеец*). Идеологемы используются в вариативных и ядерных жанрах. В другие исторические периоды языковые единицы утрачивают свою аксиологичность и актуальность и, по мнению ряда исследователей, переходят в разряд историзмов или политем [Журавлев 2004: 11].

3. Историзмы

Историзмы описываемой эпохи являются советизмами, т. е. словами, называющими реалии, «обусловленные советской действительностью» [Ермакова 2011: 6].

В различных жанрах ЛД (Запрос, Ответ на запрос, Личная карточка поступающего, Автобиография, Опросный лист, Заявление, Разрешение, Сочинение и др.) функционирует большое количество советизмов: *колхоз, колхозник, ячейка, партийная ячейка, большевик, рабфак, десятилетка, пионерский отряд, семилетка, пятилетка* и др.

В ЛД выделены следующие подгруппы историзмов:

1) название документов: *анкета для вновь поступающего, выпись из метрической книги, облигации Госзайма 3-й пятилетки, студенческое удостоверение, разрешение*;

2) название действий: *приемочные испытания, приемные испытания, излечение (находиться на излечении), препровожаем документы*;

3) название лиц (групп лиц): *приемочная комиссия, счетовод*;

4) названия неодушевленных предметов и явлений: *арифметика, школа десятилетка, очки (итого получено очков)*;

5) топонимы: *Северный Край*.

В отдельную группу историзмов мы относим утраченные формы графических сокращений, напр.: *25/1 — 40 г.; студенч., раб., 125 рб.* Устаревшие клише, метафоры и грамматические формы можно определить как стилистические историзмы, напр.: *к сему, выковал себе заместителя, считать в отпуску.* Например, большинство документов 30-х гг., представляющих собой ходатайство/просьбу, заканчивалось клише *в просьбе прошу не отказать.*

Перечисленные группы отражают специфику исторического периода, создают его политико-идеологический вербальный портрет. Для корректной интерпретации семантики извлеченных единиц необходимо проанализировать их функционирование.

Таким образом, мы видим, что формально разграниченные группы не имеют жестких границ. Советизмы, включающие политическую сему, становятся политемами. Политемы, получая идеологический заряд в процессе функционирования, переходят в группу идеологем. Так, слово *колхозник* можно рассматривать как историзм, политему или идеологему в зависимости от аспекта анализа; выражение *в порядке классовой бдительности* можно рассматривать в группе стилистических историзмов или в аспекте идеологического концепта «свой — чужой» и т. д.

В структурном аспекте лексические маркеры эпохи можно разделить на однословные номинации (*кулак, белогвардеец*), многословные номинации (*воспитание нового поколения, общественные советские должности*), дискурсивные клише (*в порядке классовой бдительности*), сокращенные номинации и клише (*тов., с ком. приветом*).

Регулярное использование анализируемых единиц в текстах документов ЛД свидетельствует о том, что в процессе речевого функционирования они приобрели в эпоху новояза устойчивый, нормативный характер. Эти лексические маркеры имели ценностную обусловленность в эпоху 30—40-х гг., т. е. были идеологически нагружены.

Перечисленные группы отражают специфику исторического периода, создают его политико-идеологический вербальный портрет. Для корректной интерпретации семантики извлеченных единиц необходимо проанализировать их функционирование.

В рамках данной статьи проанализируем функционирование в текстах ЛД трех ключевых идеологем, зафиксированных в нашей выборке.

1. Идеологема «СТАЛИН»

Антропоним *Сталин* входит в группу идеологем. В лингвистических работах эта идеологема рассматривается с разных по-

зиций. Например, идеологема *Сталин* понимается как понятие в массовом сознании, созданное стереотипными высказываниями [Клушина 2008: 40]. Личностное портретирование и концепты данной идеологемы также изучены [Слышкин 2004; Васильев 2014 и др.]. Идеологема *Сталин* также рассматривается как идеологема-архетип [Малышева 2009]. Исследователи отмечают ее способность к изменению аксиологического модуса [Гаврилова 2005; Шейгал 2004].

Сравним функционирование идеологемы в двух документах из ЛД.

1. *Заявление матери студентки М. Цейтлин* от 9.04.1937 г. директору Архангельского государственного медицинского института [ГААО. Ф. 98. Оп.18-312. Д. 36. Л. 19—20].

Референтная ситуация текста: студентка Мира Цейтлин просила академический отпуск на основании заключения врача, получила отказ; Е. Цейтлин, мать студентки, в заявлении дублирует просьбу дочери об академическом отпуске. В качестве одного из аргументов автор документа обращается к идеологеме *Сталин*. Контекст идеологемы (здесь и далее орфография и пунктуация текстов ЛД сохранены):

В наше время, когда Партия и Правительство так бережно и чутко относятся к воспитанию нового поколения, когда тов. СТАЛИН говорит, что „мы должны выращивать каждого человека бережно и заботливо, как садовник выращивает облюбованное деревцо“, — можете ли Вы не обратить внимание на тяжелое положение моей дочери, вина которой лишь в том, что ей всего 18 лет и что родилась в тяжелый год интервенции на Севере и не имела достаточного питания, т.к. жила в тяжелых условиях.

В данном контексте идеологема используется пишущим как средство воздействия на адресата и манипуляции. Антропоним включен в устойчивое сочетание (синтаксическую номинацию лица), объединяющее две идеологемы того времени: *товарищ Сталин*. Имя политического субъекта включается в текст заявления как непререкаемый авторитет. Экспрессия автора подчеркивается графически: см. написание имени прописными буквами. Синтаксический параллелизм (*когда Партия и Правительство...; когда тов. СТАЛИН*) подчеркивает идеологическую близость понятий *партия, правительство, Сталин*. Лексические и семантические повторы наречий, характеризующих действия партии/правительства и включенных в цитируемую прямую речь (ср.: *бережно и чутко; бережно и заботливо*), также сближают политических субъектов, к кото-

рым апеллирует автор заявления. Речевая манипуляция строится на противопоставлении образного содержания и модальности должностования высказывания Сталина (*мы должны выращивать каждого человека бережно и заботливо, как садовник выращивает облюбванное деревцо*) и предполагаемых действий адресата письма (*не обратит внимание на тяжелое положение моей дочери*). Предположение помещается в форму риторического вопроса-отрицания: фраза *можете ли Вы* имеет значение *Вы не можете*. Таким образом, жанр просьбы преобразуется в жанр скрытой угрозы и указания («Вы должны, в противном случае...»). Идеологема *Сталин* служит инструментом такого «жанрового переформирования».

2. *Письмо Е. И. Сахаровой Сталину*, датированное 01.10.1937 г. [ГАО. Ф. 98. Оп.16-258. Д. 246. Л. 20—26].

Референтная ситуация текста: студентка Е. И. Сахарова в связи с рождением ребенка не смогла сдать сессию, не была допущена к осенней переэкзаменовке, оставлена повторно на 2-м курсе с сохранением стипендии; студентка написала письмо И. В. Сталину с просьбой дать возможность сдать экзамены и перевестись на 3-й курс. Идеологема *Сталин* в документе представлена косвенно — через имя и отчество адресата.

Контекст идеологемы: *Дорогой Иосиф Виссарионович! Я к Вам с просьбой <...> Но, Иосиф Виссарионович. Когда обсуждали проект постановления правительства о запрете абортов, то в прессе очень много говорилось о помощи матери-комсомолке <...> С комсомольским приветом.*

В данном случае мы видим два основных механизма функционирования идеологемы. С одной стороны, идеологема есть некий фрагмент картины мира, концепт, связанный с идеологией. Признаком идеологемы *Сталин* является характеристика *отец*. Следовательно, человек в 30—40-х гг. в сложной жизненной ситуации обращался к Сталину как к отцу, который может решить текущие вопросы, защитить от «обидчиков». Речевые тактики в письме подтверждают актуализацию данной семантической области идеологемы. Стилистически маркированные языковые средства подтверждают представление адресанта о возможности реализации коммуникативной ситуации в рамках фрейма «семья». Семья как фрейм может соотноситься, с одной стороны, со схемой, с «пучком» слотов-ассоциаций, а с другой — со стереотипной ситуацией (см. подробнее: [Марьянчик 2011: 55—57]). Отнесем к ним обращение по имени и отчеству и этикетный эпитет (*дорогой Иосиф Виссари-*

онович). Также пишущий активно использует разговорные и эмотивные конструкции на уровне грамматики и лексики: *я к Вам с просьбой; дело в том, что...; дирекция продлила сроки сдачи кому до 20, кому до 24го; я очень расстроилась; что мне оставалось делать; почему же мне было не сделать этой уступки; хвостисты; мне было не до занятий; да плюс к этому я кормлю ребенка грудью и др.*

С другой стороны, данное письмо хранится в ЛД студента. Мы можем предположить два пути поступления документа: с резолюцией контролирующих органов или в рамках предварительного рассмотрения. В том и другом случае руководство института является косвенным адресатом. Идеологема *Сталин* в коммуникации с косвенным адресатом актуализирует манипулятивный потенциал, заставляя принять нужное для адресанта решение.

Таким образом, в рамках прямой коммуникации актуализирован аксиологический компонент идеологемы, а в рамках косвенной — манипулятивный.

2. Идеологема «КОМСОМОЛЕЦ»

Номинации *комсомолец*, *комсомол* и т. п. входят в группу идеологем-статусов. Можно отметить научный интерес к отдельным терминам, включенным в состав семантического поля идеологемы *комсомол* [см.: Бессонова 2019]. Слово *комсомолец* обозначает реалию 30-х гг.: молодежное политическое движение достигло пика, ряды комсомола увеличились в два раза, заслуги были отмечены правительственными наградами (орден Красного Знамени, 1928 г.; орден Трудового Красного Знамени, 1931 г.).

Рассмотрим функционирование идеологемы в документах. Как правило, дериваты производящего слова *комсомол* встречаются в основном тексте документа, в том числе в этикетных формулах, которые формально относятся к реквизиту «текста».

Идеологема *комсомолец* в письме Е. И. Сахаровой функционирует в качестве номинаций-приложений, характеризующих предикатов и в составе этикетных клише: *мать-комсомолка, я комсомолка, с комс. приветом* [ГАО. Ф. 98. Оп.16-258. Д. 246. Л. 20—26]. В конце письма адресант приводит краткую автобиографию, в которую включена идеологема-дескрипция (*получила путевку от городского комитета комсомола*). Адресант пытается достичь желаемого результата путем включения себя в определенную идеологическую группу, позиционирования себя как «своего» (*комсомолка*), а также путем гендерного манипулирования (*я на год отстану лишь потому, что я*

женщина и на мою долю пало родить). Нежелательные действия имплицитно интерпретируются как противоречащие установкам руководства страны. В качестве аргументов используются указания на публикации в официальных СМИ (*в прессе очень много говорилось о помощи матери-комсомолке*), лозунги с использованием идеологически маркированного притяжательного местоимения (*в нашей стране женщинам можно и учиться и воспитывать поколение*).

В письме использовано этикетное клише с сокращением идеологемы с *комс. приветом*. Подобное сокращение содержится и в ряде других проанализированных ЛД. Например, письмо студента АГМИ А. А. Кирова от 15.08.1940 г. [ГАО. Ф. 98. Оп.19-6. Д. 56. Л. 15]. Сокращения слов подтверждают клишированность (узуальность) этикетного словоупотребления.

Также нами зафиксирован случай нетипичного использования идеологемы в реквизите «подпись» в заявлении студента АГМИ И. А. Аверкиева [ГАО. Ф. 98. Оп.12-1. Д. 6. Л. 6]. Подпись данного документа оформлена следующим образом: *Комсомолец. Аверкиев*. Согласно правилам оформления деловой переписки, в реквизите «подпись» указывается социальный (профессиональный) статус, а не идеологическая принадлежность. Нарушение этой традиции свидетельствует о том, что автор признает идеологический статус более важным (или не менее важным), чем формальную позицию в административной иерархии. Что свидетельствует о его попытке подчеркнуть принадлежность к *своим* в дихотомии *свой — чужой*.

3. Идеологема «ТОВАРИЩ»

Согласно идеологической трактовке, *товарищи* — «это те, с кем мы делим задачу всей жизни — укреплять ее невозможные отношения с непокорным миром. Все, что мы способны разделить, — одни и те же тяжкие усилия. Мы становимся товарищами только тогда, когда делаем это вместе» [Wark 2015: 124]. В некоторых научных работах данная идеологема рассматривается как дефиниция, обозначающая «нулевой уровень коммунизма, поскольку он обозначает отношение между теми, кто занимает одну сторону в борьбе за производство новых, свободных, справедливых и равных социальных отношений, отношений без эксплуатации» [Дин 2018: 126].

Данная идеологема закрепились в советском новоязе. Словарь Д. Н. Ушакова предлагает идеологически окрашенные толкования слову *товарищ*: «член своей политической партии (в языке революционных партий, в особенности — коммунистов); член

советского общественного коллектива» [Ушаков 1940].

В функции обращения слово является исторически ограниченным — использовалось в СССР как вежливая номинация или обращение. Данное слово вошло в зону активного применения, в том числе в деловом дискурсе, после революции 1917 г. и к 30-м гг. повсеместно использовалось. Слово *товарищ* активно используется и в ЛД 30—40-х гг. Его узуальность подтверждает графическое сокращение и позиция в различных реквизитах документа: в адресате, тексте, подписи. Сокращение *тов.* используется в составных номинациях в сочетании с нарицательным именем (*Тов. Директор!!!*), с фамилией (*тов. Панов, тов. Мальцев*), в том числе с фамилией и статусной номинацией лица (*военврач тов. Мальцев, Директору Арх.Мед.Института тов. Рапопорту*), с фамилией-идеологемой (*тов. Сталин*). Слово *товарищ* не характеризует описываемого субъекта, действия которого могут быть далеки от идеальных представлений о товариществе/братстве и образе достойного «члена коммунистического общества». Слово может использоваться при описании отрицательных событий или ситуаций, см.: *Студент 5-го курса тов. Панов: ... „с горя“ запил и явился в Обком РОКК в нетрезвом виде; не явился на выпускные испытания; срывает не только военную и оборонную работу, но и дискредитирует институт. Наконец 12/X — он не явился на выпускные испытания* [ГАО. Ф. 98. Оп. 15-197. Д. 229. Л. 21]. Таким образом, можно сделать вывод, что слово *товарищ* семантически не нагружено, оно является лишь сигналом знания пишущего о дискурсивных нормах своего времени.

В заключение изложим основные выводы исследования.

Официальный дискурс, личное дело как документ — это источник речевого материала, позволяющий создать языковой портрет эпохи, отражающий особенности воплощения языка эпохи новояза в речи социальной группы «студенчество». Личные дела студентов — один из источников, пополняющих данные эго-лингвистики, политической лингвистики, теории жанров и других современных направлений филологии. Ретроспективное языковое портретирование эпохи позволяет проследить динамику языковой системы и отдельных дискурсов.

Личные дела 30—40-х гг. XX в. отражают экстралингвистическую специфику эпохи. В документах функционируют лексические маркеры эпохи, объединенные нами в три группы: идеологемы, политемы, историзмы.

Между этими группами нет жестких границ. Для эпохи I половины XX в. были характерны отсутствие свободы личности и установление диктата партии большевиков, что обусловило формирование стандартного комплекса идеологием и политем. Наиболее типичные политемы, часть из которых функционирует в качестве идеологием: *Сталин, правительство, партия (ячейка, партячейка, хуторской п/совет, б/партийный и др.), комсомолец (член ВЛКСМ и др.), пионер (пионерский отряд), большевик, крестьянин (крестьянская семья и др.), общественные советские должности, товарищ, социалистическое хозяйство; пролеткульт, Мед-Сан-Труд, пятилетка, семилетка, школа десятилетка, с/совет, поселковое товарищество.*

Специфика функционирования идеологием и политем заключается в использовании как средства манипуляции, как инструмента «жанрового переформатирования» в рамках официально-делового дискурса, как сигналов знания дискурсивного узуса.

Лексические единицы деловых писем, являющиеся признаками конкретной эпохи, определяются как маркеры эпохи, которые в семантической структуре содержат темпоральный компонент, определяющий временной отрезок. Маркеры эпохи представляют концептуальную картину мира и определяют концептуальные приоритеты эпохи в рамках анализируемой социальной группы. В нашем случае это концепты-идеологиемы *Сталин, товарищ, комсомолец.* Лексические маркеры эпохи определяют временное пространство, тем самым отражают экстралингвистические и лингвистические предпочтения коммуникантов деловой переписки 30–40-х гг. XX в. Специфика лексических маркеров эпохи свидетельствует о том, что заданные временные рамки важны как материал для реконструкции исторической реальности исследуемой эпохи новояза. Такие слова создают социально-хронологический языковой «архив» эпохи новояза.

ИСТОЧНИКИ

1. Личное дело И. А. Аверкиева // Государственный архив Архангельской области (ГААО). — Ф. 98. — Оп. 12-1. — Д. 6. — Л. 6.
2. Личное дело А. А. Кирова // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 19-6. — Д. 56. — Л. 15.
3. Личное дело А. И. Панова // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 15-197. — Д. 229. — Л. 21.
4. Личное дело Е. И. Сахаровой // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 16-258. — Д. 246. — Л. 20—26.
5. Личное дело М. Г. Цейтлин // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 18-312. — Д. 36. — Л. 19—20.
6. Личные дела выбывших студентов из института в 1939 году. Том 1 // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 10-45. — Д. 1. — Л. 6—7.
7. Личные дела выбывших студентов из института в 1939 году. Том 1 // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 10-45. — Д. 3. — Л. 20.

ЛИТЕРАТУРА

8. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с. — Текст : непосредственный.
9. Бахтин, М. М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Лабиринт, 2000. — 640 с. — Текст : непосредственный.
10. Бессонова, Ю. А. Термины комсомольского движения как идеологиемы / Ю. А. Бессонова, Е. А. Иванова. — Текст : непосредственный // Феномен ВЛКСМ: социокультурный опыт и преемственность в воспитании молодежи (100-летию ВЛКСМ посвящается) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Орел, 23 окт. 2018 г.). — Орел : Орловский гос. ин-т культуры, 2019. — 144 с.
11. Васильев, А. Д. Прецедентные имена собственные в языковом сознании красноярцев / А. Д. Васильев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 30—33.
12. Воробьева, О. И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи: политическая лингвистика. Современный язык политики / О. И. Воробьева. — Москва : Издательство ИКАР, 2008. — 296 с. — Текст : непосредственный.
13. Гаврилова, М. В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы Всерос. науч. конф. — Екатеринбург, 2005.
14. Голубев, А. В. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии: 1920-е — первая половина 1940-х гг. / А. В. Голубев, В. А. Неужин ; Ин-т российской истории Российской акад. наук. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 236 с. — Текст : непосредственный.
15. Гусейнов, Г. Ч. Д. С. П. Материалы к Русскому словарю общественно-политического языка конца XX века / Г. Ч. Гусейнов. — Москва : Три квадрата, 2003. — 1024 с. — Текст : непосредственный.
16. Гусейнов, Г. Ч. Советские идеологиемы в русском дискурсе 1990-х годов / Г. Ч. Гусейнов. — Москва : Три квадрата, 2003. — Текст : непосредственный.
17. Дин, Д. Товарищ: нулевой уровень коммунизма / Д. Дин. — Текст : непосредственный // STASIS. European University at St. Petersburg (Saint Petersburg). — 2018. — Т. 6. — № 2. — С. 118—137.
18. Ермакова, О. П. Жизнь российского города в лексике 30—40-х годов XX века / О. П. Ермакова. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — 192 с. — Текст : непосредственный.
19. Журавлев, С. А. Идеологиемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Журавлев С. А. — Йошкар-Ола, 2004. — 24 с. — Текст : непосредственный.
20. Иванова, М. Е. Язык идеологии и идеология языка: аспекты взаимодействия / М. Е. Иванова. — Текст : непосредственный // Манускрипт. — Тамбов : Грамота, 2020. — Т. 13. — Вып. 1. — С. 133—140.
21. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. — Москва : Логос, 1996. — 280 с. — Текст : непосредственный.
22. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Клушина Н. И. — Москва, 2008. — Текст : непосредственный.
23. Костина, А. В. Особенности культурного строительства в Советской России 20—30-х годов: к вопросу о субъектном аспекте истории / А. В. Костина. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 2. — С. 31—40.
24. Костина, А. В. Особенности культурного строительства в Советской России 20—30-х годов: к вопросу о субъектном аспекте истории / А. В. Костина. — Текст : непосредственный // Культурная политика. — 2009. — № 2. — С. 31—40.
25. Кузина, О. А. Идеологиема как ключевая категория медиадискурса в период информационной войны (на примере освещения в англоязычной прессе событий на Украине

в 2013–2014 гг.) / О. А. Кузина. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 8 (86). — Ч. 1. — С. 110–115.

26. Кузнецова, Т. В. Делопроизводство (документационное обеспечение управления) / Т. В. Кузнецова. — Москва, 1999. — 320 с. — Текст : непосредственный.

27. Купина, Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. — С. 134–145.

28. Купина, Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Русский язык сегодня : сборник статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Л. П. Крысин. — Москва : Азбуковник, 2000. — Вып. 1. — С. 182–189.

29. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург ; Пермь, 1995. — 144 с. — Текст : непосредственный.

30. Мальшева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Мальшева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 32–40.

31. Марьянич, В. А. Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы : моногр. / В. А. Марьянич. — Архангельск : Поморский университет, 2011. — 282 с. — Текст : непосредственный.

32. Моральный облик строителя коммунизма. — Москва : Наука, 1964. — 346 с. — Текст : непосредственный.

33. Нахимова, Е. А. Идеологема СТАЛИН в современной массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 152–156.

34. Павлова, И. В. Власть и общество в СССР в 1930-е годы / И. В. Павлова. — Текст : непосредственный // Вопросы истории. — 2001. — № 10. — С. 46–56.

35. Резникова, Н. А. Семантический анализ политической лексики / Н. А. Резникова. — Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. — 2005. — Вып. 4 (48). — С. 49–54.

36. Слышкин, Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании / Г. Г. Слышкин. — Текст : непосредственный // Обозреватель-Observer : науч.-аналит. журн. — 2004. — № 8 (175). — С. 116–125.

37. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С — Ящурный / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. — 1502 с. — Текст : непосредственный.

38. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 256 с. — Текст : непосредственный.

39. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва, 2004. — Текст : непосредственный.

40. Wark, M. Molecular Red: Theory for the Anthropocene / M. Wark. — New York : Verso, 2015. — Text : unmediated.

K. B. Kornienko

Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6714-3466

 E-mail: selvi-ch@mail.ru.

Lexical Markers of the Epoch in Personnel Files of the 1930s-1940s

ABSTRACT. *The article analyzes historically and ideologically marked vocabulary extracted from the personnel files of the students of Arkhangelsk State Medical Institute over the period of the 1930s – 1940s. The analysis focuses on the functioning of the lexical markers of the epoch in official business discourse. The aim of the study is to classify the vocabulary according to semantic and thematic criteria. Discursive and semantico-stylistic analyses are the most relevant methods used. The sample includes 150 personnel files of students from the archives of the 1930s-1940s.*

The article describes the personnel file as a hyper-genre, including core (mandatory) and peripheral (variable) genres. As a result of the study, using the method of continuous sampling, the author singles out three semantic groups of the lexical markers of the epoch: historicisms, politicisms and ideologemes, highlighting the most typical subgroups in each group. Ideologemes are divided into ideologemes-statuses, ideologemes-descriptors, ideologemes-onyms. Historicisms include not only obsolete common and proper nominations, but also so-called stylistic historicisms (archaic graphic designations, metaphors that have come out of use, etc.). Semantic analysis confirms the absence of rigid boundaries between the groups of keywords of a certain epoch. To illustrate these positions, the article provides a semantico-stylistic and discursive analysis of three key ideologemes: Stalin, Komsomol, and comrade. The article describes the dual functioning of the anthroponym Stalin depending on the framework of the ideologemes and the communicative situation (direct or indirect communication). The specificity of functioning of the ideologemes and politicisms consists in using these language units as tools of manipulation and “genre reformatting” in the framework of official business discourse and as signals of awareness of discursive usage. The specificity of the lexical markers of the epoch indicates that the research material is important for the reconstruction of the historical reality of the Newspeak era. The results of the work can be used for comparative studies within the framework of historical stylistics, political linguistics, etc.

KEYWORDS: *hypergenre; lexical markers; ideologemes; Soviet ideology; political discourse; Soviet epoch; Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kornienko Kristina Borisovna, Head of the Educational and Socio-Psychosocial Service, Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia.*

FOR CITATION: *Kornienko, K. B. Lexical Markers of the Epoch in Personnel Files of the 1930s-1940s / K. B. Kornienko // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 66-76. — DOI 10.26170/pl20-02-07.*

MATERIALS

1. Personal File of I. A. Averkiev // State Archives of the Arkhangel'sk Region (GAAO). — F. 98. — Inventory. 12-1. — Case 6. — List 6. [Lichnoe delo I. A. Averkieva // Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti (GAAO). — F. 98. — Op. 12-1. — D. 6. — L. 6]. — (In Rus.)
2. Personal File of A. A. Kirov // GAAO. — F. 98. — Inv. 19-6. — C. 56. — L. 15. [Lichnoe delo A. A. Kirova // GAAO. — F. 98. — Op. 19-6. — D. 56. — L. 15]. — (In Rus.)
3. Personal File of A. I. Panov // GAAO. — F. 98. — Inv. 15-197. — C. 229. — L. 21. [Lichnoe delo A. I. Panova // GAAO. — F. 98. — Op. 15-197. — D. 229. — L. 21]. — (In Rus.)
4. Personal File of E. I. Sakharova // GAAO. — F. 98. — Inv. 16-258. — C. 246. — L. 20-26. [Lichnoe delo E. I. Sakharovoy // GAAO. — F. 98. — Op. 16-258. — D. 246. — L. 20—26]. — (In Rus.)
5. Personal File of M. G. Zeitlin // GAAO. — F. 98. — Inv. 18-312. — C. 36. — L. 19—20. [Lichnoe delo M. G. Tseytlin // GAAO. — F. 98. — Op. 18-312. — D. 36. — L. 19—20]. — (In Rus.)
6. Personal Files of Students who Left the Institute in 1939. Volume 1 // GAAO. — F. 98. — Inv. 10-45. — C. 1. — L. 6—7. [Lichnye dela vybyvshikh studentov iz instituta v 1939 godu. Tom 1 // GAAO. — F. 98. — Op. 10-45. — D. 1. — L. 6—7]. — (In Rus.)
7. Personal Files of Students who Left the Institute in 1939. Volume 1 // GAAO. — F. 98. — Inv. 10-45. — C. 3. — L. 20. [Lichnye dela vybyvshikh studentov iz instituta v 1939 godu. Tom 1 // GAAO. — F. 98. — Op. 10-45. — D. 3. — L. 20]. — (In Rus.)

REFERENCES

8. Bakhtin, M. M. *Issues of Literature and Aesthetics* / M. M. Bakhtin. — Moscow : Fiction, 1975. — 504 p. — Text : unmediated. [Voprosy literatury i estetiki / M. M. Bakhtin. — Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1975. — 504 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Bakhtin, M. M. *Freudianism. The Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles* / M. M. Bakhtin. — Moscow : Labyrinth, 2000. — 640 p. — Text : unmediated. [Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i / M. M. Bakhtin. — Moskva : Labirint, 2000. — 640 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Bessonova, Yu. A. *The Terms of the Komsomol Movement as Ideologemes* / Yu. A. Bessonova, E. A. Ivanova. — Text : unmediated // *Phenomenon of the Komsomol : social and cultural experience and continuity in the education of youth (dedicated to the 100th anniversary of the Komsomol) : proceedings of the Intern. scientific-practical conf. (Oryol, Oct 23, 2018)*. — Oryol : Oryol State Institute of Culture, 2019. — 144 p. [Terminy komso-mol'skogo dvizheniya kak ideologemy / Yu. A. Bessonova, E. A. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // *Fenomen VLKSM: sotsiokul'turnyy opyt i preemstvennost' v vospitanii molodezhi (100-letiyu VLKSM posvyashchaetsya) : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Orel, 23 okt. 2018 g.)*. — Orel : Orlovskii gos. in-t kul'tury, 2019. — 144 s.]. — (In Rus.)
11. Vasil'ev, A. D. *Precedent Proper Names in the Linguistic Consciousness of Krasnoyarsk Residents* / A. D. Vasiliev. — Text : unmediated // *Political Linguistics*. — 2014. — No. 2 (48). — P. 30—33. [Precedentnye imena sobstvennye v yazykovom soznanii krasnoyartsev / A. D. Vasil'ev. — Tekst : neposredstvennyy // *Politicheskaya lingvistika*. — 2014. — № 2 (48). — S. 30—33]. — (In Rus.)
12. Vorob'eva, O. I. *Political Vocabulary. Its functions in Modern Oral and Written Speech: Political Linguistics. The Modern Language of Politics* / O. I. Vorobyova. — Moscow : IKAR Publishing House, 2008. — 296 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya leksika. Ee funktsii v sovremennoy ustnoy i pis'mennoy rechi: politicheskaya lingvistika. Sovremennyy yazyk politiki / O. I. Vorob'eva. — Moskva : Izdatel'stvo IKAR, 2008. — 296 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Gavrilova, M. V. *The Concept of "Patriotism" in the Russian Political Discourse of the Beginning of the XXI Century* / M. V. Gavrilova. — Text : unmediated // *New Russia: New Phenomena in the Language and Science of the Language : materials of All-Russian Scientific Conf.* — Ekaterinburg, 2005. [Ponyatie «patriotizm» v russkom politicheskom diskurse nachala KhKh

veka / M. V. Gavrilova. — Tekst : neposredstvennyy // *Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i nauke o yazyke : materialy Vseros. nauch. konf.* — Ekaterinburg, 2005]. — (In Rus.)

14. Golubev, A. V. *Formation of the Image of Soviet Russia in the Surrounding World by Means of Cultural Diplomacy: 1920s — first half of the 1940s.* / A. V. Golubev, V. A. Nevezhin ; Institute of Russian History of Russian Acad. sciences. — Moscow ; St. Petersburg : Center for Humanitarian Initiatives, 2016. — 236 p. — Text : unmediated. [Formirovanie obraza Sovetskoy Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoy diplomatii: 1920-e — pervaya polovina 1940-kh gg. / A. V. Golubev, V. A. Nevezhin ; In-t rossiyskoy istorii Rossiyskoy akad. nauk. — Moskva ; Sankt-Peterburg : Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. — 236 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Guseynov, G. Ch. D. S. P. *Materials to the Russian Dictionary of the Socio-political Language of the Late Twentieth Century* / G. Ch. Huseynov. — Moscow : Three Squares, 2003. — 1024 p. — Text : unmediated. [D. S. P. Materialy k Russkomu slovaryu obshchestvenno-politicheskogo yazyka kontsa KhKh veka / G. Ch. Guseynov. — Moskva : Tri kvadrata, 2003. — 1024 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Guseynov, G. Ch. *Soviet Ideologies in the Russian Discourse of the 1990s* / G. Ch. Huseynov. — Moscow : Three Squares, 2003. — Text : unmediated. [Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh godov / G. Ch. Guseynov. — Moskva : Tri kvadrata, 2003. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Din, D. *Comrade: Zero Level of Communism* / D. Dean. — Text : unmediated // *STASIS. European University at St. Petersburg (Saint Petersburg)*. — 2018. — Vol. 6. — No. 2. — P. 118—137. [Tovarishch: nulevoy uroven' kommunizma / D. Din. — Tekst : neposredstvennyy // *STASIS. European University at St. Petersburg (Saint Petersburg)*. — 2018. — T. 6. — № 2. — S. 118—137]. — (In Rus.)

18. Ermakova, O. P. *Life of the Russian City in the Vocabulary of the 30-40s of the XX Century* / O. P. Ermakova. — Moscow : Flinta : Science, 2011. — 192 p. — Text : unmediated. [Zhizn' rossiyskogo goroda v leksike 30—40-kh godov KhKh veka / O. P. Ermakova. — Moskva : Flinta : Nauka, 2011. — 192 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Zhuravlev, S. A. *Ideologemes and Their Actualization in Russian Lexicographic Discourse : resume of thesis. ... cand. of Philol. Sciences* / Zhuravlev S. A. — Yoshkar-Ola, 2004. — 24 p. — Text : unmediated. [Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Zhuravlev S. A. — Yoshkar-Ola, 2004. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Ivanova, M. E. *Language of Ideology and Ideology of Language: Aspects of Interaction* / M. E. Ivanova. — Text : unmediated // *Manuscript*. — Tambov : Diploma, 2020. — V. 13. — Iss. 1. — P. 133—140. [Yazyk ideologii i ideologiya yazyka: aspekty vzaimodeystviya / M. E. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // *Manuskript*. — Tambov : Gramota, 2020. — T. 13. — Vyp. 1. — C. 133—140]. — (In Rus.)

21. Ionin, L. G. *Sociology of Culture* / L. G. Ionin. — Moscow : Logos, 1996. — 280 p. — Text : unmediated. [Sotsiologiya kul'tury / L. G. Ionin. — Moskva : Logos, 1996. — 280 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Klushina, N. I. *Intentional Categories of a Journalistic Text (based on the material of periodicals 2000-2008) : resume of thesis ... of Dr. of Philol. Sciences* / Klushina N. I. — Moscow, 2008. — Text : unmediated. [Intentsional'nye kategorii publitsicheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000—2008 gg.): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / Klushina N. I. — Moskva, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. Kostina, A. V. *Features of Cultural Construction in Soviet Russia of the 20-30s: to the Question of the Subjective Aspect of History* / A. V. Kostina. — Text : unmediated // *Knowledge. Understanding. Skill*. — 2009. — No. 2. — P. 31—40. [Osobennosti kul'turnogo stroitel'stva v Sovetskoy Rossii 20—30-kh godov: k voprosu o sub'ektnom aspekte istorii / A. V. Kostina. — Tekst : neposredstvennyy // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. — 2009. — № 2. — S. 31—40]. — (In Rus.)

24. Kostina, A. V. *Features of Cultural Construction in Soviet Russia of the 20-30s: to the Question of the Subjective Aspect of History* / A. V. Kostina. — Text : unmediated // *Cultural Policy*. — 2009. — No. 2. — P. 31—40. [Osobennosti kul'turnogo

- stroitel'stva v Sovetskoj Rossii 20—30-kh godov: k voprosu o sub"ektnom aspekte istorii / A. V. Kostina. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'turnaya politika. — 2009. — № 2. — S. 31—40]. — (In Rus.)
25. Kuzina, O. A. The Ideologem as a Key Category of Media Discourse During the Period of the Information War (on the example of coverage in the English language press of events in Ukraine in 2013-2014) / O. A. Kuzina. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2018. — No. 8 (86). — Part 1. — P. 110—115. [Ideologema kak klyuchevaya kategoriya mediadiskursa v period informatsionnoy vojny (na primere osveshcheniya v anglo-yazychnoy presse sobytiĭ na Ukraine v 2013—2014 gg.) / O. A. Kuzina. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2018. — № 8 (86). — Ch. 1. — C. 110—115]. — (In Rus.)
26. Kuznetsova, T. V. Clerical Work (documentation support of management) / T. V. Kuznetsova. — Moscow, 1999. — 320 p. — Text : unmediated. [Deloproizvodstvo (dokumentatsionnoe obespechenie upravleniya) / T. V. Kuznetsova. — Moskva, 1999. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
27. Kupina, N. A. The Ideological State of the Vocabulary of the Russian Language / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Russian Word in the Language, Text and Cultural Environment. — Ekaterinburg : Publishing House Ural. University, 1997. — P. 134—145. [Ideologicheskoe sostoyanie leksiki russkogo yazyka / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Russkoe slovo v yazyke, tekste i kul'turnoy srede. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1997. — S. 134—145]. — (In Rus.)
28. Kupina, N. A. Language Construction: From a System of Ideologies to a System of Culture / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Russian Language Today : collection of articles / Institute of Russian. Lang. n. a. V. V. Vinogradov ; resp. ed. L. P. Krysin. — Moscow : Azbukovnik, 2000. — Issue. 1. — P. 182—189. [Yazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Russkii yazyk segodnya : sbornik stateĭ / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova ; otv. red. L. P. Krysin. — Moskva : Azbukovnik, 2000. — Vyp. 1. — S. 182—189]. — (In Rus.)
29. Kupina, N. A. Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions / N. A. Kupina. — Ekaterinburg ; Perm, 1995. — 144 p. — Text: unmediated. [Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii / N. A. Kupina. — Ekaterinburg ; Perm', 1995. — 144 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
30. Malysheva, E. G. Ideologema as a Linguo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification / E. G. Malysheva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 4 (30). — P. 32—40. [Ideologema kak lingvokognitivnyĭ fenomen: opredelenie i klassifikatsiya / E. G. Malysheva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 4 (30). — S. 32—40]. — (In Rus.)
31. Mar'yanchik, V. A. Media-political Text: Scripts, Norms, Stereotypes : Monograph. / V. A. Maryanchik. — Arkhangelsk : Pomeranian University, 2011. — 282 p. — Text : unmediated. [Media-politicheskiy tekst: stsenarii, normy, stereotipy : monogr. / V. A. Mar'yanchik. — Arkhangel'sk : Pomorskiy universitet, 2011. — 282 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
32. The Moral Character of the Builder of Communism. — Moscow : Science, 1964. — 346 p. — Text : unmediated. [Moral'nyy oblik stroitelya kommunizma. — Moskva : Nauka, 1964. — 346 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
33. Nakhimova, E. A. The Ideology of STALIN in Modern Mass Communication / E. A. Nakhimova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2011. — No. 2 (36). — P. 152—156. [Ideologema STALIN v sovremennoy massovoy kommunikatsii / E. A. Nakhimova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2011. — № 2 (36). — S. 152—156]. — (In Rus.)
34. Pavlova, I. V. Power and Society in the USSR in the 1930s / I.V. Pavlova. — Text : unmediated // Questions of History. — 2001. — No. 10. — P. 46—56. [Vlast' i obshchestvo v SSSR v 1930-e gody / I. V. Pavlova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy istorii. — 2001. — № 10. — S. 46—56]. — (In Rus.)
35. Reznikova, N. A. Semantic Analysis of Political Vocabulary / N. A. Reznikova. — Text : unmediated // Bulletin of TSPU. — 2005. — Issue 4 (48). — P. 49—54. [Semanticheskii analiz politicheskoy leksiki / N. A. Reznikova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik TGPU. — 2005. — Vyp. 4 (48). — S. 49—54]. — (In Rus.)
36. Slyshkin, G. G. State Figures: Trace in Linguistic Consciousness / G. G. Slyshkin. — Text : unmediated // Browser-Observer: scientific analytical journal. — 2004. — No. 8 (175). — P. 116—125. [Gosudarstvennye deyateli: sled v yazykovom soznanii / G. G. Slyshkin. — Tekst : neposredstvennyy // Obozrevatel'-Observer : nauch.-analit. zhurn. — 2004. — № 8 (175). — S. 116—125]. — (In Rus.)
37. Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vol. V. 4. S — Ya (Foot and mouth disease) / ch. ed. B. M. Wolin, D. N. Ushakov; comp. V.V. Vinogradov, G.O. Vinokur, B. A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevsky, D.N. Ushakov; under the editorship of D.N.Ushakova. — Moscow : Sov. encyclical. : OGIZ, 1935—1940. — Moscow : State. Publishing House of Foreign and nat. dictionaries, 1940. — 1502 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4. S — Yashchurnyy / gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov; sost. V. V. Vinogradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskiy, D. N. Ushakov ; pod red. D. N. Ushakova. — Moskva : Sov. entsikl. : OGIZ, 1935—1940. — Moskva : Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1940. — 1502 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
38. Chudinov, A. P. Political Linguistics : teaching aid / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Science, 2007. — 256 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2007. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
39. Sheigal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheigal. — Moscow, 2004. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
40. Wark, M. Molecular Red: Theory for the Anthropocene / M. Wark. — New York : Verso, 2015. — Text : unmediated.

Н. Н. КошкарловаЮжно-Уральский гос. ун-т (национальный исследовательский ун-т), Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8861-0353 **Е. С. Бойко**Южно-Уральский гос. ун-т (национальный исследовательский ун-т), Челябинск, Россия
ORCID ID: — **E-mail:** nkoshka@rambler.ru; capri_lin@mail.ru.**Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу фейковых новостей, которые функционируют в различных типах дискурса: рекламном, политическом, научном и др. На основе нескольких определений фейков авторы выделяют характерологические признаки мистифицированного сообщения: медианпространство как среда бытования; противопоставление истинной и ложной информации. Отмечается, что особенностью фейковых новостей является то, что они «мимикрируют» под истинные сообщения и строятся по тому же принципу, что и «жесткая новость». Важным при этом является умение отличать ложные новости от истинных, базирясь на определенных лингвистических механизмах: влечение в «текстовую ткань» событий, которые не имели места или оценка которых детерминирована аксиологическими установками акторов политической коммуникации; анонимная атрибуция, то есть отсутствие конкретных имен и фамилий людей, предоставивших данную информацию; тенденциозное цитирование мнения третьей стороны без указания имени и должности автора цитаты; навешивание «ярлыков», когда для характеристики политического лидера и его деятельности используются оценочные номинации; экстраполяция выводов по конкретной проблеме на более широкую геополитическую ситуацию; использование догадок и домыслов при оценке сложившейся ситуации; обсуждение политических событий текущего периода на фоне широкого исторического контекста; предположение и желание представить ситуацию в выгодном для оппонентов ключе; нагнетание обстановки и прогнозирование возможного развития событий по деструктивному сценарию. Описываются факторы, от которых зависит распространение фейковых новостей, и даются советы по распознаванию ложной информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фейковые новости; медианпространство; медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; лингвистические механизмы; разоблачение; фактчекинг; ложная информация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454000, Россия, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail : nkoshka@rambler.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бойко Елена Сергеевна, старший преподаватель, кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 169; e-mail: capri_lin@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кошкарлова, Н. Н. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации / Н. Н. Кошкарлова, Е. С. Бойко // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 77-82. — DOI 10.26170/pl20-02-08.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема фейковых новостей вызывает ожесточенные дискуссии на разных социальных уровнях, однако количество ложных и сфальсифицированных сообщений в информационном пространстве все возрастает, а исследователи, занимающиеся этой проблемой, пытаются найти ответы на два вечных вопроса: «кто виноват?» и «что делать?». В последнее время в мире говорят о пандемии коронавируса, но пандемия фейка разразилась гораздо раньше, а способы ее лечения до сих пор не найдены. Важным при этом является осознание того факта, что ложь в

сфабрикованных сообщениях всегда (или практически всегда) осознаваема и распознаваема, а задачей представителей научного сообщества (в первую очередь лингвистов) является предоставление рядовым гражданам знаний об арсенале инструментов выявления дезинформации в материалах разных жанров.

Существует расхожее мнение, что фейковые новости — это исключительно продукт и явление политической коммуникации, но с мистификацией реальности сталкиваются акторы и других типов дискурса.

1. Фейковые новости могут использоваться в коммерческой рекламе, при продвижении

имиджа предприятий, их товаров и(или) услуг, торговых марок и даже какой-то личности.

2. Фейковые новости могут возникать из-за низкого доверия к власти и(или) государственным структурам.

3. Фейковые новости используются в качестве инструмента политической борьбы и(или) трансляции определенных политических взглядов.

С. С. Распопова и Е. Н. Богдан предлагают расширенную типологию мистифицированных сообщений и выделяют следующие типы информационных продуктов, созданных авторами-мистификаторами, которые, в свою очередь, противопоставляются авторам-творцам.

1. Научная мистификация (в центре внимания находятся сенсации; это публикации утилитарного характера, удовлетворяют жизненные запросы людей).

2. Политическая мистификация (ложные утверждения политиков, которые вводят в заблуждение общественность и журналистов, имитируя реальные заявления и декларации).

3. Мистификация документов (поддельные официальные документы, которые часто передаются в Интернете или по мобильной связи).

4. Мокьюментари (псевдодокументальные фильмы, которым присущи имитация документальности, мистификация и фальсификация).

5. Журналистские мистификации (ложные сообщения, созданные журналистами, в которых рассматриваемая ситуация сдвигается в область абсурдного стечения обстоятельств) [Распопова, Богдан 2018].

ЧТО ТАКОЕ ФЕЙК?

Приведем два определения фейковых новостей и на их основе попытаемся выявить характерологические признаки недостоверной информации. С. Н. Ильченко определяет фейковые новости как «журналистское сообщение, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности и опубликованную в СМИ» [Ильченко 2019: 16]. Н. Ф. Пономарев несколько расширяет исследовательский фокус при дефиниции фейковых новостей и полагает, что фейки — это «медиа-продукты в формате новостной журналистики, но с неопределенным истинностным значением, которые конструируются влиятельными акторами и распространяются влиятельными медиа-агентами для достижения политических или коммерческих целей, легитимируются авторитетными новостными медиа и воспринимаются целевыми группами как достоверные новости из надежных

источников» [Пономарев 2019: 55]. Как видно из приведенных определений, главной особенностью фейковых новостей является среда их бытования — медиaprостранство. В медиасреде создаются и функционируют все типы фейковых новостей: от рекламы продукта до политической провокации. Второе отличие фейковой новости — это противопоставление истинной и ложной информации — того, что в философии принято называть фактом и фактоидом. В последнее время факты и фактоиды в своем содержательном плане вышли за пределы философской парадигмы и стали обрастать лингвокультурными и ценностными коннотациями, на что указывает В. И. Карасик [Карасик 2017]. По мнению исследователя, фактоид представляет собой имитацию факта и как лингвокультурное явление соотносится со следующими коммуникативными образованиями: слухи, сплетня, фейк. Действительно, факт — это всегда ответы на вопросы *что? где? когда?* — в журналистике его неизменными атрибутами является указание на место, время события и источник информации. Фактоид — это недостоверное или ложное утверждение, непроверенная, неверная или сфабрикованная информация, которая затем становится основой для создания фейковой новости.

КАК ВЫГЛЯДИТ ФЕЙК?

Особенностью фейковых новостей является то, что они «мимикрируют» под истинные сообщения и строятся по тому же принципу, что и «жесткая новость», когда «в начало материала выносятся самое важное, кульминационный момент события, факта, а далее излагается информация по принципу убывания интереса» [Жуков 2013: 669]. Так, 16 сентября 2019 г. новостной портал «YahooNews» опубликовал материал *Exclusive: Russia carried out a 'stunning' breach of FBI communications system, escalating the spy game on U.S. soil.* — *Эксклюзив: Россия взломала системы связи ФБР, что привело к эскалации шпионской войны на территории США.* Жанр, композиция и стилистика материала соответствуют канонам журналистской новости: предметом отображения здесь выступают «разнообразные события, а также положение дел в той или иной сфере деятельности» [Тертычный 2014: 63–64]. Однако в статье наличествуют лингвистические механизмы, которые позволяют вдумчивому читателю сделать вывод о том, что анализируемый материал является фейковым:

1. Вплетение в «текстовую ткань» событий, которые не имели место или оценка которых детерминирована аксиологическими уста-

новками акторов политической коммуникации: *The Obama administration's public rationale for the expulsions and closures — the harshest U.S. diplomatic reprisals taken against Russia in several decades — was to retaliate for Russian meddling in the 2016 presidential election.* — Публичное оправдание выдворения и закрытия территорий администрацией Обамы — самые жесткие дипломатические репрессии США против России за несколько десятилетий — заключалось в том, чтобы отомстить России за **вмешательство в президентские выборы 2016 года.** <...> *Those officials clung to the hope that Washington and Moscow could cooperate on key issues, despite aggressive Russian actions ranging from the invasion of Ukraine to its spying efforts.* — Эти чиновники все еще надеялись, что Вашингтон и Москва могут сотрудничать по ключевым вопросам, несмотря на агрессивные действия России, начиная от вторжения в Украину и заканчивая ее шпионскими попытками.

2. Анонимная атрибуция, т. е. отсутствие конкретных имен и фамилий людей, предоставивших информацию: *Both compounds, and at least some of the expelled diplomats, played key roles in a brazen Russian counter-intelligence operation that stretched from the Bay Area to the heart of the nation's capital, according to former U.S. officials.* — По словам бывших должностных лиц США, обе российские дипломатические резиденции и по крайней мере некоторые из высланных дипломатов сыграли ключевую роль в наглой российской контрразведывательной операции, которая простиралась от Области залива до центра столицы страны. <...> *American officials discovered that the Russians had dramatically improved their ability to decrypt certain types of secure communications and had successfully tracked devices used by elite FBI surveillance teams.* — Американские чиновники обнаружили, что русские значительно улучшили свою способность расшифровывать определенные виды защищенной связи и успешно отслеживали устройства, используемые элитными группами наблюдения ФБР.

3. Тенденциозное цитирование мнения третьей стороны без указания имени и должности автора цитаты: *"It was a very broad effort to try and penetrate our most sensitive operations," said a former senior CIA official.* — „Это была очень широкая попытка проникнуть в наши самые сложные операции“, — сказал бывший высокопоставленный чиновник ЦРУ.

4. Навешивание «ярлыков», когда для характеристики политического лидера и его

деятельности используются оценочные номинации: *In September 2011, Vladimir Putin announced the launch of his third presidential campaign, only to be confronted during the following months by tens of thousands of protesters accusing him of electoral fraud.* — В сентябре 2011 года Владимир Путин объявил о начале своей третьей президентской кампании, вызвавшей десятки тысяч протестов, обвиняющих его в **мошенничестве на выборах.** <...> *It was around this time that Putin's spies in the United States, operating under diplomatic cover, achieved what a former senior intelligence official called a "stunning" technical breakthrough, demonstrating their relentless focus on the country they've long considered their primary adversary.* — Примерно в это же время шпионы Путина в Соединенных Штатах, действовавшие под дипломатическим прикрытием, добились того, что бывший высокопоставленный сотрудник разведки назвал „ошеломляющим“ техническим прорывом, продемонстрировав свое неустанный внимание к стране, которую они долгое время считали своим основным противником.

5. Экстраполяция выводов по конкретной проблеме на более широкую геополитическую ситуацию: *That operation was part of a larger sustained, deliberate Russian campaign targeting secret U.S. government communications throughout the United States, according to former officials.* — По словам бывших чиновников, **эта операция была частью более масштабной и преднамеренной российской кампании,** направленной на тайные связи правительства США на всей территории Соединенных Штатов.

6. Использование догадок и домыслов при оценке сложившейся ситуации: *U.S. intelligence officials were uncertain whether the Russians were able to unscramble the FBI conversations in real time. But even the ability to decrypt them later would have given the Russians critical insights into FBI surveillance practices, including "call signs and locations, team composition and tactics," said a former intelligence official.* — Представители разведки США были не уверены, смогли ли русские расшифровать разговоры ФБР в режиме реального времени. Но даже способность расшифровать их позже **дала бы россиянам представление о методах наблюдения ФБР,** включая „позывные и местоположения, состав команды и тактику“, сказал бывший сотрудник разведки.

7. Обсуждение политических событий текущего периода на фоне широкого исторического контекста: *Mark Kelton, who served as*

the chief of counterintelligence at the CIA until he retired in 2015, declined to discuss specific Russian operations, but he told Yahoo News that “the Russians are a professionally proficient adversary who have historically penetrated every American institution worth penetrating.” — Марк Келтон, который служил начальником контрразведки в ЦРУ до ухода на пенсию в 2015 году, отказался обсуждать конкретные российские операции, но он сказал Yahoo News, что „русские являются профессионально опытными противниками, которые всегда проникали в любое американское учреждение, в которое стоит проникнуть“.

8. Предположение и желание представить ситуацию в выгодном для оппонентов ключе: *Over time, U.S. intelligence officials became increasingly concerned that Russian spies might be attempting to intercept communications from key U.S. intelligence facilities, including the CIA and FBI headquarters. No one knew if the Russians had actually succeeded. — С течением временем сотрудники разведывательных служб США стали все больше беспокоиться о том, что российские шпионы могут пытаться перехватить сообщения от ключевых разведывательных учреждений США, включая ЦРУ и штаб-квартиру ФБР. Никто не знал, удалось ли это русским или нет.*

9. Нагнетание обстановки и прогнозирование возможного развития событий по деструктивному сценарию: *In the meantime, those familiar with Russian operations warn that the threat from Moscow is far from over. — Тем временем знакомые с деятельностью России предупреждают, что угроза со стороны Москвы далека от завершения.*

Таким образом, фейковые новости как лингвистический медиапродукт обладают своим набором характерологических признаков, которые во многих случаях идентичны функциональным и структурно-семантическим особенностям «жесткой» новости. Выделенные лингвопрагматические маркеры фейковой новости дают возможность исследователю и рядовому читателю проводить дискурсивный и лингвостилистический анализ новостных сообщений и интерпретировать потенциально мистифицированные новости по шкале «ложь — правда». Механизм создания фейковой новости усложняется по мере повышения конфликтности социально-политического пространства и возникновения все большего количества сфер, инициирующих ложные сообщения.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ ПОЯВЛЕНИЕ ФЕЙКА И КАК ЕГО РАСПОЗНАТЬ?

Распространение фейковых новостей зависит от трех факторов.

1. Как уже было указано выше, фейковые новости строятся по модели «жесткой» новости, т. е. в основе ложного сообщения очень часто находится информация, которая может быть интересной и (или) полезной целевой аудитории. Люди склонны верить такого рода информации, потому что она может спасти от опасности. С наибольшей силой этот фактор распространения фейковой новости проявился в разгар эпидемии коронавируса, когда в социальных сетях стали появляться фальшивые сообщения о большом количестве зараженных опасной болезнью. Интернет и социальные сети — это своеобразный катализатор распространения фейковой информации, так как, по справедливому замечанию Ш. Аиртони и Дж. Позетти, анализируемая проблема «дезинформации и некорректной информации, подрывающая доверие к журналистике и достоверной информации, резко обострилась в эпоху социальных сетей» [Аиртони, Позетти 2019: 144].

2. Фейковые новости предоставляют возможность их авторам выделиться из толпы. Если журналист или ньюсмейкер не располагает другими механизмами привлечения внимания к себе и своим текстам, то единственным выходом остается создать материал, претендующий на уникальность и позволяющий его автору набрать большое количество «лайков». В отношении целевой аудитории, на которую рассчитаны материалы такого рода, срабатывает следующий фактор, способствующий распространению фейковых новостей.

3. Фейковые новости не оставляют никого равнодушными, они способны провоцировать сильные эмоции. Люди склонны делиться не эмоционально нейтральной информацией, а той, что вызывает страх, удивление, переживание. В данном случае срабатывает эволюционный механизм, характерный для дискурса «новой чувствительности», когда эмоции властвуют над разумом.

Вооружившись знаниями о том, как создаются фейковые новости и от чего зависит их распространение, рядовой гражданин или специалист в определенной области должен уметь отличить фейковые новости от истинных сообщений. Существует два подхода к распознаванию фейков:

1) фактчекинг — это проверка фактов, с помощью которой выявляются несоответствия между публикуемыми фактами и теми, что существуют в реальности;

2) работа так называемых *muckrakers* — репортеров, которые специализируются на разоблачениях. Работа журналиста в этом жанре напоминает деятельность частного детектива, поскольку в ее фундаменте — поиск фактуры, которую заинтересованные лица или организации укрыли от общества. Из наиболее известных репортеров в этой области следует назвать Артема Боровика и Анну Политковскую.

Если второй подход к распознаванию фейков — это удел специалистов, то механизмами фактчекинга может овладеть даже обыватель, используя специальные ресурсы:

1) *Snopes* — веб-сайт, специализирующийся на критическом изучении городских легенд, слухов, сомнительных историй и другой спорной информации;

2) *FactCheck.org* — некоммерческий веб-сайт, который описывает себя как «защитника интересов потребителей для избирателей, который стремится снизить уровень обмана и путаницы в политике США»;

3) *PolitiFact* — сайт политического фактчекинга. На сайте подробно рассказывается о процессе верификации и применении своеобразного барометра правды (*Truth-O-Meter*);

4) *FullFact* — благотворительная организация, базирующаяся в Лондоне, для проверки и исправления фактов, сообщаемых в новостях;

5) *Correctiv* — немецкий некоммерческий отдел журналистских расследований, цель которого — «предоставить гражданам доступ к информации». *CORRECTIV* — это единственный беспристрастный некоммерческий следственный центр в Германии, в котором работают около 20 человек.

ВЫВОДЫ

Таким образом, фейковые новости — это глобальная социальная, политическая и

лингвистическая проблема, решение которой зависит не только от законодательных мер того или иного государства, но и от активной гражданской позиции каждого из нас. Важно быть беспристрастным и объективным читателем, который непредвзято и с точки зрения наличия/отсутствия в тексте маркеров фейковой новости оценивает публикуемые материалы. Фактчекинг может стать надежным инструментом по защите целевой аудитории от воздействия ложной и сфальсифицированной информации и предотвратить распространение лжи в мире, который стал таким уязвимым в эпоху постправды.

ИСТОЧНИКИ

1. Dorfman, Z. Exclusive: Russia carried out a 'stunning' breach of FBI communications system, escalating the spy game on U.S. soil / Z. Dorfman, J. Laughlin, S. D. Naylor. — URL: <https://news.yahoo.com/exclusive-russia-carried-out-a-stunning-breach-of-fbi-communications-system-escalating-the-spy-game-on-us-soil-090024212.html> (date of access: 15.03.2020). — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

2. Аиртони, Ш. Журналистика, «фейковые новости» и дезинформация / Ш. Аиртони, Дж. Позетти ; UNESCO ; ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)». — Челябинск, 2019. — Текст : непосредственный.

3. Жуков, А. С. О соотношении понятий «лид» и «хэдлиин» в новостных материалах традиционных и интернет-СМИ / А. С. Жуков. — Текст : непосредственный // Молодой учёный. — 2013. — № 4. — С. 669–671.

4. Ильченко, С. Н. Фейковая журналистика. Спецкурс : учеб. пособие / С. Н. Ильченко. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. — Текст : непосредственный.

5. Карасик, В. И. Фактоиды как лингвокультурное явление / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 3 (63). — С. 21–30.

6. Пономарев, Н. Ф. Фейковые новости в информационной войне / Н. Ф. Пономарев. — Текст : непосредственный // Филология в XXI веке. — 2019. — № 2 (4). — С. 54–64.

7. Распопова, Е. С. Фейковые новости: информационная мифификация : учеб. пособие / Е. С. Распопова, Е. Н. Богдан. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — Текст : непосредственный.

8. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Тертычный. — Москва : Аспект Пресс, 2014. — Текст : непосредственный.

N. N. Koshkarova

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

E. S. Boiko

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: —

✉ *E-mail*: nkoshka@rambler.ru; capri_lin@mail.ru.

Fake, I Know You: Linguistic Tools to Distinguish Mendacious Information

ABSTRACT. *The paper analyses fake news which function in the framework of different types of discourse: advertising, political, scientific, etc. On the basis of some definitions of fake news, the authors single out the specific features of a hoax message: media-space as the sphere of the fake news' existence and the juxtaposition of the true and false information. It is pointed out that one of the peculiarities of fake news is that it imitates genuine news and is built on the same principles as "hard" news. The main thing here is the ability to distinguish between false and true news based on certain linguistic mechanisms: insertion into the text of events which didn't exist or evaluation of which is determined by the axiological priorities of the political communication actors; anonymous attribution, i.e. the absence of concrete names of the people who have provided information; biased citation of a third party's opinion without indicating the name and the title of the quotation author; labeling, when a political leader or their activity is characterized via evaluative nominations; extrapolation of*

conclusions on a topic on a broader geopolitical situation; using speculations and suppositions to estimate the current situation; discussing current event on the broad historical background; suppositions and the desire to present the situation to the opponents' advantage; whipping up tension and forecasting the possible development of events according to a destructive scenario. The article describes the factors influencing fake news dissemination and gives advice how to spot fake news in mass media.

KEYWORDS: *fake news; media space; media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; linguistic mechanisms; dismantling; fact-checking; false information.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Koshkarova Natal'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Relations, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Boiko Elena Sergeevna, Senior Lecturer of Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Relations, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Koshkarova, N. N. Fake, I Know You: Linguistic Tools to Distinguish Mendacious Information / N. N. Koshkarova, E. S. Boiko // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 77-82. — DOI 10.26170/pl20-02-08.*

MATERIALS

1. Dorfman, Z. Exclusive: Russia carried out a 'stunning' breach of FBI communications system, escalating the spy game on U.S. soil / Z. Dorfman, J. Laughlin, S. D. Naylor. — URL: <https://news.yahoo.com/exclusive-russia-carried-out-a-stunning-breach-of-fbi-communications-system-escalating-the-spy-game-on-us-soil-090024212.html> (date of access: 15.03.2020). — Text : electronic.

REFERENCES

2. Airtoni, Sh. Journalism, “Fake News” and Misinformation / S. Airtoni, J. Posetti ; UNESCO FSAEI of HE “SUSU (NRU)”. — Chelyabinsk, 2019. — Text : unmediated. [Zhurnalistika, «feykovye novosti» i dezinformatsiya / Sh. Airtoni, Dzh. Pozetti ; UNESCO ; FGAOU VO «YuUrGU (NIU)». — Chelyabinsk, 2019. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Zhukov, A. S. On the Correlation of the Concepts of “Lead” and “Headline” in Traditional and Online Media News Materials / A. S. Zhukov. — Text : unmediated // Young Scientist. — 2013. — No. 4. — P. 669—671. [O sootnoshenii ponyatiy «lid» i «khdlayn» v novostnykh materialakh traditsionnykh i internet-SMI / A. S. Zhukov. — Tekst : neposredstvennyy // Molodoy uchenyy. — 2013. — № 4. — S. 669—671]. — (In Rus.)

4. Il'chenko, S. N. Fake Journalism. Special Course : teaching aid / S. N. Ilchenko. — Moscow ; Berlin : Direct Media, 2019. — Text : unmediated. [Feykovaya zhurnalistika. Spetskurs : ucheb.

posobie / S. N. Ilchenko. — Moskva ; Berlin : Direkt-Media, 2019. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Karasik, V. I. Factoids as a Linguocultural Phenomenon / V. I. Karasik. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2017. — No. 3 (63). — P. 21—30. [Faktoidy kak lingvokulturnoe yavlenie / V. I. Karasik. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2017. — № 3 (63). — S. 21—30]. — (In Rus.)

6. Ponomarev, N. F. Fake News in the Information War / N. F. Ponomarev. — Text : unmediated // Philology in the XXI Century. — 2019. — No. 2 (4). — P. 54—64. [Feykovye novosti v informatsionnoy voyne / N. F. Ponomarev. — Tekst : neposredstvennyy // Filologiya v XXI veke. — 2019. — № 2 (4). — S. 54—64]. — (In Rus.)

7. Raspopova, E. S. Fake News: Information Hoax : teaching aid / E. S. Raspopova, E. N. Bogdan. — Moscow : Aspect Press, 2018. — Text : unmediated. [Feykovye novosti: informatsionnaya mistifikatsiya : ucheb. posobie / E. S. Raspopova, E. N. Bogdan. — Moskva : Aspekt Press, 2018. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Tertychnyy, A. A. Genres of the Periodical Press : teaching aid for university students / A. A. Tertychnyy. — Moscow : Aspect Press, 2014. — Text : unmediated. [Zhanry periodicheskoy pechati : ucheb. posobie dlya studentov vuzov / A. A. Tertychnyy. — Moskva : Aspekt Press, 2014. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

О. И. МихневичУральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8658-5462 **E-mail:** mikhnevich-olga@rambler.ru.**Диахронический анализ метафорического образа президента Грузии Э. Шеварднадзе**

АННОТАЦИЯ. Исследование выполнено в рамках диахронической лингвополитической метафорологии и лингвополитической персоналогии. Лингвополитическая персоналогия предполагает изучение вербального облика политиков, первых лиц государства, исторических персоналий. Диахронический анализ позволяет выявить особенности динамики метафорического образа политического субъекта. При диахроническом анализе метафорического образа одного из президентов Грузии Э. Шеварднадзе были одновременно применены принципы равномерной и фокусной фрагментации. В рамках фокусной фрагментации было проанализировано два синхронных среза: первый — период правления Э. Шеварднадзе; второй — период после правления Э. Шеварднадзе. В статье рассмотрены выявленные в ходе анализа доминантные метафорические модели: «ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ВОИН», «ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК», а также некоторые средне- и низкочастотные метафорические модели, составляющие метафорический образ бывшего президента Грузии. Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о том, что метафорический образ Э. Шеварднадзе эволюционирует на протяжении рассмотренных временных отрезков: 1) изменяется количество доминантных метафорических моделей; 2) наблюдается изменение смысловых акцентов; 3) разные метафорические модели могут передавать одинаковые смыслы. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов в области имиджологии, политологии, истории, психологии, лингвистики и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоперсоналогия; диахроническая метафорология; метафорические модели; метафорическое моделирование; политическая метафорология; метафорические образы; политические метафоры; политические деятели; грузинские президенты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Михневич Ольга Игоревна, аспирант, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: mikhnevich-olga@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михневич, О. И. Диахронический анализ метафорического образа президента Грузии Э. Шеварднадзе / О. И. Михневич // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 83-94. — DOI 10.26170/pl20-02-09.

Диахроническая метафорология — одно из интенсивно развивающихся направлений науки, которое находится на пересечении сравнительно-исторического языкознания, политологии, метафорологии, когнитивной лингвистики и предполагает сопоставление данных разных временных отрезков. Названное направление ориентировано «на рассмотрение взаимодействия тенденции к стабильности и динамике, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами, к чередованию периодов интенсивного развития („метафорические бури“) и периодов относительной стабильности („метафорические штили“») [Сиротинина, Чудинов, Нахимова 2016: 205].

В рамках данного направления интерес исследователей обращен к эволюции метафорических моделей, репрезентирующих образ страны и образы политических субъектов в разные эпохи, отдельной метафорической модели и специфике ее функционирования в различные периоды. Важно учитывать, что изменение политической ситуа-

ции может привести к изменениям в культуре, обществе, способах выражения мнения, «смене господствующих метафорических моделей, задействованных в осмыслении политической действительности» [Кондратьева, Ковалева 2016: 34].

При изучении динамики политической метафорологии используют метод фрагментации дискурса, который предполагает разделение анализируемого временного периода на определенные отрезки. Фрагментация дискурса бывает фокусной и равномерной. «При фокусной фрагментации детальнее анализируются взаимосвязи метафорологии и конкретных политических событий. Вместе с тем равномерная фрагментация дает представление о наиболее общих закономерностях функционирования политических метафор» [Современная политическая лингвистика 2011: 37]. Так, при фокусной фрагментации анализируется определенное политическое событие, например, ситуация выборов, политический переворот, революция, период правления определенного лидера

и т. п. Равномерная фрагментация предполагает деление выбранного временного периода на равномерные временные отрезки: месяц, год, сезон.

Специалисты в области диахронической метафорологии при исследовании метафорической динамики предлагают выделять следующие этапы: 1) периодизация материала; 2) определение степени метафоричности дискурса; 3) выявление исходных понятийных сфер (источников метафорической экспансии), характерных для каждого периода политической коммуникации, и установление по данному критерию набора метафорических моделей; 4) анализ структуры метафорических моделей; 5) анализ языковых репрезентантов метафорической модели, лингвокультурологическая и лингвокогнитивная интерпретация полученных результатов [Будаев, Кондратьева, Нахимова, Чудинов 2016].

Исследуя модели будущего в политическом дискурсе, О. А. Солопова полагает, что методика диахронического сопоставительного лингвополитического исследования может быть представлена как следующий ряд этапов: 1) отбор текстов политической направленности; 2) распределение текстового материала по временным отрезкам; 3) обнаружение в политических текстах образных и иных лингвистических средств, нацеленных на создание образа политического субъекта, их систематизация, статистическая обработка; 4) разработка метамоделей; 5) составление прогнозных сценариев будущего для каждого из хронологических срезов; 6) анализ истории объекта в представлении СМИ; 7) лингвополитический анализ; 8) сопоставление ретроспективных и синхронных моделей образа будущего; 9) сопоставление диахронных моделей [Солопова 2016].

Исследование, представленное в данной работе, выполнено в рамках диахронической лингвополитической метафорологии и политической лингвоперсонологии, которая занимается вопросами вербального облика политического субъекта. «Лингвополитическая персонология — направление в современной российской науке, которое ориентировано на исследование проявлений профессиональной языковой личности в политической сфере» [Руженцева 2018: 82].

Наша методика анализа динамики метафорического образа предполагает следующий алгоритм: 1) определение анализируемого временного отрезка; 2) выбор типа фрагментации политического дискурса; 3) выявление периодов «метафорических всплесков», «метафорического затишья» и характеристика этапов политической дея-

тельности исследуемого политика; 4) выявление метафорических моделей, формирующих метафорический образ политика в каждом рассматриваемом периоде: доминирующих, средне- / низкочастотных моделей; 5) описание фреймо-слотовой структуры метафорических моделей; 6) установление причин доминирования выявленных моделей.

Таким образом, в предлагаемом исследовании представлено описание динамики метафорического образа одного из президентов Грузии Э. Шеварднадзе за период 1993—2019 г. На первоначальном этапе исследования был рассмотрен метафорический образ Э. Шеварднадзе в период его правления — первый синхронный срез. Как известно, Э. Шеварднадзе фактически возглавлял Грузию одиннадцать лет до 23 ноября 2003 г. В ноябре 2003 г. в Грузии произошёл политический переворот, первая «цветная» революция на постсоветском пространстве, «революция роз» — серия мирных протестов, которые привели к отставке грузинского президента Эдуарда Шеварднадзе. Анализируя психологический портрет Э. А. Шеварднадзе в СМИ, Д. Б. Курманова полагает, что Шеварднадзе «своевременно и практически безболезненно ушел с поста, что не смог продемонстрировать З. Гамсахурдия, ни в принципе большинство мировых лидеров, оказавшихся в аналогичной ситуации» [Курманова 2018: 593].

Чтобы выявить особенности динамики метафорического образа Э. Шеварднадзе в британских СМИ, были установлены временные рамки второго синхронного среза, которые охватывают период после отставки президента с ноября 2003 до 2019 г. Здесь стоит отметить, что после отставки Э. Шеварднадзе остается в Грузии, но уходит из политической публичной сферы. По мнению Б. Чедия, после ухода Э. Шеварднадзе из политики было вырвано целое поколение, что повлияло на «резкую модернизацию института политического лидерства в Грузии» [Чедия 2014: 161].

В рамках данного исследования были применены два типа фрагментации. Для того, чтобы выявить элементы, составляющие метафорический образ политического субъекта, была применена фокусная фрагментация: период правления президента и период после его отставки. Очевидно, что восприятие политического лидера изменяется в разные периоды его политического пути. Таким образом, благодаря фокусному анализу текстов СМИ можно проследить динамику метафорического образа президента Грузии.

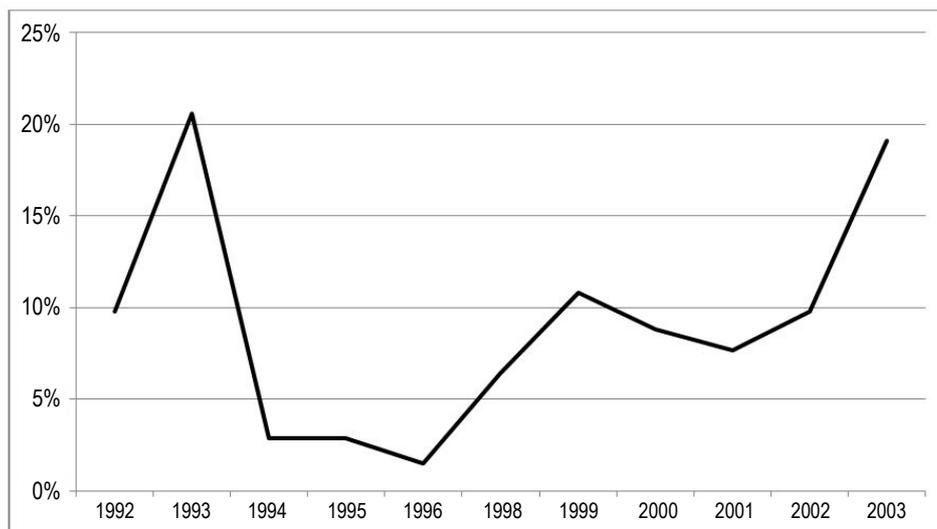

Рис. 1. Период правления Э. Шеварднадзе

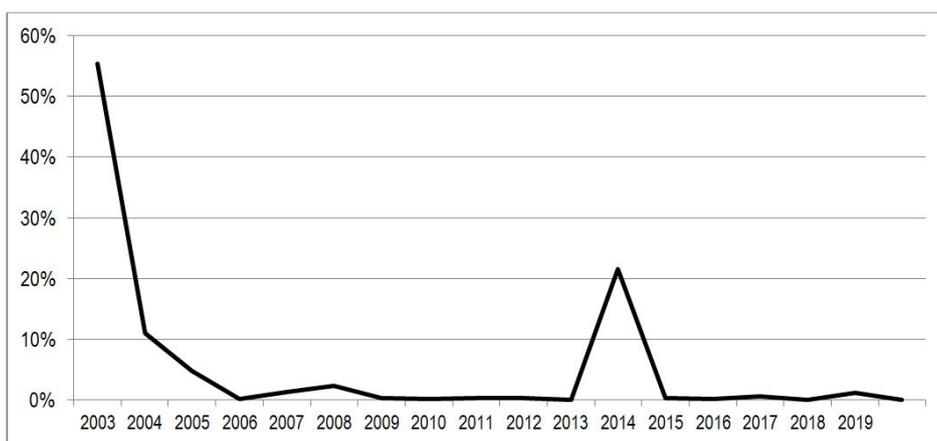

Рис. 2. Период после отставки Э. Шеварднадзе

Так, кроме фокусной фрагментации, была применена равномерная фрагментация с шагом 1 год, которая позволяет показать взаимосвязь политических событий и метафорических «всплесков» / «затиший».

Как показывают диаграммы (см. рис. 1, 2), пик метафорических словоупотреблений приходится на 2003 год, когда произошли исторически значимые для Грузии события: парламентские выборы, смена политического режима, «революция роз», отставка Э. Шеварднадзе. На второй диаграмме видно, что после 2003 г. количество метафорических словоупотреблений снижается; можно предположить, что это связано с прекращением активного участия рассматриваемого деятеля в политической жизни — внимание прессы к нему ослабевает, и только в 2014 г. наблюдается рост метафорических единиц: как известно, Э. Шеварднадзе умер 7 июля 2014 г. в Тбилиси. Многие журналисты, анализируя и оценивая политическую деятельность Э. Шеварднадзе через определенный период времени, не остались равнодуш-

ны к этому событию. Таким образом, надо констатировать, что максимальный интерес СМИ вызывает «политическая смерть» и биологическая смерть политического лидера.

В результате анализа первого синхронного среза было выявлено 15 метафорических моделей, относящихся к следующим понятийным сферам: «Война» (41 %), «Игра» (14 %), «Путешествие» (10 %), «Мир животных» (7 %), «Театр» (6 %), «Природа» (5 %), «Медицина» (3 %), «Живой организм» (3 %), «Архитектура» (2,5 %), «Торговля» (2 %), «Родство» (2 %), «Артефакты» (1,5 %), «Религия» (1,5 %), «Криминал» (1 %), «Механизм» (0,5 %).

Второй синхронный срез демонстрирует наличие 13 метафорических моделей со сферами-источниками: «Война» (26 %), «Путешествие» (23 %), «Театр» (16 %), «Артефакты» (9 %), «Игра» (8 %), «Мир животных» (7 %), «Родство» (4 %), «Религия» (3 %), «Механизм» (1 %), «Архитектура» (1 %), «Медицина» (1 %), «Торговля» (0,5 %), «Природа» (0,5 %).

Следует отметить, что мы не приводим примеры всех метафорических моделей, фреймов и слотов: во-первых, это не представляется возможным из-за ограниченного объема статьи, во-вторых, связано с намерением не дублировать ранее подробно рассмотренные другими исследователями примеры подобных метафорических моделей. Поэтому в данной статье в основном приводятся примеры, отражающие изменения метафорического образа Э. Шеварднадзе.

Проведенное исследование продемонстрировало, что милитарная метафора остается доминантной, но в процентном соотношении ее употребление снижается практически в два раза во втором синхронном срезе. Анализируемые медиатексты, относящиеся к рассматриваемым периодам, демонстрируют актуальность милитарной метафоры, формирующей образ политика. Военная тематика остается востребованной при осмыслении политических событий, участником которых был Э. Шеварднадзе.

ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ВОИН

Структура метафорической модели «ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ВОИН» сохраняет элементы, выявленные при анализе первого синхронного среза (период правления Э. Шеварднадзе): «Разновидности войн президента», «Президент — участник боевых действий», «Военные действия президента», «Итоги военных действий», «Военные сооружения и оружие».

Фрейм «Types of the President's war» — «Разновидности войн президента»

Как известно, наибольшую популярность в мире Э. Шеварднадзе приобрел в то время, когда занимал должность главы МИД СССР. Согласно британским СМИ, Шеварднадзе сыграл ключевую роль в проведении политики гласности, разрядки международной напряженности, в окончании «холодной войны».

The resignation of President Eduard Shevardnadze of Georgia marks the fall of last of the titans who ended the Cold War (S. Sebag-Montfiore. The Telegraph, 25.11.03). — *Отставка президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе значит падение последнего из титанов, положившего конец холодной войне.*

Исходя из результатов, полученных в ходе анализа, следует признать, что образ Э. Шеварднадзе в британской прессе ассоциируется с окончанием «холодной войны» — довольно значимым событием в мировой политике.

Фрейм «The President is a participant of war» — «Президент — участник боевых действий»

Данный фрейм составляют слоты «Президент — это военный», «Враги президента», «Союзники президента».

Слот «The President is a military man» — «Президент — это военный»

Даже после отставки Шеварднадзе по-прежнему остается *glasnost hero* (героём гласности), *key agent* (ключевым агентом), *veteran communist* (ветераном-коммунистом). Однако война, как известно, дело молодых, возможно, поэтому в текстах второго рассматриваемого временного периода довольно широкое распространение получает метафорическая номинация *veteran* (*ветеран*), подчеркивающая, с одной стороны, опыт политика, с другой — его возраст, невозможность продолжать политическую борьбу, отражать атаки оппонентов, принимать вызов.

Sunday's early election follows November's popular revolution against ex-Soviet veteran Eduard Shevardnadze (BBC, 4.01.04). — *После всенародной ноябрьской революции против бывшего советского ветерана Эдуарда Шеварднадзе состоялись досрочные выборы в воскресенье.*

Фрейм «Military installations and weapon» — «Военные сооружения и оружие»

Для успешного ведения войны, для защиты, атаки, борьбы военные пользуются различными видами оружия, используют оборонительные сооружения, средства защиты и нападения. В политике самые разнообразные вещи могут быть названы политическим оружием или оружием политика: речь, обаяние, различные действия, решения, поступки, политические шаги и т. п. В рассматриваемых медиатекстах некоторые решения Э. Шеварднадзе обозначены как *bombshell* (*бомба*). Например, решение Шеварднадзе уйти из МИДа было неожиданным политическим вызовом, что отразилось в СМИ посредством метафор данного слота.

Слот 1. «Types of weapon» — «Виды оружия»

In December 1990 Shevardnadze dropped a bombshell by resigning as Foreign Minister because, as he put it, the state was threatened by a new dictatorship (H. Shukman. The Independent, 7.07.14). — *В декабре 1990 г. Шеварднадзе бросил бомбу, сложив с себя полномочия министра иностранных дел: по его мнению, государству угрожает новая диктатура.*

Слот 2. «Military installations» — «Военные сооружения»

В конце своей политической карьеры Шеварднадзе все чаще был вынужден за-

щищаться, обороняться для того, чтобы удерживать свои позиции.

The sweeping tide of people's power was lapping at the very edges of Mr Shevardnadze's citadel (J. Strauss. The Telegraph, 24.11.03). — *Стремительные волны народной власти хлестали по всем сторонам цитадели Шеварднадзе.*

Итак, «ПОЛИТИКА — ЭТО ВОЙНА», «ПОЛИТИК — ЭТО ВОИН». Анализ показывает, что милитарные метафоры продолжают активно служить средством формирования метафорического образа Э. Шеварднадзе и после его отставки. Однако во второй рассматриваемый период количество милитарных метафор снижается, возникают новые смысловые и оценочные оттенки, появляется больше метафор, несущих негативные смыслы.

ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК

В медиатекстах второго рассматриваемого временного отрезка в метафорическом образе президента Грузии появляется еще одна доминантная метафора. Метафора *пути* становится доминантной, ее частотность увеличивается более чем в два раза по сравнению с предыдущим срезом фокусной фрагментации.

Изучению особенностей метафоры *пути, движения* посвящены, в частности, работы М. Н. Конновой (2012), А. Н. Ливановой (2007), И. И. Мавринского (2015). При этом следует отметить, что «*путь* как культурный образ универсального характера занимает важное место в концептуальной картине многих народов» [Цонева 2011: 163].

Так, исследованию метафоры *пути* на материале болгарских СМИ посвящена работа Л. М. Цоневой [Цонева 2011]. Автор отмечает, что метафоры *пути* играют важную роль в концептуализации болгарской действительности, обозначая элементы, способы, темпы развития болгарского общества в конце XXI в.

Метафорическая модель «РАЗВИТИЕ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ» подробно рассмотрена в статье А. А. Карамовой, где автор, анализируя «сферу-источник и сферу-цель», обосновывает эффективность когнитивного подхода при описании политической метафоры [Карамова 2013].

Метафорическая модель «ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК» включает в себя группу слов, объединенных темой *пути, движения*: *go/went/gone* (*идти*), *run* (*бежать*), *move* (*двигаться*), *flee* (*бежать, убежать*), *escaping* (*убегать, сбегать*), *leave* (*покидать, оставлять*), *lead closer /*

came closer (*приближаться*), *returned* (*возвращаться*), *climb* (*забираться, подниматься*), *rising through the rank* (*подняться по карьерной лестнице*).

Многие исследователи, биографы Э. Шеварднадзе отмечают его стремительную политическую карьеру. «Э. Шеварднадзе сделал феноменальную политическую карьеру в бытность СССР. Значительными этапами его формирования как высокопоставленного коммунистического функционера были работы на постах первого секретаря ЦК комсомола Грузии и первого ЦК Компартии Грузии. Но он был также выходцем из школы КГБ, причастность к которой сыграла не последнюю роль в развитии Шеварднадзе как политика, обладающего не только качествами лидера, но и поразительным политическим расчетом, умением находить выход из тяжелых ситуаций в контексте политической целесообразности, гибкостью, способностью успешно встраиваться в новые политические реалии» [Курманова 2018: 593].

A lot indeed, for once a village boy climbed quickly through the communist party ranks and to its very top (BBC, 15.12.03). — *Действительно, на сей раз деревенский парень быстро поднялся по служебной лестнице коммунистической партии на самый верх.*

Следует отметить, что большинство метафор *пути* аксиологически нейтрально, в основном это стертые метафоры, которые лишь отчасти сохраняют образность, однако они являются значимым элементом метафорического образа Э. Шеварднадзе.

Рассматриваемая метафорическая модель состоит из следующих фреймов: «Направления движения», «Начало и конец пути политика», «Лидеры и последователи», «Препятствия на пути».

Фрейм «Direction» — «Направления движения»

Многие политические события представлены в СМИ посредством метафоры *пути, движения*. О. А. Солопова справедливо полагает, что метафоры *пути, движения* задают вектор происходящим изменениям, «закладывают фундамент понимания направления и связанной с ним целесообразности общественного движения» [Солопова 2016: 245]. Принимая различные политические решения, президент движется вперед к поставленным целям, но, как известно, политические события могут принимать совершенно неожиданный поворот, цели могут изменяться, следовательно, меняется и направление движения.

Слот 1. «The way forward» — «Движение вперед»

Движение вперед предполагает изменение, развитие, приближение к поставленным

политическим целям или поиск новых. После того как Шеварднадзе покинул пост министра иностранных дел, его политическая деятельность не завершилась, а трансформировалась, перешла на другой уровень.

But unlike Mr Gorbachev, the Georgian went further (The economist, 12.07.14). — Но в отличие от Горбачева, грузин пошел дальше.

Слот 2. «Move toward» — «Движение в сторону»

Очевидно, что политик должен обладать гибкостью, способностью успешно встраиваться в новые политические реалии, так как политические обстоятельства меняются. «То, что хорошо подходит к определенной среде, не будет также удачно вписываться в новое окружение. Цена, которую приходится платить за повышение адаптации к существующей ситуации, — утрата гибкости перед лицом меняющихся обстоятельств» [О'Коннор 2006. Цит. по: Комарова 2017: 161].

Метафоры данного слота отражают способность Шеварднадзе лавировать, проявлять гибкость, выходить из сложных обстоятельств с минимальными потерями:

– *safely out of the way* (безопасно ушел с дороги), *step aside*, *move away from* (отойти в сторону);

– *Mr Shevardnadze was right to step aside* (С. Arnold. BBC, 24.11.03). — Шеварднадзе правильно поступил, что **отошел в сторону**;

– *And in 1990, when Shevardnadze realised that Gorbachev was too conservative to make the intellectual leap away from communism, he jumped ship, gave up his beloved foreign ministry and eventually left the party* (Н. Pick. The Guardian, 7.07.14). — В 1990 г., когда Шеварднадзе осознал, что Горбачев был слишком консервативен, чтобы совершить разумный прыжок от коммунизма, он соскочил с корабля, бросил любимое министерство иностранных дел и ушел из партии.

Слот 3. «Move back» — «Движение назад»

Не всегда политическая ситуация предполагает движение вперед, политику, как отмечалось выше, необходимо проявлять гибкость, порой, в зависимости от политической ситуации, субъект политической деятельности вынужден поменять свои цели, намерения. При этом следует отметить, что далеко не всегда метафоры данного слота несут негативную оценку. Иногда политические реалии требуют движения назад, чтобы избежать тяжелых, трагических ситуаций.

Mr Shevardnadze finally stepped down after protesters reached the gates of his resi-

dence and Mr Saakashvili offered him an amnesty (J. Strauss. The Telegraph, 06.05.04). — Шеварднадзе наконец **отступил** после того, как протестующие достигли ворот его резиденции и Саакашвили предложил ему амнистию.

Фрейм «The beginning and the end of way» — «Начало и конец пути политика»

Как политик, Э. Шеварднадзе интересен тем, что долгое время занимал лидерские позиции в разные политические, идеологические, исторические периоды.

Слот 1. «The beginning of way» — «Начало пути»

Начало пути может предполагать некую цель (*came to help* — пришел на помощь), достижение цели (*came to the power* — пришел к власти):

Mr Shevardnadze came to help his country and he did his best and did what he knew (N. Akhmeleteli. BBC, 8.07.14). — Шеварднадзе **пришел помочь** своей стране, он сделал все возможное.

Слот 2. «The end of way» — «Конец пути»

Завершение политической карьеры, политические перемены, смена этапа политической деятельности могут быть метафорически представлены как *конец пути*. Следует отметить, что *конец пути* для политика может обозначать начало нового периода его политической деятельности. Некоторые британские журналисты оценивают уход Шеварднадзе с поста президента как *soft landing* (мягкую посадку), *brave step* (смелый шаг), *the wisest move* (мудрый уход):

Soft landing (BBC, 7.04.05). — Мягкая посадка.

Очевидно, что на разных этапах политического пути могут возникать критические ситуации, когда политик вынужден сделать выбор: продолжить свой путь, выбрать другой путь или завершить движение, таким образом, *конец пути* — это еще и выбор.

At least Mr Shevardnadze did not choose the path of dictatorship that most central Asian leaders took (The Guardian. 27.11.03). — По крайней мере, Шеварднадзе не выбрал путь диктатуры, который предпочли большинство лидеров Центральной Азии.

Фрейм «Leaders or followers» — «Лидеры и последователи»

Анализ показывает, что в большинстве британских медиатекстов президент Грузии метафорически представлен лидером, способным управлять, выбирать правильный путь.

Слот 1. «The President is driver» — «Президент — это водитель»

Политика метафорически может быть

представлена как некий корабль, повозка, транспортное средство, в таком случае президент — это человек, который управляет, *стоит у руля (stood at the helm), начал управлять (began to steer), берет бразды правления (take up the reins of power)*. Соответственно президент заставляет двигаться транспортное средство в определенном направлении, поворачивает, меняет курс, снижает скорость:

...when Mr Shevardnadze returned from Moscow to take up the reins of power in the republic he had led in the 1970s and '80s (BBC, 3.02.05). — ...когда Шеварднадзе вернулся из Москвы, чтобы взять бразды правления в республике, которую он возглавлял в 1970-х и 80-х годах.

Иногда случаются ситуации, когда президент остается без «транспортного средства».

The ship Captain Shevardnadze wanted to commandeer is going under (BBC, 24.11.03). — Корабль, который хотел заполучить капитан Шеварднадзе, пошел ко дну.

Слот 2. «The President is passenger» — «Президент — это пассажир»

В политике могут быть выбраны уже испробованные методы, протоптанные тропы, а лидер может повторять чей-то путь.

He was following in the footsteps of three regional governors, two city mayor and a deputy state minister who have already stepped down (L. Linton. The Independent, 25.11.03). — Он пошел по стопам трех губернаторов областей, двух мэров и заместителя министра, которые ушли в отставку.

Фрейм «Obstacles in the way» — «Препятствия на пути»

На протяжении своего политического пути президент сталкивается с различными препятствиями, не все из которых он способен преодолеть. Для Э. Шеварднадзе, например, массовые протесты, «революция роз» стали непреодолимыми препятствиями, которые привели к падению, окончанию политического пути.

Слот 1. «Obstacles» — «Препятствия»

...the massive street protest in November 2003 that led to the fall of President Eduard Shevardnadze... (D. Gardham. The Telegraph, 14.02.08). — ...массовые протесты на улицах в ноябре 2003 года привели к падению президента Эдуарда Шеварднадзе...

Слот 2. «Unobstructed path» — «Устранение препятствий»

Данный слот включает следующие словосочетания: *clean the way (расчистить путь), paved the way (проложить путь)*.

Как уже отмечалось выше, путь политика предполагает различные препятствия, трудности, которые он преодолевает, обходит,

прокладывая путь к поставленным целям, или пользуясь тем, что нечто способствует устранению возникающих препятствий. Иногда сам субъект политической деятельности может представлять препятствие для своих оппонентов.

...in Beijing he met Deng Xiaoping and paved the way for the first Sino-Soviet summit in 30 years... (The Telegraph, 07.07.14). — ...в Пекине он встретился с Дэн Сяопином и проложил путь к первому советско-китайскому саммиту за последние 30 лет.

Таким образом, метафорическая модель «ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК» становится востребованной в период, когда Э. Шеварднадзе завершил свою активную политическую деятельность. Посредством данной модели осмысляются результаты действий бывшего президента Грузии, дается оценка его поступкам, решениям. Рассматриваемая метафорическая модель имеет следующий сценарий: Э. Шеварднадзе — это путник, который стремительно вскарабкался, поднялся по карьерной лестнице, пришел к власти, двигался, приближался, достигал своих политических целей, совершал храбрые, мудрые и правильные шаги, выбирал, продолжал путь, приходил на помощь, расчищал и прокладывал путь, при этом он падал, уходил с дороги, убегал, сбегал, приземлялся, выпрыгивал с корабля. Шеварднадзе — это капитан, водитель, который управляет, стоит у руля, держит бразды правления. Президент Грузии завершает свой политический путь, причем следует отметить, что большинство британских СМИ положительно оценивают решение Шеварднадзе уйти, не продолжать политическую борьбу.

Следующие изменения, которые были выявлены в метафорическом образе Э. Шеварднадзе в британских СМИ, — это увеличение количества метафорических словоупотреблений, относящихся к сфере театра, родства, религии, механики, артефактов.

ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО АКТЕР

Данную метафорическую модель условно можно отнести к среднечастотным. Прежде всего надо констатировать, что метафоры, относящиеся к тематической группе «Театр», широко распространены в политическом дискурсе, что подтверждено многочисленными исследованиями [Чудинов 2012; Будаев 2009; Шехтман 2006; Керимов 2013; Фадеева 2018; Бабкина 2018 и др.].

Представление политических реалий посредством театральных метафор связано с тем, что политику и театр объединяет множе-

ство сходных характеристик: это две сферы человеческой деятельности, которые представляют определенные системы отношений, существуют по определенным законам, претерпевают различные этапы развития.

Появление Э. Шеварднадзе в мировой политике метафорически представлено как *debut* (дебют), *springing onto the international scene* (внезапное появление на международной сцене).

When Shevardnadze made his international debut in August 1985... (The Telegraph. 07.07.14). — *Когда Шеварднадзе в августе 1985 года дебютировал на международном уровне...*

На протяжении своей политической карьеры Шеварднадзе играл различные роли: *played his part* (играл свою роль), *played one of the most important role* (играл одну из самых важных ролей), *played a leading role, major role* (играл главную роль), *key role* (ключевую роль), *soviet role* (советскую роль), *played midwife* (сыграл акушерку).

He buried most of the Soviet empire in Europe, and played midwife to a united Germany (The Economist. 12.07.14). — *Он похоронил большую часть Советской империи в Европе и сыграл акушерку для объединения Германии.*

В целом политическая деятельность Шеварднадзе представлена в британских СМИ довольно успешной: *он был international star* (международной звездой), *rising star* (восходящей звездой), *relished his fame* (наслаждался своей славой).

Однако, особенно в текстах, посвященных событиям, которые происходили в конце президентского срока Э. Шеварднадзе, появляются метафоры, вызывающие у читателя негативные ассоциации и образы.

...this Machiavellian puppetmaster failed to reform the economy and education or reduce corruption (S. Sebag Montefior. The Telegraph, 25.11.03). — *...этот макиавеллевский кукловод не смог реформировать экономику и образование, сократить коррупцию.*

Завершение политической карьеры, вынужденная отставка президента Грузии отражены в следующих метафорических словосочетаниях: *final role* (финальная роль), *the final chapter* (финальная глава), *he will have no role to play* (у него не осталось ролей).

«Революция роз» была значимым, кризисным политическим явлением в истории развития страны: оппозиция потребовала ухода Э. Шеварднадзе с поста председателя правящей партии — «Союза граждан Грузии». Эти события представлены как *dramatic scenes* (драматические сцены), *culmination* (кульминация), которые заставили

Шеварднадзе *поклониться* (*bowed*) и уйти.

After a day of fast-moving negotiations, threat and ultimatums, a dejected Mr Shevardnadze bowed to what had become increasingly inevitable and told state television that he was quitting (C. Arnold. 24.11.03, The Independent). — *После дня стремительных переговоров, угроз и ультиматумов разочарованный Шеварднадзе поклонился тому, что неизбежно, и объявил по телевидению, что уходит.*

Таким образом, метафорическая модель «ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО АКТЕР» является актуальной при формировании метафорического образа Э. Шеварднадзе в британских СМИ, однако во втором рассматриваемом периоде наблюдаются незначительные смысловые изменения, появляются негативно-оценочные метафоры.

ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ОТЕЦ

Метафору родства условно можно отнести к низкочастотным моделям, однако следует отметить, что во втором временном периоде при осмыслении политического опыта Э. Шеварднадзе актуальность ее возрастает.

Важно учитывать, что семейные ценности, родовые связи чрезвычайно важны на Кавказе, возможно, это объясняет наличие метафор данного типа в метафорическом образе президента Грузии. Б. Чедия отмечает, что в Грузии «наблюдалась потребность в „добродетельном“ лидере, способном увлечь за собой народ и вывести страну из тупика. Как следствие, сформировалось представление о том, что политический лидер — это „отец нации“, наделенный бюрократическими полномочиями» [Чедия 2014: 156].

Look Mr President, you had a great chance to become the founding father of a new Georgian nation and you missed it (BBC, 11.08.08). — *Послушайте, господин Президент, у вас был отличный шанс стать отцом-основателем новой грузинской нации, но вы упустили его.*

Примечательно, что Шеварднадзе в своих заявлениях использовал метафоры *родства*, называя себя *отцом* своих граждан. Подобные метафоры несут идею о том, что родители не способны действовать во вред своим детям, с другой стороны, дети обязаны уважать своих родителей и подчиняться им.

“Instead of resigning, I could have ordered my Defence Minister and Interior Minister to use force and disperse the demonstration, but that would not have been true to myself. Love me or not, respect me or not, those people are all my children” — E. Shevardnadze (L. Linton.

The Independent, 25.11.03). — *Вместо того, чтобы уйти в отставку, я мог бы приказать министру обороны и министру внутренних дел применить силу и разогнать демонстрации, но я полагаю, это неправильно. Любите меня или нет, уважаете меня или нет, эти люди — мои дети.*

Метафоры родства актуализируются для отображения связи государства и его граждан.

History is back in Georgia, the past that belongs to this country's most famous sons — Stalin and Shevardnadze — is coming alive again (E. Stourton. BBC, 23.08.08). — *История возвращается в Грузию, прошлое, которое, принадлежит самым известным сыновьям этой страны — Сталину и Шеварднадзе, оживает снова.*

Показательно, что в текстах, отобранных для второго анализируемого временного периода, появляется метафорическая номинация *Babu* (дедушка по-грузински), которая подчеркивает возраст, опыт, необходимость оставить политическую деятельность и уйти на покой.

Just weeks ago, Babu was still in charge (BBC, 15.12.03). — *Всего несколько недель назад Бабу все еще руководил.*

Резюмируя, следует признать, что британские СМИ, используя метафоры родства, представляют Э. Шеварднадзе как отца нации, который должен заботиться о своих детях. Шеварднадзе — это прославленный сын своего отечества, а в конце президентского срока просто Бабу (дедушка), который очень долго выполнял свои президентские обязанности.

ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ПРОПОВЕДНИК

Метафоры, относящиеся к сфере религии, не являются доминантными или среднечастотными, однако наблюдается рост данного типа метафор во втором рассматриваемом временном отрезке. В диссертационном исследовании, выполненном на материале немецких СМИ, Т. В. Таратынова отмечает, что «точкой соприкосновения религиозного и политического дискурсов является мифологизация сознания реципиентов, вера в магию слов, роль лидера-Божества, использование приемов манипулятивного воздействия, ритуализация коммуникации» [Таратынова 2012: 18]. Однако в данном исследовании метафоры, относящиеся к сфере религии, в большей степени передают иронию, негативные смыслы, формируя определенные представления о лидере Грузии.

But for all his courage, skill and brains, he had always been better at preaching democ-

racy than practising it (The Economist, 14.12.07). — *Но несмотря на его храбрость, умения и ум, он всегда лучше проповедовал демократию, чем практиковал ее.*

Not that Shevardnadze was ever a saint when he was the chief architect of the Soviet Union's close relationship with the West in the 1980s (J. Simpson. The Telegraph, 30.11.03). — *Не то чтобы Шеварднадзе был святым, когда он был главным архитектором тесного сотрудничества в 1980-х годах Советского Союза и Запада.*

Когда Э. Шеварднадзе вернулся в Грузию, на него возлагали огромные надежды из-за его опыта и известности в мировой политике, но эти надежды не оправдались. Как отмечает В. Чедия, «грузинский народ поверил, что единственный, кто сможет помочь стране справиться с террором, политической нестабильностью и экономическим кризисом, а также восстановить ее территориальную целостность и погасить гражданское противостояние, это именно Э. Шеварднадзе» [Чедия 2014: 156].

Some in Georgia speak of his return as the "second coming" (BBC, 7.07.14). — *Некоторые в Грузии говорили о его возвращении как о „втором пришествии“.*

Итак, следует признать, что данного типа метафоры в британских медиатекстах, посвященных политической деятельности Э. Шеварднадзе, зачастую несут иронический подтекст, критические оценки, намекая на то, что грузинский лидер не всемогущ и многое ему не под силу, а ожидания грузинского народа не были оправданны.

ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО БРЕЖНЕВСКИЙ ДИНОЗАВР

Здесь стоит отметить, что оба временных среза демонстрируют одинаковый количественный показатель анималистических метафор, но во втором рассматриваемом временном периоде оценочный вектор метафор данного вида изменяется. Например, по-прежнему широко распространена метафора «ШЕВАРДНАДЗЕ — ЭТО ЛИСА», однако если метафорические словоупотребления, рассмотренные в период правления Э. Шеварднадзе, передавали смыслы, связанные с хитростью, изворотливостью, умом, гибкостью, то примеры метафор второго временного периода демонстрируют негативные ассоциации: слабость, неспособность выполнять свои функции, старость.

The ageing, white-haired fox, whose double-act charm offensive with Mikhail Gorbachev gained him a place in the history... (I. Traynor. The Guardian, 24.11.03). — *Стареющая се-*

дая лиса, которая благодаря своему шарму и сотрудничеству с Михаилом Горбачевым получила свое место в учебниках истории...

Так, во втором временном срезе увеличивается количество снижающих образов: *lute duck* (хромая утка), *Brezhnev's dinosaur* (брежневский динозавр), *Russia's poodle Shevardnadze* (российский пудель Шеварднадзе).

This time the challenge for the US and Europe, rather than praising the manners of Leonid Brezhnev's dinosaur (The Guardian. 27.11.03). — На этот раз это действительно сложная задача для США и Европы, а не просто восхваление манер брежневского динозавра.

ВЫВОДЫ

Итак, диахронический анализ предоставляет возможность посмотреть, как осмысляются и оцениваются те же события спустя некоторое время, в других политических реалиях. Другими словами, каким образом подвергаются метафоризации те же политические события, но уже через определенный временной период.

Рассмотренный материал показал, что метафорический образ Э. Шеварднадзе эволюционирует, изменяет свои составляющие.

Во-первых, количество метафорических моделей, составляющих метафорический образ Э. Шеварднадзе, сокращается: криминальная и антропоморфная метафора становятся невостребованными. Однако актуальность некоторых метафорических моделей возрастает, например, метафорических моделей, относящихся к сфере театра, родства, артефактов, религии, механизмов. Эти модели изменили не только свои количественные показатели, но и смысловые. Характерно, что анималистическая метафорическая модель остается без изменений по количественным показателям (7 %), но увеличивается количество метафорических словоупотреблений, передающих негативные ассоциации.

Во-вторых, анализ примеров выявляет, что разные метафорические модели могут демонстрировать одинаковые смыслы, например, метафоры игры передают смыслы хитрости, ловкости, гибкости, те же смыслы передают и зооморфные метафоры. Это позволяет сделать вывод о том, что смыслы, передаваемые метафорической моделью, зависят от объекта, который подвергается метафоризации.

В-третьих, низкочастотные метафорические модели, относящиеся к сфере медицины, архитектуры, природы, становятся еще менее востребованными во втором синхронном срезе.

Наконец, увеличивается количество доминантных метафорических моделей. Если в период правления Э. Шеварднадзе была зафиксирована только одна доминантная метафорическая модель «ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ВОИН» (41 %), то в период после его правления милитарные метафоры сокращаются практически в два раза (до 26 %) и появляется еще одна доминантная модель — «ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ — ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК» (23 %).

Следует отметить, что во втором анализируемом периоде появляется большее количество метафорических словоупотреблений, относящихся к разным метафорическим моделям: *veteran* (ветеран), *Baby* (дедушка по-грузински), *aging fox* (стареющая лиса), *gray fox* (седящая лиса), *Brezhnev's dinosaur* (брежневский динозавр) и т. д., — которые подчеркивают биологический возраст бывшего президента Грузии и, соответственно, его политическую несостоятельность, неспособность понять современные политические реалии.

В результате следует подчеркнуть, что активность и специфика метафорических моделей обусловлена темпоральными рамками, изменением статуса субъекта политической деятельности, активностью политического субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкина, В. А. Театральная метафора в политическом дискурсе СМИ / В. А. Бабкина. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 1 (79). — С. 274—277.
2. Будаев, Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Э. В. Будаев; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 305 с.
3. Будаев, Э. В. Методика диахронического анализа политической метафоры / Э. В. Будаев, О. Н. Кондратьева, Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6 (60). — С. 18—30.
4. Карамова, А. А. Метафора как способ структурирования языковой картины политического мира / А. А. Карамова. — Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. — 2013. — № 11 (60). — С. 124—129.
5. Керимов, Р. Д. Театральная метафора в немецком политическом дискурсе (когнитивный аспект) / Р. Д. Керимов. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — № 24. — С. 206—216.
6. Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) / О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 34—46.
7. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований / З. И. Комарова. — 5-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 820 с. — Текст : непосредственный.
8. Коннова, М. И. Смыслообразующие доминанты метафорического образа пути: темпоральный аспект / М. И. Коннова. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — № 2. — С. 51—59.
9. Курманова, Д. Б. Политический и психологический портрет Э. А. Шеварднадзе в СМИ / Д. Б. Курманова. —

Текст : непосредственный // Постсоветские исследования. — 2018. — Т. 1. — № 6. — С. 593—598.

10. Ливанова, А. Н. Метафора пути в норвежском языке / А. Н. Ливанова. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2007. — № 3. — С. 180—183.

11. Мавринский, И. И. Метафора пути и необходимость возвращения / И. И. Мавринский. — Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 18. — С. 245—247.

12. О'Коннор, Дж. Искусство системного мышления: необходимые знания о системах в творческом подходе решения проблем / Дж. О'Коннор. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

13. Руженцева, Н. Б. Методология и методики анализа массмедийного политического текста / Н. Б. Руженцева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2018. — 208 с. — Текст : непосредственный.

14. Сиротинина, О. Б. Вклад в теорию диахронического развития политической метафоры / О. Б. Сиротинина, А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 1 (55). — С. 205—209.

15. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; под ред. А. П. Чудинова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 252 с. — Текст : непосредственный.

16. Солопова, О. А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в

политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855—1881) и XXI в. (2000—2014) : дис. ... д-р. филол. наук : 10.02.20 / Солопова О. А. — Екатеринбург, 2016. — 606 с. — Текст : непосредственный.

17. Таратынова, Т. А. Метафорическое моделирование российских и американских президентских выборов в немецких СМИ (2008 г.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Таратынова Т. А. — Екатеринбург, 2012. — 22 с.

18. Фадеева, Н. Г. Театральная метафора: основные модели и сферы функционирования / Н. Г. Фадеева. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4 (127). — С. 90—94.

19. Цонева, Л. М. Метафора пути в болгарском политическом дискурсе / Л. М. Цонева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 4 (38). — С. 162—168.

20. Чедия, Б. Парадигма постсоветского политического лидерства в Грузии / Б. Чедия. — Текст : непосредственный // Центральная Азия и Кавказ. — 2014. — № 3, т. 17. — С. 154—166.

21. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с.

22. Шехтман, Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Шехтман Н. Г. — Екатеринбург, 2006. — 23 с.

O. I. Mikhnevich

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8658-5462

 E-mail: mikhnevich-olga@rambler.ru.

Diachronic Analysis of the Metaphorical Image of the President of Georgia E. Shevardnadze

ABSTRACT. *The study is carried out in the framework of diachronic linguopolitical metaphorology and linguopolitical personology. Linguopolitical personology deals with verbal images of politicians, Heads of State, and historical figures. The diachronic analysis allows revealing specific features of development of the metaphorical image of a politician. The diachronic analysis of the metaphorical image of the President of Georgia E. Shevardnadze simultaneously employs the principles of incremental and focus fragmentation. Two synchronous cross-sections have been analyzed within focus fragmentation: the first focus covers the time of Shevardnadze's office; the second – the period after his resignation. The article considers the dominant metaphorical models found in the course of the study: THE PRESIDENT OF GEORGIA IS A WARRIOR; THE PRESIDENT OF GEORGIA IS A TRAVELER, as well as some less frequent and rarely used metaphorical models, which make up the metaphorical image of the former president of Georgia. Thus, the study allows making the conclusion that the metaphorical image of Shevardnadze is changing over the periods of time frames under consideration: 1) the number of dominant metaphorical models changes; 2) there is a shift of semantic emphasis; 3) different metaphorical models can express similar meanings. The results of the study could be of interest to specialists in the field of imageology, politology, history, psychology, linguistics, etc.*

KEYWORDS: *linguopersonology; diachronic metaphorology; metaphorical models; metaphorical modeling; political metaphorology; metaphorical images; political metaphors; political figures; Georgian presidents.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Mikhnevich Ol'ga Igorevna, Post-Graduate Student, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Mikhnevich, O. I. Diachronic Analysis of the Metaphorical Image of the President of Georgia E. Shevardnadze / O. I. Mikhnevich // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 83-94. — DOI 10.26170/pl20-02-09.*

REFERENCES

1. Babkina, V. A. Theater Metaphor in the Political Discourse of the Media / V. A. Babkina. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — 2018. — No. 1 (79). — P. 274—277. [Teatral'naya metafora v politicheskom diskurse SMI / V. A. Babkina. — Текст : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2018. — № 1 (79). — S. 274—277]. — (In Rus.)
2. Budaev, E. V. Metaphorical Image of Russia in the Modern World / E. V. Budaev ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2009. — 305 p. [Metaforicheskiy obraz Rossii v sovremennom mire / E. V. Budaev ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2009. —

305 s.]. — (In Rus.)

3. Budaev, E. V. Methodology of Diachronic Analysis of Political Metaphor / E. V. Budaev, O. N. Kondratyev, E. A. Nakhimova, A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 6 (60). — P. 18—30. [Metodika diahronicheskogo analiza politicheskoy metaforiki / E. V. Budaev, O. N. Kondrat'eva, E. A. Nakhimova, A. P. Chudinov. — Текст : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 6 (60). — S. 18—30]. — (In Rus.)

4. Karamova, A. A. Metaphor as a Way of Structuring the Linguistic Picture of the Political World / A. A. Karamova. —

Text : unmediated // Bulletin of OSU. — 2013. — No. 11 (60). — P. 124—129. [Metafora kak sposob strukturirovaniya yazykovoy kartiny politicheskogo mira / A. A. Karamova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik OGU. — 2013. — № 11 (60). — S. 124—129]. — (In Rus.)

5. Kerimov, R. D. Theatrical Metaphor in German Political Discourse (cognitive aspect) / R. D. Kerimov. — Text : unmediated // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. — 2013. — No. 24. — P. 206—216. [Teatral'naya metafora v nemetskom politicheskom diskurse (kognitivnyy aspekt) / R. D. Kerimov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv. — 2013. — № 24. — S. 206—216]. — (In Rus.)

6. Kondrat'eva, O. N. Dynamics of Metaphorical Models in Political Communication (on the example of speeches by Yu. Timoshenko) / O. N. Kondrat'eva, K. A. Kovalev. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 4 (58). — P. 34—46. [Dinamika metaforicheskikh modeley v politicheskoy kommunikatsii (na primere vystupleniy Yu. Timoshenko) / O. N. Kondrat'eva, K. A. Kovaleva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 4 (58). — S. 34—46]. — (In Rus.)

7. Komarova, Z. I. Methodology, Method, Methodology and Technology of Scientific Research / Z. I. Komarova. — 5th ed. — Moscow : Flinta : Science, 2017. — 820 p. — Text : unmediated. [Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy / Z. I. Komarova. — 5-e izd. — Moskva : Flinta : Nauka, 2017. — 820 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Konnova, M. I. The Sense-forming Dominants of the Metaphorical Image of the Path: the Temporal Aspect / M. I. Konnova. — Text : unmediated // Bulletin of the Baltic Federal University of I. Kant. — 2012. — No. 2. — P. 51—59. [Smysloobrazuyushchie dominanty metaforicheskogo obraza puti: temporal'nyy aspekt / M. I. Konnova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. — 2012. — № 2. — S. 51—59]. — (In Rus.)

9. Kurmanova, D. B. Political and Psychological Portrait of E. A. Shevardnadze in the Media / D. B. Kurmanova. — Text : unmediated // Post-Soviet Studies. — 2018. — V. 1. — No. 6. — P. 593—598. [Politicheskii i psikhologicheskii portret E. A. Shevardnadze v SMI / D. B. Kurmanova. — Tekst : neposredstvennyy // Postsovetskii issledovaniya. — 2018. — T. 1. — № 6. — S. 593—598]. — (In Rus.)

10. Livanova, A. N. Metaphor of the Path in the Norwegian Language / A. N. Livanova. — Text : unmediated // Bulletin of St. Petersburg University. — 2007. — No. 3. — P. 180—183. [Metafora puti v norvezhskom yazyke / A. N. Livanova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. — 2007. — № 3. — S. 180—183]. — (In Rus.)

11. Mavrinskiy, I. I. The Metaphor of the Path and the Need for Return / I. I. Mavrinskiy. — Text : unmediated // Theory and Practice of Social Development. — 2015. — No. 18. — P. 245—247. [Metafora puti i neobkhodimost' vozrashcheniya / I. I. Mavrinskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2015. — № 18. — S. 245—247]. — (In Rus.)

12. O'Connor, J. The Art of Systems Thinking: Essential Knowledge of Systems in a Creative Problem Solving / J. O'Connor. — Moscow : Alpina Business Books, 2006. — 256 p. — Text : unmediated. [Iskusstvo sistemnogo myshleniya: neobkhodimye znaniya o sistemakh v tvorcheskoy podkhode resheniya problem / Dzh. O'Konnor. — Moskva : Al'pina Biznes Buks, 2006. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Ruzhentseva, N. B. Methodology and Methods of Analysis of the Mass Media Political Text / N. B. Ruzhentseva ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2018. — 208 p. — Text : unmediated. [Metodologiya i metodiki analiza massmediynogo politicheskogo teksta / N. B. Ruzhentseva ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2018. — 208 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Sirotnina, O. B. Contribution to the Theory of Diachronic Development of a Political Metaphor / O. B. Sirotnina, A. P. Chudinov, E. A. Nakhimova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 1 (55). — P. 205—209. [Vklad v teoriyu diakhronicheskogo razvitiya politicheskoy metaforoy / O. B. Sirotnina, A. P. Chudinov, E. A. Nakhimova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 1 (55). — S. 205—209]. — (In Rus.)

15. Contemporary Political Linguistics / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasilnikova ; under the editorship of A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2011. — 252 p. — Text : unmediated. [Sovremennaya politicheskaya lingvistika / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasil'nikova ; pod red. A. P. Chudinova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. — 252 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Solopova, O. A. Linguopolitical Forecasting: a Comparative Study of the Models of the Future of Russia in the Political Discourses of Russia, the USA and Great Britain of the 19th century (1855—1881) and the XXI Century (2000—2014) : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. : 02.10.20 / Solopova O. A. — Ekaterinburg, 2016. — 606 p. — Text : unmediated. [Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noe issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SSHA i Velikobritanii XIX v. (1855—1881) i XXI v. (2000—2014) : dis. ... d-r. filol. nauk : 10.02.20 / Solopova O. A. — Ekaterinburg, 2016. — 606 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Taratynova, T. A. Metaphorical Modeling of the Russian and American Presidential Elections in the German Media (2008) : resume of thesis. ... of cand. of Philol. Sciences : 10.02.19 / Taratynova T. A. — Ekaterinburg, 2012. — 22 p. [Metaforicheskoe modelirovanie rossiyskikh i amerikanskikh prezidentskikh vyborov v nemetskikh SMI (2008 g.) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Taratynova T. A. — Ekaterinburg, 2012. — 22 s.]. — (In Rus.)

18. Fadeeva, N. G. Theatrical Metaphor: Basic Models and Areas of Functioning / N. G. Fadeeva. — Text : unmediated // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. — 2018. — No. 4 (127). — P. 90—94. [Teatral'naya metafora: osnovnyye modeli i sfery funktsionirovaniya / N. G. Fadeeva. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2018. — № 4 (127). — S. 90—94]. — (In Rus.)

19. Tsoneva, L. M. The Metaphor of the Path in the Bulgarian Political Discourse / L. M. Tsoneva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2011. — No. 4 (38). — P. 162—168. [Metafora puti v bolgarskom politicheskom diskurse / L. M. Tsoneva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2011. — № 4 (38). — S. 162—168]. — (In Rus.)

20. Chediya, B. The Paradigm of Post-Soviet Political Leadership in Georgia / B. Chedia. — Text : unmediated // Central Asia and the Caucasus. — 2014. — No. 3, vol. 17. — P. 154—166. [Paradigma postsovetskogo politicheskogo liderstva v Gruzii / B. Chediya. — Tekst : neposredstvennyy // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 2014. — № 3, t. 17. — S. 154—166]. — (In Rus.)

21. Chudinov, A. P. Political Linguistics / A. P. Chudinov. — 4th ed. — Moscow : Flinta : Science, 2012. — 256 p. [Politicheskaya lingvistika / A. P. Chudinov. — 4-e izd. — Moskva : Flinta : Nauka, 2012. — 256 s.]. — (In Rus.)

22. Shekhtman, N. G. A Comparative Study of Theater and Sports Metaphor in Russian and American Political Discourse : resume of thesis. ... of cand. of Philol. Sciences : 10.02.20 / Shekhtman N. G. — Ekaterinburg, 2006. — 23 p. [Sopostavitel'noe issledovanie teatral'noy i sportivnoy metaforoy v rossiyskom i amerikanskom politicheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / Shekhtman N. G. — Ekaterinburg, 2006. — 23 s.]. — (In Rus.)

Т. Ю. Мухаметдинова

Москва, Россия
ORCID ID: — E-mail: T.Mukhametdinova@yandex.ru.

Лексика с диффузной семантикой в политических текстах немецких СМИ

АННОТАЦИЯ. Предметом рассмотрения являются качества частотной лексики с диффузной семантикой в материалах на политические темы на примере немецких СМИ 2019—2020 гг. Представлен обзор подходов российских и зарубежных лингвистов к явлению семантической диффузности. На основе дескриптивного контекстуального семантического анализа в сопоставлении с более ранними текстами и лексикографическими источниками, включая национальный корпус немецкого языка DWDS, показано различие между широким значением и диффузностью. Диффузность значения характеризуется как способность к универсальной динамической вариативности значения в контексте при сохранении номинативного смысла. Предложено решение задачи — выявить некоторые характеристики языковых единиц с диффузным значением. Изложены промежуточные выводы о происхождении, динамическом характере, отражении ценностных ориентиров языкового сообщества, универсальности значения и использования, лакунарности словарной презентации и перевода. Универсальность значения и частотность в текстах СМИ позволяют выделить отдельную группу универсальных политических метафор с диффузной семантикой. Затрагивается проблема коммуникативных целей использования единиц с диффузной семантикой. Их употребление позволяет избежать определенной номинации референта, так что единицы с диффузной семантикой следует отнести к разряду универсальных политических метафор с доминирующей функцией эвфемизации и аргументации. Универсальные эвфемизмы с диффузным значением отличаются следующие характеристики: универсальный характер применения; происхождение из сфер морали, экономики и менеджмента; размытость значения; узнаваемость, отсутствие эвристической метафоричности; международный характер распространения, формальная переводимость и сложность точного перевода. Результаты работы могут быть использованы в интересах развития автоматической лексикографии и машинной обработки текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диффузная семантика; полисемия; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; «пластиковая» лексика; универсальный эвфемизм; немецкие СМИ; лексическая семантика; немецкий язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мухаметдинова Татьяна Юрьевна, старший преподаватель кафедры германских языков, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, факультет иностранных языков; 123001, Россия, Москва, Б. Садовая ул., д. 14; e-mail: T.Mukhametdinova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мухаметдинова, Т. Ю. Лексика с диффузной семантикой в политических текстах немецких СМИ / Т. Ю. Мухаметдинова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 95-104. — DOI 10.26170/pl20-02-10.

Эмпирическое наблюдение за словоупотреблением в политической прессе показывает, что ряд слов и фразовых единиц получают широкое значение, выходящее за пределы вариантов и полисемии, зафиксированных в словарях. В данной статье приведен обзор подходов к явлению семантической диффузности российских и зарубежных лингвистов и предложен перечень некоторых характеристик универсальных эвфемизмов с диффузной семантикой в текстах СМИ политической тематики. Материалом служат тексты интернет-порталов германских политических институтов и интернет-версий немецкой прессы и телевидения 2017—2020 гг. в сопоставлении с более ранними публикациями СМИ. Фокусировка на ограниченном отрезке времени и определенном типе языковых единиц обусловлена задачей проследить в динамике расширение значений как изменение отдельных метафо-

рических моделей [Будаев, Ворошилова 2011: 36; Чудинов 2013: 10]. Дескриптивный контекстуальный семантический анализ и выявление семантических компонентов языковых единиц с диффузной семантикой предприняты в сопоставлении с лексикографическими источниками: словарями *Duden* и национальным корпусом немецкого языка DWDS. Предметом исследования являются качества слов и словосочетаний с диффузной семантикой — способностью универсально, в зависимости от сферы употребления, контекста и интенции, замечать иные лексические единицы. Универсальность и пластичность значения, а также частотность в текстах СМИ, позволяют выделить их в отдельную группу универсальных политических метафор с диффузной семантикой.

На основе сплошной выборки текстов мы предполагаем, что в текстах немецких СМИ

2019—2020 гг. широким значением характеризуются существительные: *Antwort, Dynamik, Engagement, Entscheidung, Entwicklung, Erscheinung, Format, Hilfe, Kapazitäten, Kommunikation, Krisenmanagement, Lösung, Maßnahme, Ressource, Rolle, Struktur, System, Technik, Technologie, Verantwortung, Verfahren, Partner, Prozess, Strategie, Zukunft, Unterstützung* — ответ, динамика, ангажированное участие, развитие, явление, формат, помощь, мощности, коммуникация, кризисный менеджмент, решение, мероприятие, ресурс, роль, структура, система, техника, технология, ответственность, процесс или технология, партнер, процесс, стратегия, будущее, поддержка и др.; глаголы: (*sich*) *ankündigen, sich engagieren, erwägen, helfen, hinterfragen, prüfen, reagieren, untersuchen, lösen, unterstützen* — заявить о себе, ангажированно участвовать, взвесить, помогать, критически проверить, проверить, реагировать, исследовать, решить, поддерживать и др.; прилагательные, причастия: *glaubwürdig, handlungsfähig, nachhaltig, überzeugend, umstritten, unberechenbar* — заслуживающий доверия, дееспособный, устойчивый, убедительный, спорный, непредсказуемый; словосочетания: *einen (breiten) Spielraum haben, Verantwortung übernehmen* — располагать пространством для маневра, брать на себя ответственность и др. Перевод этих лексических единиц в их широком значении во многих случаях требует подбора контекстуального соответствия, отличного от словарных закономерных соответствий.

В. В. Виноградов в своей работе 1953 г. «Основные типы лексических значений» указывал, что «смысловые границы слова могут быть очень широки, а иногда не вполне определены, смысловая область слов имеет пограничные зоны» и наметил перспективу исследований с целью «установить признаки и нормы конструктивного объединения значений в составе одного и того же слова» [Виноградов 1977: 165]. Наряду с прямым номинативным значением слово, по В. В. Виноградову, может получать производно-номинативные значения. Если в определенный период развития языка значение воспринимается как производное от основного номинативного, речь идет о более широкой смысловой структуре слова, а не об омонимии [Виноградов 1977: 172].

Толкование диффузности семантики в отечественном языкознании продолжил в 70-х гг. XX в. автор концепции лексической многозначности Д. Н. Шмелев. В формулировке Д. Н. Шмелева диффузию от омонимии отличает возможность совмещения значений при сохранении общего семантическо-

го единства [Шмелев 1973: 95]. Совмещение значений в многозначном слове Д. Н. Шмелев определил как принцип диффузности значений, который является фундаментальным свойством лексической многозначности и отличает ее от омонимии. В случае омонимии речь идет о разных лексемах, и контекст определяет, в каком значении слово употреблено, в то время как значение многозначного слова в контексте соответствует нескольким словарным значениям, «не покрываясь полностью каким-либо из них в отдельности» [Шмелев 2003: 104].

Определение семантической диффузности польского лингвиста Александра Киклевича приводит Т. М. Шапенко: «неопределенность содержания языковых знаков различного уровня (морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации» [Шапенко 2012: 43]. Разграничение лингвистических терминов «семантическая неопределенность», «семантическая диффузия», «языковая и речевая неоднозначность», а также обзор подходов к проблематике и толкование с позиций когнитивной лингвистики представлены в работе Л. В. Власовой [Власова 2014: 128]. Языковая неоднозначность определяется как способность единицы языка передавать различные смыслы. Языковая неоднозначность выражается лексически и синтаксически. Речевая неоднозначность возникает из неопределенности параметров ситуации. Ненамеренная речевая неоднозначность устранима в ходе коммуникации. Намеренная речевая неоднозначность возникает при использовании языковой неоднозначности с определенными коммуникативными целями [Власова 2014: 129]. Л. В. Власова предлагает толкование диффузности с точки зрения когнитивной лингвистики: диффузные языковые единицы выступают носителями интуитивных знаний, подтверждают наличие у человека способности к свернутым умозаключениям. «Семантическая диффузность — это способ хранения класса многозначных слов в ментальном лексиконе его носителей». Семантическая неопределенность передает многомерную эстетико-познавательную информацию [Власова 2014: 129].

Немецкий англист Ханс-Йорг Шмид называет слова с широкой семантикой «слова-оболочки» (*shell-nouns*); к ним причисляются, например, следующие английские: *case, fact, idea, news, point, problem*. Подобные «оболочки» способны вмещать комплексы информации. По мнению Х.-

Й. Шмида, наличие пустот в семантической структуре «слов-оболочек» позволяет при употреблении заложить в них определенное содержание. Шмид выделяет три функции лексики этого класса: 1) ко-активация информации и контроль отбора информации; 2) временная «упаковка концептов» (разделение, овеществление когнитивного контента, интеграция); 3) перспективизация (реконструкция концептов, оценка, тематизация и фокусирование) [Bär 2018: 396].

Явление семантической диффузии в современном немецком языке исследует германский лингвист и популяризатор знаний о языке Уве Пёрксен. В работе 1988 г., посвященной экологии языка, Пёрксен указывает на частотное употребление слов с размытой семантикой в разговорном языке и называет их «пластиковые слова» (Plastikwörter) [Pörksen 2012]. В своем обзоре темы от 2000 г. немецкий лингвист применяет еще одну когнитивную метафору — «слова-амебы» (Amöbenwörter) [Pörksen 2000]. Пёрксен интерпретирует обилие «пластиковой» лексики как «математизацию и наукообразие» (Mathematisierung, Verwissenschaftlichung) разговорного языка и объясняет стремлением говорящего воспользоваться авторитетом науки. Причем изначальное значение научного термина при переносе в иную сферу извращается. «Нашествие пластиковых слов» немецкий лингвист связывает с универсальностью их применения и замещающего значения: «Es hat einen umfassenden Anwendungsbereich, ist ein Schlüssel für alles» — «Оно (такое слово) имеет обширную сферу применения, оно — „ключ от всех замков“» [Pörksen 2012: 38]. К специфическим особенностям «пластиковых слов» Пёрксен причисляет метафоричность, перенос понятия из иной сферы, отсутствие исторической основы в языке, заимствования из языка науки и эксплуатацию авторитета науки при отсутствии определенности значения, малую содержательность, доминанту коннотативного и функционального компонентов, унифицированную форму, взаимозаменяемость, функцию иерархизации языка, обслуживание интересов социальной группы «элита экспертов», роль нового международного кода [Pörksen 2012: 38]. Пёрксен составил подборку из 40 единиц «пластиковой лексики». Их универсальность и взаимозаменяемость лингвист иллюстрирует на примере цепочки взаимозаменяемых пластиковых слов: «Информация — суть коммуникация. Коммуникация — это обмен. Обмен — есть отношения. Отношения — это процесс. Процесс означает развитие. Развитие — одна из базовых потребностей» [Pörksen 2012: 80].

Опираясь на приведенные выше подходы к трактовке семантической диффузности, разграничим широкое значение в рамках полисемии и переход значения от основного номинативного к производным, обладающим диффузной семантикой.

Обратимся к примерам использования наиболее употребительных в медийных текстах 2019—2020 г. слов — прилагательного *nachhaltig* и существительного *Nachhaltigkeit*. Показательно параллельное употребление этих лексем в двух взаимосвязанных значениях — 1) устойчивый, стабильный, долговременный и 2) экологичный, разумный в отношении окружающей среды:

1. а) Контекст комментария ситуации на фоне пандемии уханьского вируса в новостной программе «Тagesшאו» предопределяет значение слова *nachhaltig* как «долговременный, затяжной»: *Wie schnell man in China die Wirtschaft wieder ankurbelt, damit es nicht zu nachhaltigen Einbußen kommt?* [Tageschau. 30.01.20 20:00] — *Как скоро в Кумае смогут вернуть динамику экономике, чтобы убытки не затянулись надолго?* (здесь и далее перевод с немецкого наш — Т. М.)

б) В ином контексте наблюдается вариация в том же поле значений в рамках полисемии: *Die libyschen Konfliktparteien sollten ihre Anstrengungen für eine nachhaltige Einstellung der Feindseligkeiten, Deeskalation und einen dauerhaften Waffenstillstand verstärken* [Spiegel. 30.01.20. „Der Friedensplan für Libyen zerfällt“]. — *Конфликтующие стороны в Ливии должны отказаться от враждебности, прилагать усилия, направленные на деэскалацию и достижение устойчивого прекращения огня.*

в) *Auf der Konferenz „Sicherheit, Frieden und Entwicklung“ werden Sicherheits- und Entwicklungsexperten über nachhaltige Instrumente zur „Ertüchtigung“ Afrikas beraten* [Bundeswehr aktuell. April 2017: 2]. — *На конференции „Безопасность, мир и развитие“ эксперты будут обсуждать надежные и перспективные инструменты „оздоровления“ обстановки в Африке.*

2. а) Федеральный канцлер Ангела Меркель в своей речи на 19-й ежегодной конференции Совета по устойчивому развитию 4 июня 2019 г. комментирует понятие *nachhaltig*: «...вы знаете, о чем идет речь... Это не только вопросы климата, энергии, не только защита видов, — речь идет о мышлении в категориях круговорота, о том, чтобы не только пользоваться средой, но давать ей возможность регенерироваться» [Merkel 2019].

б) На сайте Федерального министерства окружающей среды приведена программа реализации устойчивости, понимае-

мой как экологическая ответственность: *Nachhaltigkeit* — «рачительность в отношении ресурсов: сокращение потребления энергии с 2020 по 2050 г. на 50 %, снижение выброса парниковых газов на 80—95 %, увеличение доли возобновляемых источников энергии до 60 % и другие цели по сохранению глобальной среды» и т. д.

в) Заголовок материала об экологических акциях 2019 г. «Fridays for Future»: *Freiheit ist unentbehrlich für Nachhaltigkeit* [FAZ. 30.11.19]. — «Свобода — без нее нет (экологической) устойчивости».

3. Значение *Nachhaltigkeit* в следующем газетном заголовке не очевидно из микроконтекста, что побуждает читателя обратиться к полному тексту статьи: *Regierungsstil der Nachhaltigkeit und der Weltoffenheit* [FAZ. 6.01.20]. — *Стиль управления (экологическая или нацеленная на будущее?) устойчивость и открытость миру*. Два значения рассматриваемой пары однокоренных слов имеют историческое объяснение: устаревшее *Nachhalt* означало 'запас на случай нужды', а *nachhaltig* — 'долго воздействующий, сильный'. С XVIII в. понятия бытовали как профессиональные термины в лесоводстве, в тезаурус политической коммуникации перешли в значении «устойчивый, долговременный; устойчивость», а в первых десятилетиях XXI в. используется все чаще в значении «экологически ответственный» [Duden 2007: 548—549]. Семантика значений в текстах СМИ включает следующие компоненты: *долгий, долговременный, предназначенный для длительного периода, глубокий, устойчивый, сильный, постоянный, экологичный, ресурсосберегающий, ответственный за среду, нацеленный на перспективу, пригодный в будущем, перспективный, имеющий шансы в будущем* [DWDS].

Значения еще одной пары лексем *unterstützen* 'поддерживать' / *Unterstützung* 'поддержка' инвариантны в контекстной модификации и в рассмотренных текстах СМИ не выходят за пределы вариативности значения (примеры 1, 2, 3а, 4, 5) и исторически сложившейся полисемии (3б).

1. *Gegen Sarradsch kämpft der General Chalifa Haftar mit seinen Verbündeten, die ... aus dem Ausland unterstützt werden* [FAZ 20.01.20. Welche Rolle spielen Deutschland und die EU?]. — *Против Сараджа воюет генерал Халифа Хафтар со своими союзниками, получая поддержку из-за рубежа*.

2. *Die Teilnehmer der internationalen Libyen-Konferenz in Berlin haben versichert, ihre Unterstützung für die Konfliktparteien in dem nordafrikanischen Land einzustellen* [FAZ: 19.

01.20. Keine Militärhilfen mehr für verfeindete Lager]. — *Участники международной конференции по Ливии в Берлине заверили, что прекратят поддерживать конфликтующие стороны в этой североафриканской стране*.

3. *Die UN-Mitgliedstaaten sollten sich schließlich nach der Berliner Erklärung verpflichten, „die Unterstützungsmision (a) der Vereinten Nationen in Libyen (UNSMIL) mit „dem erforderlichen Personal und Gerät auszustatten, um den Waffenstillstand wirksam zu unterstützen (b)“*. [FAZ 20.01.20. Der Fluch des eigenen Erfolgs]. — *Государства — члены ООН должны в соответствии с Берлинской декларацией взять на себя обязательство поддерживать миссию содействия ООН в Ливии, предоставляя необходимые силы и технику, чтобы эффективно обеспечить прекращение огня*.

4. *Wen unterstützt die internationale Katastrophenhilfe der Bundeswehr* [Bundeswehr. Katastrophenhilfe]. — *Кого поддерживает структура бундесвера „Международная помощь“ в случае катастроф?*

5. *Das leistet die Bundeswehr im Rahmen des Heimatschutzes: Sie unterstützt zivile Kräfte bei schweren Unglücksfällen oder Naturkatastrophen... [Bundeswehr. Heimatschutz]. — В рамках направления „Защита отечества“ бундесвер поддерживает гражданские силы в случае масштабных аварий и природных катастроф*.

Значение лексем *unterstützen* и *Unterstützung* в текстовых примерах варьируется. В примерах 1 и 2 возможные толкования таковы: политическое влияние на решение международных организаций, финансирование, экспертное сопровождение, предоставление ресурсов, техники, оружия и др. В примере 3: а) сопровождение, патронат, ускорение; б) поддержание, обеспечение, гарантии. В примере 4: сотрудничество, взаимодействие, стратегическое партнерство с международными организациями; помощь пострадавшим. В примере 5: взаимодействие, усиление. Словари немецкого языка указывают следующие значения глагола *unterstützen*: 1. помогать кому-либо материально или действием; 2. выступать в чью-либо поддержку; 3. (компют.р.) быть совместимым [Duden 1999: 4142]. Электронный национальный корпус немецкого языка выделяет семь синонимических групп значений *unterstützen*, *Unterstützung* в современном немецком языке, что подтверждает приведенное выше наблюдение о широкой семантической вариативности [DWDS].

Покажем, что встречаемое в политических текстах словосочетание *Verantwortung übernehmen* передает различные смыслы и

может одновременно трактоваться по-разному, сохраняя содержательную связь с номинативными словарными значениями, то есть обладает диффузностью:

а) обязательство (связанное с определенной задачей или позицией, должностью) заботиться о наилучшем ходе событий, о выполнении необходимых и верных действий, исключая, по возможности, ущерб;

б) обязанность отвечать за произошедшее [Duden 1999: 4178—4179; DWDS]. Словарь фразеологизмов фиксирует одну устойчивую фразовую единицу с существительным 'ответственность': *zur Verantwortung ziehen* 'привлечь к ответственности' [Duden 2008: 809].

В политическом дискурсе Германии значение устойчивого словосочетания *Verantwortung übernehmen* варьируется в широких пределах, в зависимости от субъекта предмета действия в конкретном контексте обретая семантику универсального эвфемизма:

1. Предмет действия — ущерб и компенсация. Значение: возмещение ущерба, юридическая, финансовая, моральная компенсация.

Wie viel Verantwortung übernehmen Sie für den Schaden, den Sie anrichten? [Zeit. 28.09.17. andreas-zick-provokation-rechtspopulismus-interview] — *Какую ответственность Вы понесете за нанесенный Вами ущерб?*

2. Субъект действия, персоналии — политики, общественные деятели, специалисты. Семантика включает варианты: «занять ответственный пост», «взяться за ответственную сложную работу», «расширить круг компетенций», «активно действовать», «действовать в рамках правил».

Bürgermeisterkandidat Oliver Kern (30) sagt: „Ich kann das!“ Der SPD-Bürgermeisterkandidat will frischen Wind in die politische Arbeit bringen und Verantwortung übernehmen. ... Er hat klare Zielvorstellungen. „Ich will Verantwortung übernehmen!“ [infranken. 23.01.20] — *Кандидат на пост бургомистра Оливер Керн (30 лет) говорит: „Я справлюсь!“ Кандидат от СДПГ собирается внести свежую струю в политическую работу и взять на себя ответственность. Он ясно представляет цель: „Я собираюсь взять на себя ответственность!“*

Die Bürgerinnen und Bürger müssten Verantwortung für die Demokratie übernehmen [Zeit 25.12.19. Steinmeiers Weihnachtsansprache]. — *„Граждане должны взять на себя ответственность за демократию“*. В этой части своего рождественского обращения 2019 года федеральный президент Ю. В. Штайнмайер призывает граждан направить свое протестное движение в русло „дискуссионной культуры“.

3. Субъект: партии, политики; значение: сформировать правящую коалицию, прийти

к власти.

Die FDP wolle ja gerne Verantwortung übernehmen, sagt nun Lindner, allerdings konzentriert sich das nun auf Landesebene [Zeit. 05.01.18]. — *СвДП хочет, по словам Линднера, взять на себя ответственность, однако на данном этапе концентрируется на уровне федеральных земель.*

4. Субъект действия: государство; значение: роль в международной политике.

В 2014 г. тогдашний федеральный президент Германии Йоахим Гаук в своей речи на открытии 50-й Мюнхенской конференции по безопасности ввел в политический дискурс понятие «взять на себя больше ответственности» применительно к государству. Й. Гаук подробно пояснил, как следует понимать значение этого «кодового словосочетания». «После Второй мировой войны никто, ни внутри страны, ни за рубежом, не был заинтересован в сильной международной роли Германии». В стране и за границей Германию порой «считали уклонистом (сачком, лодырем) международного сообщества, который отсиживается (уклоняется от действий, отмалчивается, смотрит в сторону), когда возникают сложные вопросы». Экономический и политический вес Германии с тех пор изменились. «Реагирует ли Германия соответственно своему весу? Берет ли Федеративная Республика должную меру инициативы?» «Шаг за шагом Федеративная Республика превращается из выгодоприобретателя (пользователя) в гаранта мирового порядка и безопасности» в разнообразных сферах международной политики: в содействии развивающимся странам (Entwicklungsarbeit), ресурсосбережении (ressourcenschonende Zukunft), международных институтах (internationalen Institutionen), военных миссиях (Militäreinsätzen), объединении Европы (das Zusammenwachsen Europas) и преодолении кризиса (Überwindung der Krise). Гаук делает вывод, что отныне «немцы на пути к такой форме ответственности, какую они до сих пор почти никогда не практиковали» [Gauck 2014]. Употребление устойчивого словосочетания «взять на себя большую ответственность» в расширенном значении, введенном Гауком: «отказаться от ограничений, играть ведущую роль, принимать решения, активно действовать в своих интересах», — закрепляется во множестве политических заявлений и текстах прессы и становится в этом значении распознаваемым носителями языковой культуры фразеологизмом.

В 2017 г. на ежегодном приеме фракции ХДС в ландтаге Тюрингии федеральный канцлер А. Меркель говорит об усилении самостоятельности Европы в сфере без-

опасности и обороны в рамках НАТО: *Die transatlantischen Beziehungen bleiben von herausragender Bedeutung, aber wir Europäer müssen eben auch eigene Verantwortung übernehmen* [Welt Thüringen. 13.06.17. Europa muss mehr Verantwortung übernehmen]. — *Трансатлантические связи сохраняют особую важность, однако мы, европейцы, должны принять на себя собственную долю ответственности.*

В новогоднем обращении к гражданам 2018 г. федеральный канцлер Германии Ангела Меркель вновь использует формулу в расширенном значении, которое закрепляется за счет повторного употребления: *Мы должны взять на себя большую ответственность в собственных интересах — ...повысить расходы на оборону... и помочь развивающимся странам* [Süddeutsche Zeitung. 31.12.18].

В преддверии саммита НАТО 2019 г. федеральный канцлер подтвердила курс «на большую ответственность Германии в рамках блока и на повышение расходов на оборону» [Spiegel 27.11.10. angela-merkel-einestärke-nato-ist-im-interesse-deutschlands].

На сайте вооруженных сил ФРГ в перечне задач ведомства указано: *Im internationalen Krisenmanagement soll die Bundeswehr künftig noch mehr Verantwortung übernehmen und so zur Krisenbewältigung beitragen* [Bundeswehr]. — «В рамках международного кризисного менеджмента бундесвер впредь должен принимать на себя еще большую ответственность и таким образом содействовать преодолению кризисов».

В ныне уже не издаваемом журнале «Бундесвер aktuell» от марта 2017 г. было написано: *Deutschland übernimmt international mehr Verantwortung im Bereich der Sicherheits- und Verteidigungspolitik... Das Auswärtige Amt (AA) und das Bundesministerium für Verteidigung teilen sich gleichermaßen Verantwortung und Zuständigkeit* [Bundeswehr aktuell: 4]. — «Германия принимает на себя большую международную ответственность в области политики безопасности и обороны... Министерство иностранных дел и Федеральное министерство обороны поровну делят ответственность и полномочия».

Новостное сообщение 2020 г.: *Indem Deutschland nun alle jene Mächte nach Berlin gebeten und ihnen dort die Selbstverpflichtung abgenommen hat, aus Libyen nicht ein „zweites Syrien“ werden zu lassen, hat es selbst mehr Verantwortung für die Zukunft des Landes übernommen* [FAZ. 19.01.20. Deutschlands Verantwortung]. — *Пригласив все эти державы в Берлин и сняв с них ответственность за возможное превращение Ливии во*

„вторую Сирию“, Германия приняла на себя большую ответственность за будущее этой страны.

Как можно заключить на основании приведенных материалов СМИ, входящих в более обширный корпус как первичных текстов — заявлений политиков, так и вторичных — новостных сообщений и комментариев в прессе, семантика словосочетания **Verantwortung übernehmen** характеризуется в современном немецком языке диффузностью; его значение в немецкоязычных текстах политической тематики расширяется. Применительно к государству круг значений включает следующие компоненты: «взять на себя роль одной из ведущих мировых держав», «занять ключевые посты в международных организациях (стать постоянным членом Совета Безопасности ООН)», «развивать вооруженные силы страны», «участвовать в принятии ключевых решений в мировой политике».

Диффузность, т. е. широта и неопределенность значения, создает сложность для перевода, поскольку поиск точного соответствия на языке перевода в интерпретации переводчика может привести к расширению, сужению или неверному толкованию. Поэтому иллюстрацию диффузной семантики следующего примера мы сопроводим подстрочником, используя калькирование:

Die deutsche Verteidigungsministerin hat vorgeschlagen, dass Europa sich in seiner Nachbarschaft, die leider die gefährlichste Region der Welt ist, militärisch engagieren soll. ... Europa muss sich nach dem Rückzug der USA in Syrien stärker engagieren [Spiegel. 22.10.19]. — *Германский министр обороны предложила Европе более ангажированно действовать в военной сфере в соседнем регионе — источнике наибольшей в мире угрозы.*

Engagement der Nato im Nahen Osten. ... Präsident Trump forderte von den Verbündeten mehr Engagement gegen den Terrorismus [FAZ. 9.01.20. Berlin bremsen]. — *Ангажемент НАТО на Ближнем Востоке... Президент Трамп потребовал от союзников более ангажированно выступить против терроризма.*

Regierungssprecher Steffen Seibert sicherte lediglich allgemein zu, Deutschland werde sich an der Weiterentwicklung und Überprüfung der Berliner Vereinbarungen mit hohem Engagement beteiligen. ... Deutschland werde sich jedenfalls in den „Follow-up-Mechanismen“, auch wieder engagieren [FAZ. 20.01.20]. — *Глава отдела прессы и информации правительства Штеффен Зайберт лишь заверил в общих словах, что Германия будет очень ангажированно участвовать в дальнейшем*

развитии и контроле за выполнением Берлинских соглашений... Германия в любом случае продолжит свое ангажированное участие в последующих мероприятиях.

Auf die EU wird noch einiges zukommen, wenn es zu einem Friedensprozess in Libyen kommen sollte. Dazu gehört höchstwahrscheinlich auch ein militärisches Engagement. ...ob nun die Vereinten Nationen die Anfragen an sie richten werden oder ob sie sich selbst zu einem weitaus stärkeren Engagement als bisher entschließt. Vermutlich wird dazu auch eine militärische Komponente gehören müssen [FAZ. 21.01.20. An Europas Gegenküste]. — *ЕС еще предстоит столкнуться с некоторыми задачами, если в Ливии начнется мирный процесс. К ним с большой вероятностью относится и военный ангажемент... или к ЕС обратится ООН, или ЕС сам решится на гораздо более значительный, чем прежде, ангажемент. Возможно, он будет включать и военный компонент.*

Диффузная семантика однокоренных существительного **Engagement** и глагола **engagieren** выходит за рамки их словарных значений: 1) а) (личное) активное участие из убеждений; чувство обязательства, б) обязательство (военное, коммерческое, деловое) или 2) профессиональные обязательства, работа по заказу для художников и др. представителей свободных профессий; 3) (устар.) приглашение на танец; 4) (фехтование) соприкосновение клинков [Duden 1999: 1027]. Значение в рассмотренных текстах включает компоненты: (активные) действия, (значительные) усилия, (непосредственное) участие, (большой) вклад, напряжение сил и средств, принятие решений.

Далеко не единичные примеры языковых единиц с диффузной семантикой в политическом дискурсе вызывают вопрос о коммуникативных целях их использования. Исследователи политического и медийного дискурса анализируют цели речевого воздействия через лексику с диффузным значением. Так, С. А. Виноградова причисляет «благозвучные слова без четко определенного содержания», которые вызывают доброжелательное отношение аудитории, к инструментам языковой манипуляции [Виноградова 2010: 96]. Опросы подтверждают: понятия ответственности, помощи, поддержки развития входят в круг ценностных приоритетов граждан Германии [Statista 2019]. Однако в политическом дискурсе прибегают и к лексике с диффузным отрицательным значением: *unberechenbar* 'непредсказуемый', *hinterfragen* 'перепроверить', *Nachholbedarf* 'отставание' и др.

Н. Н. Николаева анализирует полисе-

мичность, абстрактность и расплывчатость в корпоративных языковых практиках как проявление «языкового конструктивизма» и средство языкового принуждения [Николаева 2019: 53].

Как показано на материале современных текстов политической тематики, отправитель, используя языковые единицы с диффузной семантикой, избегает определенной номинации референта. Перенос значения происходит на основе «сетевой модели, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости» [Чудинов 2013: 12]. Широкий диапазон переноса значения позволяет отнести рассматриваемую группу языковых единиц с диффузной семантикой к разряду универсальных политических метафор с доминирующей функцией эвфемизации и аргументации.

От более объемного по разнообразию и характеру пласта эвфемизмов — передающих «информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить прямо, при помощи непосредственных номинаций» [Чудинов 2013: 21; 46] — универсальные эвфемизмы с диффузным значением отличаются следующие характеристики:

- универсальный характер применения;
- происхождение из сфер морали, экономики и менеджмента;
- размытость значения;
- узнаваемость, отсутствие эвристической метафоричности;
- международный характер распространения, формальная переводимость и сложность точного перевода.

Последняя характеристика представляется актуальной в свете развития автоматической лексикографии, машинной обработки текстов и машинного перевода.

Качество диффузности может развиваться, расширяясь. Диффузность значения приобретают не только отдельные слова, но и фразовые единицы. Диффузная лексика, заимствованная из сфер морали, экономики и менеджмента, обеспечивает узнаваемость и позволяет выдержать тональность текста в знакомом получателю режиме постоянного информационного шума, лишённого сенсационности. Подмена конкретных номинаций универсальными метафорами с диффузным значением для текстов политических деклараций, в частности по военной тематике, новостных сообщений и комментирующих публицистических текстов.

ИСТОЧНИКИ

1. Bundeswehr. — URL: www.bundeswehr.de (date of access: 20.01.2020).
2. Bundeswehr aktuell. — System recommendation: Power Point. — URL: <https://epublikationen.bundeswehr.de/> (date of access: 18.02.2020).

3. FAZ. Frankfurter allgemeine Zeitung. — URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/> (date of access: 20.01.2020).

4. Gauk, Joachim. Reden / Joachim Gauk. — URL: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauk/Reden/2014/01/140131-Muenchener-Sicherheitskonferenz.html> (date of access: 20.01.2020).

5. Infranken. — URL: <https://www.infranken.de> (date of access: 18.02.2020).

6. Merkel, Angela. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 19. Jahreskonferenz des Rates für Nachhaltige Entwicklung am 4. Juni 2019 in Berlin / A. Merkel. — URL: <https://www.bundeskanzlerin.de> (date of access: 18.02.2020).

7. Spiegel. — URL: <https://www.spiegel.de/> (date of access: 20.01.2020).

8. Statista. Umfrage in Deutschland zu wichtigen Lebensaspekten, Zielen und Werten bis 2019. — URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/170820/umfrage/als-besonders-wichtig-erachtete-aspekte-im-leben/> (date of access: 7.02.2020).

9. Süddeutsche Zeitung. — URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/merkel-neujahrsansprache-regierung-1.4270684> (date of access: 20.01.2020).

10. Tagesschau. — URL: <https://www.tagesschau.de> (date of access: 30.01.2020).

11. Welt die, Thüringen. — URL: <https://www.welt.de/regional/thueringen/article165516009/Europa-muss-mehr-Verantwortung-uebernehmen.html> (date of access: 18.02.2020).

12. Zeit, die. — URL: www.zeit.de (date of access: 18.02.2020).

ЛИТЕРАТУРА

13. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 252 с. — Текст : непосредственный.

14. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Лексикология и лексикография. Избранные труды / отв. ред. тома В. Г. Костомаров. — Москва : Наука, 1977. — С. 162—189.

15. Виноградова, С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе / С. А. Виноградова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов : РАЛК, 2010. — № 2. — С. 95—101.

16. Власова, Л. В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий / Л. В. Власова. — Текст : электронный // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2014. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-diffuziya-semanticheskaya-neopredelennost-opredelenie-rpnyatiy> (дата обращения: 04.01.2020).

17. Николаева, Н. Н. Языковое конструирование социально-правового поведения транснациональных корпораций: бизнес-интересы vs мораль / Н. Н. Николаева. — Текст : непо-

средственный // Теория речевой деятельности: вызовы современности : материалы XIX симп. по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 6—8 июня 2019) / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. — Москва : Канцлер, 2019. — С. 57—58.

18. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 176 с. — Текст : непосредственный.

19. Шкапенко, Т. М. Семантическая диффузность в двуязычном аспекте / Т. М. Шкапенко. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. — Калининград, 2012. — Вып. 8. — С. 42—47.

20. Шмелев, А. Д. Дмитрий Николаевич Шмелев // Отечественные лингвисты XX века (Т — Я) : сб. ст. Сер.: Теория и история языкознания / Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания ; отв. ред. Ф. М. Березин. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. — С. 106—116. — Текст : непосредственный.

21. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. — Москва : Наука, 1973. — 280 с. — Текст : непосредственный.

22. Bär, Jochen. Geschichte der Sprache — Sprache der Geschichte: Probleme und Perspektiven der historischen Sprachwissenschaft des Deutschen / Jochen Bär, Marcus Müller. — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018. — 658 S. — Text : unmediated.

23. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. — 3. Auflage. — Mannheim u.a. : Dudenverl., 1999. — in 10 Bänden. — Text : unmediated.

24. Duden. In 12 Bänden. Band 7. Das Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache / hrsg. von der Dudenredaktion. [Red. Bearb. der 4. Aufl.: Brigitte Alsleben]. — Mannheim u.a. : Dudenverl., 2007. — 960 p. — Text : unmediated.

25. Duden. In 12 Bänden. Band 11. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. von der Dudenredaktion. [Red. Bearb. Der 3., Aufl.: Werner Scholze-Stubenrecht, Wolfgang Worsch]. — Mannheim u.a. : Dudenverl., 2008. — 969 p. — Text : unmediated.

26. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart / hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. — URL: <https://www.dwds.de/> (date of access: 21.01.2020). — Text : electronic.

27. Pörksen Uwe. Plastikwörter — Die Sprache einer internationalen Diktatur. — Stuttgart : Klett-Cotta, 2012. — 128 S. — Text : unmediated.

28. Pörksen Uwe. Plastikwörter oder die Mathematisierung der Umgangssprache / Pörksen Uwe. — Text : electronic // Sprachlabor / ADOLPH Verlag GmbH. — URL: <http://www.doku.net/artikel/plastikwoe.htm> (date of access: 18.02.2020).

T. Yu. Mukhametdinova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: T.Mukhametdinova@yandex.ru.

Lexical Units with Diffuse Semantics in Political Texts of German Media

ABSTRACT. *The article deals with words with diffuse semantics frequently used in political texts in the German mass media of 2019-2020. It presents an overview of approaches of Russian and foreign linguists to the phenomenon of semantic diffusion. Difference between broad semantics and diffusion is shown on the basis of a descriptive contextual semantic analysis in comparison with earlier texts and lexicographic sources, including the National Corpus of the German language (DWDS). Semantic diffusion is interpreted as ability to demonstrate universal dynamic variability of lexical meaning in a context while preserving the nominative semantics. The aim of the article is to reveal certain characteristic features of linguistic units with diffuse semantics. The study contains primary conclusions about the origin, dynamic nature, reflection of value-based benchmarks of a linguistic community, universal character of meaning and usage, and lacunarity of word definition and translation. Universality of meaning and frequent usage in media texts allow distinguishing a special group of universal political metaphors with diffuse semantics. The article touches upon the problem of communicative purposes of application of units with diffuse semantics. Their usage makes it possible to avoid direct nomination of the referent and hence lexical units with diffuse semantics can be referred to the group of universal political metaphors with the dominant function of euphemization and argumentation. Universal euphemisms with diffuse semantics are characterized by the following: universal usage; origin from the sphere of ethics, economy and management; fuzzy semantics; recognizability, absence of heu-*

ristic metaphorization; international use across languages, formal translatability and difficulty of precise translation. The findings of the study can be used to develop automated lexicography and natural language processing.

KEYWORDS: diffuse semantics; polysemy; political discourse; media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; plastic words; universal euphemism; German mass media; lexical semantics; German language.

AUTHOR'S INFORMATION: Mukhametdinova Tat'yana Yur'evna, Senior Lecturer of Department of Germanic Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Mukhametdinova, T. Yu. Lexical Units with Diffuse Semantics in Political Texts of German Media / T. Yu. Mukhametdinova // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 95-104. — DOI 10.26170/pl20-02-10.

MATERIALS

1. Bundeswehr. — URL: www.bundeswehr.de (date of access: 20.01.2020).
2. Bundeswehr aktuell. — System recommendation: Power Point. — URL: <https://epublikationen.bundeswehr.de/> (date of access: 18.02.2020).
3. FAZ. Frankfurter allgemeine Zeitung. — URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/> (date of access: 20.01.2020).
4. Gauk, Joachim. Reden / Joachim Gauk. — URL: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauk/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz.html> (date of access: 20.01.2020).
5. Infranken. — URL: <https://www.infranken.de> (date of access: 18.02.2020).
6. Merkel, Angela. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 19. Jahreskonferenz des Rates für Nachhaltige Entwicklung am 4. Juni 2019 in Berlin / A. Merkel. — URL: <https://www.bundeskanzlerin.de> (date of access: 18.02.2020).
7. Spiegel. — URL: <https://www.spiegel.de/> (date of access: 20.01.2020).
8. Statista. Umfrage in Deutschland zu wichtigen Lebensaspekten, Zielen und Werten bis 2019. — URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/170820/umfrage/als-besonders-wichtig-erachtete-aspekte-im-leben/> (date of access: 7.02.2020).
9. Süddeutsche Zeitung. — URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/merkel-neujahrsansprache-regierung-1.4270684> (date of access: 20.01.2020).
10. Tagesschau. — URL: <https://www.tagesschau.de> (date of access: 30.01.2020).
11. Welt die, Thüringen. — URL: <https://www.welt.de/regionales/thueringen/article165516009/Europa-muss-mehr-Verantwortung-uebernehmen.html> (date of access: 18.02.2020).
12. Zeit, die. — URL: www.zeit.de (date of access: 18.02.2020).

REFERENCES

13. Budaev, E. V. Contemporary Political Linguistics : teaching aid / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dziuba, N. A. Krasilnikova ; resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg, 2011. — 252 p. — Text : unmediated. [Sovremennaja politicheskaja lingvistika : ucheb. posobie / Je. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzijuba, N. A. Krasil'nikova ; otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. — 252 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
14. Vinogradov, V. V. Basic Types of Lexical Meanings of the Word / V. V. Vinogradov. — Text : unmediated // Lexicology and Lexicography. Selected Works / resp. ed. of the volume V. G. Kostomarov. — Moscow : Science, 1977. — P. 162—189. [Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij slova / V. V. Vinogradov. — Tekst : neposredstvennyj // Leksikologija i leksikografija. Izbrannye trudy / otv. red. toma V. G. Kostomarov. — Moskva : Nauka, 1977. — S. 162—189]. — (In Rus.)
15. Vinogradova, S. A. Instruments of Speech Manipulation in Political Media Discourse / S. A. Vinogradova. — Text : unmediated // Issues of Cognitive Linguistics. — Tambov : RALK, 2010. — No. 2. — P. 95—101. [Instrumenty rechevoj manipuljacii v politicheskom mediadiskurse / S. A. Vinogradova. — Tekst : neposredstvennyj // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. — Tambov : RALK, 2010. — № 2. — S. 95—101]. — (In Rus.)
16. Vlasova, L. V. Semantic Diffusion, Semantic Uncertainty: Definition of Concepts / L. V. Vlasova. — Text : electronic // Proceedings of LSU n.a. A. S. Pushkin. — 2014. — No. 2. [Semanticheskaja diffuzija, semanticheskaja neopredelennost': opredelenie

ponjatij / L. V. Vlasova. — Tekst : jelektronnyj // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. — 2014. — № 2]. — URL: <https://cyberlenin.ka.ru/article/n/semanticheskaja-diffuziya-semanticheskaja-neopredelennost-opredelenie-ponyatij> (date of access: 04.01.2020). — (In Rus.)

17. Nikolaeva, N. N. Linguistic Construction of Social and Legal Behavior of Transnational Corporations: Business Interests vs Morality / N. N. Nikolaeva. — Text : unmediated // Theory of Speech Activity: Challenges of the Present : materials of XIX symp. of Psycholinguistics and Communication Theory (Moscow, June 6—8, 2019) / resp. ed. E. F. Tarasov. — Moscow : Chancellor, 2019. — P. 57—58. [Jazykovoe konstruirovanie social'no-pravovogo povedenija transnacional'nyh korporacij: biznes-interesy vs moral' / N. N. Nikolaeva. — Tekst : neposredstvennyj // Teorija rechevoj dejatel'nosti: vyzovy sovremennosti : materialy XIX simp. po psiholingvistike i teorii kommunikacii (Moskva, 6—8 ijunja 2019) / otv. red. E. F. Tarasov. — Moskva : Kancler, 2019. — S. 57—58]. — (In Rus.)

18. Chudinov, A. P. Essays on Contemporary Political Metaphorology : monograph / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg, 2013. — 176 p. — Text : unmediated. [Očerki po sovremennoj politicheskoj metaforologii : monogr. / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. — 176 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

19. Shkapenko, T. M. Semantic Diffusion in a Bilingual Aspect / T. M. Shkapenko. — Text : unmediated // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. — Kaliningrad, 2012. — Issue. 8. — P. 42—47. [Semanticheskaja diffuzion' v dvujazychnom aspekte / T. M. Shkapenko. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. — Kalinigrad, 2012. — Vyp. 8. — S. 42—47]. — (In Rus.)

20. Shmelev, A. D. Dmitry Shmelev // Domestic Linguists of the Twentieth Century (T - Ya) : collected works Ser.: Theory and History of Linguistics / Center for Humanity scientific-inform. investigations, Dep. of linguistics ; resp. ed. F. M. Berezin. — Moscow : Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2003. — P. 106—116. — Text : unmediated. [Dmitrij Nikolaevich Shmelev // Otechestvennye lingvisty HH veka (T — Ja) : sb. st. Ser.: Teorija i istorija jazykoznanija / Centr gumanit. nauch.-inform. issled., Otd. jazykoznanija ; otv. red. F. M. Berezin. — Moskva : Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2003. — S. 106—116. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

21. Shmelev, D. N. Problems of Semantic Analysis of Vocabulary (based on the material of the Russian language) / D. N. Shmelev. — Moscow : Science, 1973. — 280 p. — Text : unmediated. [Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo jazyka) / D. N. Shmelev. — Moskva : Nauka, 1973. — 280 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

22. Bär, Jochen. Geschichte der Sprache — Sprache der Geschichte: Probleme und Perspektiven der historischen Sprachwissenschaft des Deutschen / Jochen Bär, Marcus Müller. — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018. — 658 S. — Text : unmediated.

23. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. — 3. Auflage. — Mannheim u.a. : Dudenverl., 1999. — in 10 Bänden. — Text : unmediated.

24. Duden. In 12 Bänden. Band 7. Das Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache / hrsg. von der Dudenredaktion. [Red. Bearb. der 4. Aufl.: Brigitte Alsleben]. — Mannheim u.a. : Dudenverl., 2007. — 960 p. — Text : unmediated.

25. Duden. In 12 Bänden. Band 11. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. von der Dudenredaktion.

[Red. Bearb. Der 3., Aufl.: Werner Scholze-Stubenrecht, Wolfgang Worsch]. — Mannheim u.a. : Dudenverl., 2008. — 969 p. — Text : unmediated.

26. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart / hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. — URL: <https://www.dwds.de/> (date of access: 21.01.2020). — Text : electronic.

27. Pörksen Uwe. Plastikwörter — Die Sprache einer internationalen Diktatur. — Stuttgart : Klett-Cotta, 2012. — 128 S. — Text : unmediated.

28. Pörksen Uwe. Plastikwörter oder die Mathematisierung der Umgangssprache / Pörksen Uwe. — Text : electronic // Sprachlabor / ADOLPH Verlag GmbH. — URL: <http://www.doku.net/artikel/plastikwoe.htm> (date of access: 18.02.2020).

Т. Г. ПоповаВоенный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723 **К. А. Кокорина**Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: — **E-mail:** tatyana_27@mail.ru; smal.ksen@mail.ru.**Вербально-речевой уровень языковой личности
(на материале выступлений Д. Трампа)**

АННОТАЦИЯ. Одно из актуальных направлений современной политической лингвистики — составление речевых портретов политических лидеров. Политическая лингвоперсоналогия позволяет рассматривать языковую личность политика с двух позиций: как конкретного автора высказываний с рядом характеристик (характер, интересы, мотивы) и как типичного представителя той или иной лингвокультуры. В данной работе анализируются выступления президента США Д. Трампа с целью составить его речевой портрет. Анализ сконцентрирован на вербально-семантическом уровне языковой личности (базовом, включающем лексикон). Выступления Д. Трампа наполнены чувством патриотизма, часто наблюдается обращение к национальным американским ценностям — демократии, свободе личности, правам человека. Выступления политика изобилуют лексическими повторами и редупликацией, которые чаще всего используются для привлечения внимания аудитории к какому-либо факту действительности или с целью убеждения реципиента и акцентирования внимания на каком-то определенном предмете. Часто Д. Трамп прибегает к тактике высказывания благодарности. Другое средство интимизации коммуникативной ситуации — частотное употребление фразовых глаголов. Для усиления эмоционального воздействия, особенно во время проведения дебатов, задействуется не вписывающаяся в традиции политического дискурса бранная лексика. Как правило, публичные выступления президента США эмоционально окрашены, в том числе за счет метафор и эпитетов. Таким образом, Дональд Трамп проявляет себя как сильный оратор, способный дискредитировать оппонента речезыковыми приемами, создающий о себе впечатление как о человеке, близком к народу; апелляция к ключевым американским ценностям способствует достижению поставленных президентом политических целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; речевая личность; политический дискурс; речевые портреты; лингвоперсоналогия; политические деятели; американские президенты; политическая риторика; политические речи; политические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: tatyana_27@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кокорина Ксения Александровна, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: smal.ksen@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова, Т. Г. Вербально-речевой уровень языковой личности (на материале выступлений Д. Трампа) / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 105-110. — DOI 10.26170/pl20-02-11.

Интерес к исследованию вербально-речевого уровня языковой личности обусловлен актуальностью рассмотрения данных проблем, по поводу которой А. П. Чудинов заметил, что «на сегодняшний день одним из направлений политической лингвистики является составление речевых портретов политических деятелей. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что языковые средства в политическом дискурсе обладают определенной персуазивностью и манипулятивностью, а сам политический дискурс направлен на завоевание политической власти или ее удержание посредством различных речевых тактик и стратегий. Составление речевого портрета политического деятеля

на основе его публичных выступлений может способствовать пониманию не только того, как осуществляется манипуляция сознанием, какие речевые приемы используются для создания речевой манипуляции, но и проанализировать саму языковую личность того или иного политического деятеля» [Чудинов 2020: 9].

Вслед за Ю. Н. Карауловым мы придерживаемся следующих определений термина «языковая личность»: «...языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987: 38]. Кроме того, ученым была отмечена важ-

ность таких факторов, как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 245].

Таким образом, сам термин «языковая личность» уже предполагает наличие информации об авторе продуцируемого высказывания, которому присущи такие характеристики, как характер, определенный набор интересов, мотивов и тех или иных установок. Кроме того, изучение текстов под подобным углом зрения позволяет составить модель типичного представителя той или иной лингвокультуры.

Как отмечалось ранее, независимо от этапов развития языковой личности она характеризуется наличием определенных национально-культурных черт [Попова 2003: 36]. Существовая в той или иной лингвокультуре, каждый человек может принадлежать не к одной, а к нескольким культурам, которым соответствует свой вариант языка или язык. Таким образом, можно говорить о многослойности и многокомпонентности культурного самоопределения, где «каждому из самоопределений соответствует речевая личность» [Попова 2003: 36].

В данной работе представляется актуальным проанализировать публичные выступления президента США Дональда Трампа и составить на основе проведенного анализа его речевой портрет. В ходе анализа мы опирались на трехуровневую модель языковой личности Ю. Н. Караулова [Караулов 1987: 51], который выделяет такие уровни, как вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный.

Отметим, что данные уровни включают типовые для каждого из них элементы. Так, *вербально-семантический уровень* характеризуется наличием в нем лексических единиц, связанных между собой посредством грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных отношений. Вербально-семантический, или *лексический* уровень является базовым и формирует лексикон любой языковой личности, тогда как *лингвокогнитивный уровень* отличается присутствием в нем обобщенных понятий с элементами бытовых сведений, концептов и идей.

В качестве стереотипов на данном уровне принято выделять различные генерализованные высказывания, пословицы, крылатые выражения, а также афоризмы. *Мотивационный уровень* обладает наивысшей степенью индивидуализации, так как

элементами данного уровня выступают коммуникативно-деятельностные потребности. Так как базовым, формирующим лексикон любой языковой личности, является лексический уровень, в данном исследовании была предпринята попытка анализа и составления речевого портрета именно на основе данного яруса.

Неординарная на фоне других деятелей мировой политики личность Дональда Трампа представляет собой интерес для изучения не только с позиции политологии и социологии, но и с точки зрения лингвистики. Семидесятилетний президент Соединенных Штатов, в прошлом успешный бизнесмен, миллиардер, медиамагнат, президент строительной компании «Trump Organization», основатель проекта «Trump Entertainment Resorts», осуществляющего деятельность в игорном и гостиничном бизнесе, телеведущий и продюсер — так можно кратко охарактеризовать его собирательный портрет.

Анализ выступлений Президента США позволил выявить, что речи Дональда Трампа исполнены патриотизма. Очень часто в своих выступлениях политик использует обращение к общеамериканским ценностям — демократии, свободе, свободе личности, правам человека. Приведем некоторые подобные высказывания, в которых наблюдается апелляция к патриотическим чувствам аудитории:

Today, we come together as one nation to salute the veterans of the United States Armed Forces [Donald Trump Delivers Remarks on Veterans Day in New York City URL].

В следующем своем высказывании Дональд Трамп имплицитно отмечает единение американцев, переживших события 11 сентября: *For every American who lived through that day, the September 11th attack is seared into our soul* [Donald Trump Addresses a 9/11 Observance Ceremony at The Pentagon URL].

Во многих речах президента США звучат слова не только о единстве нации, единстве народа, но и о возрождении былой, «великой» Америки. Часто для этого используются словосочетания с лексемой *again*: *great again, strong again, successful again*. Используя лексему *again* в текстах своей политической кампании в различных выражениях, Дональд Трамп ненавязчиво заставляет реципиентов вспомнить ту эпоху, которая была для США наиболее успешной в плане развития страны. Более того, уже ставшей крылатой фразой — слоганом предвыборной кампании *we will make America Great again* он обещает создать необходимые условия для возрождения Америки, которая когда-то была великой сверхдержавой, но потеряла былое мо-

гущество во времена правления Барака Обамы.

В качестве примера приведем следующее высказывание Дональда Трампа: *Under a Trump administration, no American citizen will ever feel again that their needs come second to the citizens of foreign countries* [Donald Trump's Foreign Policy Speech URL].

Как мы видим, частотное употребление Дональдом Трампом лексемы *again* в предвыборных речах заставляет аудиторию вспомнить и осознать, что интересы граждан Америки не во все периоды учитывались руководством страны и превалировали над интересами граждан других государств. В этой связи приведем такое высказывание Дональда Трампа: *Under a Trump administration, no American citizen will ever feel again that their needs come second to the citizens of foreign countries* [Donald Trump's Foreign Policy Speech URL].

Отмечая несомненную важность ценностей и единства нации, необходимо отметить частое употребление Дональдом Трампом местоимения *we* с целью создания атмосферы единения американского общества: *наша общая победа, мы вернули Америку, все это заслуга не президента, а народа*.

В данном контексте приведем следующие высказывания Дональда Трампа: *I will say this: We have the best economy we've ever had in the history of our country. Our country is doing really great* [Donald Trump Addresses the Launch of 'Black Voices for Trump' in Atlanta URL].

Процитируем еще одно высказывание Дональда Трампа, где местоимение *we* используется с целью создания атмосферы единения американского общества: *Just last week, we announced that we smashed expectations and created 266,000 jobs in November — a number that was unthinkable a day before* [Donald Trump Delivers Remarks at Child Care and Paid Leave Summit URL].

Наряду с прочими приемами, выступления Д. Трампа изобилуют лексическими повторами и редупликацией, которые чаще всего используются для привлечения внимания аудитории к какому-либо факту действительности или с целью убеждения реципиента и акцентирования внимания на каком-то определенном предмете: *Tremendous amounts of work has been done, and tremendous, frankly, amounts of money has been donated* [Donald Trump Delivers Remarks on Veterans Day in New York City URL].

Кроме этого, для усиления эмфазы в речи политика используется такой прием, как анафора: *You waited, you prayed, you answered that most dreaded call, and your life*

changed forever [Donald Trump Addresses a 9/11 Observance Ceremony at The Pentagon URL]. Как правило, анафора используется для создания положительно окрашенного текста, однако данной анафорической градацией политик возвращает аудиторию к трагическим событиям, произошедшим 11 сентября 2001 г., заставляя снова ощутить те эмоции, которые были пережиты американцами.

Также нужно отметить, что весьма часто Дональдом Трампом используется тактика благодарения. Большинство своих выступлений Президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп начинает со слов «thank you». К примеру, свое выступление 8 ноября 2019 г. в Атланте Дональд Трамп начинает с многочисленных повторов фразы «thank you», благодаря всех собравшихся: *Thank you very much. Thank you. Thank you. What a group. Wow. Thank you* [Donald Trump Addresses the Launch of 'Black Voices for Trump' in Atlanta URL].

Для сравнения приведем вариант выражения благодарности Бараком Обамой: *Let me express my deepest gratitude for the privilege of addressing this convention* [Okihiro 2004: 375]. Примечательно то, что с целью благодарности аудитории Дональд Трамп использует не лексические единицы высокого регистра или официально-делового стиля, на которых строится политический дискурс, а обыденные, просторечные выражения.

Кроме тактики благодарения, политик часто пользуется иными приемами интимизации коммуникации с аудиторией. Так, например, в своих выступлениях перед гражданами Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп часто прибегает к использованию различных фразовых глаголов: *It doesn't play well because it was perfect, so he made up a totally false conversation with the Ukrainian President and we caught him cold* [Donald Trump Holds a Political Rally in Dallas URL].

Отметим, что приведенные нами цитаты составляют лишь небольшую часть найденных примеров использования фразовых глаголов в речи президента США, поскольку практически все выступления Дональда Трампа чрезвычайно насыщены подобными единицами.

Просторечные выражения служат Дональду Трампу для выстраивания коммуникативных стратегий, направленных на сближение с адресатом, которым в данном случае является американское общество. Такие приемы применяются политиком с целью стать «ближе к народу», сойти за «своего парня», дать понять простым жителям Америки, что «сильные мира сего» близки к

народу и говорят с ним на одном языке.

В ходе проводимого исследования речевого портрета Дональда Трампа на материале его выступлений 2019 г. нами было выявлено, что в своих выступлениях президент Соединенных Штатов Америки достаточно широко использует девиантную (ненормативную) лексику. Так, например, в одном из своих выступлений Дональд Трамп называет представителя Республиканской партии Бето О'Рурке *poor bastard*, а объявление импичмента — *bullshi*. Кроме того, в речи Дональда Трампа достаточно часто присутствуют выражения со словом *hell* [Mann URL].

Этот прием также используется политиком для привлечения внимания к своей персоне и проблемам, которые он поднимает у малообразованных слоев населения Америки. Кроме того, подобные лексические средства низкого регистра служат для создания резко негативной или, наоборот, крайне положительной оценки и определенной эмоциональности речи.

Итак, проанализировав некоторые предвыборные и публичные выступления Дональда Трампа, можно сделать выводы о том, что в своих речах политик старается использовать тактику интимизации, или сближения с аудиторией, которая заключается в использовании различных просторечных выражений, фразовых глаголов и нередко просторечной лексики.

Немаловажной особенностью интимизации является и тактика благодарения. В ходе анализа было выявлено, что практически каждое публичное выступление Дональд Трамп начинает с выражения благодарности своей аудитории, зачастую привычным всем выражением «*thank you*», опуская соответствующие официально-этикетные формы.

Еще одной характерной особенностью Президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа является апеллирование к ключевым американским ценностям — свободе, свободе воли, правам человека, демократии, а также обращения к патриотическим чувствам. Нередко в своих выступлениях Дональд Трамп затрагивает тему единства американской нации, призывая всем вместе возродить былую Америку. Это достигается с помощью использования личного местоимения *we* и притяжательного *our*. Кроме того, стоит отметить тот факт, что нередко в своих речах Дональд Трамп выступает в качестве сильного обвинителя, который использует тактику дискредитации с целью очернения идеологического оппонента, как это происходило, например, с Баракком Обамой и Хиллари Клинтон.

Как правило, публичные выступления

Президента США эмоционально окрашены. Эмоциональность и оценочность достигается не только употреблением им фразовых глаголов и лексики сниженного регистра, но также и присутствием в речи различных экспрессивно-выразительных средств, таких как эпитеты и метафоры. Публичные выступления Дональда Трампа часто бывают резкими, выражения гиперболизированными, а оценочность в них может доходить до крайности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, используя вышеперечисленные тактики и речевые приемы, Президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп проявляет себя как сильный оратор, способный дискредитировать оппонента. В то же время тот факт, что речь Президента США изобилует просторечными выражениями и отличается от речи многих политиков, говорит о том, что эти речевые приемы способствуют созданию впечатления о нем как о человеке, близком к своему народу, а апелляция к ключевым американским ценностям способствует достижению им поставленных перед собой политических целей.

ИСТОЧНИКИ

1. Donald Trump Delivers Remarks on Veterans Day in New York City // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-veterans-day-new-york-city-november-11-2019> (date of access: 15.12.2019). — Text : electronic.
2. Donald Trump's Foreign Policy Speech // The New York Times : site / The New York Times Company. — URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html> (date of access: 17.12.2019). — Text : electronic.
3. Pledge from Trump to 'Make America Great Again' // YouTube : site. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XZn8tFblSpo> (date of access 15.12.2019). — Video : electronic.
4. Donald Trump Addresses the Launch of 'Black Voices for Trump' in Atlanta // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-black-voices-for-trump-atlanta-november-8-2019> (date of access: 17.12.2019). — Text : electronic.
5. Donald Trump Delivers Remarks at Child Care and Paid Leave Summit // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-child-care-parental-leave-summit-december-12-2019> (date of access: 17.12.2019). — Text : electronic.
6. Speech: Donald Trump Addresses Troops on Thanksgiving in Afghanistan - November 28, 2019 // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-afghanistan-thanksgiving-november-28-2019> (date of access: 18.12.2019). — Text : electronic.
7. Donald Trump Speech Transcript at Greenville, North Carolina Rally 'MAGA' Event // Rev.com : site. — 2019. 17 July. — URL: <https://www.rev.com/blog/donald-trump-maga-event-speech-transcript-north-carolina-rally> (date of access: 18.12.2019). — Text : electronic.
8. Donald Trump Holds a Political Rally in Dallas // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-kag-rally-dallas-texas-october-17-2019> (date of access: 15.12.2019). — Text : electronic.
9. Mann, W. The cursing president / Windsor Mann. — Text : electronic // The Week : site. — 2019. 7 Nov. — URL: <https://theweek.com/articles/875118/cursing-president> (date of access: 18.12.2019).
10. Donald Trump Addresses a 9/11 Observance Ceremony at The Pentagon // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL:

<https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-september-11-observance-ceremony-september-11-2019> (date of access: 16.12.2019). — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

11. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 257 с. — Текст : непосредственный.

12. Попова, Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : моногр. / Татьяна-

на Георгиевна Попова ; Московский гос. обл. ун-т. — Москва : Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. — 145 с. — Текст : непосредственный.

13. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2020. — 256 с.

14. Okihiro, G. Y. The Great American Mosaic: An Exploration of Diversity in Primary Documents / Gary Y. Okihiro. — Santa Barbara, CA : Greenwood, 2014. — 1744 p. — Text : unmediated.

T. G. Popova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4365-6723

K. A. Kokorina

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: tatyana_27@mail.ru; smal.ksen@mail.ru.

The Verbal Communication Level of a Linguistic Personality (Based on Public Speeches of D. Trump)

ABSTRACT. *One of the urgent research areas of modern political linguistics deals with constructing verbal portraits of political leaders. Political linguopersonology allows studying the linguistic personality of a politician from two perspectives: as a concrete author of certain utterances with a number of personal characteristic features (temper, interests, motives) and as a typical representative of a certain linguoculture. This paper analyzes public speeches of the US President D. Trump with the purpose of making up his verbal portrait. The analysis focuses on the verbal-semantic level of the linguistic personality (basic one, including the lexicon). Trump's public speeches are full of the feeling of patriotism and contain numerous appeals to the traditional American values – democracy, freedom, personal freedoms and human rights. The speeches abound in lexical repetition and reduplication, which are most frequently used to attract the audience's attention to a certain fact of reality, or to convince the recipient and to focus their attention on a certain object. Trump often uses the tactics of thanking. Another means of intimidation of the communicative situation consists in frequent usage of phrasal verbs. In order to reinforce the emotional impact, especially during debates, Trump resorts to invective vocabulary, traditionally avoided in political discourse. As a rule, Trump's public speeches have an emotional coloring, and specifically due to the abundance of metaphors and epithets. Thus, D. Trump positions himself as a powerful public speaker capable to discredit the opponent by speech and language techniques, who can create the feeling of his being close to the people. His appeal to the key traditional American values facilitates the achievement of the political goals set by the American president.*

KEYWORDS: *linguistic personality; communication personality; political discourse; verbal portraits; linguopersonology; political figures; US presidents; political rhetoric; political speeches; political texts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Popova Tat'yana Georgievna, Doctor of Philology, Professor of English Department, Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kokorina Kseniya Aleksandrovna, Adjunct, English Department of the Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Popova, T. G. The Verbal Communication Level of a Linguistic Personality (Based on Public Speeches of D. Trump) / T. G. Popova, K. A. Kokorina // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 105-110. — DOI 10.26170/pl20-02-11.*

MATERIALS

1. Donald Trump Delivers Remarks on Veterans Day in New York City // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-veterans-day-new-york-city-november-11-2019> (date of access: 15.12.2019). — Text : electronic.

2. Donald Trump's Foreign Policy Speech // The New York Times : site / The New York Times Company. — URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html> (date of access: 17.12.2019). — Text : electronic.

3. Pledge from Trump to 'Make America Great Again' // YouTube : site. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XZn8tFblSpo> (date of access 15.12.2019). — Video : electronic.

4. Donald Trump Addresses the Launch of 'Black Voices for Trump' in Atlanta // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-black-voices-for-trump-atlanta-november-8-2019> (date of access: 17.12.2019). — Text : electronic.

5. Donald Trump Delivers Remarks at Child Care and Paid Leave Summit // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL:

<https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-child-care-parental-leave-summit-december-12-2019> (date of access: 17.12.2019). — Text : electronic.

6. Speech: Donald Trump Addresses Troops on Thanksgiving in Afghanistan - November 28, 2019 // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-afghanistan-thanksgiving-november-28-2019> (date of access: 18.12.2019). — Text : electronic.

7. Donald Trump Speech Transcript at Greenville, North Carolina Rally 'MAGA' Event // Rev.com : site. — 2019. 17 July. — URL: <https://www.rev.com/blog/donald-trump-maga-event-speech-transcript-north-carolina-rally> (date of access: 18.12.2019). — Text : electronic.

8. Donald Trump Holds a Political Rally in Dallas // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-kag-rally-dallas-texas-october-17-2019> (date of access: 15.12.2019). — Text : electronic.

9. Mann, W. The cursing president / Windsor Mann. — Text : electronic // The Week : site. — 2019. 7 Nov. — URL: <https://the>

week.com/articles/875118/cursing-president (date of access: 18.12.2019).

10. Donald Trump Addresses a 9/11 Observance Ceremony at The Pentagon // Factbase : site / FactSquared, Inc. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-september-11-observance-ceremony-september-11-2019> (date of access: 16.12.2019). — Text : electronic.

REFERENCES

11. Karaulov, Yu. N. Russian Language and Linguistic Personality / Yu. N. Karaulov. — Moscow : Science, 1987. — 257 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. — Moskva : Nauka, 1987. — 257 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Popova, T. G. National-cultural Semantics of the Language and Cognitive-sociocommunicative Aspects (based on English, German and Russian languages) : monograph. / Tatyana Geor-

gievna Popova ; Moscow State Reg. Univ. — Moscow : Publishing House of the MGOU "People's Teacher", 2003. — 145 p. — Text : unmediated. [Natsional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sotsiokommunikativnye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) : monogr. / Tat'yana Georgievna Popova ; Moskovskiy gos. obl. un-t. — Moskva : Izd-vo MGOU «Narodnyy uchitel'», 2003. — 145 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Chudinov, A. P. Political Linguistics: a Training Manual / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta, 2020. — 256 p. [Politicheskaya lingvistika : uchebnoe posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta, 2020. — 256 s.]. — (In Rus.)

14. Okihiro, G. Y. The Great American Mosaic: An Exploration of Diversity in Primary Documents / Gary Y. Okihiro. — Santa Barbara, CA : Greenwood, 2014. — 1744 p. — Text : unmediated.

Е. М. Семенова

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5923-6032

Н. И. Налётова

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: —

 E-mail: semenovae63@gmail.com; askin06@mail.ru.

Политическая ценность архетипической метафоры (на примере анализа современного американского медиадискурса)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию результатов исследования речевоздействующего потенциала архетипической метафоры, выполненного в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы на материале современного американского политического медиадискурса. В работе представлена идеализированная когнитивная модель (ИКМ) архетипической бинарной оппозиции LIGHT/DARK, состоящая из набора классификационных когнитивных признаков (ККП), а именно: *эвалюативного (оценочного)*; *экспликативного (концепт LIGHT) / имплицативного (концепт DARK)*; *прецедентно-референтного и интегративного*. Установлено, что выявленные признаки определенным образом структурированы в рамках рассматриваемой ИКМ. Анализ архетипической метафоры (АМ), репрезентирующей вышеуказанные концепты, позволяет интерпретировать данное языковое явление в терминах политической ценности, под которой в рамках данной статьи понимается способность АМ оказывать определенное политическое воздействие на массовое сознание. Проведенное исследование показало, что наиболее значимая функция архетипической метафоры заключается в формировании разного рода оценочного отношения к политической реальности: объективного, субъективного или прескриптивного. Довольно активно проявляют себя экспликативный (концепт LIGHT) и имплицативный (концепт DARK) потенциал АМ, представляющей рассматриваемую бинарную оппозицию. Акцентуация религиозных знаний, культурных и этических норм посредством АМ, как и обращение внимания аудитории на негативные исторические события, происходящие как в США, так и в мире, также способствует формированию определенной политической ментальности в социуме, но в наименьшей степени. Полученные выводы свидетельствуют об актуальности выбранного когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию архетипической метафоры и позволяют прогнозировать достижение перспективных результатов при анализе речевоздействующего потенциала АМ не только в рамках политического медиадискурса, но и в других областях знаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; архетипические метафоры; политический дискурс; когнитивные признаки; бинарная оппозиция; американские СМИ; когнитивная лингвистика; метафорические модели; метафорическое моделирование; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Семенова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и переводоведения, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 190103, Россия, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр-д, д. 44, лит. А; e-mail: semenovae63@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Налётова Наталья Иннокентьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и переводоведения, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 190103, Россия, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр-д, д. 44, лит. А; e-mail: askin06@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Семенова, Е. М. Политическая ценность архетипической метафоры (на примере анализа современного американского медиадискурса) / Е. М. Семенова, Н. И. Налётова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 111-119. — DOI 10.26170/pl20-02-12.

В настоящее время исследования метафоры и ее роли в политическом дискурсе довольно популярны среди лингвистов, работающих в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, предполагающей «совмещение методов, ориентированных на различные аспекты исследования, в частности, совмещение когнитивного метода с критическим анализом дискурса или контент-анализом» [Будаев, Чудинов 2006]. В ряду ведущих ученых, представляющих это направление, следует назвать такие имена, как А. Н. Баранов, Э. В. Будаев,

Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, С. А. Шомова и др.

Все чаще появляются работы, авторы которых сосредотачивают свое внимание на особом виде метафоры — архетипической, под которой, по словам С. А. Шомовой, понимаются «такие метафоры, которые опираются на универсальные архетипы, служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения» [Шомова 2016].

Как известно, основателем теории архе-

типической метафоры в политическом дискурсе является американский лингвист М. Осборн, пришедший к определенным выводам в ходе исследований сферы образов СВЕТ — ТЬМА, проведенных им на материале текстов риторического жанра.

Уже в 1967 г. в широко известной статье «Archetypical Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family» М. Осборн указывал на то, что риторика предполагает использование повторяющихся паттернов, позволяющих отследить эволюцию заключающихся в них образов: «one could study the speeches of a man, or speeches of a certain type, or the public address of different ages, in order to determine *preferred patterns of imagery* or to trace the evolution of a *particular image*» [Osborn 1967: 115].

Наиболее активно используемым для создания образности языковым средством, по его наблюдениям, является архетипическая метафора, которую ученый рассматривает не только «как коммуникативный стимул», но и «как ментальный отклик». «Как стимул она является идентификацией идеи или объекта через знак, который, как правило, обозначает совершенно другую мысль или объект. Как отклик, метафора является взаимодействием двух мыслей или интерпретантов, один из которых возникает из обычного значения знака-стимула, а другой — из его особого значения, приобретаемого в данном контексте» [Osborn 2011: 245].

Основываясь на результатах, полученных американским ученым М. Осборном в области изучения особенностей метафорического представления информации в ходе выступлений, современные исследователи идут дальше, указывая на перспективы лингвокогнитивного анализа образных языковых средств, применяемых продуцентами политического дискурса.

В данной работе, в частности, предлагаются некоторые выводы, полученные автором статьи в результате эмпирического исследования бинарной оппозиции LIGHT/DARK и построения идеализированной когнитивной модели архетипической бинарной оппозиции (АБО), представляющей собой набор когнитивных признаков, репрезентируемых посредством архетипических концептов (АК).

Итогом лингвокогнитивного анализа метафорических способов номинации архетипических концептов в современных американских СМИ явилось выделение четырех классификационных когнитивных признаков (ККП) в структуре каждого компонента оппозиции, а именно: *эвалюативного* (оценочного) ККП; *экспликативного* (концепт LIGHT) / *имплекативного* (концепт DARK) ККП; *прецедентно-референтного* ККП; *интегра-*

тивного ККП [Семенова 2019].

Внесем некоторую ясность относительно предлагаемой терминологии. *Эвалюативный* ККП отражает то или иное оценочное мнение субъекта речи относительно политической реальности. *Экспликативный* ККП, свойственный концепту LIGHT, свидетельствует о том, что инициаторы коммуникативного взаимодействия стремятся к разъяснению общественно-политической ситуации, предоставлению информации и привлечению внимания аудитории к происходящему. *Имплекативный* ККП, реализуемый концептом DARK, обеспечивает нивелирование событий в процессе их восприятия аудиторией, скрывая (кодируя) и/или формируя амбивалентное отношение к определенному роду информации. *Прецедентно-референтный* ККП отсылает реципиента к религиозным, моральным, культурологическим представлениям, составляющим фонд общих знаний людей о событиях, явлениях, фактах, имевших место в историческом прошлом. *Интеграционный* классификационный признак указывает на скрытое единство, целостный характер дихотомии, состоящей из антонимических по смыслу компонентов.

На представленных ниже диаграммах (рис. 1 и рис. 2) показано процентное соотношение количества языковых форм, репрезентирующих выделенные когнитивные признаки архетипической бинарной оппозиции.

Самые высокие показатели — у эвалюативного ККП (51,5 % примеров, иллюстрирующих концепт LIGHT, и 70,9 % — концепт DARK). Экспликативный ККП (концепт LIGHT) актуализируется в 36,2 % примеров, а имплекативный (концепт DARK) — в 17,6 %. Прецедентно-референтный ККП представлен почти равными долями (7 % и 6,8 %) для обоих концептов. Наименьшее число примеров приходится на интегративный ККП архетипической бинарной оппозиции (5,3 % и 4,7 % соответственно).

Проведенный квантитативный и качественный анализ политических контекстов позволил осуществить следующую интерпретацию полученных данных.

Высокую степень рекуррентности (частотности) *эвалюативного* признака оппозиции можно объяснить стремлением авторов политического дискурса прежде всего сформировать определенное оценочное мнение (*объективное, субъективное, прескриптивное, эмотивное, легитимно-референтное* и т. д.) у аудитории относительно политической реальности. Виды оценок коррелируют в этом случае с дифференциальными (частными) когнитивными признаками, выделенными внутри представленных выше ККП.

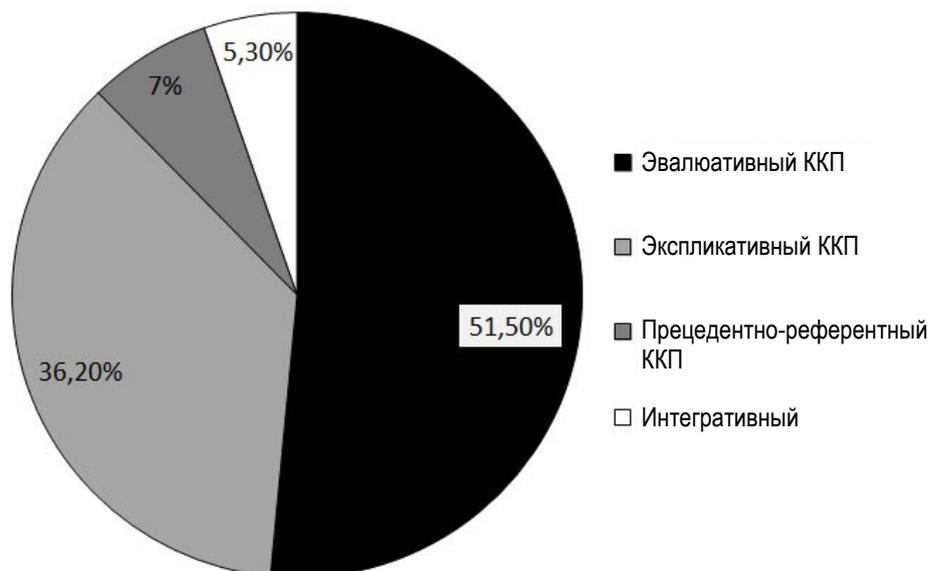

Рис. 1. Квантитативный анализ репрезентации когнитивных признаков концепта LIGHT в процентном соотношении

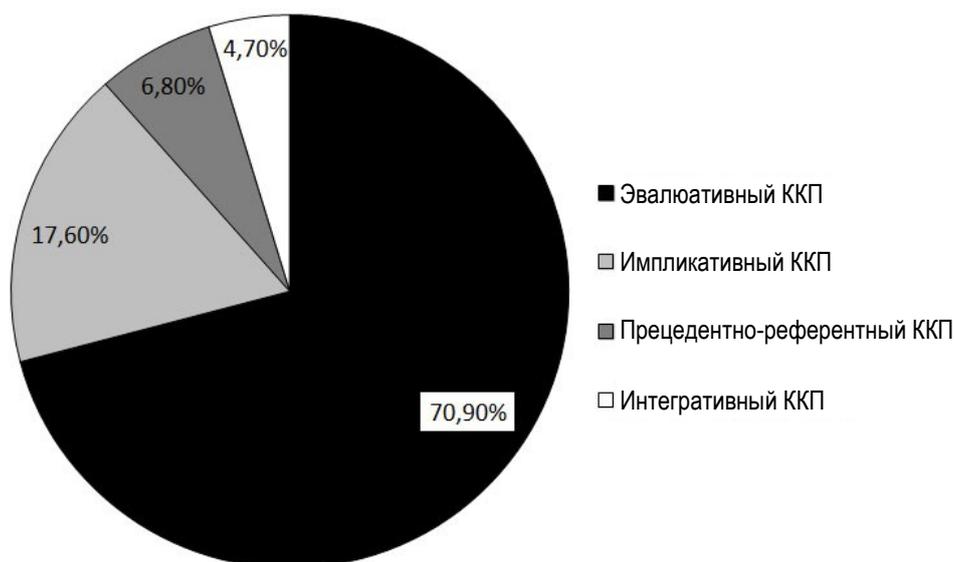

Рис. 2. Квантитативный анализ репрезентации когнитивных признаков концепта DARK в процентном соотношении

Достаточно частотная актуализация *экспликативного/имплицативного* ККП свидетельствует об активно проявляющейся интенции инициаторов коммуникативного взаимодействия фокусировать внимание общественности на одних событиях (разъясняя, уточняя, предавая гласности одни факты) и нивелировать другие (скрывая, кодируя, формируя амбивалентное отношение к определенному роду информации). Названные способы проявления данной пары признаков реализуются посредством *экспланаторного, информационного, аттрактивного* когнитивных признаков (для концепта LIGHT), *кодифицирующего* и *амбивалентного* (для концепта DARK).

Прецедентно-референтный ККП репрезентирован в гораздо меньшем количестве контекстов — это можно объяснить тем, что наполнение политических текстов историческими смыслами не является приоритетной задачей авторов дискурса. Их главная цель — сформировать отношение электората к настоящему моменту. Поэтому прошлое «работает» на настоящее главным образом тогда, когда говорящий апеллирует к духовным, культурологическим, этическим ценностям народа, формировавшимся на протяжении его истории, или обращается к облигатным фоновым знаниям, служащим фундаментом для миропонимания. Об этом свидетельствуют выделенные в рамках ККП

теологический, этический, культурологический (концепт LIGHT) и регрессивный КП (концепт DARK).

Что касается наименее частотного *интегративного* признака, объединяющего оба компонента оппозиции, то важно отметить следующее. Являясь базовым, глубинным, апеллируя к подсознанию, он сложнее всего поддается концептуализации, и именно поэтому так редко «проявляется» на поверхности дискурса. Свидетельствующий скорее о философской, миропостигающей сути архетипических образований, он интересен в большей степени с точки зрения теоретического осмысления архетипической бинарной оппозиции, чем в плане его практического применения в рамках дискурсивного общения, для инициаторов которого массовость целевой аудитории — главный критерий успешности взаимодействия.

Наличие не только общих, классификационных признаков, но и частных, дифференциальных послужило поводом для более глубокого анализа структуры рассматриваемой архетипической бинарной оппозиции и последующей интерпретации полученных данных с точки зрения их политической ценности.

Заметим, однако, что проведение четких границ между некоторыми дифференциальными когнитивными признаками, например *экспланаторным, информационным и аттрактивным* (концепт LIGHT), оказалось достаточно затруднительным. Это объясняется тем, что зачастую данные признаки семантически «накладываются» друг на друга, так как *информировать, не привлекая внимания* к факту, или *объяснить* суть явления, не давая информации о нем, в принципе невозможно. Осуществляя это разграничение, мы придерживались позиции А. Медоуз:

«Если мы хотим изучить что-то, приходится прибегать к упрощениям, а значит, вводить искусственные границы. Нам приходится их придумывать, чтобы модель была доходчивой и адекватной» [Медоуз 2015: 103].

Теоретической основой данного подхода послужили представления о некоторой условности, присущей процессу категоризации в принципе и неизбежной в частности при структурировании концептов. Как пишет Е. В. Дзюба, «большинство ученых соглашались с идеей о наличии структуры у концепта, признавая *условность* данного положения... при этом в структуре концепта выделяют единицы разных уровней, *границы* которых, безусловно, весьма *расплывчатые*» [Дзюба 2018: 141].

Квантитативный анализ выявленных *дифференциальных* когнитивных признаков позволил прийти к результатам, которые представлены в форме таблицы.

Прокомментируем выявленные корреляции относительно *эвалюативного классификационного признака*, актуального для обоих концептов.

Выявленное процентное соотношение «оценочных» признаков в структуре концепта LIGHT указывает на то, что средства массовой информации в большей степени стремятся к *объективному* (доказательному) комментарию политических событий. Ссылка на реальные обстоятельства служит средством уточнения, конкретизации информации, содержащейся в контексте. Ни позитивной, ни негативной оценки концепт LIGHT в данном случае не транслирует, он лишь определяет границы такой интерпретации актуального для субъекта речи событийного ряда, которая лишена предвзятости или, по крайней мере, производит впечатление таковой.

Таблица 1

Квантитативный анализ дифференциальных когнитивных признаков концептов LIGHT/DARK

Концепт LIGHT		Концепт DARK	
<i>Эвалюативный ККП</i>		<i>Эвалюативный ККП</i>	
Объективный КП	55,0 %	Эмотивно-перцептивный КП	49,0 %
Прескриптивный КП	24,3 %	Компликативный КП	33,0 %
Субъективный КП	20,7 %	Легитимно-референтный КП	18,0 %
<i>Экспликативный ККП</i>		<i>Имплицативный ККП</i>	
Информативный КП	61,0 %	Кодифицирующий КП	67,5 %
Аттрактивный КП	27,0 %	Амбивалентный КП	32,5 %
Экспланаторный КП	12,0 %		
<i>Прецедентно-референтный ККП</i>		<i>Прецедентно-референтный ККП</i>	
Теологический КП	52,0 %	Регрессивный 100,0 %	
Культурологический КП	34,0 %		
Этический КП	14,0 %		

Рассмотрим более подробно один из контекстов: «Several U. S. military and civilian leaders have pressed the White House to reconsider in recent weeks as the rebels have made gains and Russian President Vladimir Putin has shown no sign of halting Moscow's aggressive intervention in Ukraine. A senior administration official said Wednesday that the White House was "reevaluating our security assistance" to Ukraine *in light of intensified fighting* there and that Vice President Biden would discuss the issue with Ukrainian President Petro Poroshenko and German Chancellor Angela Merkel this week in Europe» [WP 2015 (150205)].

Предметом анализа в данном контексте является метафорическое выражение «*in light of intensified fighting*», которое можно квалифицировать как способ представления сложившейся на Украине ситуации, детерминирующей политические решения, принимаемые Белым домом. Вместе с тем автор не просто ссылается на объективные внешнеполитические обстоятельства, но присваивает им рациональную оценку посредством интенсификации метафорического выражения «*in light of fighting*» (*в свете борьбы*) при помощи атрибутива «*intensified*» (*усилившейся*). Таким образом субъект высказывания («*a senior administration official*»), имплицитно характеризуя сложившуюся ситуацию как обострившуюся, опасную, серьезную (понятные ментальные репрезентации, вытекающие из представления об усилившемся противостоянии воюющих сторон), аргументирует свою позицию в отношении необходимости пересмотра политики правительства США по оказанию помощи Украине в ходе обеспечения ее безопасности («*reevaluating our security assistance to Ukraine*»).

Базовая аргументация, репрезентированная метафорическим по своей природе выражением «*in light of*», поддерживается ссылкой на дополнительные обстоятельства, которая осуществляется при помощи приема «навязывания пропозиции» (термин В. Е. Чернявской) [Чернявская 2018: 65]. Синтаксическая структура высказывания «*Russian President Vladimir Putin has shown no sign of halting Moscow's aggressive intervention in Ukraine*» предполагает, что факт нападения (агрессивной интервенции) Москвы в Украину является очевидным и априори не вызывает ни у кого сомнений. Данное высказывание усиливает «объективность» аргументации в пользу пересмотра предпринимаемой Белым домом политики относительно Украины, указывая на негативный прогноз развития событий, связанный, по мнению автора, с интенцией президента Путина «про-

должать политику агрессивного вмешательства в дела соседнего государства».

Субъективная оценочная интерпретация реальности встречается в контекстах, где речь идет о конкретных политических фигурах (Д. Трампе, В. Путине, Б. Обаме, Ф. Рузвельте, О. Кромвеле и т. д.) или представителях определенной социальной (религиозной) общности. Личностная оценка автора дискурса, не предполагаемая «законами» медийного жанра, становится возможной лишь в том случае, когда объектом дискурса являются не события, а люди, которые в них участвуют или от которых в той или иной степени зависит их ход.

Обратимся к примеру: «*Republicans object to the Paycheck Fairness Act, saying it would cut flexibility in the workplace for working mothers and end merit pay. But they agree with equal pay for equal work, and that it's illegal to discriminate based on gender, they say. Republicans also jumped on a report issued Monday that put the Obama administration in an awkward light*. An analysis by the American Enterprise Institute found that among White House staff, the median salary for women is 88 percent less than the median salary for men» [ChS Monitor 2014 (140408)].

Оценка деятельности администрации Б. Обамы реализуется в контексте посредством архетипического метафорического выражения «*in light (of)*», сопровождаемого интенсификатором «*awkward*». Тот факт, что зарплата женщин, работающих в администрации Белого дома, на 88 % ниже по сравнению с мужчинами, занимающими те же должности, дал основание репортеру охарактеризовать деятельность президента посредством этической оценки. При этом он не оценивает негативно выполнение обязанностей Б. Обамой в целом, он говорит лишь о том, что вскрытый Американским исследовательским институтом факт несправедливой оплаты труда по гендерному признаку «освещает деятельность администрации Б. Обамы в нелюбимом свете» («*put the Obama administration in an awkward light*»). Подчеркивается, что полученные в результате независимых исследований данные потенциально ставят президента в неловкое положение, характеризуя его не с лучшей стороны.

Анализ *прескриптивного* (предписывающего определенные (не)действия) когнитивного признака показал, что количество «разрешающих» выражений, представленных метафорическим словосочетанием «*a green light*», преобладает над теми, которые опираются на «запрещающую» коннотацию, присущую метафорическому словосочета-

нию «a red light». Превалирующая мелиоративная модальность коррелирует, на наш взгляд, с интенцией авторов дискурса подчеркнуть положительные изменения в стране, вместо того чтобы концентрировать внимание массовой аудитории на безуспешности попыток власти улучшить положение дел посредством наложения запретов.

Приведем пример, иллюстрирующий данные наблюдения: «Yet the Germans, and other fiscally conservative E.U. nations, are fearful of sending the wrong message by granting Greek demands. They are particularly concerned about Spain, home to a fast-growing far-left party closely allied with Greece's Syria, and where a new deal for Athens could be seen as **a green light** for propelling radical parties to power. The Germans remain highly skeptical of the Greek government's first actions in office — including the rolling back of privatization efforts. And some analysts doubt whether Berlin will ever warm to the exotic new debt deals Greece is putting on the table» [WP 2015 (150204)].

Предметом анализа является следующая пропозиция: «A new deal for Athens could be seen as *a green light* for propelling radical parties to power». («Поддержка политики нового правительства Греции некоторыми странами Евросоюза (в частности Испанией) может быть воспринята мировым сообществом как готовность (a green light) активно продвигать (propelling) радикальные партии к власти»).

Метафорическое выражение «a green light», ассоциирующееся в сознании реципиента с зеленым светом светофора, разрешающего движение на дороге, в данном контексте позволяет интерпретировать пропозицию в терминах готовности некоторых политических кругов согласиться с очевидно прогнозируемыми последствиями решений нового правительства Греции. «Дать зеленый свет» в данном контексте означает «не препятствовать», «принять как должное», «позволить», «согласиться».

Одной из когнитивных характеристик словосочетания «green light» является его адаптивная природа, обеспечивающая возможность человеку приспособиться к окружающему миру, адекватно в нем сориентироваться. Данный признак полностью коррелирует с базовым значением архетипа, лежащего в основе языкового выражения, который может интерпретироваться в рамках метафорической модели «СВЕТ ЕСТЬ ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О МИРЕ». Зеленый сигнал светофора, с которым подсознательно мы ассоциируем окказиональное метафорическое выражение, сохраняет ключевое значение архетипического концепта, уточняя, кон-

кретизируя его в рамках данной пропозиции.

Следует отметить, что метафорическая проекция в этом случае основывается на другом языковом явлении, связанном с переносом концептуализации одной сферы опыта на другую, а именно — метонимии. Ведь зеленый свет светофора и свет как архетипическая категория — явления одного порядка, и семантический сдвиг происходит в рамках одной и той же категории. При этом метонимические отношения могут быть описаны в соответствии со следующим алгоритмом: ЗНАК означает ДЕЙСТВИЕ (SIGN FOR ACTION).

В границах рассматриваемого политического контекста данная метафора имплицитно «вскрывает» готовность определенных политических сил согласиться с последствиями новой политики правительства Греции — позицию, которая не может быть озвучена открыто в силу заведомой невозможности получения поддержки со стороны стран Евросоюза. Можно предположить, что использование архетипа LIGHT, а именно его адаптивной природы, указывает на стремление некоторых стран занять двойственную политическую позицию: открыто провозгласив согласие с правительством Греции, одновременно подспудно выразить поддержку другим радикальным политическим силам.

Обратимся далее к анализу *эволютивного* ККП концепта DARK.

Популярность *эмотивно-перцептивного компонента* в когнитивной структуре концепта DARK представляется вполне объяснимой, так как недовольство людей проводимой политикой всегда превалирует над способностью и желанием рационально оценить *сложности* политической ситуации, представляемой *компликативным дифференциальным признаком*, или разобраться в степени ее законности (*легитимно-референтный дифференциальный признак*).

Анализ контекстов показал, что наличие негативной составляющей в высказываниях аксиологического характера, имеющих в своем составе концепт DARK, может быть связано со страхом, непониманием того, что происходит на самом деле, ожиданием худшего, неверием в честность политических деятелей, неуважением политических лидеров, низкой оценкой исторической роли страны в целом.

Так, предлагая отметить День независимости Америки в соответствии со своим настроением и политическими предпочтениями, газета «USA Today» обращает внимание читателей на популярный сериал, в центре сюжета которого — работа вымышленной администрации президента США: «“The

West Wing” — the obvious choice, but probably the best. In a busy, long and **dark election season**, West Wing is a good antidote. It’s got your patriotism, your walking-and-talking and also, most importantly, your positivity. If you’re looking for some pure political optimism, look no further» [USAT 2016 (160702)].

В качестве «противоядия» затянувшемуся «темному» избирательному периоду — «dark election season» (имеются в виду выборы президента США в 2016 г.) — автор статьи предлагает посмотреть политическую драму 10-летней давности, способную внушить оптимизм, позитивный настрой и возродить чувство патриотизма. Этот набор положительных эмоций, предположительно сопровождающих телезрителей во время просмотра сериала, имплицитно указывает на то, что реальная политическая жизнь, связанная с выборами президента США, далека от них. Слово «antidote» ясно указывает на контрастность переживаний, которые могут быть вызваны иллюзорной и истинной реальностями. Следовательно, дескриптор «dark» применительно к словосочетанию «election season» несет в себе противоположную по смыслу коннотацию — пессимизм, негативное отношение к происходящему, отсутствие патриотических чувств; это наиболее распространенное эмоциональное состояние, характерное для граждан США в период президентских выборов.

Анализ языковых выражений, иллюстрирующих *компликативный* когнитивный признак концепта, предполагает обращение к словосочетаниям, метафорический смысл которых указывает на периоды истории страны, сопряженные с трудными, кризисными ситуациями, требующими усилий для их преодоления, в связи с чем когнитивный признак и получил свою номинацию (от слова «complicated» — «сложный, трудный»).

Рассмотрим пример: «Our American political system with its deliberate checks and elaborate structures to balance many varied interests can succeed only if the people have faith in the system. Without civic faith that our political system is fair and tends toward justice, anger will prevail. Without the counterbalance of optimism, an election driven by the politics of anger and anxiety may usher in a **very dark period**» [DP 2015 (150913)].

Ключевые понятия, находящиеся в отношениях оппозиции к категории DARK в данном примере, выражены лексемами «faith», «justice» и «optimism», обозначающими общенациональные ценности, к которым апеллирует автор статьи, убеждая политиков их придерживаться в ходе избирательной кампании, чтобы избежать гнева и

тревоги («anger and anxiety»), способных привести страну к темному (тяжелому) периоду («very dark period»). Человек, испытывающий негативные эмоции, как правило, не в состоянии принимать взвешенных, осознанных решений, способных обеспечить «светлое будущее» ему самому или обществу, лидером которого он является. Последствия неосознанного руководства, «затемненного» такого рода восприятием мира, бывают непредсказуемыми и нежелательными. Другими словами, общество может оказаться в «темном (сложном) периоде» своего существования, под которым обычно понимается упадок, рецессия, возврат к прошлому.

Легитимно-референтный дифференциальный когнитивный признак актуализируется в контекстах, описывающих случаи нарушения законности. Например: «“Nesting doll” campaigns, in which one PAC gives to another to avoid disclosing donors, are increasingly common. Initiative 1464 would require more transparency, but *it doesn’t daylight “dark money”*, another kind of opaque campaign money» [ST 2016 (161015)].

Канал передачи «грязных денег», которые, говоря русским языком, нужно «отмыть», или представить как более «прозрачный» (законный), невозможно обнаружить и обнародовать. Другими словами, компании, участвующие в выборах незаконно, невозможно будет отследить вследствие передачи средств через подставные организации («Nesting doll» campaigns), осуществляемой специальными комитетами, организующими выборы (PAC). Развивая тему легитимности финансирования выборов, автор подчеркивает большую роль незаконных («грязных (темных) денег»), являющихся источником финансовой поддержки крупных компаний штата Вашингтон. «Dark money’s big role here. Dark money has fueled significant campaigns in Washington state» [Там же]. Слово «fuel» добавляет метафоричности контексту, указывая на тот факт, что существование компаний обеспечивается преимущественно за счет не вполне законных средств (*dark money*), которые «обеспечивают топливом» данные организации, как если бы они являлись механизмами, приводимыми в движение при помощи энергетического ресурса.

Запутанность, неясность ситуаций, связанных с финансированием избирательных кампаний, транслируемая в большинстве примеров, свидетельствует в пользу представленной выше аргументации, объясняющей «непопулярность» легитимно-референтного признака концепта DARK.

В заключение отметим, что архетипическая метафора в современном политическом

дискурсе обладает активным речевоздействующим потенциалом. Являясь средством актуализации когнитивных признаков архетипической оппозиции LIGHT/DARK, это языковое средство способствует формированию определенного концептуального восприятия информации политического характера, в чем и заключается его политическая ценность. При этом способы реагирования на содержание дискурса поддаются ранжированию, которое показало, что наиболее значимой функцией архетипической метафоры является формирование оценки политических событий — объективной, прескриптивной и субъективной в ходе вербализации концепта LIGHT и эмотивно-перцептивной, компликативной и легитимно-референтной в ходе репрезентации концепта DARK.

Акцентуация религиозных знаний, культурных и этических норм посредством архетипической метафоры, как и обращение внимания аудитории на негативный исторический опыт страны и мира, также способствуют формированию политических взглядов населения, но в наименьшей степени.

Довольно активно проявляется экспликативный потенциал архетипической метафоры (концепт LIGHT), как и присущая ей способность скрывать или обеспечивать противоречивую подачу информации (концепт DARK), оказывая тем самым манипулятивное воздействие на массовое сознание. Подтверждением последнего наблюдения может послужить замечание К. Кейси, который оценивает политический стиль Д. Трампа как «полный противоречий», а реакцию людей на его выступление описывает следующим образом: «The audience is caught in the perpetual liminality between defeat and triumph. By positioning his audience as *powerless yet invulnerable*, Trump can continue to go back to a renewable reserve of anger and bitterness to warrant cruelty against an ever-growing list of national enemies» [Casey 2019: 3].

E. M. Semenova

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia
ORCID ID: —

N. I. Naletova

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia
ORCID ID: —

E-mail: semenovae63@gmail.com; askin06@mail.ru.

Political Value of Archetypal Metaphor (in the Context of Modern US Media Discourse Analysis)

ABSTRACT. *The article is devoted to the description of the results obtained in the course of a study of the verbal impact potential of the archetypal metaphor. The research has been conducted within the cognitive-discursive paradigm in the context of current American political media-discourse. An idealized cognitive model (ICM) of archetypal LIGHT/DARK*

ИСТОЧНИКИ

1. Faiola, A. Greek leaders face German obstacle / A. Faiola. — Text : electronic // Washington Post. — 2015 (150204). — URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.2020).
2. Feldman, L. Equal pay: Can Obama's action overcome a cultural taboo? / L. Feldman. — Text : electronic // Christian Science Monitor. — 2014 (140408). — URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.2020).
3. PAC-to-PAC-to-PAC: 'Gray money' obscures donors, motivations in... // The Seattle Times. — 2016 (161015). — URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.2020). — Text : electronic.
4. When anger is a political weapon // Denver Post. — 2015 (150913). — URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.20). — Text : electronic.
5. Whitlock, C. Defense pick reveals an independent voice / C. Whitlock, M. Ryan. — Text : electronic // Washington Post. — 2015 (150205). — URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.2020).
6. 5 things to binge-watch 4th of July weekend // USA Today. — 2016 (160702). — URL: <http://corpus.byu.edu> (date of access: 20.01.2020).

ЛИТЕРАТУРА

7. Будаев, Э. В. Методология современной политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
8. Дзюба, Е. В. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2018. — Текст : непосредственный.
9. Медоуз, Д. Азбука системного мышления / Д. Медоуз ; пер. Н. Тарасовой, Е. Оганесян. — Бинوم. Лаборатория знаний, 2015. — Текст : непосредственный.
10. Осборн, М. Метафора в публичном выступлении / М. Осборн, Д. Энинггер ; пер. с англ. Т. Н. Зубакиной. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 244—253.
11. Семенова, Е. М. Онтология бинарных оппозиций, или «Темная сторона светлого». Анализ современного американского политического медиадискурса / Е. М. Семенова. — Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. — Текст : непосредственный.
12. Чернявская, Е. В. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих» / Е. В. Чернявская, Е. Н. Молодыхенко. — Москва : Ленанд, 2018. — Текст : непосредственный.
13. Шомова, С. А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации / С. А. Шомова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва : ВШЭ, 2016. — Текст : непосредственный.
14. Casey, K. R. Donald J. Trump and the rhetoric of resentment / K. R. Casey. — DOI 10.1080/00335630.2019.1698756. — Text : unmediated // Quarterly Journal of Speech. — 2020. — Vol. 106. — Iss. 1. — P. 2—24.
15. Osborn, M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family / M. Osborn. — DOI: <https://doi.org/10.1080/00335636709382823>. — Text : unmediated // Quarterly Journal of Speech. — 1967. — Vol. 53. — Iss. 2. — P. 115—126.

binary opposition represented by a set of certain classification cognitive attributes (CCA) is presented in the article. Among them *evaluative*, *explicit* (the LIGHT concept) / *implicit* (the DARK concept), *precedent-referential* and *integrative* CCA are to be named. The identified attributes are found to be definitely structured within the framework of the ICM examined. The analysis of archetypal metaphor (AM) representing the concepts allows revealing its cognitive potential in terms of political value. The term is supposed to indicate the ability of metaphor to have some political impact on mass consciousness. The research has shown that the most significant function of AM is to create diverse axiological attitudes to the political events. Likewise, both the explicit and the implicit potential of AM demonstrate themselves quite clearly. Emphasizing religious, cultural and ethics norms, together with attracting people's attention to negative historical events by means of AM, also contributes to the creation of certain political mentality in the society, but to a lesser degree. The results achieved corroborate the urgency of the cognitive-discursive approach to the study of the archetypal metaphor and make it possible to anticipate perspective results while investigating the AM verbal impact potential not only within the political media-discourse but in other cognitive spheres as well.

KEYWORDS: media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; archetypal metaphors; political discourse; cognitive features; binary opposition; US mass media; cognitive linguistics; metaphorical models; metaphorical modeling; English language.

AUTHOR'S INFORMATION: Semenova Elena Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Pedagogy, Psychology and Translation Studies, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Naletova Natal'ya Innokent'evna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Pedagogy, Psychology and Translation Studies, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Semenova, E. M. Political Value of Archetypal Metaphor (in the Context of Modern US Media Discourse Analysis) / E. M. Semenova, N. I. Naletova // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 111-119. — DOI 10.26170/pl20-02-12.

MATERIALS

1. Faiola, A. Greek leaders face German obstacle / A. Faiola. — Text : electronic // Washington Post. — 2015 (150204). — URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.2020).

2. Feldman, L. Equal pay: Can Obama's action overcome a cultural taboo? / L. Feldman. — Text : electronic // Christian Science Monitor. — 2014 (140408). — URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.2020).

3. PAC-to-PAC-to-PAC: 'Gray money' obscures donors, motivations in... // The Seattle Times. — 2016 (161015). — URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.2020). — Text : electronic.

4. When anger is a political weapon // Denver Post. — 2015 (150913). — URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.20). — Text : electronic.

5. Whitlock, C. Defense pick reveals an independent voice / C. Whitlock, M. Ryan. — Text : electronic // Washington Post. — 2015 (150205). — URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 20.01.2020).

6. 5 things to binge-watch 4th of July weekend // USA Today. — 2016 (160702). — URL: <http://corpus.byu.edu> (date of access: 20.01.2020).

REFERENCES

7. Budaev, E. V. Methodology of Modern Political Linguistics / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Modern Political Linguistics : teaching aid / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2006. [Metodologiya sovremennoy politicheskoy lingvistiki / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvenny // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006]. — (In Rus.)

8. Dzyuba, E. V. Cognitive Linguistics : teaching aid / E. V. Dzyuba ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg, 2018. — Text : unmediated. [Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Dzyuba ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2018. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)

9. Meadows, D. ABC of System Thinking / D. Meadows ; transl. N. Tarasova, E. Oganesyan. — Binom. Knowledge Laboratory, 2015. — Text : unmediated. [Azбука sistemnogo myshleniya /

D. Medouz ; per. N. Tarasovoy, E. Oganesyan. — Binom. Laboratoriya znaniy, 2015. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)

10. Osborne, M. Metaphor in a Public Speaking / M. Osborne, D. Eninger ; transl. from English by T. N. Zubakina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2011. — No. 1 (35). — P. 244—253. [Metafora v publichnom vystuplenii / M. Osborn, D. Eninger ; per. s angl. T. N. Zubakinoy. — Tekst : neposredstvenny // Politicheskaya lingvistika. — 2011. — № 1 (35). — S. 244—253]. — (In Rus.)

11. Semenova, E. M. Ontology of Binary Oppositions, or "The Dark Side of the Light." Analysis of the Modern American Political Media Discourse / E. M. Semenova. — St. Petersburg : CPI SZIU RANEPa, 2019. — Text : unmediated. [Ontologiya binarnykh oppozitsiy, ili «Temnaya storona svetloga». Analiz sovremenno amerikanskogo politicheskogo mediadiskursa / E. M. Semenova. — Sankt-Peterburg : IPTs SZIU RANKhiGS, 2019. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)

12. Chernyavskaya, E. V. History in the Discourse of Politics. Linguistic Image of "Friends" and "Strangers" / E. V. Chernyavskaya, E. N. Molodychenko. — Moscow : Lenand, 2018. — Text : unmediated. [Istoriya v diskurse politiki. Lingvisticheskiy obraz «svoikh» i «chuzhikh» / E. V. Chernyavskaya, E. N. Molodychenko. — Moskva : Lenand, 2018. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)

13. Shomova, S. A. From Mystery to Street Art. Essays on the Archetypes of Culture in Political Communication / S. A. Shomova ; Nat. Researched University "Higher School of Economics". — Moscow : HSE, 2016. — Text : unmediated. [Ot misterii do strit-arta. Ocherki ob arkhetyпах kul'tury v politicheskoy kommunikatsii / S. A. Shomova ; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — Moskva : VShE, 2016. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)

14. Casey, K. R. Donald J. Trump and the rhetoric of resentment / K. R. Casey. — DOI 10.1080/00335630.2019.1698756. — Text : unmediated // Quarterly Journal of Speech. — 2020. — Vol. 106. — Iss. 1. — P. 2—24.

15. Osborn, M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family / M. Osborn. — DOI: <https://doi.org/10.1080/00335636709382823>. — Text : unmediated // Quarterly Journal of Speech. — 1967. — Vol. 53. — Iss. 2. — P. 115—126.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55
DOI 10.26170/pl20-02-13

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.01.10; 10.02.01

О. И. Асташова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4742-8173

 E-mail: oliams@rambler.ru.

Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена реконструированию моделей региональных идентичностей на материале новых медиа Урала («URA.RU»), Татарстана («Татар-информ») и Калининградской области («Новый Калининград»). Идентичность рассматривается как дискурсивный концепт, воплощенный комплексом идентификаций разнообразных тематических направлений, на которые накладываются сверткостекстовые категории времени и пространства. Используется критический подход, анализируются практики конструирования субъектных позиций регионального медиадискурса, определяющих отбор и описание объектов и ключевых концептов. Сравнительный анализ выявляет сходства и различия медиатекстов трех территорий как в наборе дискурсивных практик, так и в сопутствующем смысловом наполнении.*

Делается вывод о разнице в степени актуализации общих значений. Территории объединяет ландшафтно-географический принцип отбора пространственных объектов, номинации которых служат вербальным кодом «своих». Темпоральную идентификацию регионов характеризует обращенность жителей к прошлому, влияющему на настоящее. Преобладают нарративные практики конструирования истории местного сообщества и его политической идентификации в настоящем, обнаружены пересечения практик политического и религиозного дискурсов. Стержневые идентификации Урала так или иначе связаны с горной местностью, Татарстана — с этноконфессиональным и экономическим направлением, Калининградской области — с историей региона и архитектурной самобытностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; дискурс-анализ; региональная идентичность; дискурсивные практики; региональные СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Асташова Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: oliams@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Асташова, О. И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа / О. И. Асташова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 120-133. — DOI 10.26170/pl20-02-13.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

Изучение региона как территории, объединяющей ее жителей на основе географической и культурно-исторической самобытности, получило большое распространение в современных гуманитарных науках. Особое направление составляют исследования регионального самосознания. Политическая природа феномена и вопрос границ в мобильном меняющемся обществе — проблемы, с которыми сталкиваются ученые [см.: Paasi 2003]. Недаром политическим фокусом отличаются работы как в социальных [см.: Айт 2014; Назукина 2009; Туровский 1999], так и в филологических науках [см.: Каминская 2016].

Как показывает мировая практика, пики проявления регионализма, такие как сепара-

тизм, локальный патриотизм, активное позиционирование бренда региона, приходится на исторически обусловленные периоды кризиса национальной идентичности. Вспомним книгу С. Хантингтона о проблемах американской идентичности в начале XXI в. [Huntington 2004], труды о немецкой идентичности после Второй мировой войны [Tegelow 2012; Айт 2014], а также целый ряд работ о британской [Leith 2011; Schroder 2015] и испанской [Iveson 2017; Miro 2019] идентичности в условиях вызовов европейского интеграционного процесса.

В России интерес к региональной идентичности обостряется после распада СССР, когда формируется «ситуация идеологического тупика» [Купина 2009: 187]. Пересмат-

ривается порядок взаимодействия центра и периферии с провозглашаемой ориентацией на принцип субсидиарности, меняется механизм представительства региональных интересов, ставится вопрос о соотношении общегражданского и локального самосознания, к тому же с учетом его осложнения этническим, религиозным и языковым многообразием российской территории [см.: Гражданская, этническая... 2013; Макарова 2011].

В настоящее время повышено внимание к региональным медиатекстам. Также расширяется географический охват изучаемых территорий, среди них наиболее разработаны этнически специфичные регионы, в частности, Татарстан [см.: Макарова 2011; Сагитова 2018] и Сибирь [см.: Анисимова, Ечевская 2012; Головнева 2018].

Формирование обновленного мировоззрения требует не только социологического, но и лингвистического осмысления. Важным представляется аксиологический подход, позволяющий, с одной стороны, интерпретировать национальную идентичность с помощью лингвистических методов измерения общих ценностных смыслов [см.: Лингвистика и аксиология 2011], с другой — выявлять в региональных текстах локальные «интегремы — аксиологически маркированные номинации ценностей» [Купина 2017: 20] — и структуру аксиосферы региона [см.: Пушкарёва 2017; Шушарина 2016].

Растет количество исследований региональной идентичности, выполненных в русле дискурс-анализа [см.: Асташова 2019; Богomyков 2007; Ильина, Каблуков 2019а, 2019б; Каминская 2016; Костяшина 2012; Ребрина, Чубай 2019; Чепкина 2016]. Разнообразие используемых методов чрезвычайно велико, однако объединяющим основанием выступает понимание термина «дискурс» в духе социального конструкционизма. Имеется в виду «форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов» [Йоргенсен, Филлипс 2008: 24]. При этом вербальные средства не только репрезентируют действительность, но и конституируют ее под влиянием изменений, т. е. вариаций воспроизведения реальности в виде приписываемых значений. Соответственно дискурсивное видение природы идентичности предполагает опору на такие ее свойства, как динамичность, множественность и ситуативность [Проблемы конструирования... 2017: 21].

Теоретической базой настоящего исследования является подход, восходящий к

идеям М. Фуко. В основе метода лежит анализ дискурсивных практик — правил организации смыслов в дискурсе. Решающее значение в циркулировании практик имеет фукианская концепция: статус истинности получают те смыслы, которые побеждают в борьбе множественных дискурсов, и результат этой борьбы конкурирующих значений неуловим, так как постоянно изменчив. Из данного положения исходит теория дискурсивной гегемонии Э. Лакло и Ш. Муффа [см.: Laclau, Mouffe 2001] и в целом критический дискурс-анализ, преследующий цель найти зависимость структуры дискурса, его речевых форм от социальной практики, установленной правящим институтом. Не случайно Т. А. ван Дейк называет КДА научной формой сопротивления дискурсивному доминированию как результату «злоупотребления властью» [Дейк 2013: 18].

Продолжение настоящих идей находим в работах Э. В. Чепкиной и Л. В. Ениной. Вслед за ними мы рассматриваем медиадискурс с точки зрения воплощения в нем практик конструирования истины, которые, в свою очередь, определяют практики формирования концептов, объектов и субъектных позиций дискурса [см.: Проблемы конструирования... 2017; Чепкина, Енина 2012].

Идентичность понимается нами как концепт, конструируемый в медиадискурсе с помощью социально и исторически детерминированного механизма производства истины; это комплекс идентификаций (вербализации конкретных смыслов), организованный дискурсивными практиками, характеризующийся незавершенностью, условностью и ризоматичностью. «Идентификация предстает как отдельный дискурсивный акт установления тождества или различия между дискурсивными объектами» [Проблемы конструирования... 2017: 22]. Конструктивисты также часто оперируют категорией «Другой» и определяют ее катализатором в процессе идентификации [см.: Нойман 2004]. Следует уточнить, что под носителем идентифицирующих признаков мы подразумеваем только самого говорящего — для иных случаев предназначены понятия «образ», «персонаж» [Каблуков 2018: 25—26].

Кроме того, принципиален отказ от того, что говорящий сознательно и самостоятельно выбирает языковые средства для определения себя. Мы исходим из того, что он идентифицируется с уже заложенной в структуре дискурса субъектной позицией, которая определяет набор используемых дискурсивных практик. Речетворчество мыслится не как средство репрезентации уже готового, устойчивого смысла, а как сиюми-

нутный результат пересечения многих дискурсивных значений, из которых конструируется идентичность. Таким образом, наполнение концепта фиксируется исследователем «здесь и сейчас» ровно в том виде, в каком он предстает в дискурсе, а не встраивается в готовый каркас представлений об объекте идентификации. Такое понимание делает дискурс-анализ максимально приближенным к жизни, однако в то же время видятся и его ограничения. Анализируя идентифицирующие высказывания, исследователь обнаруживает множество субъектных позиций, разные фокусы видения идентичности, а не саму идентичность — иными словами, имеет дело только с ее конструктом, моделью [см.: Ильина, Каблуков 2019б].

Задача данного исследования состоит в том, чтобы обнаружить и описать ключевые дискурсивные практики массмедиа, сопровождающие конструирование региональной идентичности. Для этого мы выявляем, как сверткестовые категории времени и пространства задают магистральные направления для наполнения концепта, в который также включаем тематические направления идентификации: политическое, экономическое, этническое, религиозное, социальное и др. [см.: Ильина, Каблуков 2019б; Проблемы конструирования... 2017]. Чтобы отразить всю сложность и многомерность концепта, обратимся к текстам СМИ разных регионов России и предпримем попытку их сравнительного анализа.

Материалом для исследования послужили СМИ Урала, Татарстана и Калининградской области. Регионы привлечены как вернакулярные районы — символические пространства, границы которых существуют в представлениях населения и могут не совпадать с административным делением. Если в случае с Татарстаном и Калининградской областью это совпадение есть, то уральцами себя считают жители Свердловской, Челябинской областей и Пермского края [Ильина, Каблуков 2019б]. Выбор продиктован стремлением систематизировать регионы по признакам, которые позволяют охватить многообразие этнокультурной карты современной России и в то же время учесть широкий географический разброс территорий. Урал выбран в качестве примера региона с преобладанием русского населения, Татарстан — национальной республики с религиозной спецификой, Калининградская область — пример географически отдаленного региона [см. также: Ильина, Каблуков 2019а].

В эмпирическую базу исследования вошли журналистские тексты изданий, имеющих самый высокий рейтинг по индексу ци-

тируемости в регионе за 2018 г. (по данным сайта системы мониторинга и анализа СМИ «Медialogия»: <https://www.mlg.ru/>): уральского информационного агентства «URA.RU» (материалы Свердловской, Челябинской областей и Пермского края), информационного агентства «Татар-информ» (дочерней электронной газеты Татарстана «События») и интернет-портала «Новый Калининград». Анализируемый период составил один год (1 апреля 2018 г. — 1 апреля 2019 г.). Источники представляют собой новые медиа — цифровые медиапродукты высокой оперативности, распространяемые с помощью Интернета и не имеющие традиционной версии.

В традициях критического дискурс-анализа для нас важна также идеологическая характеристика формата анализируемых СМИ. «URA.RU» и «Новый Калининград» транслируют независимую или практически независимую позицию журналиста, и можно предположить, что выбор населением такой субъектной позиции закономерен, поскольку чтение электронных изданий подразумевает большую свободу в отношениях адресата и адресанта, а также в самостоятельности выбора контента и источников информации. Но на общем фоне выделяется агентство «Татар-информ» (АО «Татмедиа»), которое находится в государственной собственности Республики Татарстан и имеет соответствующее стратегическое значение. Если пользоваться терминологией М. Кастельса, жители республики солидаризируются с «легитимизирующей» идентичностью [см.: Castells 2010].

Пространственная идентификация служит отправной точкой для любого вида территориальной идентичности. Практики отбора географических объектов очерчивают границы территории, считающейся «своей». Функцию пространственного дейксиса выполняет целая сеть онимов геометрического измерения, среди них ведущая роль отводится топонимам (*Екатеринбург, с. Староуткинский, р. Чусовая, Казань, д. Вадовка, оз. Кабан; Калининград, пос. Шоссейный, Ялтинский пруд*). Отдельную категорию составляют обозначения знаковых мест внутригородской среды региональных центров: *Плотинка, Екатеринбургская телебашня* (в Екатеринбурге); *Стар-Татарская слобода, Кремлевская набережная* (в Казани); *Октябрьский остров, Медовый мост* (в Калининграде). Номинации образуют единое коммуникативное поле, читатели узнают в журналистских текстах знаки «своих», ассоциируя себя с предлагаемой идентичностью [см.: Ильина, Каблуков 2019б: 124].

На уровне топонимики видны и различия реконструированных карт регионов. Как показывают медиатексты, специфику набора локальных объектов, по которым жители идентифицируют себя, определяют особенности местного ландшафта и географического соседства. Так, для СМИ Урала характерны обозначения гор (*Круглица, Отортен, Песчаная*); материалы Татарстана отличаются малочисленность названий водоемов и частотное упоминание Башкортостана; пограничное прибалтийское положение Калининградской области обусловило включение в «свой» вербальный код Санкт-Петербурга, Балтийского моря, названий погранпереходов (*Мамонтово-1, Багратионовск*), польских и литовских топонимов (*Гданьск, Нида*), названий кос (*Балтийская коса, Куршская коса*), островов (*остров Канта, Октябрьский остров*) и многих разновидностей водоемов (*Гагаринский ручей, Летнее озеро, Мельничный пруд*).

В публикациях «Нового Калининграда» практики отбора объектов дискурса мотивируют также историческая и культурная идентификация калининградцев. В систему значимых точек территории входят номинации архитектурных памятников (*Замок Тапиуа, Дом Советов*) и улиц (*ул. Дмитрия Донского, ул. Профессора Баранова*). Примечательным оказывается наложение лингвистической идентификации, которая проявляется в дублировании (реже — замене) русских названий ориентиров эквивалентами на немецком языке: *ул. Ганзаринг (пл. Победы), Мюлентайх (Мельничный пруд)*. Подобные транскрибированные вкрапления главным образом наблюдаются в текстах об истории земель бывшей Восточной Пруссии. Языковая интерференция в топонимике свойственна и татарстанским СМИ [см. также: Ильина 2020]: *многие... станции имеют русский и татарский вариант названий: «Козья слобода» — «Кәжә бистәсе», «Площадь Тукая» — «Тукай майданы»...* (События. 05.09.18).

Практики описания пространственных объектов конструируют природную идентификацию региона [см. также: Асташова 2019]. Красота местного ландшафта воспевается только в уральских и калининградских текстах — в модели татарстанской идентичности смысл эстетической уникальности территории редуцирован. Приведем примеры: *Южноуральские ученые говорят, что природа Зигальги уникальна. Только здесь встречаются ледники, горы, реликтовые леса и даже висячие болота...* (URA.RU. 22.02.19); *ЛУКОЙЛ помогает нацпарку [«Куршская коса»] издавать книги*

и фотоальбомы, которые становятся основными имиджевыми продуктами одного из красивейших мест Калининградской области (Новый Калининград. 10.10.18).

Климатический идентификатор тоже имеет значение для уральской и калининградской идентичности, но исключен из татарстанской. Близость Калининграда к морю обуславливает регулярность сообщений о штормах и ветрах. Непредсказуемые и суровые метеоусловия Урала часто становятся информационным поводом публикаций, иногда погодой объясняется закрытый, холодный нрав уральцев: *Холодная погода, которая установилась на Урале вопреки календарному лету, изрядно подпортит настроение жителей региона (...)* *Климатический фактор в менталитете жителей Урала и Севера отмечает и Иван Карнаух* (URA.RU. 02.06.18).

Темпоральная идентификация региона представляет собой конструирование картин настоящего, прошлого и будущего местных жителей.

1. Обращаясь к психоаналитическим истокам термина «идентичность», мы говорим об условности категории **настоящего**: идентичность «связывает актуальность уходящего прошлого с актуальностью открывающегося будущего» [Эриксон 1996: 323]. Так или иначе, рассмотрим идентификации жителей регионов в соответствии с периодом их актуальности на момент выхода публикаций. Повестка дня региона складывается по тематическим направлениям, которые коррелируют с выделенными типами идентификации: политической, экономической, этноконфессиональной, социальной и культурной.

Реконструируя **политическую идентификацию** жителей регионов, в первую очередь обозначим субъектные позиции медиадискурса.

Дискурс СМИ обычно предлагает позиции журналиста (адресанта) и персонажа (эксперта) [Проблемы конструирования... 2017: 16]. Проанализированные тексты транслируют поиски региональной идентичности с позиции, с одной стороны — журналиста, с другой стороны — субъектов, выполняющих роль персонажей: общества (жителей региона), региональной власти и религиозного института. Журналист солидаризируется с одним из названных персонажей или занимает место посредника. Стоит акцентировать внимание на том, что в условиях современной российской действительности есть основания рассматривать позицию политической элиты и религиозного института как единую, несмотря на декларируемую свободу вероисповедания [см.: Васон 2002].

Имеется в виду принцип пересечения политического и религиозного дискурсов главным образом на уровне концептуализации национальной идентичности [см.: Асташова 2017]. Как свидетельствует наш материал, данная закономерность экстраполируется и на территориальную идентичность.

Изученные издания представляют разные сегменты регионального медиадискурса исходя из практик конструирования позиции населения. В отобранном материале отражается «дихотомия автономии/гегемонии» [Laclau, Mouffe 2001: 182], так как одни тексты демонстрируют принципы партикуляризма, другие — универсализма.

Редакции уральских и калининградских СМИ стремятся к формированию партикулярной политической идентичности, базирующейся на создании образа полицентричного общества, с передачей права голоса как оппозиционно настроенным представителям, так и приверженцам государственнического и/или церковного идеологического вектора. Практики конструирования субъектных позиций и отбора персонажей выдвигают на первый план фигуры региональных чиновников высшего звена и активистов, которые, в свою очередь, оказываются расколотыми на государственников и апологетов оппозиции, или клерикалистов и антиклерикалистов.

Среди значений, конкурирующих в борьбе за место в моделях калининградской и уральской идентичности, побеждают смыслы отнесенности к протестному движению. По утверждению Э. Лакло и Ш. Муффа, антагонизм есть отрицание определенного порядка [Laclau, Mouffe 2001: 126], поэтому процесс идентификации происходит через артикуляцию неприятия. Практики конструирования истины в обоих изданиях работают на возвышение идеологемы «борьба за права и свободы» и понижение идеологемы «традиционные ценности», которая сращивает политический и религиозный дискурсы в попытке трактовать феномен национальной идентичности по этноконфессиональному показателю. К примеру, освещающая такое резонансное медиасобытие 2019 года на Урале, как движение против строительства храма у Театра драмы в Екатеринбурге, журналисты «URA.RU» используют приемы едва уловимой иронии, направленной на власть/церковь: *Тем, кто вышел за храм в Екатеринбурге, обещали «царствие небесное»* (URA.RU. 17.03.19); *Жителей столицы Урала наконец-то спросили о храме Екатерины* (URA.RU. 06.12.18). Аналогичное проявление гражданской активности находим в публикациях «Нового Калининграда»: *Горожане решили уберечь фигурки от нападков*

Церкви и коммунистической партии доверно оригинальным способом и повесили на хомлина, сидящего на Медовом мосту, янтарный крестик. (...) архиепископ Калининградский и Балтийский Серафим направил губернатору Антону Алиханову официальное письмо с критикой в адрес миниатюрных скульптур хомлинов (...) епархия усматривает в факте установки фигурок «тенденцию к популяризации идей неоязычества», которая «оказывает деструктивное воздействие на развитие национальной культуры» в области (Новый Калининград. 27.03.19).

Уникальность калининградской идентичности обеспечивается наложением на политическое самоопределение культурной и исторической идентификации. Местная общественность предстает разделенной на германизаторов и антигерманизаторов. Субъектная позиция первых совпадает с фокусом оппозиционного дискурса и конструируется истинной за счет отбора экспертов, поддерживающих политику редакции, и приоритетных тем для публикаций. Важное место отведено текстам, посвященным немецким памятникам, оставшимся на территории региона. Позиция антагонистов представлена эквивалентной чиновническому видению истории региона — с игнорированием или отрицанием значения немецкого влияния на идентичность местных жителей: *...любители делить историю на «свою» и «чужую» развернули на одном из интернет-ресурсов кампанию против восстановления памятника жителям Восточной Пруссии* (Новый Калининград. 08.10.18); *У городских властей своя борьба с онемечиванием — они решили выкорчевать немецкие люки и решетки ливневой канализации с улиц Калининграда и заменить их отечественными* (Новый Калининград. 25.09.18).

Иной сегмент регионального медиадискурса образуют материалы татарстанских СМИ. Общество в основном изображается единым в идеологическом отношении. Высвечивается принцип универсализма, то есть идентичность эквивалентна равенству, а не различиям, как происходит в случае с либеральным дискурсом [см.: Laclau, Mouffe 2001]. Попутно заметим, что идея единства принадлежит не только тоталитарному дискурсу, но и многим «воображаемым сообществам» [см.: Андерсон 2016], или «воображаемым порядкам», к которым Ю. Н. Харари относит также религии [см.: Харари 2016].

Политическая идентификация татарстанцев определяется субъектной позицией власти, которая в национальной республике совмещена с позицией мусульманского ду-

ховенства. В дискурсе акцентируется идеология государственнического дискурса «стабильность» и смысл поддержания вертикали власти как залога устойчивого развития региона: *Примерно 83 % татарстанцев считают ситуацию в республике «стабильной и спокойной»...* (События. 16.03.19); *Выполнены «майские указы» Президента РФ 2012 года. Зарплаты врачей и воспитателей выросли более чем в два раза* (События. 24.09.18).

Пересечение политического и религиозного дискурсов диагностируется по отбору концептов в речи субъектов власти. Скажем, политический оттенок обретает одна из идеологем религиозного дискурса — «халляльный образ жизни»: *В республике ведется активная работа по развитию сектора исламских финансов и индустрии халляль. Ислам является ярким неотъемлемым элементом российского культурного кода, а Татарстан находится в авангарде взаимодействия со странами исламского мира, сообщил Президент Татарстана* (События. 01.11.18).

Экономическая идентификация регионов тесно связана с геологической характеристикой территорий. Урал представляется промышленным регионом с богатым историческим прошлым главным образом в горнодобывающей и металлургической отрасли. Татарстан описывается как территория наиболее развитого сельского хозяйства, автостроения и нефтепереработки, особой сферой изображается образование. Образ Калининградской области ассоциирован с автостроением, морской и янтарной промышленностью.

Конструирующие идентичность практики отождествления и различения [Проблемы конструирования... 2017: 35] преломляются на нашем материале в практики сопоставления/объединения с другими регионами: Первый в России конвертерный цех отметил юбилей на Урале (URA.RU. 05.10.18); *Руководители компании рассказали о первом в мире сельхозпроекте, где все работы по выращиванию зерновых культур выполняют тракторы и дроны* (События. 27.11.18). Нередко объектом для сопоставления служит Москва, иногда Санкт-Петербург: *Альметьевск обошел Казань, Москву, Питер в рейтинге «Гринписа» по развитию инфраструктуры для раздельного сбора мусора* (События. 20.08.18); *Уральский регион вошел в пятерку популярнейших мест для работы. Сюда хотят переехать даже москвичи* (URA.RU. 18.09.18).

В Калининградской области актуализируется цивилизационная идентификация

пограничной территории, близость к Европе награждается значением более высокого уровня жизни по сравнению с «большой» Россией: *Мурманск хорошо приглушает калининградский снобизм: мол, мы — Европа, и может ли у вас в России быть лучше (Москва и Санкт-Петербург не в счет)* (Новый Калининград. 10.12.18). Самобытными также являются смыслы «особое экономическое положение» и «рекреационный потенциал туризма» в силу местонахождения региона, но общая картина экономического состояния области описывается в текстах «Нового Калининграда» достаточно унылой, говорится только о возможных перспективах.

Уральская и татарстанская экономика предстают в текстах местных СМИ передовыми, особенно благодаря вербальным сигналам «инновационный», «умный». Производственное лидерство становится поводом для усиления значения регионального и национального патриотизма: *На встрече с британскими разработчиками Рустам Минниханов заявил, что Татарстан старается использовать на своих полях передовую технику и инновационные технологии* (События. 27.11.18); *Названы самые инновационные города. (...) Областные центры Урала опередили Москву в показателях благосостояния креативного класса, качества высшего образования* (URA.RU. 01.04.19). В «URA.RU» мотив гордости за регион поддерживает, в частности, большое внимание к оборонной промышленности. Воспроизводится устойчивая идентификация «Урал — опорный край державы»: *«(...) Урал — это опорный край державы, и танки грязи не боятся», — заявил Бочкарев (...) «Именно здесь выпускают самый массовый танк — Т-72. УВЗ — это мощнейшая производственная база и интеллект...»* (URA.RU. 08.09.18).

В связи с санкционным режимом российской экономики Урал и Татарстан в журналистских текстах оказываются включенными в медийный концепт информационной войны, причем в них проступают знаки проправительственного дискурса [см.: Проблемы конструирования... 2017: 30—61]: *Ракета 9М729 является разработкой уральского ОКБ «Новатор». Это предприятие США внесли в санкционный список. В связи с якобы неисполнением Москвой «ракетного» договора в части размещения запрещенных ракет Вашингтон решил выйти из соглашения* (URA.RU. 10.02.19). В этом смысле для Татарстана как сельскохозяйственного центра оказывается значимой идеологема «импортозамещение»: *Мы должны заниматься импортозамещением и продвиге-*

нием экспорта. Создавать новые продукты, которые дешевле, чем у конкурентов. Эти задачи нам нужно решать в рамках стратегии, которая утверждена майскими указами Президента РФ (События. 26.12.18).

К **социальной идентификации** территорий мы причисляем наиболее самобытные типы персонажей, которые едва ли можно привести к какому-либо общему социологическому знаменателю и которые слабо или совсем не соотносятся с политической жизнью региона.

Уникальные представители Урала — рабочие завода, металлурги, горняки и члены криминальных группировок. Например: *Свердловские горноспасатели примут участие в ликвидации последствий возгорания на шахте «Уралкалия» в Соликамске (Пермский край)* (URA.RU. 22.12.18); *В Челябинске осел криминальный авторитет Аведик* (URA.RU. 16.07.18).

В «Новом Калининграде» образом-знаком местности служат морские офицеры и моряки. Историческая неповторимость области обуславливает включение в модель идентичности таких персонажей, как переселенцы — граждане СССР, заселившие территорию в послевоенное время — и немцы, жители старого Кёнигсберга, упоминающиеся только ретроспективно: *Гнетущее ощущение у первых переселенцев в Калининградскую область возникало скорее из-за послевоенной разрухи, а не из-за немецких зданий* (Новый Калининград. 21.03.19); *Нехама Дробер, урождённая Хелла Марковски, родилась в Кёнигсберге в 1927 году. Здесь она ходила в еврейскую школу при синагоге, кормила лебедей в Южном парке...* (Новый Калининград. 10.11.18).

Яркими персонажами Татарстана в текстах СМИ можно назвать исполнителей песенного искусства, поэтов и молодежь. К примеру: *Ильгам Шакиров — выдающийся татарский певец, чье творчество — целая эпоха в исполнительском искусстве* (События. 16.01.19); *Молодежь стала серьезным субъектом не только социальной жизни, но и экономики города и республики* (События. 29.09.18).

Практики конструирования **культурной идентификации** характеризуются «поворотом в прошлое», поэтому, возвращаясь к идее об условности категории настоящего, вслед за Я. Ассманом будем разделять коммуникативную и культурную память. Под первой ученый понимает воспоминания современников о недавнем прошлом; под второй — воспоминания коллектива об отдаленном прошлом, которые преобразуются в миф [Ассман 2004: 52—55]. К плану настоя-

щего будем относить культурный фонд региона, созданный относительно недавно, то есть в современный период истории, и закрепившийся в памяти жителей как отражающий местный колорит.

В публикациях «URA.RU» самоопределение жителей формируется в основном вокруг школы уральской драматургии Николая Коляды, уральского рока, а также самобытного явления массовой культуры — команд КВН из Челябинска и Екатеринбурга. Приведем примеры: *Екатеринбург — не Урюпинск! Это город университетов, знаменитого рок-клуба, собственной школы драматургии...* (URA.RU. 20.05.18); *Звезда «Уральских пельменей» нашел способ достучаться до властей, чтобы спасти Дворец культуры от сноса* (URA.RU. 09.11.18).

Для культурной идентификации татарстанцев оказывается важным современное состояние песенного искусства, танцев и театра как воплощения национальных традиций. Например: *Фестиваль татарской песни «Узгэреш жиле» в этом году представил 29 песен...* (События. 10.01.19); *Народные театры — это наша гордость. Среди татарских народных театров есть такие, что по мастерству превосходят даже профессиональные труппы...* (События. 09.02.19).

Наконец, культурная идентификация Калининградской области наиболее показательна в историческом разрезе. Однако, в отличие от Урала и Татарстана, сильную позицию в модели калининградской идентичности занимают объекты материальной культуры, предъявляемые в настоящем и изменившиеся в недавнем прошлом. Было бы точнее назвать эту идентификацию архитектурной, поскольку в «Новом Калининграде» отдельно конструируется неповторимый облик градостроительства, сочетающий стиль немецких зданий с образцами советской застройки: *Когда меня просят охарактеризовать Калининград одним словом, я всегда говорю «эkleктика», но добавляю «в лучшем смысле этого слова». Так Калининград развивался в течение своей истории (...) Когда хрущевки соседствуют с немецкими постройками, это как раз и есть самобытность Калининграда* (Новый Калининград. 24.04.19).

Этноконфессиональную идентификацию уральцев образует отбор религиозных объектов дискурса, который содержательно задает направление для формирования многонационального и многоконфессионального пространства. В текстах обсуждаются вопросы, сопряженные не только с православием, но и с исламом: *Духовный*

лидер мусульман Челябинской и Курганской областей Ринат Раев, высказал свои предположения, как приходят на Урал вербовщики террористов (URA.RU. 24.11.18). На уровне упоминаний в дискурс включаются старообрядцы, католики, а также коренные народы Урала как носители древних религиозных воззрений. При этом в силу преобладания в регионе русского населения количественное предпочтение отдается персонажам и событиям, сопряженным с православием, а доля «чистого» религиозного дискурса, без политической примеси, сведена к минимуму.

В калининградской модели идентичности этноконфессиональный компонент приглушен, так как национальная принадлежность населения территории четко определена временем: немцы и евреи — прошлое региона, русские — его настоящее. Архитектурная идентификация с акцентом на немецких кирхах отражает лютеранскую часть истории области, с вниманием к советским постройкам — атеистическую, будто протянутую в сегодняшний день, поскольку религиозная идентификация современных калининградцев представляет собой смысловую лакуну в местном медиадискурсе.

Для Татарстана данное направление идентичности является основополагающим. С одной стороны, в соответствии со статусом национальной республики, в текстах СМИ в приоритет выведена татарская национальность, во многом определяемая мусульманской культурой. Это находит отражение в практиках отбора религиозных событий, персонажей и этнических представителей региона, а также в конструировании концептов этноконфессионального значения. Допустим, христианские праздники и духовные лица почти не включены в повестку дня «Событий», несмотря на закрепленность, наряду с исламом, особой роли православия в республиканском «Законе о свободе совести и религиозных объединениях». Частотный персонаж публикаций — Духовное управление мусульман РТ. Мусульманским праздникам и ритуалам посвящены отдельные тексты: *Что такое курбан-байрам? [Заголовки] Курбан-байрам, он же Ид аль-адха, — один из главных праздников для мусульман...* (События. 14.02.19).

Татары изображаются сильным и гордым народом, встречается этническое сопоставление с башкирами, причем любопытно, что в пользу последних: *Наш народ за свою многовековую историю прошел множество испытаний, но из каждого испытания вышел с гордостью, не потерял язык и веру* (События. 14.02.19); *У башкир, видимо,*

национальный дух сильнее. (...) В Башкортостане в защиту башкирского и татарского языков как родных языков было собрано более 17 тысяч подписей. А в Татарстане не набралось и трех тысяч... (События. 20.11.18). Также широко представлено субэтническое разнообразие татар: крымские татары, сибирские, астраханские и др.

Одним из ключевых концептов народа выступает татарский язык. Вплетение лингвистической идентификации сказывается на регулярном освещении проблемы двуязычия: *В Конституции Татарстана черным по белому написано, что татарский и русский — равноправные государственные языки. Не «русский и татарский языки», а «татарский и русский языки»! Хотя в таких вопросах обычно пишут в порядке алфавита* (События. 05.09.18).

С другой стороны, журналистские материалы демонстрируют установку на мультикультурализм и толерантность: *Татарстан является общим домом для представителей всех народов, проживающих в республике, и в то же время это особая форма государственности для татар, потому что представители татарского народа проживают во многих регионах России и в других странах мира* (События. 27.12.18).

2. Обратимся к категории **прошлого** и реконструируем углубившиеся во времени собственно историческую и культурно-историческую идентификации регионов.

Собственно историческая идентификация реализована нарративными практиками дискурса. В рамках изучения коллективной идентичности многие исследователи также описывают их как практики коммеморации — нарративные схемы, выполняющие функцию объединения коллектива на основе общности исторической памяти [см.: Giasen 2004; Горнова 2017; Мегилл 2007; Ребрина, Чубай 2019]. Нелинейное повествование об истории региона в медиадискурсе конструирует миф, где узловыми точками служат подвиги и страдания [см.: Пропп 2001; Фрейденберг 1998].

Территории объединяют рассказы о событиях Великой Отечественной войны, которые обрисовывают общенациональный подвиг народа-триумфатора [см.: Giasen 2004; см. также: Ильина, Каблуков 2019а: 74]. В силу специфики истории формирования Калининградской области данную практику можно отнести к конструированию идентичности только территории, а не ее населения, поэтому в текстах нет смыслов возвеличивания жителей региона как участников войны, в сравнении с уральцами и татарстан-

цами. Например: *«Чтим и помним вклад уральцев в эту победу и роль уральских танков, которые были признаны лучшими во Второй мировой войне»* (URA.RU. 08.09.18); *Из 17 погибших в боях Великой Отечественной войны пикирующих бомбардировщиков Пе-2 в Казани соберут один. Восстановленный пикирующий бомбардировщик станет реальным воплощением памяти о самоотверженном труде авиастроителей республики* (События. 23.10.18).

Перейдем к различиям. Историческую перспективу Урала задают такие периоды, как становление горнозаводского Урала в XVIII в., расстрел царской семьи Романовых и жизнь уральцев в 90-е гг. [см. также: Асташова 2019; Ильина, Каблук 2019б: 125]. Если промышленное наследие региона вызывает почтительное отношение, как к результату подвига, то трагическая смерть членов последней в России монархической династии и эпоха власти организованной преступности расцениваются в медиатекстах как страдания. К примеру: *Расстрел Романовых превратился в бренд, который тоже приносит городу деньги. Хотя это не означает, что город прощает это преступление. Просто надо видеть разницу между этической оценкой события и пользой (...). Если брать ту же группировку «Уралмаш», то я уверен, что лет через 50 это будет такой же бренд, как Аль Капоне* (URA.RU. 27.11.18).

В материалах татарстанского издания подъем национального духа сопряжен с этапами процветания форм национальной государственности: периодами Золотой Орды, Казанского ханства, образованием Республики Татарстан в 1920 г. и принятием Декларации о суверенитете Татарстана в 1990 г. [см. также: Ильина 2020]. Приведем некоторые примеры: *То, что мне придает силы, — героизм нашего народа в Великой Отечественной войне (...). А если перейдем в еще более древний период — Золотая Орда, Казанское ханство...* (События. 22.10.18); *Мы сейчас готовимся к 100-летию образования ТАССР. Для нас это будет большое событие (...). Это повод взглянуть в 100-летнюю историю Татарии начиная с 1920 года* (События. 16.03.19). Выделяются исторические периоды, соотносимые с религиозной идентификацией татарстанцев. Событием расцвета показано принятие ислама Волжской Булгарией, и напротив, стадией упадка рисуется завоевание Казани: *После завоевания Казани в 1552 году уничтожались культурное наследие татар, в основном мечети и медресе (...). В этот период религиозная жизнь татар всячески преследуется. Начинается кампания по насиль-*

ственному крещению... (События. 28.02.19).

Нарратив о калининградцах организован вокруг двух узловых точек: времени вхождения территории в состав Восточной Пруссии и советского послевоенного периода. Иногда упоминается Семилетняя война, когда часть немецких земель принадлежала Российской империи. Однако тексты интернет-издания, пропитанные бережным отношением к немецкой истории, не идентифицируют калининградцев как победителей и посему имеющих какое-то заслуженное преимущество. Война принесла одни разрушения — таков ключевой посыл: *После штурма Кёнигсберга во время Второй мировой войны в местном зоопарке выжили четверо животных — бегемот, лань, осёл и барсук* (Новый Калининград. 28.03.19). *Ближе к концу 1940-х областные власти начали задумываться над тем, как восстанавливать разрушенный войной центр города* (Новый Калининград. 21.03.19). Советский период характеризуется как неудачный, что обусловлено борьбой со всем немецким, имеющим сакральное значение для оппозиционной редакции: *...управление по делам архитектуры при совете министров РСФСР использовало такие формулировки: «Нужно преодолеть и вытравить мрачный воинственный дух прусской архитектуры...»* (Новый Калининград. 21.03.19).

Отдаленная во времени **культурно-историческая идентификация** регионов складывается практикой отбора прецедентных имен, представляющих регион во все-российском и международном масштабе. Эта практика была распространена в 2018 г., когда был объявлен конкурс «Великие имена России», по результатам которого российским аэропортам были присвоены имена наиболее выдающихся соотечественников. Жители регионов выбирали известных деятелей прошлого, по их мнению, представляющих особенности локального историко-культурного фона.

Для анализа дискурсивных практик важен не столько набор представленных имен, сколько журналистские способы освещения громкой темы. В публикациях «URA.RU» не наблюдается каких-либо предпочтений, не устанавливается критически значимая зависимость региональной самопрезентации от выбора имени. Тексты «Татар-информ» репрезентируют тенденциозность в повышенном внимании к татарским именам: *Татарская общественность, естественно, за присвоение казанскому аэропорту имени известной личности из татар* (События. 20.11.18). Наконец, в калининградском медиадискурсе обсуждение конкурса оберну-

лось заметной эскалацией конфликта германизаторов и антигерманизаторов, выбор прецедентного имени для области стал острым идеологическим вопросом. К примеру: *...стан антигерманизаторов приободрился и выкатил обвинения в провокации в адрес почитателей Канта, а заодно еще раз потребовал убрать имя философа из списка претендентов на увековечение в аэропорту. Примерно тем же занялись представители коммунистической партии, (...) собрали пикет с требованием присвоить аэропорту имя маршала Александра Василевского* (Новый Калининград. 29.11.18).

3. Будущее местности формируют грядущие масштабные события, возведение новых объектов, а также политические задачи и социально-экономические перспективы. По текстам устанавливается, что взгляд вперед жителей регионов различен. Восприятие будущего уральцами и калининградцами можно назвать пессимистичным. Грамматические и лексические показатели будущего времени связаны с выраженным в контексте значением тревоги и перемен к худшему: *Есть опасение, что такими темпами Пермь станет одной из столиц околофутбола со всеми вытекающими последствиями — рост уличного насилия будет гарантирован* (URA.RU. 25.03.19); *...в региональной общественной палате решили обсудить будущее ангаров. И (...) будущее это неутешительно. Даже если спасти ангары, непонятно, что с ними потом делать, кому они нужны и, главное, за какие деньги* (Новый Калининград. 20.12.18).

Татарстанский медиадискурс демонстрирует устремленность в будущее. Жители предстают оптимистами, наделяющими будущее региона смыслами надежд и воплощения самых смелых прогнозов, в основном в области экономики: *Руководители компании рассказали о (...) сельхозпроекте, где все работы по выращиванию зерновых культур выполняют тракторы и дроны. (...) Создатели «фермы будущего» уверены, что со временем такие роботы станут привычным делом. Использование искусственного интеллекта и ИТ-технологий в сельском хозяйстве должно привести к экономии и стабильности в снабжении людей продовольствием* (События. 27.11.18).

ВЫВОДЫ

Сравнительный анализ дискурсивных практик СМИ позволил выявить закономерности и различия в моделях региональной идентичности, конструируемых интернет-изданиями трех территорий, а также определить как общие смысловые доминанты

концепта, так и уникальные для отдельно взятой местности. Практики организуют дискурс по пространственно-временным координатам, формируя комплекс когерентных идентификаций разных тематических направлений, актуализация которых градуируется от полного отсутствия к максимальному значению в зависимости от региона, типа анализируемого издания и соответствующей субъектной позиции редакции. Либерально ориентированные новые медиа Урала и Калининградской области конструируют образ местного сообщества с установкой на плюрализм, в основе практик лежит социальный антагонизм. Государственническая позиция СМИ Татарстана обуславливает трансляцию сверхидеи единства и традиционализма, преобладают практики гармонизации общественного климата региона.

Ландшафтно-географические особенности регионов заложены в пространственной идентификации, репрезентированной главным образом за счет топонимики как системы вербальных знаков «своих». Темпоральная идентификация выстраивается доминированием практик политического дискурса, часто возникает пересечение с религиозным дискурсом. В качестве тенденции в наполнении концепта региональной идентичности наблюдается «поворот в прошлое», отмеченный повышенным вниманием к историческому нарративу. В модели уральской идентичности главенствуют смыслы, соотношенные с горной местностью, активной гражданской позицией жителей и экономической мощью. Татарстан характеризуется как форпост России во всех аспектах, особое значение придается экономической и этноконфессиональной идентичности. Преобладающие векторы калининградских идентификаций — история эксклава и архитектурный облик территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айт, У. Региональные политические идентичности и общества Германии — влияние избирательного права, социальной и экономической структуры / У. Айт. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2014. — № 4 (28). — С. 150—166.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — Москва : Кучково поле, 2016. — Текст : непосредственный.
3. Анисимова, А. А. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации : моногр. / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская. — Новосибирск : НГУ, 2012. — Текст : непосредственный.
4. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — Текст : непосредственный.
5. Асташова, О. И. Национально-гражданская идентичность россиян в религиозном медиадискурсе / О. И. Асташова. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования,

- науки и культуры. — 2017. — Т. 23, № 1 (159). — С. 33–41.
6. Асташова, О. И. Уральская идентичность в региональном медиадискурсе / О. И. Асташова. — Текст : непосредственный // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : IV Междунар. науч.-практ. конф. Сборник научных статей. — Ереван : РАУ, 2019. — Ч. 1. — С. 154–159.
7. Богомяков, В. Г. Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс / В. Г. Богомяков. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2007.
8. Головнева, Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре: на материале Сибирского региона : автореферат дис. ... д-ра филос. наук / Головнева Е. В. — Екатеринбург, 2018. — Текст : непосредственный.
9. Горнова, Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности / Г. В. Горнова. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 2 (15). — С. 18–21.
10. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробжева. — Москва : РОССПЭН, 2013. — Текст : непосредственный.
11. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. — Москва : Либроком, 2013. — Текст : непосредственный.
12. Ильина, О. Практики конструирования региональной идентичности россиян в дискурсе СМИ / О. Ильина, Е. Каблуков. — Текст : непосредственный // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP) WEST-EAST. Scientific Journal WEST-EAST. — 2019a. — Vol. 2/2. — № 1. — P. 71–76.
13. Ильина, О. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблуков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019б. — № 2 (74). — С. 119–131.
14. Ильина, О. В. Региональная идентичность жителей Татарстана в дискурсе СМИ / О. В. Ильина. — Текст : непосредственный // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. — Москва : Фак. журн. МГУ, 2020. — С. 467–468.
15. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ: теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008. — Текст : непосредственный.
16. Каблуков, Е. В. Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования / Е. В. Каблуков. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. — 2018. — № 3. — С. 23–29.
17. Каминская, Т. Л. Региональная идентичность и выборы: медиадискурс / Т. Л. Каминская. — Текст : непосредственный // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : II Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом». — Белгород : ИД «Белгород», 2016. — С. 36–41.
18. Костяшина, Е. А. Медиадискурсивные механизмы моделирования томского городского публицистического текста / Е. А. Костяшина. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2012. — № 1 (17). — С. 5–12.
19. Купина, Н. А. Аксиологическая стратегия и ее речевая реализация в региональном газетном издании / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2017. — № 4 (168). — С. 19–31.
20. Купина, Н. А. Советские идеологические традиции сегодня / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Советское прошлое и культура настоящего : моногр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — С. 186–208.
21. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов : коллектив. моногр. / отв. ред. Л. Г. Викулова. — Москва : Тезаурис, 2011. — Текст : непосредственный.
22. Макарова, Г. И. Динамика российской, региональной и этнической идентичностей в Татарстане / Г. И. Макарова. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2011. — № 5. — С. 71–77.
23. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. — Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2007. — Текст : непосредственный.
24. Назукина, М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : автореферат дис. ... канд. полит. наук / Назукина М. В. — Пермь, 2009. — Текст : непосредственный.
25. Нойман, И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойман. — Москва : Новое издательство, 2004. — Текст : непосредственный.
26. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — Текст : непосредственный.
27. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2001. — Текст : непосредственный.
28. Пушкарёва, И. А. Специфика регионального медиадискурса: лингвоаксиологический аспект / И. А. Пушкарёва. — Текст : непосредственный // Медиастилистика. — 2017. — № 3 (18). — С. 90–98.
29. Ребрина, Л. Н. Дискурсивное конструирование локального патриотизма прошлого в региональных СМИ: коммеморация / Л. Н. Ребрина, С. А. Чубай. — Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки. — 2019. — № 4 (82). — С. 47–51.
30. Сагитова, Л. В. Республика Татарстан: политика идентичности и её акторы : моногр. / Л. В. Сагитова. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — Текст : непосредственный.
31. Туровский, Р. Ф. Региональная идентичность в современной России / Р. Ф. Туровский. — Текст : непосредственный // Российское общество: становление демократических ценностей? — Москва : Гендальф, 1999. — С. 87–136.
32. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — Текст : непосредственный.
33. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — Москва : Касталь, 1996. — Текст : непосредственный.
34. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. — Москва : Синдбад, 2016. — Текст : непосредственный.
35. Чепкина, Э. В. Дискурсивные практики конструирования адресата региональной прессы: национально-гражданская идентичность / Э. В. Чепкина. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2016. — Т. 22, № 4 (156). — С. 61–68.
36. Чепкина, Э. В. Дискурсивные практики журналиста: метод анализа / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина. — Текст : непосредственный // II Международная научная конференция «Стилистика завтрашнего дня: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» : пленарные доклады. — Москва : МедиаМир, 2012. — С. 291–308.
37. Шушарина, Г. А. Экспликация региональной идентичности Комсомольска-на-Амуре в региональном ономастическом пространстве / Г. А. Шушарина. — Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. — 2016. — № 2 (167). — С. 76–80.
38. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. — Москва : Прогресс, 1996. — Текст : непосредственный.
39. Bacon, A. Church and State in Contemporary Russia: conflicting discourses / A. Bacon. — Text : unmediated // Russia After Communism. — London ; Portland : Frank Cass, 2002. — P. 97–116.
40. Castells, M. The information age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. — Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. — Vol. 2 : The power of identity. — Text : unmediated.
41. Giesen, B. Triumph and Trauma / B. Giesen. — Boulder : Paradigm Publishers, 2004. — Text : unmediated.
42. Huntington, S. P. Who are we? The challengers to America's National identity / S. P. Huntington. — New Delhi : Penguin

Books India, 2004. — Text : unmediated.

43. Iveson, M. Gendered dimensions of Catalan nationalism and identity construction on Twitter / M. Iveson. — Text : unmediated // *Discourse & Communication*. — 2017. — Vol. 11. — P. 51–68.

44. Laclau, E. Hegemony and socialist strategy: towards a radical politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. — London ; New York : Verso, 2001. — Text : unmediated.

45. Leith, M. S. Soule. Political Discourse and National Identity in Scotland / M. S. Leith, P. G. Daniel. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2011. — Text : unmediated.

46. Miro, S. J. Identity discourses about Spain and Catalonia in news media: understanding modern secesionalism / S. J. Miro. —

Lanham ; Boulder ; New York ; London : Lexington books, 2019. — Text : unmediated.

47. Paasi, A. Region and place: regional identity in question / A. Paasi. — Text : unmediated // *Progress in human geography*. — 2003. — № 27 (4). — P. 475–485.

48. Schroder, M. Constructing Scottish identity in media discourses: the use of common sense knowledge in the Scottish press / M. Schroder. — Bern : Peter Lang Edition, 2015. — Text : unmediated.

49. Terlouw, K. From thick to thin identities? / K. Terlouw. — Text : unmediated // *GeoJournal*. — 2012. — № 77. — P. 707–721.

O. I. Astashova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4742-8173

 E-mail: oliams@rambler.ru.

Constructing Regional Identity in the Media Discourse: Experience of a Comparative Analysis

ABSTRACT. *The article is devoted to the reconstruction of the regional identity models. Research materials include new media of the Urals (“URA.RU”), Tatarstan (“Tatar-inform”) and Kaliningrad Oblast (“New Kaliningrad”). Identity is considered as a discursive concept realized through a set of identifications of diverse thematic areas modified by the super-textual categories of time and space. The author uses a critical approach and analyzes the construction practices of subject positions in the regional media discourse, which determine the selection and description of the objects and the key concepts. The comparative analysis has revealed the similarities and differences of the media texts of the three territories both in terms of the choice of discursive practices and the corresponding semantic content.*

The author makes a conclusion about the degree of actualization of common concepts. The territories are united by the landscape geographical principle of the selection of spatial objects, nominations of which serve as verbal codes of their “own”. The temporal region identification is characterized by the inhabitants’ retrospective orientation towards the past influencing the present. Narrative practices of construction of the local community history and its political identification in the present prevail. Intersections of political and religious discursive practices have also been detected. The key identifications of the Urals are somehow or rather connected with mountainous areas, of Tatarstan — with ethno-confessional and economic areas, of Kaliningrad region — with the regional history and architectural originality.

KEYWORDS: *media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; discourse analysis; regional identity; discursive practices; regional mass media.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Astashova Olga Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Astashova, O. I. Constructing Regional Identity in the Media Discourse: Experience of a Comparative Analysis / O. I. Astashova // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 120-133. — DOI 10.26170/pl20-02-13.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 18-312-00143 «Regional Identity of the Russian People in Mass Media Discourse: Unity and Diversity».*

REFERENCES

1. Ayt, U. Regional Political Identities and Communities of Germany - the Impact of Suffrage, Social and Economic Structure / W. Ait. — Text : unmediated // *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*. — 2014. — No. 4 (28). — S. 150–166. [Regional'nye politicheskie identichnosti i soobshchestva Germanii — vliyaniye izbiratel'nogo prava, sotsial'noy i ekonomicheskoy struktury / U. Ayt. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. — 2014. — № 4 (28). — S. 150–166]. — (In Rus.)

2. Anderson, B. Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / B. Anderson. — Moscow : Kuchkovo Field, 2016. — Text : unmediated. [Vooobrazaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma / B. Anderson. — Moskva : Kuchkovo pole, 2016. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Anisimova, A. A. Siberian Identity: Prerequisites for Formation, Contexts of Actualization : monograph / A. A. Anisimova, O. G. Echevskaya. — Novosibirsk : NSU, 2012. — Text : unmediated. [Sibirskaya identichnost' : predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii :

monogr. / A. A. Anisimova, O. G. Echevskaya. — Novosibirsk : NGU, 2012. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Assman, Ya. Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity / J. Assman. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2004. — Text : unmediated. [Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / Ya. Assman. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Astashova, O. I. National Civil Identity of Russians in Religious Media Discourse / O. I. Astashova. — Text : unmediated // *Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture*. — 2017. — Vol. 23, No. 1 (159). — P. 33–41. [Natsional'no-grazhdanskaya identichnost' rossiyan v religioznom mediadiskurse / O. I. Astashova. — Tekst : neposredstvennyy // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. — 2017. — T. 23, № 1 (159). — S. 33–41]. — (In Rus.)

6. Astashova, O. I. Ural Identity in a Regional Media Discourse / O. I. Astashova. — Text : unmediated // *Russian at the*

Crossroads of Eras: Traditions and Innovations in Russian Studies : IV Intern. Scientific-practical Conf. Collection of Scientific Articles. — Yerevan : RAU, 2019. — Part 1. — P. 154—159. [Ural'skaya identichnost' v regional'nom mediadiskurse / O. I. Astashova. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike : IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Sbornik nauchnykh statey. — Erevan : RAU, 2019. — Ch. 1. — S. 154—159]. — (In Rus.)

7. Bogomyakov, V. G. Regional Identity of the “Tyumen land”: Myths and Discourse / V. G. Bogomyakov. — Yekaterinburg : Discourse-Pi, 2007. [Regional'naya identichnost' «zemli tyumenskoy»: mify i diskurs / V. G. Bogomyakov. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2007]. — (In Rus.)

8. Golovneva, E. V. The Construction of Regional Identity in Modern Culture: on the Material of the Siberian Region : resume of thesis. ... of Dr. of Philos. Sciences / Golovneva E. V. — Yekaterinburg, 2018. — Text : unmediated. [Konstruirovaniye regional'noy identichnosti v sovremennoy kul'ture: na materiale Sibirskogo regiona : avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk / Golovneva E. V. — Ekaterinburg, 2018. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Gornova, G. V. Collective Memory and the Practice of Commemoration in the Formation of Urban Identity / G. V. Gornova. — Text : unmediated // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. — 2017. — No. 2 (15). — P. 18—21. [Kollektivnaya pamyat' i praktiki kommemoratsii v formirovaniy gorodskoy identichnosti / G. V. Gornova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. — 2017. — № 2 (15). — S. 18—21]. — (In Rus.)

10. Civic, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow / chief of project and resp. ed. L. M. Drobizheva. — Moscow : ROSSPEN, 2013. — Text : unmediated. [Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / ruk. proekta i otv. red. L. M. Drobizheva. — Moskva : ROSSPEN, 2013. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Dijk, T. A. van. Discourse and Power. Representation of Dominance in Language and Communication / T. A. van Dijk. — Moscow : Librocom, 2013. — Text : unmediated. [Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii / T. A. van Dijk. — Moskva : Librocom, 2013. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Il'ina, O. Practices of Constructing the Regional Identity of Russians in the Media Discourse / O. Ilyina, E. Kablukov. — Text : unmediated // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP) WEST-EAST. Scientific Journal WEST-EAST. — 2019a. — Vol. 2/2. — No. 1. — P. 71—76. [Praktiki konstruirovaniya regional'noy identichnosti rossiyan v diskurse SMI / O. Il'ina, E. Kablukov. — Tekst : neposredstvennyy // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP) WEST-EAST. Scientific Journal WEST-EAST. — 2019a. — Vol. 2/2. — № 1. — P. 71—76]. — (In Rus.)

13. Il'ina, O. V. Practice of Constructing the Ural Identity in the Media Discourse of the Sverdlovsk Region / O. V. Ilyina, E. V. Kablukov. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2019b. — No. 2 (74). — P. 119—131. [Praktiki konstruirovaniya ural'skoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti / O. V. Il'ina, E. V. Kablukov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2019b. — № 2 (74). — S. 119—131]. — (In Rus.)

14. Il'ina, O. V. Regional Identity of the Inhabitants of Tatarstan in the Media Discourse / O. V. Ilyina. — Text : unmediated // Journalism in 2019: Creativity, Profession, Industry. — Moscow : Fac. of Journalism of Moscow State University, 2020. — P. 467—468. [Regional'naya identichnost' zhitel'ey Tatarstana v diskurse SMI / O. V. Il'ina. — Tekst : neposredstvennyy // Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya. — Moskva : Fak. zhurn. MGU, 2020. — S. 467—468]. — (In Rus.)

15. Jorgensen, M. V. Discourse Analysis: Theory and Method / M. V. Jorgensen, L. J. Phillips. — Kharkov : Humanitarian Center, 2008. — Text : unmediated. [Diskurs-analiz: teoriya i metod / M. V. Jorgensen, L. Dzh. Phillips. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Kablukov, E. V. Regional Identity of Russians in the Media Discourse: Theoretical Aspects of Scientific Modeling / E. V. Kablukov. — Text : unmediated // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1. — 2018. — No. 3. — P. 23—29. [Regional'naya

identichnost' rossiyan v diskurse SMI: teoreticheskie aspekty nauchnogo modelirovaniya / E. V. Kablukov. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. — 2018. — № 3. — S. 23—29]. — (In Rus.)

17. Kaminskaya, T. L. Regional Identity and Elections: Media Discourse / T. L. Kaminskaya. — Text : unmediated // The Discourse of Modern Mass Media in the Perspective of Theory, Social Practice and Education: II Intern. scientific-practical conf. “Actual Problems of Modern Media Linguistics and Media Criticism in Russia and Abroad.” — Belgorod : Publishing House “Belgorod”, 2016. — P. 36—41. [Regional'naya identichnost' i vybory: mediadiskurs / T. L. Kaminskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya : II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom». — Belgorod : ID «Belgorod», 2016. — S. 36—41]. — (In Rus.)

18. Kostyashina, E. A. Media-discursive Modeling Mechanisms of the Tomsk City Journalistic Text / E. A. Kostyashina. — Text : unmediated // Language and Culture. — 2012. — No. 1 (17). — P. 5—12. [Mediadiskursivnye mekhanizmy modelirovaniya tom'skogo gorodskogo publitsisticheskogo teksta / E. A. Kostyashina. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i kul'tura. — 2012. — № 1 (17). — S. 5—12]. — (In Rus.)

19. Kupina, N. A. Axiological Strategy and Its Speech Implementation in a Regional Newspaper / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of Education, Science and Culture. — 2017. — No. 4 (168). — P. 19—31. [Aksiologicheskaya strategiya i ee rechevaya realizatsiya v regional'nom gazetnom izdaniy / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. — 2017. — № 4 (168). — S. 19—31]. — (In Rus.)

20. Kupina, N. A. Soviet Ideological Traditions Today / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Soviet Past and the Culture of the Present : monograph. — Yekaterinburg : Publishing House of Ural. Univ., 2009. — P. 186—208. [Sovetskie ideologicheskie traditsii segodnya / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Sovetskie proshloe i kul'tura nastoyashchego : monogr. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2009. — S. 186—208]. — (In Rus.)

21. Linguistics and Axiology: Ethnosemiometry of Value Meanings : collective monograph / resp. ed. L. G. Vikulova. — Moscow : Thesaurus, 2011. — Text : unmediated. [Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov : kolektiv. monogr. / otv. red. L. G. Vikulova. — Moskva : Tezaurus, 2011. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Makarova, G. I. Dynamics of Russian, Regional and Ethnic Identities in Tatarstan / G. I. Makarova. — Text : unmediated // Sociological Studies. — 2011. — No. 5. — P. 71—77. [Dinamika rossiysskoy, regional'noy i etnicheskoy identichnostey v Tatarstane / G. I. Makarova. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2011. — № 5. — S. 71—77]. — (In Rus.)

23. Megill, A. Historical Epistemology / A. Megill. — Moscow : Canon + : ROOI “Rehabilitation”, 2007. — Text : unmediated. [Istoricheskaya epistemologiya / A. Megill. — Moskva : Kanon+ : ROOI «Reabilitatsiya», 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Nazukina, M. V. Regional Identity in Modern Russia: Typological Analysis: resume of thesis. ... of Cand. of Political Sciences / Nazukina M. V. — Perm, 2009. — Text : unmediated. [Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii: tipologicheskii analiz : avtoreferat dis. ... kand. polit. nauk / Nazukina M. V. — Perm', 2009. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Noyman, I. Using the Other: Images of the East in the Formation of European Identities / I. Noyman. — Moscow : New Publishing House, 2004. — Text : unmediated. [Spol'zovanie Drugogo: obrazy Vostoka v formirovaniy evropeyskikh identichnostey / I. Noyman. — Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Problems of Constructing the Identity of Russians in the Discourse of the Media under the Influence of the Concept of “Information War”. — Moscow ; Yekaterinburg : Cabinet Scientist, 2017. — Text : unmediated. [Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voyna». — Moskva ; Ekaterinburg : Kabi-

- netnyy uchenyy, 2017. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
27. Propp, V. Ya. Morphology of a Fairy Tale / V. Ya. Propp. — Moscow : Labyrinth, 2001. — Text : unmediated. [Morfologiya volshebnoy skazki / V. Ya. Propp. — Moskva : Labirint, 2001. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
28. Pushkareva, I. A. Specificity of the Regional Media Discourse: Linguo-axiological Aspect / I. A. Pushkareva. — Text : unmediated // *Mediastylistics*. — 2017. — No. 3 (18). — P. 90–98. [Spetsifika regional'nogo mediadiskursa: lingvoaksilogicheskii aspekt / I. A. Pushkareva. — Tekst : neposredstvennyy // *Mediastylistika*. — 2017. — № 3 (18). — S. 90–98]. — (In Rus.)
29. Rebrina, L. N. Discursive Construction of Local Patriotism of the Past in the Regional Media: Commemoration / L. N. Rebrina, S. A. Chubai. — Text : unmediated // *International Research Journal. Philological sciences*. — 2019. — No. 4 (82). — P. 47–51. [Diskursivnoe konstruirovaniye lokal'nogo patriotizma proshlogo v regional'nykh SMI: kommemoratsiya / L. N. Rebrina, S. A. Chubay. — Tekst : neposredstvennyy // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. Filologicheskie nauki*. — 2019. — № 4 (82). — S. 47–51]. — (In Rus.)
30. Sagitova, L. V. Republic of Tatarstan: Politics of Identity and Its Actors: monograph. / L. V. Sagitova. — Kazan : Institute of History. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. — Text : unmediated. [Respublika Tatarstan: politika identichnosti i ee aktyory : monogr. / L. V. Sagitova. — Kazan' : Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
31. Turovskiy, R. F. Regional Identity in Modern Russia / R. F. Turovskiy. — Text : unmediated // *Russian Society: the Formation of Democratic Values? — Gandalf, 1999. — P. 87–136*. [Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii / R. F. Turovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // *Rossiyskoe obshchestvo: stanovleniye demokraticheskikh tsennostey?* — Moskva : Gendalf, 1999. — S. 87–136]. — (In Rus.)
32. Freydenberg, O. M. Myth and Literature of Antiquity / O. M. Freydenberg. — Moscow : Publishing company "Eastern Literature" RAS, 1998. — Text : unmediated. [Mif i literatura drevnosti / O. M. Freydenberg. — Moskva : Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
33. Fuko, M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of different years. — Moscow : Castal, 1996. — Text : unmediated. [Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. — Moskva : Kastal', 1996. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
34. Harari, Yu. N. Sapiens. A Brief History of Humanity / Yu. N. Harari. — Moscow : Sinbad, 2016. — Text : unmediated. [Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva / Yu. N. Kharari. — Moskva : Sindbad, 2016. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
35. Chepkina, E. V. Discursive Practices of Designing the Addressee of the Regional Press: National Civil Identity / E. V. Chepkina. — Text : unmediated // *Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of Education, Science and Culture*. — 2016. — Vol. 22, No. 4 (156). — P. 61–68. [Diskursivnye praktiki konstruirovaniya adresata regional'noy pressy: natsional'nograzhdanskaya identichnost' / E. V. Chepkina. — Tekst : neposredstvennyy // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. — 2016. —
- T. 22, № 4 (156). — S. 61–68]. — (In Rus.)
36. Chepkina, E. V. Discursive Journalist Practices: a Method of Analysis / E. V. Chepkina, L. V. Enina. — Text : unmediated // *II International Scientific Conference "The Style of Tomorrow: Media Text in the Pragmatic, Rhetorical and Linguocultural Aspects": plenary reports*. — Moscow : MediaMir, 2012. — P. 291–308. [Diskursivnye praktiki zhurnalista: metod analiza / E. V. Chepkina, L. V. Enina. — Tekst : neposredstvennyy // *II Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Stilistika zavtrashnego dnya: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokul'turologicheskom aspektakh»: plenarnyye doklady*. — Moskva : MediaMir, 2012. — S. 291–308]. — (In Rus.)
37. Shusharina, G. A. Explication of the Regional Identity of Komsomol'sk-on-Amur in the Regional Onomastic Space / G. A. Shusharina. — Text : unmediated // *Bulletin of TSPU*. — 2016. — No. 2 (167). — P. 76–80. [Eksplikatsiya regional'noy identichnosti Komsomol'ska-na-Amure v regional'nom onomasticheskom prostranstve / G. A. Shusharina. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik TGPU*. — 2016. — № 2 (167). — S. 76–80]. — (In Rus.)
38. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis / E. Erikson. — Moscow : Progress, 1996. — Text : unmediated. [Identichnost': yunost' i krizis / E. Erikson. — Moskva : Progress, 1996. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
39. Bacon, A. Church and State in Contemporary Russia: conflicting discourses / A. Bacon. — Text : unmediated // *Russia After Communism*. — London ; Portland : Frank Cass, 2002. — P. 97–116.
40. Castells, M. The information age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. — Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. — Vol. 2 : The power of identity. — Text : unmediated.
41. Giesen, B. Triumph and Trauma / B. Giesen. — Boulder : Paradigm Publishers, 2004. — Text : unmediated.
42. Huntington, S. P. Who are we? The challengers to America's National identity / S. P. Huntington. — New Delhi : Penguin Books India, 2004. — Text : unmediated.
43. Iveson, M. Gendered dimensions of Catalan nationalism and identity construction on Twitter / M. Iveson. — Text : unmediated // *Discourse & Communication*. — 2017. — Vol. 11. — P. 51–68.
44. Laclau, E. Hegemony and socialist strategy: towards a radical politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. — London ; New York : Verso, 2001. — Text : unmediated.
45. Leith, M. S. Soule. Political Discourse and National Identity in Scotland / M. S. Leith, P. G. Daniel. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2011. — Text : unmediated.
46. Miro, S. J. Identity discourses about Spain and Catalonia in news media: understanding modern seccesionalism / S. J. Miro. — Lanham ; Boulder ; New York ; London : Lenxington books, 2019. — Text : unmediated.
47. Paasi, A. Region and place: regional identity in question / A. Paasi. — Text : unmediated // *Progress in human geography*. — 2003. — № 27 (4). — P. 475–485.
48. Schroder, M. Constructing Scottish identity in media discourses: the use of common sense knowledge in the Scottish press / M. Schroder. — Bern : Peter Lang Edition, 2015. — Text : unmediated.
49. Terlouw, K. From thick to thin identities? / K. Terlouw. — Text : unmediated // *GeoJournal*. — 2012. — № 77. — P. 707–721.

Т. А. Гридина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3993-5164

С. С. Талашманов

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3315-536X

 E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается специфика игровых мемов как проявление смеховой субкультуры интернет-коммуникации, предметом которой становится апелляция к метаязыку лингвистики. Мем — мнемическая единица передачи культурно значимой информации о каком-либо объекте (в том числе метаязыке лингвистики) в комической форме, которая чаще всего имеет креолизованный характер. Первая (вербальная) часть — короткий словесный комментарий ко второй (невербальной) части, представленной фотографией, рисунком, схемой, символом и т. п. Моделирование и дешифровка метаязыковых игр апеллируют, с одной стороны, к рефлексии над языковыми фактами в свете их собственно лингвистической квалификации, с другой стороны, к метакомментарью, преднамеренно (парадоксально) вписывающему прототип в иную систему координат (проблематики, актуальной для пользователей Сети). Анализируются результаты психолингвистического эксперимента по порождению и восприятию метаязыковых игр. В качестве экспериментальных процедур были использованы адаптированные к целям исследования психолингвистические методики: завершение / дополнение текста и заполнение текстовых лагун; объяснительный комментарий (толкование) и продуцирование метаязыковых мемов по предложенному образцу (диагностический ресурс, позволяющий оценить лингвокреативные способности респондентов к декодированию и порождению метаязыковых игр). Экспериментальным материалом послужили метаязыковые мемы, стихи и высказывания популярной в Сети группы «Филологическая дева». Интернет-пользователи разнородны и по своему образовательному, и по возрастному статусу, что может влиять на уровень их собственно лингвистической компетенции и способности к порождению и декодированию метаязыковых игр.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая игра; метаязыковая рефлексия; метаязыковые игры; лингвокреативность; языковая личность; мемы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Талашманов Сергей Сергеевич, магистрант, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: talashmanov96@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гридина, Т. А. Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 134–143. — DOI 10.26170/pl20-02-14.

Языковая игра в современной языковой ситуации охватывает практически все сферы речевой деятельности, выступая проявлением «массового лингвокреатива» [Ремчукова 2013] и отражая, в частности, тенденцию сопротивления «диктату» нормы в общении интернет-пользователей, где апробируются нестандартные игровые алгоритмы текстопорождения, позволяющие коммуникантам «выйти за пределы строгого речевого узуса» [Гридина, Талашманов 2019: 31].

Проявляясь на разных уровнях текста, языковая игра активизирует рефлексию адресата над нестандартным лингвистическим кодом, являющимся способом трансляции авторской интенции и требующим дешифровки от адресата. В качестве таких «специальных кодов передачи информации высту-

пают разноуровневые языковые средства и принципы конструирования игры, которые используются для трансформации прототипа (изменения его формы и/или значения), введения в новый ассоциативный контекст»; по сути, коды языковой игры — «это некие индикаторы, маркеры игровой трансформации, позволяющие соотнести ее с прототипом (фонетическое сходство, структурное, семантическое „подобие“ ассоциатов, заключающее в себе игровой парадокс). Можно выделить фонетические, лексические, грамматические, семантические и смешанные коды языковой игры, соотносительные с соответствующим уровнем языка и конкретными единицами и моделями образования и употребления средств каждого уровня» [Гридина 2020: 75]. Массовый лингво-

креатив в интернет-коммуникации порождает множество «„субъязыков“ и „субстилей“, основанных на деструкции вербальных знаков. Считывание запрограммированного этой стратегией эффекта осуществляется в опоре на опознаваемые параметры обыгрываемого прототипа» [Гридина 2012]. При этом сам язык в процессах речетворчества предстает как «особое поле личностной проекции, в котором субъект, с одной стороны, действует в соответствии с заданными знаковой системой (социально закрепленными) стереотипами восприятия мира; с другой стороны — проявляет „творческую самодеятельность“ (С. Л. Рубинштейн), привнося в понимание знаковых единиц свой когнитивный (и другой) опыт и действуя в соответствии с собственными языковыми и ментальными предпочтениями» [Гридина, Пятинин 2003: 5]. «Стратегия языковой игры, основанная на одновременной актуализации и переключении, ломке речемыслительных стереотипов, моделирует соответствующий замыслу говорящего ассоциативный контекст нестандартного восприятия словесных знаков» (см. об этом: [Гридина 1996: 42]). Соответственно «игровая трансформа (продукт языковой игры) требует „считывания“ лингвистического кода, который направляет ассоциации адресата в нужное русло и эксплуатирует нереализованный потенциал языковой системы, „востребованный“ креативной личностью» [Гридина 2006: 12].

В многочисленных жанрах интернет-общения именно языковая игра становится основой восприятия, оценки и интерпретации описываемого объекта (ср. *мем, прикол, реклама, пост, твит, комментарий* и др.). В качестве обыгрываемых прототипов выступают единицы всех уровней языка и речи: и звуки, и графемы, и отдельные слова, и модели формо- и словообразования, и целые тексты.

К специфической группе феноменов, характеризующих тексты современной интернет-коммуникации, можно отнести обыгрывание метаязыка лингвистики — разного рода орфографических, орфоэпических и акцентологических правил, терминологического аппарата, алгоритмов образования слов и морфологических форм, синтаксических конструкций, особенностей алфавитов и т. п. В игровом поле этот **лингвистический метаязык** получает новый смысловой импульс, связанный с перекодированием специального знания в русло проблематики, актуальной для пользователей социальных сетей. Моделирование и дешифровка подобных игровых апеллируют, с одной стороны, к рефлексии над языковыми фактами в све-

те их собственно лингвистической квалификации, с другой стороны, к метакомментарию, преднамеренно (парадоксально) вписывающему прототип в иную систему координат. Создание в интернет-коммуникации особой смеховой субкультуры, предметом которой становится остроумная ассоциативная отсылка к метаязыку лингвистики, позволяет особо выделить в качестве продуктов языковой игры такую их разновидность, как «метаязыковая играма» [Гридина, Талашманов 2019: 32].

Одним из популярных жанров сети Интернет, в котором используются метаязыковые игремы, является **мем** — мнемическая единица передачи культурно значимой информации о каком-либо объекте (в том числе метаязыке лингвистики) в комической форме, которая чаще всего имеет креолизованный характер. Первая (вербальная) часть — короткий словесный комментарий ко второй (невербальной) части, представленной фотографией, рисунком, схемой, символом и т. п. В нашем случае это «соотношение невербального ряда с метаязыковым прототипом» [Гридина, Талашманов 2019: 33].

Психолингвистический подход к исследованию игровых кодов в свете их продуцирования и считывания предполагает экспериментальную верификацию в опоре на показание обыденного языкового сознания респондентов.

Экспериментальной гипотезой явилось предположение о том, что способность к считыванию и порождению метаязыковых игрем может свидетельствовать о разном уровне рефлексии респондентов над прототипом и лингвокреативном потенциале конкретной личности. В свете сказанного продуктивной представляется выборка респондентов, обладающих специализированным («углубленным») знанием в области языковедческой теории и в то же время являющихся активными интернет-пользователями, включенными в процесс игровой коммуникации, ориентированной на широкую аудиторию. В эксперименте приняли участие студенты-магистранты Института филологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного университета, обучающиеся по специальности «Психолингвистические технологии в обучении русскому языку» (в количестве 15 человек).

Для стимуляции рефлексии респондентов над содержанием метаязыковых игрем, функционирующих в интернете (преимущественно в жанре мема), в качестве экспериментальных процедур были использованы адаптированные к целям исследования психолингвистические методики: завершение/

дополнение текста и заполнение текстовых лакун; объяснительный комментарий (толкование) и продуцирование метаязыковых мемов по предложенному образцу (как диагностический ресурс, позволяющий оценить лингвокреативные способности респондентов к декодированию и порождению метаязыковых игр по критериям беглости, гибкости, оригинальности).

В зависимости от выраженности этих критериев в ответах респондентов выделены три уровня считывания и тиражирования метаязыковых игр: 1) *высокий* — полностью опознан, «восстановлен» лежащий в основе мема лингвистический прецедент, предложено в виде собственного словесного комментария несколько версий интерпретации игры, в том числе версия, совпадающая с авторским замыслом; учтена функция невербального компонента мема; в случае тиражирования игрового прецедента воспроизведен конструктивный принцип его моделирования при новой интерпретации или использовании респондентом других лингвистических прецедентов; 2) *средний* уровень — считываемость смысла игры через отсылку к формальной структуре лежащего в ее основе прототипа, без учета ассоциаций, создающих глубинный смысловой план восприятия мема; словесная интерпретация апеллирует только к «восстановлению» прототипа или выражена приведением примеров аналогичных игр; не всегда осмыслена связь опознанного лингвистического прецедента с визуальной частью мема и наоборот, смысл прототипа трактуется в опоре только на визуальный ряд (без учета перекодировки его исходного лингвистического смысла); проявляется неспособность респондента к продуцированию собственного мема по заданному образцу; 3) «нулевой» уровень восприятия метаязыковых игр обнаруживает неспособность респондента считать лингвистический прецедент или проявляется в буквальном его толковании.

Экспериментальным материалом послужили метаязыковые мемы, стихи и высказывания популярной в Сети группы «Филологическая дева».

В первом задании респондентам были предложены стихотворный мем, в котором в качестве метаязыкового прототипа обыгрываются названия падежей, интерпретированные на основе их мотивационной формы и вписанные в некий типовой сюжет развития любовной связи между юношей и девушкой (имплицитно «ёрническое непризнание» ухажёром ответственности за последствия такой связи — «рождение ребенка»).

День был именительный, Вечер был творительный, Я ей предложительный, А она мне дательный, Разве я винительный, Что она родительный?

Данный игровой текст имитирует частушечный канон как своеобразную форму эвфемизации темы сексуальных отношений. Ср.: «Русский фольклор, как и фольклор других народов, невозможно представить без пласта текстов эротического и обценного (непристойного) содержания» [Топорков 1995: 5]. В структуре стихотворения термин *именительный*, актуализируя представление о начальной форме слова, выражает смысл начала отношений («в данном случае намерение пригласить девушку на вечернее свидание»), *творительный* (мотивированный глаголом *творить*) маркирует тему «исполнения желаемого»; соответственно *предложительный* (трансформация названия *предложного падежа*) ассоциируется с *предложить* (имплицитно в тексте мема смысл «заняться сексом», ср. выражение «предложение руки и сердца» как намерение вступить с объектом любви в законный брак); *дательный* актуализирует значение мотиватора *дать* в эвфемистическом смысле, наведенном развиваемым сюжетом; *винительный* ассоциируется с *вина* (ср. отождествление нестандартной синтаксической структуры «разве я винительный?» с грамматически «правильной» фразой «разве я виноват?»), *родительный* коррелирует со значением «рождение ребенка» (ср. отождествление ...она родительный с ...она родила).

В эксперименте по заполнению текстовых лакун (пропущенных прилагательных) испытуемые ориентировались на описанную выше затекстовую пресуппозицию. Заданная мемом семантика названий падежей была считана всеми респондентами, что свидетельствует о «прозрачности» метаязыковой игры в плане ее адресации носителю обыденного языкового сознания (обыгрываемый метаязыковой прототип входит в объем знаний школьной программы по русскому языку). Эффект языковой игры смоделирован с использованием принципов «ассоциативной выводимости» (новой ситуативной мотивации специальных терминов), «ассоциативного отождествления» (эвфемистической замены прямого наименования, характеризующего соответствующий поворот сюжета) и «ассоциативного наложения» (соотнесения эксплицируемого, поверхностного, и имплицитного смысла мема). Вместе с тем некоторые респонденты при выполнении задания предложили собственные версии «расстановки» пропущенных прилага-

тельных, не совпадающие с оригиналом, а также дающие возможность иной нюансировки содержания полученного текста.

Во втором задании от испытуемых требовалось вставить пропущенное прилагательное в следующее предложение: «Весь мир — **звуковая оболочка**, а ты в ней (**редуцированный**) звук».

Прототипом данной метаязыковой игры выступает единица фонетического уровня: *редуцированный* звук как «менее четко артикулируемый в потоке речи, потерявший в долготе, силе или качестве звучания (находящийся в безударной позиции гласный)». Редуцированными также назывались *утраченные* в процессе исторического развития языка «сверхкороткие гласные», обозначающиеся буквами Ъ (ерь) и Ы (ер) и противопоставлявшиеся гласным полного образования. И в современном, и в историческом наполнении этого лингвистического термина присутствует характеристика «сокращенности» и «нечеткости» звучания.

В структуре приведенного интернет-мема данный лингвистический термин, будучи «вписанным» в трансформированную прецедентную фразу Уильяма Шекспира «Весь мир — театр, а люди в нём актёры» (ср. весь мир — **звуковая оболочка** ... **а ты в нём редуцированный звук**), приобретает переносный смысл «малозначимый человек, не имеющий и не оказывающий большого влияния на кого-либо или на что-либо». Обыгрывание прямого и переносного смысла термина создает эффект ассоциативного наложения (признак «редуцированности» выступает и как характеристика ничтожности обычного человека перед лицом мироздания, и как ироническая оценка «мизерного масштаба» несостоявшейся личности). Мем в иронической форме апеллирует, с одной стороны, к социальной значимости личности, с другой — к самооценке адресата.

Отметим, что подобные метаязыковые игры, эксплуатирующие прием трансформации распространенной прецедентной фразы Шекспира, весьма популярны в сети Интернет, при этом в качестве игровых прототипов эксплуатируются лингвистические знания из школьного «репертуара» изучения русского языка, известные самой широкой аудитории пользователей Сети. Ср.: *Весь мир — ЖИ-ШИ, а ты в нём „Ы“* (обыгрывается правило «**ЖИ-ШИ пиши с И**», соответственно мем содержит намек на необразованность как «изъян», ущербность языковой личности, или, наоборот, это девиз эпатажного неподчинения «никаким» правилам); «Весь мир — русский язык, а ты в нём **ихний**» (прототип — типичная ошибка про-

сторечного употребления формы местоимения **их**, содержащая импликацию «невежественный человек, в силу своей необразованности неспособный к постижению словесно выраженной мысли о сущности мира, подобно иностранцу, не владеющему русским языком»); «Весь мир — урок русского языка, а ты в нём **страдательное причастие**» (обыгрывается специальное значение термина и связь с прямым значением глагола *страдать*). Тиражирование представленной игровой модели в сети Интернет породило и целый ряд мемов, не имеющих метаязыкового лингвистического прототипа, например: *Весь мир театр — а ты в нём гардеробщица* (ср. прецедентное высказывание «*театр начинается с вешалки*»); *Весь мир — трамвай, а ты в нём Берлиоз* (отсылка к эпизоду из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»); *Весь мир — инквизиция, а ты в нём еретик*... и др.

В предложенном респондентом тексте с пропуском прилагательного **редуцированный** (звук) только четыре респондента из пятнадцати сумели считать (восстановить) лингвистический прецедент, обыгрываемый в оригинальном тексте. Однако не менее интересным и свидетельствующим о считанности смысла метаязыкового мема является предложенный двумя респондентами вариант «**глухой**» звук (согласный звук, произносимый без голоса, точнее «состоящий из одного шума» в отличие от звонких согласных, в которых шум преобладает над голосом, и гласных, состоящих из одного голоса). Подобная замена вполне коррелирует с заданным переносным смыслом «нереализованности» и «незначимости» по отношению к характеристике человека. Кроме того, прилагательное *глухой*, будучи многозначным, в данном контексте содержит потенциальную актуализацию переносного значения «нелюбознательный», «равнодушный», «неотзывчивый», «замкнутый в самом себе», «закрытый» (ср. *глух* ко всему, что происходит в мире). К варианту обыгрывания метаязыкового прототипа при восстановлении пропущенного прилагательного, безусловно, можно отнести и реакцию «**огублённый**» звук (= лабиализованный гласный звук, в образовании которого принимают участие губы; таких звуков в русском языке всего два: [o] и [y]). В данной лингвистической характеристике представлен параметр противопоставленности закрытых (огублённого) и открытых (неогублённого) гласных звуков, что становится основанием переносного использования специального термина для характеристики человека по параметру «ограниченности, нереализованности, отсут-

ствия стремления к саморазвитию».

Соотносится с оригинальным смыслом мема и заполнение текстовой лакуны прилагательным, входящим в состав идиомы *пустой звук* — «то, что воспринимается кем-л. как лишенное всякого смысла, значения или как не заслуживающее внимания» [Фразеологический словарь... 1986: 172]. Респонденты (4 человека) в данном случае используют уже готовый (автоматически подсказываемый) метафорический код языковой игры с лингвистическим прецедентом, применяемым в данном случае к характеристике человека.

В несколько ином ключе представляет смысл мема единичная реакция **«индивидуальный»** (выделяющийся из ряда других), не опирающаяся на метаязыковой лингвистический комментарий (не связанный с описанием параметров физиолого-акустической характеристики конкретного звука). В данном случае прилагательное метафорически манифестирует значение уникальности личности, не желающей подчиняться общественному канону, не исключая при этом и отрицательную оценку такой «индивидуальности» субъекта.

В третьем задании от респондентов требовалось расшифровать смысл мема в форме рисунка, на котором были изображены «антропоморфизированные» знаки препинания — точка с запятой, обменивающиеся рукопожатием.

Данный мем не сопровождается вербальным комментарием, в визуализированной форме отсылая к лингвистическому прецеденту — правилам употребления пунктуационного знака «точка с запятой». На то, что это именно сложный знак, а не отдельное, самостоятельное употребление его составляющих, указывает изображенная на рисунке ситуация «рукопожатия».

Респонденты-филологи, безусловно, считали этот посыл, предложив шуточные версии дешифровки мема в опоре на лингвистические знания о синтаксической организации речи и ее пунктуационном оформлении. Часть полученных комментариев (и подписей к рисунку) связана с употреблением данных знаков препинания в бессоюзных сложных предложениях (БСП), так как именно в этом типе сложного предложения функционирует знак «точка с запятой», когда части БСП распространены или отдалены по смыслу. Ср., например, следующие подписи к рисунку: **«Пойдём в БСП!»**, **«Точка предлагает запятой сотрудничать в БСП»**. В одном из комментариев в стилизованном виде (как сказочная «концовка») обыгрывается отделительная функция данного пунктуационного знака в распространенном

сложном предложении (СП): **С тех пор точка с запятой СП пополам ломать стали**. Характер изображения точки с запятой в виде маленьких человечков порождает игровой комментарий, представляющий сведения о данном знаке препинания в олицетворенном ключе, что способствует вписыванию заданного прототипа в разные сюжеты. Ср. своеобразный зачин сюжета о потенциальных приключениях точки с запятой, которым стало скучно в школьном учебнике: **Точка и запятая покинули этот учебник в поисках более интересных впечатлений**. Еще одна интересная версия, касающаяся особенностей функционирования точки с запятой, представлена следующей репликой «от лица» данного знака препинания: **Пойдём в роман Толстого? Когда мы вместе, мы нигде больше и не нужны...** Действительно, точка с запятой весьма характерный знак для произведений Л. Н. Толстого, сложная синтаксическая организация произведений которого является своеобразной визитной карточкой его идиостиля. Именно поэтому «точка с запятой» **отправляются** в усложненный толстовский синтаксис, «только там их и примут». Данный комментарий содержит намек на «упрощенность» синтаксиса современной речи, причем не только устной, но письменной. Точка с запятой — признак «развернутой» (интеллектуальной) речи, и, без сомнения, этот знак практически «не востребован» в коммуникативных практиках интернет-общения. Предсказуемым комментарием к приведенному рисунку оказывается моделирование диалоговой ситуации, в которой происходит игровое перекодирование лингвистического метаязыка. Приведем один пример: **«Запятая: — Привет, точка! Давай дружить! Точка: — Давай, только зачем я тебе? Ты такая неостановимая, а я люблю завершенность. Запятая: — Когда я не смогу прийти вовремя, подмени меня»**.

Языковая игра метафорически подчеркивает функциональные различия точки (маркирующей законченность фразы) и запятой (предполагающей незавершенность высказывания) как самостоятельных знаков препинания при оформлении мысли в письменной речи (ср. прямой и переносный смысл выражений «поставить точку», «вовремя поставить точку»). При этом исходный прецедент, закодированный рисунком (точка с запятой как особый знак препинания в сложном предложении), оказывается не считанным (или намеренно проигнорированным).

В четвертом задании испытуемым предлагалось придумать скороговорки, состоящие из лингвистических терминов,

с опорой на предъявленный образец. Таким образцом послужил метаязыковой мем «*палатализировали, палатализировали, да не выпалатализировали*», сопровождаемый видеорядом (изображением профиля британской писательницы Вирджинии Вульф как символом группы «Филологическая дева»). В основе данного мема, созданного по аналогии с известной фразой «*корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали*», лежит лингвистический термин *палатализация* (смягчение согласных путем дополнительной артикуляции — приближения средней части спинки языка к твердому нёбу») и непосредственно и опосредованно мотивированные данным словом глаголы, осложняющие своей структурой и без того сложную в фонетическом плане звуковую оболочку слова. Специалисту-филологу небезразличен и тот факт, что произношение мягких согласных требует больших артикуляционных усилий, чем произношение твердых звуков. Очевидно, этот имплицитный смысл может быть источником осмысления фразы как иронической констатации неудачи в каком-то деле, несмотря на затраченные усилия (ср. типовую пресуппозицию недостижения цели, лежащую в основе скороговорок, построенных по модели «*корабли лавировали...*»). Создание подобных скороговорок в то же время является игровой провокацией, побуждающей адресата преодолеть «лингвистический барьер» труднопроизносимости фразы при ее многократном и беглом повторении. Использование в качестве материала для игровых скороговорок метаязыка лингвистики вполне продуктивно.

Все испытуемые обнаружили полную считываемость механизма образования прототипической игры при составлении собственных скороговорок. В качестве средств создания скороговорок респондентами были использованы лингвистические термины, характеризующие разного рода фонетические, словообразовательные, синтаксические процессы (*лабиализация, вербализация, парцелляция*), а также собственно метаязыковые процедуры описания (фиксации) языковых явлений (*транскрибирование* и т. п.). Ср. созданные респондентами скороговорки: «*лабиализировали, лабиализировали да не вылабиализировали*»; «*вербализовали, вербализовали да не вывербализовали*»; «*транскрибировали, транскрибировали да не вытранскрибировали*»; «*парцеллировали, парцеллировали да не выпарцеллировали*». Приведенные примеры в полной мере соответствуют заданному образцу. Отметим, однако, тот факт, что в ходе выполнения задания участники эксперимен-

та предлагали и собственные креативные версии конструирования скороговорок на базе терминологической лексики: например, *числа числительными исчисляются*. Кроме того, в экспериментальной выборке представлены контаминационные (гибридные) варианты создания скороговорок: *лабиализировали лабиализированный да не вылабиализировали, получился не лабиализованный да недолабиализованный*. В плане оригинальности предложенных респондентами скороговорок выделим пример, в котором наряду с традиционным приемом усложнения словообразовательной структуры производных глаголов («наращивания» приставок) креативно обыгрывается созвучие неродственных слов. Ср.: *Вербалика вербовала, вербовала ... да не перевывербовала*. Термин «вербалика» (совокупность средств словесной коммуникации) в данном контексте антропоморфизмуется и приобретает дополнительный смысловой оттенок, наведенный ложноэтимологическим сближением с глаголом «вербовать»: собственно семантический план игровой скороговорки содержит идею большой воздействующей силы слова, которое, к сожалению, не всегда и не всеми бывает услышано. В метафорическом смысле сам язык «вербует», «берет под контроль» своих носителей (вспомним в этой связи актуальную для филологов идею В. фон Гумбольдта о языке как выражении «народного духа»). Безусловно, это лишь потенциальный ресурс интерпретации игрового кода, рассчитанный не только на рефлексию носителя специального лингвистического знания, но и на способность к его творческой переработке.

В пятом задании респондентам предлагалось интерпретировать метаязыковой мем из арсенала изошренных лингвистических шуток, придумываемых для пользователей Сети группой «Филологическая дева» (текст сопровождается символическим логотипом с профилем Вирджинии Вульф). После выполнения данного задания респонденты должны были самостоятельно создать подобные игры.

Вербальный ряд мема, представленный окказионализмами **ЩЕРБЬ** и **РОЗЕНТАЛЬ** на фоне описанного выше логотипа, содержит в себе двойное игровое кодирование: дешифровка этих слов требует 1) идентификации игром с фамилиями известных лингвистов (Л. В. Щерба и Д. Э. Розенталь); 2) идентификации игром с грамматической словоформой 2 л. ед. ч. глаголов повелительного наклонения (ср., например, аналоги словоформ с теми же конечными согласными в основе: *грабь* — от *грабить*; *причаль* — от

причалить). Метаязыковой прототип игры — сам механизм образования форм повелительного наклонения — задан в экспериментальном ключе. Не случайной в этом смысле является отсылка к имени Л. В. Щербы, провозгласившего ценность лингвистического эксперимента в обнаружении языковых закономерностей (ср. его знаменитую фразу про *глокую куздру...*), и Д. Э. Розенталя как авторитетного автора справочников, описывающих правила пунктуации и орфографии русского языка. Словоформы ЩЕРБЬ и РОЗЕНТАЛЬ, казалось бы, не соотносительны по своей направленности (творческое отношение к языку не предполагает регламентации). Однако синтез этих отономастических новообразований имплицитно означает призыва к «языковому эксперименту как игре по собственным правилам», расширяющим горизонты нормы.

Данный мем дает эмоциональный импульс к речетворчеству, о чем свидетельствует, в частности, один из вариантов его трансформации респондентом: **Жги! Щербы! Розенталь!** Включение в состав игрового слогана узального императива свидетельствует, кроме того, о считанности способа образования окказиональных словоформ. Большинство респондентов было указано, что мем основан на имитации формы глаголов повелительного наклонения. Не смогли квалифицировать заданный в меме грамматический статус игры три человека, предположив, что *щербь* — это существительное ж. р. 3-го склонения (что, кстати, вполне соответствует потенциальному восприятию данного окказионализма). При интерпретации приведенных словоформ респондентами был «опознан» и мотивационный код их образования (производность от личных имен собственных), что, в частности, проявилось в создании испытуемыми аналогичных окказиональных словоформ от фамилий известных лингвистов. Всплывали ассоциации с именами авторов словарей русского языка (В. И. Даля, С. И. Ожегова), получающимися в игровом контексте «значение» императивной формы глагола: **даль, ожегов словарь** (само название жанра — *словарь* — также переводится в разряд окказиональных «глагольных форм» повелительного наклонения в значении «создавай словари»). Два респондента образовали окказиональную форму **кронгаузь** (от имени М. А. Кронгауза, автора нашумевшей книги «Язык на грани нервного срыва», которая непосредственно касается причин нарушения нормы в разных практиках современной речи). Ожидаемыми в группе респондентов-филологов оказались единичные игровые реакции типа **гум-**

больдь, соссюрь, матезиузь, шахматовь, востоковь, связанные с именами таких выдающихся языковедов, как В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, В. Матезиус, А. А. Шахматов, А. Х. Востоков. Несомненно, этот слой игр коррелирует со специальными знаниями участников эксперимента.

В плане проявления метаязыковой рефлексии при восприятии (анализе) игр ЩЕРБЬ и РОЗЕНТАЛЬ показательна реконструкция респондентами самого процесса создания этих слов, в котором восстанавливаются «пропущенные» звенья словообразовательной цепочки: *Щерба* — ***щербить** (потенциальный глагол, от которого по правилам грамматики должна быть образована форма повелительного наклонения *щербь*); ср.: *Розенталь* — ***розенталить** как окказионализм, от которого образована омонимичная исходному имени собственному словоформа повелительного наклонения. Заметим, что процесс порождения данной игры вряд ли был таким «неэкономным», скорее всего, конструктивным принципом ее создания явилось намеренное ассоциативное отождествление фамилии с формами императива по структурному сходству. Один из респондентов указал на некоторые постоянные морфологические признаки «реконструированного» окказионального глагола (*щербить* — глагол несовершенного вида, второго спряжения, непереходный, невозвратный).

Отметим вариант лингвокреативного развертывания рефлексии над игровым словом *щербь* в виде аллюзии на искусственную фразу Л. В. Щербы «*Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит бокрѣнка*», ср. созданные респондентами «глагольные» словоформы от некоторых квазилексем, входящих в данную фразу: **глокь, куздрь, штекь**. В основе данных новообразований лежит формальная аналогия.

В шестом задании, как и в предыдущем, испытуемым предлагалось интерпретировать метаязыковой мем «**страсть не переносится**», в котором креативно обыгрывается правило нечленности односложных слов, перенос части которых на новую строку невозможен (запрещен).

Специальное значение глагола, выводимое при актуализации лингвистического смысла фразы, накладывается на переносный смысл многозначного слова, обусловленный связью с существительным *страсть* как обозначением сильного чувства, которое не каждому дано *перенести* (испытать, пережить) и которое нельзя насильно внушить кому-нибудь. Для декодирования мема необходимо отвлечься от лексического значения слова «страсть» и переключить оптику

восприятия лексемы на ее слоговую структуру.

Заданный данным метаязыковым мемом код был считан всеми респондентами. При его интерпретации указывалась имплицитная игремой недопустимость переноса односложных слов. Отмечалось также, что первоначально фраза воспринимается как «невозможность перенести высокий накал страсти» и только затем как собственно процедура членения и переноса слова на другую строку.

В собственных примерах обыгрывания респондентами безличного глагола **переносится** была «востребована» его многозначность в свете ситуативных пресуппозиций, актуальных для студенческой аудитории. Ср., например: **Страсть не переносится, а пары переносятся ежедневно** (имплицитируется смысл перенесения времени проведения пары и «ежедневное присутствие на учебных занятиях (парах) как испытание для студента»). Представляется остроумным следующий придуманный респондентом метаязыковой мем: **«Страсть не переносится, ложь не переносится, правильно: не «ложь», а «клады»!** Ср. расхожую дидактическую максиму: *нужно говорить не ложить, а класть*. К частотным речевым ошибкам относятся и ненормативные формы императива *положь, ложь*. Эффект языковой игры смоделирован в данном случае по принципу ассоциативной провокации, когда первая часть фразы *ложь не переносится* воспринимается как неприятие лжи, а вторая часть фразы переводит ее смысл в лингвистический план, дискредитируя распространенную в просторечии речевую ошибку.

Результаты эксперимента показывают, что в большинстве случаев рефлексия респондентов над содержанием метаязыковых игрем опирается на специальное и/или эмпирическое знание о языке, выступая как лингвокреативный ресурс декодирования и тиражирования (трансформации, интерпретации) такого рода игрем применительно к разным ситуациям речи. Это значит, что игровой метаязык может выступать естественным элементом общения как в сети Интернет, так и в сфере научной коммуникации и в обыденных речевых практиках. Полное или частичное считывание метаязыкового прототипа выступает как некий синтез представлений о языке в проекции на сферу социальных и межличностных отношений.

Таким образом, негласный «закон» необязательности нормы, обнаруживающий себя в многочисленных жанровых формах обмена информацией в интернет-пространстве, тем не менее в случае языковой игры не отменяет **осознания** пользова-

телями (адресантом и адресатом сообщения) самого факта отклонения от языкового канона как его **преднамеренного** нарушения (см.: [Гридина 2014; Гридина, Коновалова 2019]. Креативный посыл продуцирования «игремы» (термин наш. — Т. Г.) связан не только и не столько со свободным отношением к кодифицированной норме (в том числе с «игнорированием» ее), сколько с самореализацией личности в вариативном регистре языковых возможностей.

Специальные и практические знания о языке в равной степени могут быть актуализированы в процессе продуцирования и восприятия метаязыковой игремы. Интернет-пользователи весьма разнородны и по своему образовательному, и по возрастному, и по социальному статусу, что соответственно может влиять на уровень их собственно лингвистической компетенции и способности к порождению и декодированию метаязыковых игрем. В то же время любая игра предполагает разные уровни ее восприятия. Иначе говоря, каждая игра «находит» своего адресата, в том числе и метаязыковая. При этом метаязык лингвистики перекодируется в игре в русло совсем иной («нелингвистической») проблематики.

Моделирование восприятия метаязыкового прототипа осуществляется в соответствии с такими «конструктивными принципами языковой игры, как ассоциативная интеграция, ассоциативная идентификация, ассоциативное наложение, ассоциативная выводимость, ассоциативная провокация» [Гридина 1996].

Исходя из того факта, что процессы речепорождения и речевосприятия в известной степени взаимобратимы («отзеркаливают» друг друга как перспектива вербального воплощения некой информации и ретроспектива ее осмысления адресатом в соответствии с заданным кодом сообщения), дешифровка метаязыковой игремы должна осуществляться как «раскручивание» ассоциативного процесса в обратном направлении — от реакции (содержащей игровую импликацию) к стимулу (в нашем случае — к собственно метаязыковой составляющей игремы). Собственно от «опознания» этого метаязыкового прототипа и выведения механизма его перекодирования (приема, средства его трансформации, создающего эффект языковой игры) зависит глубина считывания игремы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимova, Г. В. Проблема креативности языковой личности / Г. В. Алимova. — Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. — Кемерово ; Барнаул, 2008. — С. 169–174.
2. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онто-

логический и гносеологический феномен (к поискам «лингво-гносеологем») / Н. Д. Голев. — Текст : непосредственный // Общественное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. — Кемерово ; Барнаул, 2009. — Ч. 1. — С. 7—40.

3. Гридина, Т. А. Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2014. — № 2 (36). — С. 30—35.

4. Гридина, Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2006. — № 4. — С. 11—24.

5. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. / Т. А. Гридина ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996. — Текст : непосредственный.

6. Гридина, Т. А. Речежанровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2020. — № 1 (59). — С. 73—85.

7. Гридина, Т. А. Ассоциативные проекции слова в игровом медиатексте / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2019. — № 17. — С. 73—93.

8. Гридина, Т. А. Проективная активность личности в речевой деятельности / Т. А. Гридина, А. Э. Пятинин. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2003. — № 1. — С. 5—14.

9. Гридина, Т. А. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов. — DOI 10.26170/pl19-03-03. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 31—37.

T. A. Gridina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

S. S. Talashmanov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

The Metalinguistic Meme: Linguocreative Mechanisms of Generation and Perception

ABSTRACT. *The article deals with the specificity of game memes as a manifestation of the humorous subculture of internet communication which appeals to the metalanguage of linguistics. The meme is a mnemonic unit of transfer of culturally significant information about an object (and specifically the metalanguage of linguistics) in a comic form, which not infrequently has a creolized nature. The first (verbal) part is a short verbal comment on the second (non-verbal) part presented in the form of a photo, drawing, scheme, symbol, etc. Modeling and decoding of metalinguistic gamemes appeal, on the one hand, to the reflection on linguistic facts in the light of their linguistic qualification proper, and, on the other hand, to the metacommentary, purposefully (paradoxically) including the prototype into a different coordinate system (of problems urgent for the Internet users). The article analyzes the results of a psycholinguistic experiment in generation and perception of metalinguistic gamemes. The following psycholinguistic techniques adapted to the aims of the study were used as experimental procedures: text completion and filling in text lacunas; explanatory commentary (interpretation) and production of metalinguistic memes on a suggested pattern (a diagnostic resource giving an opportunity to evaluate the linguocreative skills of respondents to decode and generate metalinguistic gamemes). The experiment was carried out on the material of the metalinguistic memes, poems and words of the group Philological Maiden, popular among Internet users. The users of the global net are heterogeneous in education, age and social background, which may influence the level of their purely linguistic competence to generate and decode metalinguistic gamemes.*

KEYWORDS: *language game; metalinguistic reflection; metalinguistic gamemes; linguocreativity; linguistic personality; memes.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gridina Tat'yana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and Russian, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Talashmanov Sergey Sergeevich, Master's Degree Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Gridina, T. A. The Metalinguistic Meme: Linguocreative Mechanisms of Generation and Perception / T. A. Gridina, S. S. Talashmanov // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 134-143. —*

10. Коновалова, Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка / Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2012. — № 3 (29). — С. 5—11.

11. Милославский, И. Г. Сознательный выбор языковых единиц в процессе продуктивной речевой деятельности на русском языке / И. Г. Милославский. — Текст : непосредственный // Русский язык в школе. — 2010. — № 2. — С. 24—30.

12. Мечковская, Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета / Н. Б. Мечковская. — Текст : непосредственный // Русский язык в научном освещении. — 2006. — № 2. — С. 165—185.

13. Ремчукова, Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта / Е. Н. Ремчукова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2013. — № 2. — С. 83—89.

14. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург, 1999. — Текст : непосредственный.

15. Топорков, А. Л. Эротика в русском фольклоре / А. Л. Топорков. — Текст : непосредственный // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. — Москва, 1995.

16. Шмелёва, Т. В. Языковая рефлексия / Т. В. Шмелёва. — Текст : непосредственный // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — 1999. — Вып. 1 (8). — С. 108—110.

17. Шумарина, М. Р. Грамматика в обыденном метаязыковом сознании / М. Р. Шумарина. — Текст : непосредственный // Русский язык в школе. — 2009. — № 10. — С. 69—73.

18. Филологическая дева // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/ph_maiden. — Текст. Изображение : электронные.

19. Фразеологический словарь / под ред. А. И. Молотова. — Москва, 1986. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Alimova, G. V. The Problem of Creativity of a Linguistic Personality / G. V. Alimova. — Text : unmediated // Ordinary Metalanguage Consciousness and Naive Linguistics. — Kemerovo ; Barnaul, 2008. — P. 169–174. [Problema kreativnosti yazykovoy lichnosti / G. V. Alimova. — Tekst : neposredstvennyy // Obydennoe metazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika. — Kemerovo ; Barnaul, 2008. — S. 169–174]. — (In Rus.)
2. Golev, N. D. Ordinary Meta-language Consciousness as an Ontological and Epistemological Phenomenon (to the Search for “Linguistic Epistemology”) / N. D. Golev. — Text : unmediated // Ordinary Metalanguage Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects. — Kemerovo ; Barnaul, 2009. — Part 1. — P. 7–40. [Obydennoe metazykovoe soznanie kak ontologicheskii i gnoseologicheskii fenomen (k poiskam «lingvognoseologem») / N. D. Golev. — Tekst : neposredstvennyy // Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty. — Kemerovo ; Barnaul, 2009. — Ch. 1. — S. 7–40]. — (In Rus.)
3. Gridina, T. A. Experimental Resource for the Diagnosis and Training of Verbal Creativity / T. A. Gridina. — Text : unmediated // Philological Class. — 2014. — No. 2 (36). — P. 30–35. [Eksperimental'nyy resurs diagnostiki i treninga verbal'noy kreativnosti / T. A. Gridina. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskii klass. — 2014. — № 2 (36). — S. 30–35]. — (In Rus.)
4. Gridina, T. A. Psychological Reality of Meaning and Associative Strategy of a Language Game / T. A. Gridina. — Text : unmediated // Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity. — 2006. — No. 4. — P. 11–24. [Psikhologicheskaya real'nost' znacheniya i assotsiativnaya strategiya yazykovoy igry / T. A. Gridina. — Tekst : neposredstvennyy // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. — 2006. — № 4. — S. 11–24]. — (In Rus.)
5. Gridina, T. A. Language Game: Stereotype and Creativity : monograph. / T. A. Gridina ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 1996. — Text : unmediated. [Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo : monogr. / T. A. Gridina ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 1996. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Gridina, T. A. The Genre Potential of the Language Game in Fiction for Children / T. A. Gridina. — Text : unmediated // Philological Class. — 2020. — No. 1 (59). — P. 73–85. [Rechezhanrovyy potentsial yazykovoy igry v khudozhestvennoy literature dlya detey / T. A. Gridina. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskii klass. — 2020. — № 1 (59). — S. 73–85]. — (In Rus.)
7. Gridina, T. A. Associative Projection of the Word in the Game Media Text / T. A. Gridina, N. I. Konvalova. — Text : unmediated // Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity. — 2019. — No. 17. — P. 73–93. [Assotsiativnye proektsii slova v igrovom mediatekste / T. A. Gridina, N. I. Konvalova. — Tekst : neposredstvennyy // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. — 2019. — № 17. — S. 73–93]. — (In Rus.)
8. Gridina, T. A. Projective Activity of Personality in Speech Activity / T. A. Gridina, A. E. Pyatinin. — Text : unmediated // Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity. — 2003. — No. 1. — P. 5–14. [Proektivnaya aktivnost' lichnosti v rechevoy deyatel'nosti / T. A. Gridina, A. E. Pyatinin. — Tekst : neposredstvennyy // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. — 2003. — № 1. — S. 5–14]. — (In Rus.)
9. Gridina, T. A. Language Game in Modern Internet Communication: Metalanguage Aspect / T. A. Gridina, S. S. Talashmanov. — DOI 10.26170 / pl19-03-03. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2019. — No. 3 (75). — P. 31–37. [Yazykovaya igra v sovremennoy internet-kommunikatsii: metazykovoy aspekt / T. A. Gridina, S. S. Talashmanov. — DOI 10.26170/pl19-03-03. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2019. — № 3 (75). — S. 31–37]. — (In Rus.)
10. Konvalova, N. I. Traditional Folk Culture in the Mirror of the Language / N. I. Konvalova. — Text : unmediated // Philological Class. — 2012. — No. 3 (29). — P. 5–11. [Traditsionnaya narodnaya kultura v zerkale yazyka / N. I. Konvalova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskii klass. — 2012. — № 3 (29). — S. 5–11]. — (In Rus.)
11. Miloslavskiy, I. G. Conscious Choice of Language Units in the Process of Productive Speech Activity in Russian / I. G. Miloslavskiy. — Text : unmediated // Russian at School. — 2010. — No. 2. — P. 24–30. [Soznatel'nyy vybor yazykovykh edinit v protsesse produktivnoy rechevoy deyatel'nosti na russkom yazyke / I. G. Miloslavskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk v shkole. — 2010. — № 2. — S. 24–30]. — (In Rus.)
12. Mechkovskaya, N. B. Natural Language and Metalanguage Reflection in the Age of the Internet / N. B. Mechkovskaya. — Text : unmediated // Russian Language in Scientific Coverage. — 2006. — No. 2. — P. 165–185. [Estestvennyy yazyk i metazykovaya refleksiya v vek Interneta / N. B. Mechkovskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. — 2006. — № 2. — S. 165–185]. — (In Rus.)
13. Remchukova, E. N. Massive Linguistic Creativity: Overcoming the Standard / E. N. Remchukova. — Text : unmediated // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. — 2013. — No. 2. — P. 83–89. [Massovyy lingvokreativ: preodolenie standarta / E. N. Remchukova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. — 2013. — № 2. — S. 83–89]. — (In Rus.)
14. Rubinshteyn, S. L. Fundamentals of General Psychology / S. L. Rubinshteyn. — St. Petersburg, 1999. — Text : unmediated. [Osnovy obshchey psikhologii / S. L. Rubinshteyn. — Sankt-Peterburg, 1999. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Toporkov, A. L. Erotica in Russian Folklore / A. L. Toporkov. — Text : unmediated // Russian Erotic Folklore. Songs. Rites and Ritual Folklore. Folk Theater. Conspiracies. Riddles. Ditties. — Moscow, 1995. [Erotika v russkom folklore / A. L. Toporkov. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy eroticheskiy folklor. Pesni. Obyady i obyadovyy folklor. Narodnyy teatr. Zagovory. Zagadki. Chastushki. — Moskva, 1995]. — (In Rus.)
16. Shmeleva, T. V. Language Reflection / T. V. Shmeleva. — Text : unmediated // Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication. — 1999. — Vol. 18. — P. 108–110. [Yazykovaya refleksiya / T. V. Shmeleva. — Tekst : neposredstvennyy // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya. — 1999. — Vyp. 1 (8). — S. 108–110]. — (In Rus.)
17. Shumarina, M. R. Grammar in the Everyday Metalanguage Consciousness / M. R. Shumarina. — Text : unmediated // Russian at School. — 2009. — No. 10. — P. 69–73. [Grammatika v obydennom metazykovom soznanii / M. R. Shumarina. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk v shkole. — 2009. — № 10. — S. 69–73]. — (In Rus.)
18. Philological Maiden // VKontakte. [Filologicheskaya deva // VKontakte]. — URL: https://vk.com/ph_maiden. — Text. Image : electronic. — (In Rus.)
19. Phraseological Dictionary / under ed. of A. I. Molotkov. — Moscow, 1986. — Text : unmediated. [Frazeologicheskii slovar' / pod red. A. I. Molotkova. — Moskva, 1986. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

Ю. В. Лашко

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4454-8866

Е. В. Король

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5747-8633

 E-mail: yukos2907@mail.ru; elena-korol@mail.ru.

Когнитивный анализ личности хоккейного арбитра в лингвистическом аспекте (на примерах русского и английского языков)

АННОТАЦИЯ. Спорт вызывает ряд ярких и сильных эмоций не только у зрителя, но и у всех участников спортивного действия. Эмотивность является составляющей коммуникативной функции языка и позволяет говорящему выразить свои эмоции, чувства, впечатления. В современной лингвистике большое внимание уделяется различным видам дискурса. Одной из актуальных задач лингвистики последних лет является поиск методов исследования институциональных дискурсов, которые дадут возможность подробно изучить структуру дискурсов, социальные, ментальные, культурные особенности спортивного общения. В данной работе рассматривается спортивный дискурс и его непосредственные участники: спортивные арбитры. В статье анализируется первый судейский опыт двух хоккейных представителей престижных хоккейных лиг — Континентальной хоккейной лиги и Национальной хоккейной лиги. Проводится детальный разбор речи следующих профессионалов спортивной сферы: Эдуарда Одиныша и Грега Деворски. Описываются лингвистические и экстралингвистические особенности речи информантов. Материалом для анализа послужили интервью спортивных судей в русскоязычном и англоязычном СМИ. Интервью считается одним из основных информационных жанров в журналистской деятельности. Приводятся характеристики когнитивного опыта рассматриваемых личностей в спортивной сфере. Результаты анализа помогают составить коллективный языковой образ личности хоккейного арбитра. В статье представлен обзор современных способов анализа спортивного дискурса, которые были использованы при исследовании отрывков интервью. Так как дискурс является сложным и неоднозначным явлением, мы использовали следующие виды анализа в своей работе: неформализованный анализ (включающий в себя структурный и стилистический анализы), метод дискурс-анализа (метод лингвистического анализа).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивный опыт; хоккейные арбитры; спортивный дискурс; дискурс-анализ; хоккей; когнитивная лингвистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лашко Юлия Викторовна, аспирант, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1; e-mail: yukos2907@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Король Елена Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1; e-mail: elena-korol@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лашко, Ю. В. Когнитивный анализ личности хоккейного арбитра в лингвистическом аспекте (на примерах русского и английского языков) / Ю. В. Лашко, Е. В. Король // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 144–150. — DOI 10.26170/pl20-02-15.

В последние десятилетия стал особенно заметен повышенный интерес лингвистов к изучению разных видов дискурса. Эта сфера научных исследований позволила расширить теоретическую базу своих наук не только лингвистам и вообще филологам, но и ученым других сфер гуманитарного знания — историкам, психологам, социологам и др.

Существуют разные типологии дискурса в зависимости от его трактовки. Нас интересует дискурс с точки зрения социолингвистики. В данном аспекте он рассматривается как общение людей, которые принадлежат к той или иной социальной группе или находятся в какой-либо типичной речеведческой ситуации. С позиций социолингвисти-

ки можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность со всем богатством своего внутреннего мира, во втором случае — как представитель определенного социального института [Карасик 2000: 5—20].

В. И. Карасик выделяет различные виды дискурса в зависимости от социального института. В нашем исследовании рассматривается спортивный дискурс, в частности такой его жанр, как спортивное интервью.

Интервью считается одним из основных информационных жанров в журналистской деятельности. Интервью — это целостный

акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов с целью получения информации, мнений или суждений, представляющих общественный интерес [Ильченко 2016: 16].

В последние годы в электронных СМИ особой популярностью пользуется такой вид жанра, как интервью-портрет, приближающийся по структуре и хронометражу к беседе. Это продолжительное общение журналиста с собеседником, целью которого как раз и является раскрытие индивидуальности последнего перед аудиторией. Хронометраж интервью предопределяет и содержание разговора, когда журналист интересуется не только подробностями биографии своего визави у микрофона или в кадре, но и его взглядами, убеждениями [Ильченко 2016: 26–27].

Данный вид коммуникации включает в себя особенности как разговорного [Евтюгина 2018: 13–15; Прядильникова 2016: 73–87], так и публицистического стиля [Евтюгина 2018: 17–27; Прядильникова 2016: 61–72]. Такой пример межличностного общения, демонстрирующий две его основные функции — коммуникативную и прагматическую, — а также экспрессивность речи, вызвал у нас особый интерес.

При исследовании спортивных интервью мы опирались на опыт анализа текстов, относящихся к другим типам дискурса. Так, были применены методы неформализованного анализа (включает в себя структурный и стилистический анализы) [Алтунян 2006: 48–52]. Использовался метод дискурс-анализа, для которого характерно расширение трактовки языка. Дискурс принято понимать как связный текст, рассматриваемый в совокупности с лингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Дискурс — это текст в событийном аспекте, исследуемый как целенаправленное социальное действие [Методы анализа текстов... 2020]. В нашем случае дискурс рассматривается на прикладном уровне (анализ интервью) [Попова 2011: 217–218].

В качестве одной из разновидностей дискурс-анализа выступает метод лингвистического анализа. Британский исследователь Норман Фэркло следующим образом сформулировал его основные задачи: определение того, кто из участников коммуникации устанавливает тему беседы (кто производит повестку дня); выяснение того, как в дискурсе используются (или не используются) метафоры; выявление специфики этноса

(как посредством языка, мимики, жестов создаются и подтверждаются идентичности участников коммуникации), фразопостроения, грамматики (особое внимание обращается на транзитивность, номинализацию и модальность) [Йоргенсен 2008: 146–147].

Всего было проанализировано 8323 слов (английский и русский языки), 41 399 знаков (без пробелов). Основная часть слов (83 %) несет смысловую нагрузку [Эдуард Одиньш: На войну в Боснию 2018; Эдуард Одиньш... 2013; NHL Officials: Greg Devorski 2020]. Предметом исследования послужили особенности представителей такой непростой профессии, как хоккейные арбитры. Нами были выбраны именно полевые судьи, т. е. рефери, которые непосредственно находятся на льду во время матча и вступают в наиболее близкий контакт со всеми участниками игрового действия. Методом нахождения контекстов были осуществлены выборочные процедуры, базировавшиеся на выборе предложений, в которых встречается та или иная информация. При проведении исследования материалов интервью мы проанализировали особенности языковой личности спортивного арбитра на когнитивном уровне и выделили две взаимосвязанные темы, которые представим в данной статье: первый опыт судейства и уже наработанный судейский опыт.

Рассмотрим выбранные темы на примере конкретных контекстов и особенностей конкретных личностей. Наше исследование касается двух самых популярных и престижных лиг в мире: КХЛ (Континентальная хоккейная лига) и NHL (National Hockey League — Национальная хоккейная лига). Анализу подверглись выступления следующих хоккейных арбитров: Эдуард Одиньш (КХЛ) и Грег Деворски (Greg Devorski, NHL).

Грег Деворски (Greg Devorski) является арбитром Национальной хоккейной лиги (National Hockey League — NHL) с сезона 1993/1994 годов, а также судьей Международной хоккейной федерации (International Ice Hockey Federation — IIHF). Данный канадский линейный судья обсуживал матчи различных уровней, в том числе и международного значения, такие как зимние Олимпийские игры — 2014 и другие матчи кубков и чемпионатов мира. Также канадский арбитр активно работает в своей лиге на матчах регулярного чемпионата, матчах плей-офф, финалах Кубка Стенли и «Всех звезд» [NHL Officials: Greg Devorski 2020].

Эдуард Одиньш является главным судьей Континентальной хоккейной лиги (КХЛ), судьей Международной хоккейной федерации (IIHF). Был не раз признан лучшим судьей

ей КХЛ и четыре раза становился обладателем «Золотого Свистка». В Континентальной лиге работает с сезона-2008/2009. Данный арбитр обслуживает игры как своей лиги (регулярные чемпионаты, матчи плей-офф, финалы Кубка Гагарина), так и игры международного значения (матчи кубков мира, чемпионатов мира, Олимпийские игры — 2002) [«Судьи: Эдуард Одиныш» 2020].

Как видно из биографии, выбор информантов не случаен. Они обладают многолетним опытом в судейской хоккейной сфере, обслуживают матчи уважаемых и престижных хоккейных лиг на высоком уровне, а также матчи международного значения. С одной стороны, в речевом поведении представителей хоккейных арбитров нашего исследования отражаются черты, характерные для рефери: преобладание в речи профессиональных слов и выражений, ориентированность на решение конкретных задач, серьезность, сосредоточенность, четкость, прагматичность, точность выражения мысли и др. С другой стороны, анализ интервью позволяет обнаружить ряд иных черт, характерных для проявления индивидуальности языковой личности: преобладание простых по конструкции предложений, доброжелательность, эмоциональность, тонкое чувство юмора, ирония, логика, чувство гордости за свою деятельность и др.

Рассмотрим одну из выбранных нами тем анализа — «первый опыт судейства».

Как мы знаем из общечеловеческого опыта, приступать к новому виду деятельности зачастую всегда тяжело. Наши информанты подтверждают данную теорию. Страх, неуверенность, напряжение, давление со стороны, безумное волнение, чувство гиперответственности и перфекционизма являются очевидными спутниками ответственного человека в не менее ответственной ситуации.

В интервью «Эдуард Одиныш: „На войну в Боснию привела жажда приключений“» часть беседы посвящена взаимоотношениям с игроками. Обсуждая начало карьеры в качестве судьи Континентальной хоккейной лиги, арбитр, чью речь мы анализируем, говорит о возможных сложностях, которые могут возникнуть в процессе работы [Эдуард Одиныш: «На войну в Боснию» 2018].

Вы работаете в КХЛ со времени ее основания. Пока игроки не узнали вас как следует, позволяли себе вольности?

(Эдуард Одиныш) Не без этого. Тогда в командах выступало достаточно хоккеистов, которые были старше меня. И они испытывали судей на прочность. Например, могли задать неудобный вопрос на

повышенных тонах. Или посетовать на пропуск удаления, указав тем самым на некомпетентность. Все-таки нынешний Эдуард Одиныш — это совсем другой человек, нежели был тогда.

Следует обратить внимание на следующее утверждение: *Тогда в командах выступало достаточно хоккеистов, которые были старше меня. И они испытывали судей на прочность* [Эдуард Одиныш: «На войну в Боснию» 2018]. В данном контексте очевидно, что автор данного высказывания подчеркивает возрастную разницу между участниками процесса, а также, используя устойчивое выражение *испытывать на прочность*, делает акцент на пренебрежительном отношении к людям, которые младше по возрасту, но выше с точки зрения статуса. Вышесказанный факт подтверждается следующими примерами из интервью: *Например, могли задать неудобный вопрос на повышенных тонах. Или посетовать на пропуск удаления, указав тем самым на некомпетентность* [Эдуард Одиныш: «На войну в Боснию» 2018]. Мы видим, что игроки в данной ситуации демонстрируют ярко выраженное враждебное коммуникативное поведение, которое, в свою очередь, характеризуется употреблением слов с негативной коннотацией: лексемы с отрицательной приставкой *не-* («неудобный», «некомпетентность»); книжной лексики с отрицательным значением *посетовать*; а также слов, не характерных для этикетных норм позитивного общения, *на повышенных тонах* [Lashko 2019: 57–64].

В выбранном нами отрывке следует обратить внимание также на самоименование субъекта речи в конце его реплики. Наблюдается характеристика от третьего лица: *Все-таки нынешний Эдуард Одиныш — это совсем другой человек, нежели был тогда*. В данном контексте образ человека, что *был тогда*, становится обвигативным, т. е. более далеким, находящимся вне поле зрения, прошлым. Таким образом Эдуард Одиныш дистанцируется от прошлого (на синтаксическом уровне информант использует противопоставление *нынешний — тогда*) и делает ставку на то, что *нынешний Эдуард Одиныш* проделал определенный путь в данной сфере и теперь *совсем другой человек* [Эдуард Одиныш: «На войну в Боснию» 2018].

Из данного короткого отрывка анализа можно сделать вывод, что судья находится под большим давлением на протяжении длительного времени не только в плане принятия решений, но и в коммуникативном аспекте.

Не каждая игра может показать, насколько арбитр способен противостоять

психологическому давлению на льду. Некоторые игры очень сложны с точки зрения судейства, и арбитр может оказаться в невыигрышном положении. Решающим фактором в сложных ситуациях становится умение судьи противостоять оказываемому на него давлению. Одних судей это только закаляет, других может сломить [Кирсанова 2012: 65]. Психологическое давление на арбитра может проявляться по-разному и воздействовать на него в разной степени, что подводит нас к мысли о том, что судья должен обладать огромной выдержкой и терпением, чтобы не потерять контроль над игровым процессом и при этом обеспечить его безопасность. Э. Одиныш дает четкие рекомендации, которые помогут в подобной ситуации давления: *Диалог. Хотя иногда необходимо проявить жесткость и принципиальность. Но это зависит от вопроса игрока и его формулировки. Как тебя спросили, так ты и отвечаешь* [Эдуард Одиныш: «На войну в Боснию» 2018; Эдуард Одиныш... 2013].

Упоминанием диалога явно подчеркивается ситуация двусторонней коммуникации, т. е. обе стороны, участвующие в игре (в общении), должны иметь и сохранять положительный контакт и эмоции, благотворно влияющие на протекание хоккейного матча. В примере подчеркивается редкая потребность (об этом свидетельствует наречие частотности *иногда*, союз *хотя* с противопоставительным значением *но* и модального предикатива *необходимо*) *проявить жесткость и принципиальность* [Lashko 2019: 57–64].

В рамках англоязычного спортивного дискурса журналист Тим Кэмпбелл (Tim Campbell) описывает первый матч Грега Деворски для сайта *www.nhl.com* следующим образом [Campbell 2017]:

The rougher the game got, the more penalties the young referee saw and called. And the more he called, the angrier the parents, particularly of the aggressive losing side, got. They barked at the 17-year-old official, harangued him during the game, as he exited the ice and even on the way out of the arena.

Так как жанр интервью относится к публицистическому функциональному стилю, типичным продуцентом текстов которого является журналист, мы можем охарактеризовать данный отрывок следующим образом: за счет экономии языковых средств достигается лаконичность выражения при информативной насыщенности текста; прослеживается тенденция к языковой экспрессии, так как цель — воздействие на адресата; умело подобраны языковые средства с установкой

на их доходчивость.

Для полного представления происходящей ситуации автор текста (журналист) начинает свое повествование со сравнительного оборота: *The rougher the game got, the more penalties the young referee saw and called*. Кроме того, на синтаксическом уровне он использует сложное распространенное предложение с явной градацией [Campbell 2017]. С точки зрения морфологии, эффект достигается применением прилагательного в сравнительной степени с отрицательной коннотацией (*The rougher...*) в первой части предложения и комбинации наречия *more* (в значении *больше*) и существительного с негативным значением *penalties* во второй части сложного предложения. Таким образом автор подчеркнул растущее напряжение в игре, ее сложность, жесткость и большое количество удалений игроков, что, в свою очередь, является причиной следующего момента: *And the more he called, the angrier the parents, particularly of the aggressive losing side, got* [Campbell 2017]. Синтаксический параллелизм и анафора дают возможность четко проследить причинно-следственные связи и всю цепочку событий накалившегося первого матча Грега Деворски. В представленном отрывке градация эмоционального состояния игры растет благодаря повтору наречия *more* и негативно окрашенному прилагательному в сравнительной степени *the angrier* с добавлением однокоренного прилагательного *aggressive*. Цикличность, нарастание недовольства как снежный ком ясно прослеживается в структуре двух первых предложений отрывка интервью: начало первого сложного предложения зациклено с концом второго с помощью глагола *got*, а конец первого связан с началом второго посредством глагола *called* в прошедшей временной форме.

Грег Деворски описывает свои чувства и эмоции следующим образом [Campbell 2017]:

It got really personal... I wondered on the way home if I'd done that bad a job. I was really questioning myself. I remember... they (family) asked about the game and I never answered... I was crying my eyes out, worried that I'd done something wrong, <...>.

Жанр интервью сам по себе демонстрирует симбиоз двух функциональных стилей: публицистического и разговорного. В связи с этим в речи хоккейного арбитра преобладает нейтральная лексика из обиходной речи (*way, home, something* и т. п.), а также идиомы (*I was crying my eyes out*). Для текста характерен высокий процент употребления личных (*I*), а также других местоимений (*my*,

something). Информант вводит нас в свои переживания путем употребления эмоционально-усилительного наречия *really* и прилагательного *personal*, которые заставляют нас заглянуть в душу интервьюируемого. Далее следует отметить четкий глагольный характер речи, а именно преобладающую активность глаголов действия (*answered, was crying* и т. п.) и различных глаголов состояния, которые выражают физическое и умственное состояния, а также эмоции говорящего: *wondered, was questioning, remember, worried* и т. п. Как мы видим, приведенные примеры демонстрируют такие чувства и эмоциональные состояния, как сомнения, подавленность, депрессия. Это также подчеркивается следующими усилительными словами и фразами с негативной коннотацией: «*that bad a job*», «*never*», «*I'd done something wrong*» [Campbell 2017].

В статье «Greg Devorski details life as NHL linesman» [Campbell 2017] мы находим следующие выводы Грега Деворски после его первого матча в качестве судьи: *I thought, So much for a hug and a pat on the back... It was just a first step, learning that there aren't too many pats on the back in this kind of business. And if that's what I wanted to do in the future, I'd have to deal with the scrutiny and criticism from not only my peers but from fans and people involved in hockey.*

Грег хотел просто получить *a hug and a pat on the back* (поощрение, похвалу) — данная идиома четко характеризует его подростковое стремление (по материалам интервью, Деворски было 17 лет). Как мы видим из предыдущего анализа, это был довольно негативно-эмоциональный *a first step* (первый шаг). Но и выбор этой профессии будет требовать от человека больших эмоционально-моральных затрат: *there aren't too many pats on the back in this kind of business* (прямое использование отрицания), *I'd have to deal with the scrutiny and criticism from not only my peers but from fans and people involved in hockey*. Использование модально-го глагола *have to* в значении «вынужден», а также описание круга людей, которые будут оценивать работу судьи (*not only my peers but from fans and people involved in hockey*), дают нам представление о сути должностных обязанностей и возможных сложностях этой специальности [Campbell 2017].

Подведем итоги нашего анализа. В речевом плане для обоих судей характерно использование неоднородной лексики с разным уровнем литературности и эмоционально-экспрессивными характеристиками (профессионализмы, книжные слова, фразеологизмы), что присуще разговорному стилю. На

морфологическом уровне наблюдается высокий процент употребления глаголов. Синтаксический уровень характеризуется у обоих информантов использованием распространенных предложений. Однако Эдуард Одиныш отличается экономией языковых средств без потери высокой информативности текста, а речь Грега Деворски, наоборот, насыщена различными средствами языка. С точки зрения лингвопрагматики наблюдается употребление большого количества слов с отрицательной коннотацией, которые характеризуют первый судейский опыт арбитров как негативный. Несмотря на разный уровень соревнований и возраст арбитров на момент вступления в профессию, они сталкиваются с одними и теми же трудностями на пути становления как хоккейных судей. Для обоих информантов характерно нахождение в ситуации огромного давления и напряжения. Но несмотря на данный опыт, арбитры прошли определенный путь развития от первой игры и по настоящее время, сделали выводы из полученного опыта и, как мы видим из представленных отрывков интервью, проработали спорные моменты и нашли необходимые решения возникающих в процессе осуществления судейской деятельности сложностей. Языковая личность хоккейного арбитра обладает совокупностью многих характеристик в языке (социальных, психологических и др.), которые требуют более детального и углубленного анализа, а также рассмотрения и других языковых личностей данной профессиональной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян, А. Г. Анализ политических текстов : учебное пособие / А. Г. Алтунян. — Москва : Университетская книга : Логос, 2006. — 384 с. — Текст : непосредственный.
2. Евтюгина, А. А. Функциональная стилистика : учебное пособие / А. А. Евтюгина. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. — 75 с. — Текст : непосредственный.
3. Ильченко, С. Н. Интервью в журналистике: как это делается : учеб. пособие / С. Н. Ильченко. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. — 236 с. — Текст : непосредственный.
4. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. — 2-е изд., испр. — Харьков, 2008. — 352 с. — Текст : непосредственный.
5. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. — 228 с.
6. Кирсанова, Л. В. Психология судейства в хоккее на льду / Л. В. Кирсанова, А. А. Поляков. — Москва : Советский спорт, 2012. — 84 с. : ил. — Текст : непосредственный.
7. Методы анализа текстов политической журналистики // Главная. Журналистка. Политическая журналистика. — URL: https://m.studme.org/79364/zhurnalistika/metody_analiza_tekstov_politicheskoy_zhurnalistikia (дата обращения: 15.01.2020). — Текст : электронный.
8. Попова, О. В. Политический анализ и прогнозирование : учебник / О. В. Попова. — Москва : Аспект Пресс, 2011. — 464 с. — Текст : непосредственный.

9. Прядильникова, Н. В. Практическая и функциональная стилистика русского языка : учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 2 / Н. В. Прядильникова. — Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2016. — 164 с. — Текст : непосредственный.

10. Судьи: Эдуард Одинш // Континентальная хоккейная лига. Главная. Судьи. — URL: <https://www.khl.ru/officials/624/> (дата обращения: 9.01.2020). — Текст : электронный.

11. Эдуард Одинш: «На войну в Боснию привела жажда приключений» // Континентальная хоккейная лига. Новости. — 2018. — Дек. — URL: <https://www.khl.ru/news/2018/12/19/422300.html> (дата обращения: 9.01.2020). — Текст : электронный.

12. Эдуард Одинш. Судья-мироворец // Металлург. Пресса. — 2013. — Авг. URL: <https://www.metallurg.ru/press/other-news/304257/> (дата обращения: 22.12.2019). — Текст : электронный.

13. Campbell, T. Greg Devorski details life as NHL linesman // National Hockey League. News. Headlines. — February 5th, 2017. — URL: <https://www.nhl.com/news/nhl-linesman-greg-devorski-talks-life-of-a-referee/c-286431142> (date of access: 12.01.2020). — Text : electronic.

14. Lashko, Yu.V. Sport language personality of hockey referee (on the materials of interviews of Eduard Odinh) / Yu. V. Lashko, E. V. Korol. — Text : unmediated // 7th the International Scientific-Practical Conference “Education Transformation Issues” (London, 27—29 June 2019). SCIEURO. — 70 p.

15. NHL Officials: Greg Devorski // National Hockey League Officials Association. Home. — URL: <https://www.nhlofficials.com/nhl-officials/view/10> (date of access: 12.01.2020). — Text : electronic.

Yu. V. Lashko

Surgut State University, Surgut, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4454-8866

E. V. Korol'

Surgut State University, Surgut, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5747-8633

 E-mail: yukos2907@mail.ru; elena-korol@mail.ru.

Cognitive Analysis of the Personality of an Ice Hockey Referee: A Linguistic Study (by the materials of Russian and English languages)

ABSTRACT. *Sport evokes a number of bright and powerful emotions not only in a viewer, but also in all participants of sports events. Emotivity is a component of the communicative function of language and allows the speaker to express their emotions, feelings and impressions. In modern linguistics, a lot of attention is being given to various types of discourse. One of the most important tasks of modern linguistics is to find methods for studying institutional discourses, which would make it possible to investigate the structure of discourses and the social, mental, and cultural features of sports communication in detail. This paper deals with the sports discourse and its participants: sports officials. The article presents the first refereeing experience of two ice hockey representatives of prestigious ice hockey leagues — the Kontinental Hockey League and the National Hockey League. The article carries out a detailed analysis of the speech of two sports officials – Eduard Odinh and Greg Devorski. The article focuses on the linguistic and extra-linguistic features of professional speech of these informants. The material under analysis includes interviews with these sports referees in the Russian-language and English-language media. Interview is considered to be one of the main information genres in journalism. The authors characterize the cognitive experience of these personalities in the field of sports. The results of this analysis help create a collective linguistic image of the hockey official's personality. The article presents an overview of modern methods of analyzing sports discourse which were used in the study of interview fragments. Since discourse is a complex and ambivalent phenomenon, the authors used the following types of analysis in their work: non-formal analysis (which includes structural and stylistic analyses), and the method of discourse analysis (the method of linguistic analysis).*

KEYWORDS: *cognitive experience; ice hockey officials; sports discourse; discourse analysis; ice hockey; cognitive linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Lashko Yuliya Viktorovna, Post-Graduate Student of Surgut State University, Surgut, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Korol' Elena Vital'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Translation Theory, Surgut State University, Surgut, Russia.*

FOR CITATION: *Lashko, Yu. V. Cognitive Analysis of the Personality of an Ice Hockey Referee: A Linguistic Study (by the materials of Russian and English languages) / Yu. V. Lashko, E. V. Korol' // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 144-150. — DOI 10.26170/pl20-02-15.*

REFERENCES

1. Altunyan, A. G. Analysis of Political Texts: a Training Manual / A. G. Altunyan. — Moscow : University Book : Logos, 2006. — 384 p. — Text : unmediated. [Analiz politicheskikh tekstov : uchebnoe posobie / A. G. Altunyan. — Moskva : Universitetskaya kniga : Logos, 2006. — 384 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Evtugina, A. A. Functional Stylistics: study guide / A. A. Evtugina. — Yekaterinburg : Publishing House of Rus. State Prof. Univ., 2018. — 75 p. — Text : unmediated. [Funktional'naya stilistika : uchebnoe posobie / A. A. Evtugina. — Ekaterinburg : Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2018. — 75 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Il'chenko, S. N. Interview in Journalism: How this is Done : teaching aid / S. N. Ilchenko. — St. Petersburg : St. Petersburg

State University, Institute of Higher School of Journalish and Mass Communications, 2016. — 236 p. — Text : unmediated. [Interv'y u zhurnalistike: kak eto delaetsya : ucheb. posobie / S. N. Il'chenko. — Sankt-Peterburg : S.-Peterb. gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikatsiy», 2016. — 236 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Yorgensen, M. V. Discourse Analysis. Theory and Method : transl. from English / M. V. Yorgensen, L. J. Phillips. — 2nd ed., rev. — Kharkov, 2008. — 352 p. — Text : unmediated. [Diskurs-analiz. Teoriya i metod : per. s angl. / M. V. Yorgensen, L. Dzh. Filips. — 2-e izd., ispr. — Khar'kov, 2008. — 352 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Karasik, V. I. On Types of Discourse / V. I. Karasik. — Text : unmediated // Language Personality: institutional and personal discourse : collection of scientific works / ed. V. I. Karasik,

- G. G. Slyshkin. — Volgograd : Change, 2000. — 228 p. [O tipakh diskursa / V. I. Karasik. — Tekst : neposredstvennyy // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs : sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. — Volgograd : Peremena, 2000. — 228 c.]. — (In Rus.)
6. Kirsanova, L. V. Psychology of Refereeing in Ice Hockey / L. V. Kirsanova, A. A. Polyakov. — Moscow : Soviet Sport, 2012. — 84 p. : ill. — Text : unmediated. [Psikhologiya sudeystva v khokkee na l'du / L. V. Kirsanova, A. A. Polyakov. — Moskva : Sovetskiy sport, 2012. — 84 s. : il. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Methods of Analysis of texts of Political Journalism // Home. Journalist. Political Journalism. [Metody analiza tekstov politicheskoy zhurnalistiki // Glavnaya. Zhurnalistka. Politicheskaya zhurnalistika]. — URL: https://m.studme.org/79364/zhurnalistika/metody_analiza_tekstov_politicheskoy_zhurnalistika (date of access: 15.01.2020). — Text : electronic.
8. Popova, O. V. Political Analysis and Forecasting : a textbook / O. V. Popova. — Moscow : Aspect Press, 2011. — 464 p. — Text : unmediated. [Politicheskii analiz i prognozirovaniye : uchebnyy / O. V. Popova. — Moskva : Aspekt Press, 2011. — 464 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Pryadil'nikova, N. V. Practical and Functional Stylistics of the Russian Language : teaching aid. In 2 parts, Part 2 / N. V. Pryadil'nikova. — Samara : Publishing House of Samara University, 2016. — 164 p. — Text : unmediated. [Prakticheskaya i funktsional'naya stilistika russkogo yazyka : ucheb. posobie. V 2 ch. Ch. 2 / N. V. Pryadil'nikova. — Samara : Izd-vo Samarskogo un-ta, 2016. — 164 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Referees: Edward Odinsh // Continental Hockey League. Home. Judges. [Sud'i: Eduard Odin'sh // Kontinental'naya khokkeynaya liga. Glavnaya. Sud'i]. — URL: <https://www.khl.ru/officials/624/> (date of access: 9.01.2020). — Text : electronic.
11. Eduard Odins: "A thirst for Adventure Led to the War in Bosnia" // Continental Hockey League. News. — 2018. — Dec. [Eduard Odin'sh: «Na voynu v Bosniyu privela zhazhda prikl'yucheniya» // Kontinental'naya khokkeynaya liga. Novosti. — 2018. — Dek.]. — URL: <https://www.khl.ru/news/2018/12/19/422300.html> (date of access: 9.01.2020). — Text : electronic.
12. Edward Odins. Peacemaker // Metallurg. Press. — 2013. — Aug. — URL: <https://www.metallurg.ru/press/other-news/304257/> (date of access: 12/22/2019). — Text: electronic. [Eduard Odin'sh. Sud'ya-mirotvorets // Metallurg. Pressa. — 2013. — Avg.]. URL: <https://www.metallurg.ru/press/other-news/304257/> (date of access: 22.12.2019). — Text : electronic.
13. Campbell, T. Greg Devorski details life as NHL linesman // National Hockey League. News. Headlines. — February 5th, 2017. — URL: <https://www.nhl.com/news/nhl-linesman-greg-devorski-talks-life-of-a-referee/c-286431142> (date of access: 12.01.2020). — Text : electronic.
14. Lashko, Yu.V. Sport language personality of hockey referee (on the materials of interviews of Eduard Odinsh) / Yu. V. Lashko, E. V. Korol. — Text : unmediated // 7th the International Scientific-Practical Conference "Education Transformation Issues" (London, 27—29 June 2019). SCIEURO. — 70 p.
15. NHL Officials: Greg Devorski // National Hockey League Officials Association. Home. — URL: <https://www.nhlofficials.com/nhl-officials/view/10> (date of access: 12.01.2020). — Text : electronic.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42
ББК Ш105.51
DOI 10.26170/pl20-02-16

ГСНТИ 16.31.61; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Е. Е. Абрамкина

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-9477-8117

 E-mail: abramkinaee@list.ru.

Автороведческая экспертиза документных текстов: моделирование жанра как основа выделения идентификационных признаков

АННОТАЦИЯ. Актуальность автороведческих экспертиз документных текстов в совокупности с отсутствием единой методики работы с ними заставляет искать новые подходы. Отмечаемое исследователями влияние стиля и жанра документа на набор идентификационных признаков заставляет обратиться к анализу жанровой природы исследуемых текстов. Наиболее эффективным способом анализа жанра является его моделирование. В настоящей статье предлагается модель речевого жанра, ориентированная на создание набора идентификационных признаков и методики автороведческого анализа документных текстов. Использование модели демонстрируется на материале текстов протоколов допросов и состоит из трех компонентов: системы «автор — адресат», структуры жанра и языковой организации. С точки зрения взаимодействия в паре «автор — адресат» протокол допроса характеризуется сложностью и многослойностью, свойственной жанрам с соавторством и пересказом чужих слов. С точки зрения структуры можно выделить три части — вводную, описательную и удостоверительную. Наибольшей свободой в плане формы и содержания обладает описательная часть протокола допроса, в вводная и удостоверительная части в большинстве случаев не представляются интереса для установления авторства. Языковая организация протокола допроса определяется точностью и конкретностью. С этим связаны лексические особенности, в том числе ошибки (плеоназм и тавтология), а также синтаксические (преобладание прямого порядка слов, уточняющих и пояснительных конструкций) и прагматические (нарушение максим количества, способа и релевантности) черты. На базе предложенной модели формируется набор идентификационных признаков, релевантных для текстов конкретного жанра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: документные тексты; автороведческая экспертиза; речевые жанры; модели жанра; протоколы допросов; идентификационные признаки; идентификация документов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Абрамкина Елена Евгеньевна, ассистент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; e-mail: abramkinaee@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Абрамкина, Е. Е. Автороведческая экспертиза документных текстов: моделирование жанра как основа выделения идентификационных признаков / Е. Е. Абрамкина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 151-158. — DOI 10.26170/pl20-02-16.

ВВЕДЕНИЕ

Официально-деловой текст сегодня вызывает возрастающий интерес у лингвистов в разных аспектах его исследования. Изучению этих текстов посвящено отдельное научное направление — документная лингвистика, кроме того, официально-деловые тексты нередко становятся объектами внимания лингвистов в связи с судебными делами и другими фактами их юридического функционирования. Важным аспектом исследования таких текстов в контексте судебного рабирательства является установление их авторства в рамках судебной автороведческой экспертизы.

Автороведческая экспертиза представляет собой один из видов прикладных лингвистических исследований с целью установления «фактических данных об авторе письма» [Вул 1978: 104] в рамках судебного процесса или вне его. В зависимости от того,

какая информация об авторе текста есть у следствия и какова цель исследования, автороведческая экспертиза делится на идентификационную и диагностическую. Первая решает задачи, связанные с подтверждением или опровержением авторства, определением принадлежности нескольких текстов одному лицу, определением автора из нескольких предполагаемых. Диагностическая экспертиза направлена на установление социобиографических характеристики автора (пол, возраст, уровень образования и т. п.), а также условий создания текста и признаков намеренного искажения письменной речи.

Автороведческая экспертиза официально-деловых текстов проводится главным образом для решения идентификационных задач. И в данном аспекте тексты документов представляют серьезную сложность, прежде всего при выделении идентификационных признаков.

© Абрамкина Е. Е., 2020

Само понятие идентификационного признака является одним из базовых в автороведческой экспертизе. Идентификационный признак определяется как черта, характеризующая автора на том или ином языковом уровне. Набор таких признаков является основой для автороведческого исследования текстов. В современном автороведении существует несколько классификаций идентификационных признаков [Вул 1978; Рубцова и др. 2007], однако они разрабатывались на материале других функциональных стилей, поэтому слепо перекладывать их на документные тексты не всегда корректно.

Значимость того или иного идентификационного признака во многом зависит от типа коммуникативной ситуации и ситуативного контекста, «анализ ситуативного контекста дает возможность установить, в какой мере характер употребления языковых средств обусловлен внутренними и внешними факторами речевой ситуации, в какой мере — факторами, инвариантными для автора, и в какой — факторами, присущими лишь данной ситуации общения...» [Вул 1978: 105]. Один и тот же признак может иметь и не иметь идентификационную значимость в зависимости, в том числе, от стиля документа. Соответственно, идентификационные признаки, применимые при исследовании текстов разговорного или публицистического стилей, не всегда применимы при анализе официально-деловых текстов. В современной научной и методической литературе нет обобщающего исследования, посвященного установлению авторства документных текстов, однако есть работы, в которых освещается автороведческий анализ отдельных жанров официально-делового стиля: договора, жалобы, протокола допросам.

Как отмечает А. М. Плотникова [Плотникова 2016], индивидуально-авторские признаки документных текстов обнаруживаются главным образом на орфографическом, пунктуационном, синтаксическом и, отчасти, лексическом уровнях. Также важное идентификационное значение имеют иностилевые вкрапления (как разговорного, так и художественного стиля), особенности композиции и графического оформления документов. Однако количество и идентификационная значимость таких признаков меняется от жанра к жанру и от текста к тексту.

Среди подходов, которые используются авторами для установления авторства документных текстов, можно отметить использование контент-анализа [Распопова 2015], методы статистического анализа различных показателей текста [Морозов 2004], анализ

языковой личности автора спорного текста и образцов письменной речи [Ким 2013] и т. д. Однако все исследователи единогласно отмечают, что большое значение при определении идентификационных признаков имеют стиль и жанр текста.

Действительно, жанр документа, наряду с объемом текста, является одним из ключевых факторов, ограничивающих набор идентификационных признаков. Это связано и с шаблонной структурой многих документов, и с законодательными требованиями к их составлению, и с коммуникативными условиями их создания и функционирования. Разнообразие жанров документов не позволяет говорить об универсальных идентификационных признаках и вынуждает исследователей в каждом случае определять отдельный набор идентификационных признаков. Для облегчения этой задачи представляется продуктивным использовать методы теории речевого жанра и моделировать каждый исследуемый жанр, а затем на основе модели разрабатывать идентификационные признаки.

МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ЖАНРА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА АВТОРОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Способ описания речевого жанра во многом определяется целью. Описание жанра, построение его модели — это указание его общих (позволяющих отнести его к определенному функциональному стилю) и уникальных (отделяющих от других жанров) свойств. В современной лингвистике существует несколько подходов к описанию речевого жанра и построению модели жанра.

Одна из наиболее популярных сегодня моделей речевого жанра предложена Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997] и основывается на коммуникативном подходе к жанру, описании его с позиции функционирования в коммуникации. Опираясь на коммуникативную ситуацию как жанрообразующий фактор, Т. В. Шмелева рассматривает весь контекст функционирования жанра, включая ситуацию, инициировавшую его возникновение, и перлокутивный эффект. Уделяется внимание в этой модели и языковым средствам создания жанра, однако данная модель не предполагает их детального анализа, что не позволяет использовать ее как основу для выделения идентификационных признаков.

Еще одна модель жанра, представляющая для нас интерес, — модель К. А. Долинина [Долинин 1999]. Она имеет когнитивно-коммуникативную основу и освещает жанр уже не столько с позиции его роли в социальном взаимодействии, сколько с точки зрения структуры коммуникативного акта,

его когнитивных основ. К. А. Долинин расширяет набор участников коммуникации и их признаков, подробно описывая автора и адресата в аспектах их социального взаимодействия, коммуникативных целей, как носителей определенной картины мира и психических свойств и состояний. Такое внимание к автору и адресату текста играет важную роль для автороведческой экспертизы, однако отсутствие детального анализа языковых средств создания жанра не позволяет полностью использовать эту модель при разработке идентификационных признаков.

Опираясь на исследования Т. В. Шмелевой и К. А. Долинина, мы предлагаем в качестве модели, ориентированной на автороведческий анализ текстов, следующую трехкомпонентную структуру.

1. Система «автор — адресат». Включает обобщенные образы автора и адресата, а также коммуникативную ситуацию их взаимодействия, которая анализируется с учетом функционирования жанра, ролей автора и адресата, их коммуникативных целей.

2. Структура жанра. Включает структуру всего текста и его частей. К структуре текстов официально-делового стиля предъявляются жесткие требования, для многих жанров существуют определенные шаблоны. Учет этих шаблонов позволит выделить те черты, которые характерны для жанра в целом, и отталкиваться от них при определении идентификационных признаков.

3. Языковая организация жанра. Включает языковые средства формирования жанра на всех языковых уровнях, а также черты авторского воплощения жанровых черт, возможность проявления следов речи допрашиваемого в тексте протокола допроса.

Жанрообразующим является компонент «автор — адресат», поскольку именно взаимодействие автора и адресата в коммуникативной ситуации определенного типа задает и ментальную схему жанра, и жанровые ожидания адресата, то есть этот компонент во многом определяет структуру и костяк языковых черт. Компоненты «языковая организация» и «структура жанра» дополняют модель, позволяя максимально полно описать и жанровую, и индивидуально-авторскую составляющую.

Рассмотрим реализацию этой модели на примере жанра протокола допроса.

Протокол допроса относится к числу вторичных жанров процессуальных документов. Его роль как одного из ключевых доказательств по делу, особенности передачи информации (письменный пересказ следователем устной речи допрашиваемого) создают сложность для автороведческой экс-

пертизы. Существующие сегодня методы анализа авторства ограниченно применимы к текстам протоколов. Моделирование жанра может стать эффективным способом определения идентификационных признаков и методики анализа таких текстов.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЖАНРА ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Модель жанра протокола допроса может быть описана следующим образом.

1. Система «автор — адресат» характеризуется сложностью и многослойностью, свойственной жанрам с соавторством и пересказом чужих слов.

Этот компонент характеризуется наличием двух типов коммуникативных ситуаций, присутствующих в протоколе допроса. Коммуникативную ситуацию, связанную с взаимодействием составителя документа с лицами, уполномоченными законом знакомиться с текстом протокола, мы назовем **внешней**, она предполагает адресата, опосредованно (через жанровые ожидания и социальный статус) присутствующего в тексте протокола допроса. Цель коммуникации в этом случае — передача полученной информации от составителя уполномоченным лицам (прежде всего, судье), которые на основании информации, зафиксированной в протоколе, будут принимать решение.

Коммуникативная ситуация, связанная с взаимодействием составителя и информанта в рамках коммуникативного события допроса, будет рассматриваться нами как **внутренняя**, поскольку оба субъекта коммуникации непосредственно присутствуют в тексте протокола. Это взаимодействие в условиях некооперативной коммуникативной ситуации.

Рассмотрим более подробно смену коммуникативных ролей и целей участников допроса и отражение этого процесса в тексте протокола.

«Автором» протокола допроса во **внешней** коммуникативной ситуации является составитель протокола (следователь), он инициирует общение, составляет протокол допроса. Адресатом в данном случае являются судья и другие лица, которые в рамках конкретного дела имеют право знакомиться с протоколом допроса. Несмотря на то, что адресат внешней коммуникативной ситуации не присутствует напрямую в тексте, его роль не ограничивается пассивным восприятием информации — его процессуальный статус, профессиональные отношения с составителем формируют определенные «жанровые ожидания», которые вынужден

соблюдать составитель текста для успешной коммуникации.

Коммуникативная цель составителя — передать сформированную в результате допроса картину событий адресату. Коммуникативная цель адресата — на основе воспринимаемой из протокола информации, соотнося ее с информацией, полученной из других источников, сформировать общую картину преступления и на ее основе принять решение. Таким образом, адресат не пассивно воспринимает информацию из протокола допроса, но еще и сопоставляет ее с уже имеющейся, оценивает с точки зрения соответствия или несоответствия другим данным, проверяет ее на логичность и правдоподобность. Только после такого анализа адресат (суд) принимает информацию из протокола допроса и встраивает ее в уже имеющуюся у него картину событий. Позиция адресата, как и позиция автора, предполагает анализ и отбор той информации, которая кажется ему важной, проверку ее на отсутствие противоречий и нелогичностей.

В свою очередь, составитель, находясь в рамках профессионального общения с адресатом, осознает активную роль последнего и учитывает ее при составлении текста протокола. В общем случае он стремится отразить в протоколе полученную им информацию так, чтобы, во-первых, у адресата не возникло сомнений в ее достоверности и принадлежности информанту, во-вторых, чтобы он мог легче встроить ее в картину событий. Соответственно, он стремится к точности и полноте передачи информации, выступает в качестве преобразующего канала передачи информации от информанта судье.

Активная роль адресата в формировании текста протокола прослеживается также в форме документа. Именно характер коммуникации — интрапрофессиональная деловая коммуникация в рамках судебно-следственной системы [Татарникова 2004] — задает шаблонную структуру и обилие лексических и синтаксических штампов.

Таким образом, «автор» протокола допроса во внешней коммуникативной ситуации (составитель текста протокола) выступает своеобразным «переводчиком» с языка повседневного общения на язык юридической, процессуальной документации, при этом, как и переводчик, стремясь, с одной стороны, сохранить содержание текста и, по возможности, особенности речи допрашиваемого, с другой — сделать текст доступным для профессионального восприятия и анализа.

Внутренняя коммуникативная ситуация с позиции взаимоотношений автора и адре-

сата характеризуется неравноправием ролей участников. Н. М. Татарникова охарактеризовала ее как «двойное авторство», отметив таким образом вклад в создание итогового текста и составителя, и информанта [Татарникова 2004]. На наш взгляд, здесь стоит говорить скорее не о двойном авторстве, поскольку вклад участников все-таки разный и по объему, и по качеству, а о ролях информанта (носителя информации) и составителя текста (интерпретатора информации).

Инициатором коммуникации, как и во внешней коммуникативной ситуации, является следователь, он определяет тему общения, ее развитие и единство, однако он не свободен в выборе темы и описании последовательности событий. Тема протокола допроса обусловлена экстралингвистическими факторами (ситуацией преступления, категорией дел, к которой оно относится, и т. п.), именно их набор, в совокупности с представлениями составителя о типичном сценарии коммуникативной ситуации данного типа, во многом определяют последовательность вопросов, которые задает следователь во время допроса, и их отражение в тексте протокола.

Что касается коммуникативных целей, стоит учитывать, что цели следователя при производстве самого допроса и при его фиксации различаются. Цель следователя, производящего допрос, — заполнить все лакуны и создать объемную, наполненную конкретным содержанием ситуационную модель. Цель его как составителя протокола допроса — максимально точно эту модель передать.

Допрашиваемый более пассивен, его цель сводится к сообщению информации на заданную следователем тему. Однако он также вносит значительный вклад в создание протокола, что и позволяет нам обнаруживать неоднородность авторской речи в тексте. Именно информационный вклад допрашиваемого играет ведущую роль в тексте. Кроме того, диалогический характер допроса предполагает смену ролей «автор — адресат» в процессе общения. То есть в один момент автором является следователь, который задает вопрос, уточняет что-либо, а адресатом — информант; в другой момент времени они меняются местами — информант говорит (выступает в роли автора), следователь выступает в роли адресата.

Отражение внутренней коммуникативной ситуации в тексте протокола допроса происходит несколькими путями. Во-первых, это отражение содержания: и информация, сообщаемая допрашиваемым, и ее регулирование следователем формируют последова-

тельность разворачивания темы, композицию описательной части протокола допроса. Во-вторых, это частичное отражение формы речи, что связано с законодательным требованием передавать речь допрашиваемого точно, по возможности дословно.

Таким образом, система «автор — адресат» протокола допроса представляет собой сложное целое, включающее две коммуникативных ситуации и разных для каждой автора и адресата. В тексте самого протокола допроса можно найти как речь составителя (автора внешней коммуникативной ситуации), так и следы речи информанта (одного из авторов внутренней коммуникативной ситуации).

2. Структура протокола допроса достаточно шаблонная, содержание каждой части определено законодательством.

В тексте протокола допроса можно выделить три части — вводную, описательную и удостоверительную — отличающиеся как по цели, так и по степени выраженности признаков авторской речи.

Вводная часть содержит реквизитные данные протокола, анкетные данные допрашиваемого, уведомление о применении технических средств и разъяснение статуса информанта. Завершает вводную часть подпись допрашиваемого, удостоверяющая его ознакомленность с правами и обязанностями, соответствующими его процессуальному статусу, а также условиями проведения допроса (ведение видеозаписи и т. п.). Данная часть заполняется по строгому шаблону, возможности проявления авторских признаков сведены к минимуму.

Описательная часть протокола допроса отличается большей свободой в плане формы и содержания документа. Как отмечает А. П. Рыжаков, вслед за словами «по существу уголовного дела могу показать следующее» излагаются собственно показания допрашиваемого, которые он дает в форме свободного рассказа, поставленные перед ним вопросы и ответы на них. Здесь же описываются действия, осуществляемые в процессе допроса (изготовление схем, чертежей, рисунков, диаграмм и т. п.) [Рыжаков 2017]. Что касается формы изложения, в ч. 2 ст. 190 УПК РФ указана необходимость фиксации показаний от первого лица и «по возможности дословно».

Удостоверительная часть содержит сведения о поступлении или непоступлении заявлений от участников следственного действия, содержание поступивших заявлений, удостоверенное подписями участников допроса, указание на способ ознакомления с протоколом, отметку о правильности изложения показаний («С моих слов записано

верно»), поступившие дополнения и уточнения (указание на отсутствие замечаний) и подписи всех участников допроса.

С позиции автороведческой экспертизы информацию о речи автора может содержать прежде всего описательная часть как наименее шаблонная. В большинстве случаев вводная и удостоверительная части протокола допроса не представляют интереса для установления авторства.

3. Языковая организация протокола допроса строится вокруг двух выделенных Н. М. Татарниковой жанровых доминант — точности (однозначности толкования) и конкретности (обозначения определенных объектов действительности, а не их классов) [Татарникова 2004]. Языковая организация протокола допроса отличается большим количеством штампов, характерных как для процессуальных документов в целом, так и исключительно для этого жанра.

Языковая организация рассматривается нами на следующих языковых уровнях: лексико-семантическом, синтаксическом, стилистическом и прагматическом.

Анализ *лексико-семантического уровня* протокола допроса включает прежде всего рассмотрение следующих групп признаков: 1) преобладающие типы лексики (например, предметные номинации с конкретным значением, гипонимы, имена собственные и т. п.), 2) наиболее характерные части речи (например, глаголы физического действия, числительные даты и времени, наречия последовательности действий), 3) лексические средства связи (лексический повтор) и 4) лексические ошибки (тавтология и плеоназм).

Кроме того, на этом уровне нами был обнаружен и детально охарактеризован такой компонент, как семантические уточнения. Под уточнением в данном случае мы понимаем семантический компонент текста, который дополняет, разъясняет, уточняет какую-то мысль, но носит факультативный (с точки зрения раскрытия основной темы) характер в тексте. Однако в протоколах допроса уточнения являются обязательным элементом, позволяющим достичь необходимой подробности изложения информации.

Уточнения неоднородны по своей природе, поскольку могут нести дополнительную информацию о разных объектах и разных качествах объекта речи. На материале более 100 проанализированных протоколов нами была составлена семантическая классификация уточнений, в основу которой положен тип объекта, о котором сообщается дополнительная информация. Было выделено 6 типов уточнений с несколькими подтипами: темпоральные, пространственные,

уточнения объекта речи, субъекта, уточнения отношения автора или третьего лица к описываемым событиям и логические уточнения [Абрамкина 2019: 103–105]. Уточнения являются характерной чертой протоколов допроса, обусловленной коммуникативными целями как составителя, так и информанта, и, следовательно, содержат информацию о навыках речи и составителя, и информанта.

Синтаксический уровень протокола допроса меньше подвержен влиянию стиля и жанра, он в большей степени отражает речь составителя документа, но и здесь можно выделить некоторые жанровые тенденции.

Среди синтаксических особенностей протокола допроса можно отметить 1) преобладание прямого прядка слов; 2) одинаковую частоту простых предложений и сложноподчиненных с придаточным изъяснительным или определительным; 3) осложнение предложений однородными сказуемыми и дополнениями, а также причастными оборотами; 4) частое использование сложных предложений с перечислением; 5) предпочтение в сложноподчиненных предложениях цели конструкций с придаточным союзом «чтобы» вместо «для того, чтобы»; 6) обилие уточняющих и пояснительных конструкций; 7) использование союза «поэтому» как средства связи не только частей сложных предложений, но и отдельных предложений в тексте.

На *стилистическом уровне* отмечаются как черты, характерные для официально-делового стиля в целом, так и некоторые специфические особенности жанра протокола допроса. К первой группе относятся 1) частое использование аббревиатур; 2) использование сокращений даты и времени; 3) наименование человека по роду деятельности; 4) обилие канцеляризмов. Во вторую группу входят 1) смешение официально-делового и разговорного, иногда научного стилей и 2) использование оперативно-разыскной терминологии и профессионализмов.

Прагматика текста протокола допроса определяется некооперативным характером коммуникативной ситуации (допроса) и кооперативным характером внешней коммуникативной ситуации. Это противоречие кооперативного и некооперативного поведения участников коммуникации неизбежно отражается в тексте протокола допроса нарушением коммуникативных максим и, в некоторых случаях, принципа кооперации. Для протокола допроса характерны нарушения 1) максим количества, 2) способа и 3) релевантности. Реже всего в протоколе допроса нарушаются максимы качества, в частности та из них, которая постулирует необходимость не говорить то, что заведомо ложно.

Соблюдение этой максимы в протоколе допроса и в самом допросе, вероятно, связано с наличием уголовной ответственности свидетеля и потерпевшего за сообщение заведомо ложной информации, поэтому ее нарушение в явном виде в текстах этого жанра встречается крайне редко.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Такой подробный анализ жанра позволяет, опираясь на выявленные признаки языковых уровней, составить набор идентификационных признаков. Этот набор должен включать, во-первых, сами жанровые черты и конкретные способы их проявления, во-вторых, отступления от жанрового канона. Первая группа признаков (жанровые) позволяет оценить, насколько точно текст соответствует заявленному жанру, с помощью каких конкретно языковых единиц он реализует те или иные жанровые черты.

Вторая группа (авторские) ярче показывает особенности авторской речи и, в случае с протоколом допроса, неоднородности этой речи, однако этих признаков меньше в текстах протоколов, поэтому эффективный анализ требует учета обеих групп.

Для протокола допроса на основе моделирования и анализа жанра можно выделить следующие идентификационные признаки.

1. На лексико-семантическом уровне:

а) *жанровые*: слова с указательным значением; гипонимы; дескриптивные слова; предметные номинации с конкретным значением; глаголы физического действия; личные местоимения первого лица; числительные даты и времени; наречия со значением последовательности действий; глаголы в действительном залоге; глаголы прошедшего времени; лексические повторы; тавтология; плеоназм;

б) *авторские*: оценочная лексика; лексика, выражающая конкретные чувства; лексика со значением регулярности действий или событий; модальные глаголы и частицы; вводные слова; синонимы; антонимы; антитеза;

с) *семантические уточнения*: высокоинформативные (отражающие речь составителя и информанта), низкоинформативные (отражающие тему и жанр документа).

2. На синтаксическом уровне:

а) *жанровые*: прямой порядок слов; преобладающие типы предложений; осложнение предложений; уточняющие и пояснительные конструкции;

б) *авторские*: парцелляция; анафора; синтаксический параллелизм; время глагола; употребление союзов.

3. На стилистическом уровне:

а) *жанровые*: аббревиатуры; юридическая и оперативно-разыскная терминология;

б) *авторские*: неюридические термины и профессионализмы, разговорная и просторечная лексика.

4. На эмотивном уровне:

а) *жанровые*: лексика, выражающая отношение к сообщаемому;

б) *авторские*: слова с суффиксам субъективной оценки, передающие разные оттенки чувств; экспрессивная лексика; сниженная лексика; нецензурные слова для выражения негативных эмоций, негативного отношения к происходящему.

5. На прагматическом уровне:

а) *жанровые*: нарушение максим количества, способа и релевантности;

б) *авторские*: нарушение максимы качества (сообщение информации, в достоверности которой говорящий не уверен).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня подходы и методы установления авторства текстов официально-делового стиля все больше нуждаются в изменении. Тексты, обслуживающие разные сферы жизни, играющие разные роли в социальной коммуникации, требуют учитывать при определении авторства их жанровую природу, следовательно, анализ таких текстов в автороведческой экспертизе необходимо строить не только с учетом стилевых, но и с учетом жанровых характеристик. Методы теории речевого жанра могут стать эффективным средством обновления базы автороведческой экспертизы документных текстов. Одним из таких методов является моделирование речевого жанра. Предложенная нами модель включает систему «автор — адресат», структуру жанра и языковую организацию. Применение этой модели, продемонстрированное в настоящей статье на материале протокола допроса, позволяет детально описать языковые особенности доку-

ментных текстов конкретного жанра и на основе этого описания сформулировать идентификационные признаки, релевантные для конкретного жанра, и разработать методику его автороведческого анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамкина, Е. Е. Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа / Е. Е. Абрамкина. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — Т. 17, №3. — С. 97—108.
2. Вул, С. М. Оценка идентификационной значимости признаков письменной речи в судебно-автороведческой экспертизе / С. М. Вул. — Текст : непосредственный // Криминалистика и судебная экспертиза. — 1978. — Вып. 17. — С. 104—108.
3. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 1999. — Вып. 2. — С. 7—13.
4. Ким, Л. Г. Кто автор жалобы / Л. Г. Ким. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика. — 2013. — № 2 (13). — С. 97—103.
5. Морозов, А. В. Автороведческая экспертиза текста договора / А. В. Морозов. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. — 2004. — С. 290—297.
6. Плотникова, А. М. Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы / А. М. Плотникова. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2016. — Вып. 15, № 1. — С. 37—43.
7. Распопова, Т. А. Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования / Т. А. Распопова // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. — 2015. — № 1 (6). — С. 133—144.
8. Рубцова, И. И. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз : методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова [и др.]. — Москва : ЭКЦ МВД России, 2007. — Текст : непосредственный.
9. Рыжаков, А. П. Допрос: основания и порядок производства / А. П. Рыжаков. — Москва : Дело и сервис, 2017. — Текст : непосредственный.
10. Татарникова, Н. М. Координация первичного и вторичного жанров в официально-деловом стиле речи (на примере речевых жанров допроса и протокола допроса) : дис. ... канд. филол. наук. / Татарникова Н. М. — Кемерово, 2004.
11. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 1997. — Вып. 1. — С. 88—98.

E. E. Abramkina

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9477-8117

 E-mail: abramkinaee@list.ru.

Authorship Examination of Official Texts: Genre Modeling as a Basis for Determination of Identifying Features

ABSTRACT. *The urgency of authorship examination, coupled with the absence of uniform methods of its conduct, makes researchers look for new approaches. The influence of the style and genre of the document on a certain combination of identifying features suggests a need to analyze the genre-sensitive nature of the texts under study. Genre modeling is the most efficient method of its analysis. This article suggests a model of a speech genre aimed to create a set of identifying features and a procedure of authorship examination of official texts. The model is used by the author to examine texts of interrogation reports. From the point of view of interaction in the pair “author – addressee”, the interrogation report is characterized by a complex and multilayer nature typical of the genres involving co-authorship and retelling of other person’s words. In the external communication situation, the “author” of the interrogation report (the person who writes the interrogation*

report down) acts as a certain “translator” from the language of everyday communication into the language of legal procedural documentation. The inner communication situation is characterized by the inequality of the roles of the participants: the role of the informer (a person possessing certain information) and of the text creator (a person who interprets the information received). From the point of view of the interrogation report structure, it is possible to single out three main parts – introduction, description and statement. The descriptive part of the interrogation report is the most variable in terms of form and content; the introduction and the statement are insignificant for authorship attribution. The language of the interrogation report is characterized by precise formulation (unambiguous interpretation) and concrete expression. This fact determines its lexical character and errors (pleonasm and tautologies), syntactical specificity (prevalence of direct word order and specifying and explanatory constructions), and pragmatic features (violations of the maxims of quantity, manner and relation).

KEYWORDS: official texts; authorship examination; speech genres; genre models; interrogation reports; identifying features; document identification.

AUTHOR'S INFORMATION: Abramkina Elena Evgen'evna, Assistant Lecturer of Department of Fundamental and Applied Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

FOR CITATION: Abramkina, E. E. Authorship Examination of Official Texts: Genre Modeling as a Basis for Determination of Identifying Features / E. E. Abramkina // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 151-158. — DOI 10.26170/pl20-02-16.

REFERENCES

1. Abramkina, E. E. Identification Features of the Interrogation Protocol and the Methodology of Auto-historical Analysis / E. E. Abramkina. — Text: unmediated // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. — 2019. — Vol. 17, No. 3. — P. 97–108. [Identifikatsionnye priznaki protokola doprosa i metodika avtorovedcheskogo analiza / E. E. Abramkina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhdkul'turnaya kommunikatsii. — 2019. — T. 17, №3. — S. 97–108]. — (In Rus.)
2. Vul, S. M. Assessment of the Identification Value of the Signs of Written Speech in Forensic Science / S. M. Vul. — Text : unmediated // Forensics and Forensics. — 1978. — Vol. 17. — P. 104–108. [Otsenka identifikatsionnoy znachimosti priznakov pis'mennoy rechi v sudebno-avtorovedcheskoy ekspertize / S. M. Vul. — Tekst : neposredstvennyy // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. — 1978. — Vyp. 17. — S. 104–108]. — (In Rus.)
3. Dolinin, K. A. Speech Genres as a Means of Organizing Social Interaction / K. A. Dolinin. — Text : unmediated // Genres of Speech. - 1999. — Issue 2. — P. 7–13. [Rechevye zhanry kak sredstvo organizatsii sotsial'nogo vzaimodeystviya / K. A. Dolinin. — Tekst : neposredstvennyy // Zhary rechi. — 1999. — Vyp. 2. — S. 7–13]. — (In Rus.)
4. Kim, L. G. Who the Author of the Complaint / L. G. Kim. — Text : unmediated // Jurislinguistics. — 2013. — No. 2 (13). — P. 97–103. [Kto avtor zhaloby / L. G. Kim. — Tekst : neposredstvennyy // Yurislingvistika. — 2013. — № 2 (13). — S. 97–103]. — (In Rus.)
5. Morozov, A. V. Autodiological Examination of the Text of the Agreement / A. V. Morozov. — Text : unmediated // Jurislinguistics-5. Legal Aspects of Language and Linguistic Aspects of Law. — 2004. — P. 290–297. [Avtorovedcheskaya ekspertiza teksta dogovora / A. V. Morozov. — Tekst : neposredstvennyy // Yurislingvistika-5. Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava. — 2004. — S. 290–297]. — (In Rus.)
6. Plotnikova, A. M. Documentary Text as an Object of Forensic Linguistic and Autologic Examination / A. M. Plotnikova. — Text : unmediated // Bulletin of the Volgograd State University. — 2016. — Issue. 15, No. 1. — P. 37–43. [Dokumentnyy tekst kak ob'ekt sudebnoy lingvisticheskoy i avtorovedcheskoy ekspertizy / A. M. Plotnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2016. — Vyp. 15, № 1. — S. 37–43]. — (In Rus.)
7. Raspopova, T. A. Forensic Expert Analysis of a Science: Research Experience / T. A. Raspopova // Yearbook of the Scientific Research Institute for Fundamental and Applied Research. — 2015. — No. 1 (6). — P. 133–144. [Sudebnaya avtorovedcheskaya ekspertiza: opyt issledovaniya / T. A. Raspopova // Ezhegodnik NII fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy. — 2015. — № 1 (6). — S. 133–144]. — (In Rus.)
8. Rubtsova, I. I. Comprehensive Methodology for the Production of Expert Expert Studies: Methodological Recommendations / I. I. Rubtsova, E. I. Ermolova, A. I. Bezrukov [et al.]. — Moscow : ECC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. — Text: unmediated. [Kompleksnaya metodika proizvodstva avtorovedcheskikh ekspertiz : metodicheskie rekomendatsii / I. I. Rubtsova, E. I. Ermolova, A. I. Bezrukova [i dr.]. — Moskva : EKTs MVD Rossii, 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Ryzhakov, A. P. Interrogation: Grounds and Order of Production / A. P. Ryzhakov. — Moscow : Business and Service, 2017. — Text : unmediated. [Dopros: osnovaniya i poryadok proizvodstva / A. P. Ryzhakov. — Moskva : Delo i servis, 2017. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Tatarnikova, N. M. Coordination of Primary and Secondary Genres in the Official-business Style of Speech (on the example of speech genres of interrogation and interrogation protocol) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Tatarnikova N. M. — Kemerovo, 2004. [Koordinatsiya pervichnogo i vtornichnogo zhanrov v ofitsial'no-delovom stile rechi (na primere rechevykh zhanrov doprosa i protokola doprosa) : dis. ... kand. filol. nauk. / Tatarnikova N. M. — Kemerovo, 2004]. — (In Rus.)
11. Shmeleva, T. V. Model of the Speech Genre / T. V. Shmeleva. — Text : unmediated // Speech Genres. — 1997. — Vol. 1. — P. 88–98. [Model' rechevogo zhanra / T. V. Shmeleva. — Tekst : neposredstvennyy // Zhanry rechi. — 1997. — Vyp. 1. — S. 88–98]. — (In Rus.)

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
 - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логинова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логинова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2020. ВЫПУСК 2 (80)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 24.04.2020. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 30.04.2020.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 19,1. Усл. печ. л. — 20,2. Тираж 500 экз. Заказ 5128.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me